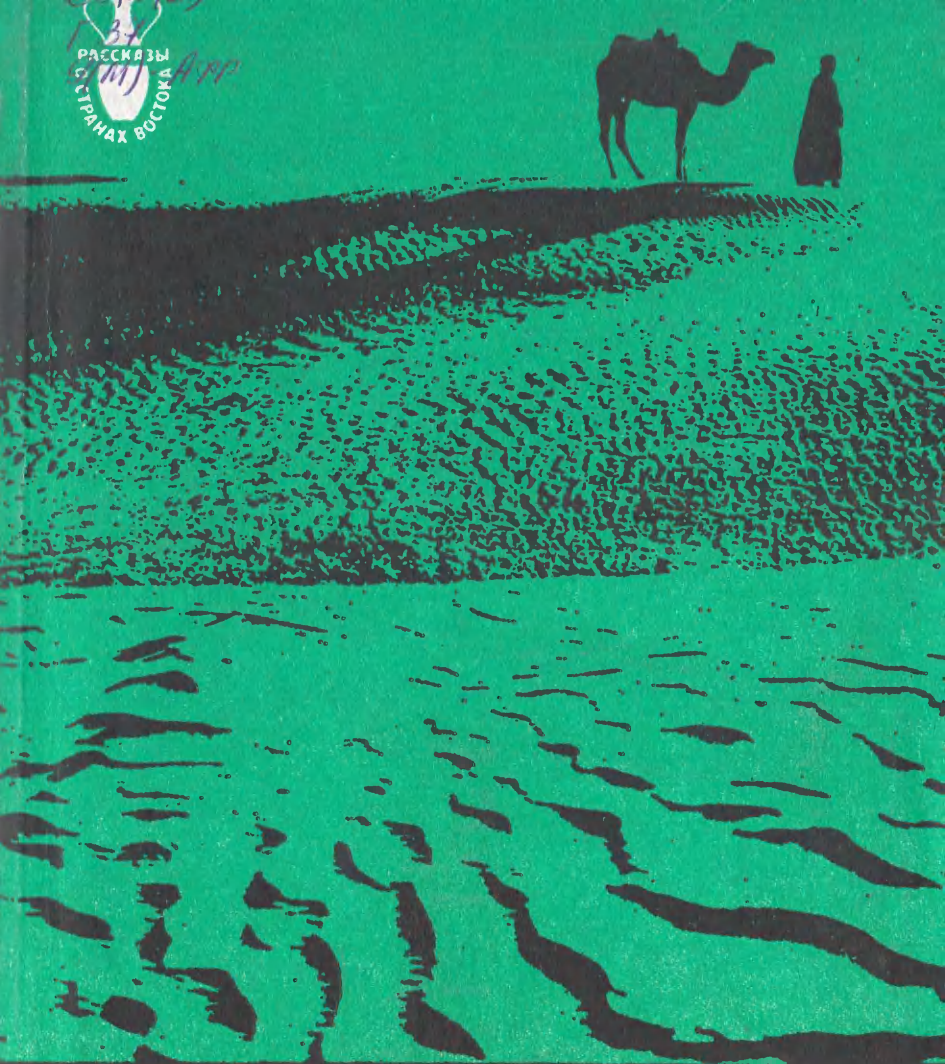

РАСКВЗЫ
СТРАНХ ВОСТОКА

О. Г. Герасимов

ПЯТОЕ ВРЕМЯ ГОДА

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Серия
основана
в 1957 году

О. Г. Герасимов

ПЯТОЕ ВРЕМЯ ГОДА

Москва
"НАУКА"
Главная редакция восточной литературы
1991

Редакционная коллегия

К. В. МАЛАХОВСКИЙ (председатель), Л. Б. АЛАЕВ,
Л. М. БЕЛОУСОВ, А. Б. ДАВИДСОН, Н. Б. ЗУБКОВ,
Г. Г. КОТОВСКИЙ, Р. Г. ЛАНДА, Н. А. СИМОНИЯ

*Утверждено к печати
редколлекцией серии
"Рассказы о странах Востока"*

Герасимов О.Г.

Г 37 Пятое время года. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. – 304 с.: ил. (Рассказы о странах Востока).
ISBN 5-02-017014-3

О.Г.Герасимов – автор книг "От гор Синджара по пустыне Руб-эль-Хали" и "На ближневосточных перекрестках". "Пятое время года" написана по итогам поездок автора по Египту, Ливии и Тунису. Детали быта, зарисовки природы, интересные исторические сюжеты – все эти черты творческого метода автора находим и в новой книге: рассказы о памятниках египетской древности, античных городах в Ливии, наскальных рисунках в Сахаре, о городе туарегов, об обычаях и обрядах тунисцев и т.д.

Г 4700000000-109 Без объявления

ББК 63.3(6)

013(02)-91

ISBN 5-02-017014-3

© Главная редакция
восточной литературы
издательства "Наука"
1991.

ЖЕМЧУЖИНА СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ

Поездку по южному побережью Средиземного моря следовало бы начинать с египетской Александрии. Этот город сегодня несколько потерял свое былое величие, стал, как и все египетские города, слишком переполненным людьми и автомашинами и поэтому не столь уютным и ухоженным. Но эти неудобства не мешают наслаждаться его красивой набережной и памятниками античности и арабского средневековья и знакомиться на месте с его богатой политической историей и культурными традициями.

Этот самый большой порт Египта носит имя Александра, македонского царя, роль которого в истории оценивается однозначно в превосходной степени. Александр относился к тому типу людей, появление которых на мировой арене связывают с попытками переломить ход истории. Не случайно греческая традиция приписывает ему рассечение гордиева узла, который невозможно было развязать или распутать руками. Оракул предсказал тому, кто распутает узел, победу над миром. Александр не стал ломать ногти и разрубил узел ударом меча.

Великий македонянин появился в Египте в декабре 332 года до нашей эры. За его спиной были победы над войском персидского царя, покорение греческих городов Малой Азии, победы в Финикии и Палестине. Он только что провел переговоры с персами о финикийском городе Тире и отказался от лестного предложения получить половину персидской державы — территорию от побережья Средиземного моря до Евфрата, 10 тыс. талантов золота и руку старшей дочери царя Дария.

Поведение Александра в Египте резко отличалось от действий других завоевателей этой страны. Персы грабили египетские храмы, убили божественного быка Аписа, оскорбили других местных богов. Александр вел себя иначе. В Мемфисе он совершил жертвоприношение в честь Аписа, принес жертвы другим богам, в том числе и тем, которым поклонялось греческое население Египта. По местной традиции жертвоприношение Апису был достоин совершать только фараон. Тем самым Александр-завоеватель сыграл на самой чувствительной

струне египтян. Жрецы даровали ему все почетные титулы фараона, и тогда простые египтяне стали его обожествлять.

Мать Александра, эфирская вакханка Олимпиада, передала сыну горячность, страстность, необузданность своей натуры. Однако блестящие деяния Александра, его победы и политические удачи, его характер и интеллектуальные способности невольно создавали мнение о его божественном происхождении. Сам Александр, захватив финикийский Тир в августе 332 года до нашей эры, сделал жертвоприношение богу Мелькарту, которого отождествляют с Гераклом. И этот жест не случаен. Геракл—сын верховного бога Зевса и смертной женщины Алкмены,—совершив 12 подвигов, становится бессмертным. Сонм придворных льстецов прославляет первые подвиги Александра, намекая на то, что простому смертному они недоступны. А разве нельзя посчитать за подвиг, равный подвигу Геракла, победу македонского царя при Иссе над огромным войском Дария?! Среди добычи были мать, жена, две дочери, сын персидского царя и огромные сокровища.

Чей он сын? Этот вопрос Александр задает себе с детства, так как знает, что его мать всегда тревожило присутствие богов и мучили сновидения с их участием. И вот он отправляется в оазис Сива в Ливийской пустыне, в святилище Амона (Зевса). Эта поездка в далекий оазис в период, когда дел было по горло и в долине Нила, соратники Александра посчитали одним из его самых необъяснимых поступков. Однако, зная характер греческого полководца, можно не сомневаться в том, зачем он поехал в оазис Сива и что хотел спросить у знаменитого оракула.

После долгого путешествия на запад от Нила вдоль побережья примерно до нынешнего египетского города Мерса-Матрух кортеж Александра углубился на юг, в пустыню, оставляя по левую сторону гигантскую впадину Каттара. Как рассказывает древнегреческий историк Плутарх, в песках Александра встретил жрец храма и «обратился к нему по-гречески: „О пайдион!“ („О дитя!“), но из-за своего варварского произношения выговорил „с“ вместо „н“, так что получилось „О пай Диос!“ („О сын Зевса!“): Александру пришла по душе эта оговорка, а отсюда ведет начало рассказ о том, что бог назвал его сыном Зевса. Говорят также, что Александр слушал в Египте Псаммона; из всего сказанного философом ему больше всего понравилась мысль о том, что всеми людьми управляет бог, ибо руководящее начало в каждом человеке — божественного происхождения. Сам Александр по этому поводу судил еще

более мудро и говорил, что бог — это общий отец всех людей, но что он особо приближает к себе лучших из них»¹.

Придя в оазис Сива, царь Македонии один зашел в святилище Амона, задал вопрос оракулу и, получив ответ, покинул храм. Толпа друзей и соратников, сопровождавших его, напрасно ждала разъяснений. Александр сказал, что он узнал от бога все, что хотел узнать.

Эта поездка в оазис, его слова, сказанные при выходе из храма, и сообщение Плутарха многое объясняют, если попытаться рассмотреть поступок Александра с точки зрения египетской традиции. Бог Амон в эпоху Нового царства в Египте почитался как «царь всех богов», как бог-творец. Фараон считался его сыном во плоти, причем он, фараон, рождался от брака Амона и египетской царицы. Поэтому Амон, изображавшийся в виде человека с короной, украшенной солнечным диском и перьями, играл важную роль в церемонии восшествия на трон, считался покровителем фараона, которому он помогал одерживать победы над врагами и чужеземными странами. Оракулы храма Амона изрекали его волю, решали спорные дела, а в древней Нубии, лежащей к югу от Египта, они иногда выбирали царей.

После визита в оазис Сива убежденность Александра в своем божественном происхождении усиливается. Сын Зевса-Амона, которому покровительствуют все боги Египта и Греции, должен совершить новые подвиги, достойные его божественных предков. Эти мысли приходят ему в голову, когда он отмечает свое 25-летие.

Во время путешествия в этот оазис Александр обратил внимание на крошечный остров Фарос, против которого на побережье раскинулось небольшое рыбацкое поселение. На обратном пути, сгорая от нетерпения сделать что-нибудь грандиозное, достойное своего божественного предназначения, Александр, шедший напрямик через пустыню в Мемфис, приказал на этом месте построить порт и основать город, который впоследствии будет назван его именем и станет столицей его державы, раскинувшейся на трех континентах — Европе, Азии и Африке. «Основанная по решению Александра в устье одного из рукавов Нила, на месте поселения рыбаков и пастухов, на перекрестке морских, речных и наземных путей трех континентов,

¹ Плутарх. Александр и Цезарь.— Избранные жизнеописания. Т. 2. М., 1987, с. 389—390.

она быстро становится универсальным складочным пунктом товаров, самым большим торговым городом мира и одновременно, по крайней мере на три столетия, культурной столицей эллинистической эпохи»², — пишет видный швейцарский ученый-эллинист Андрэ Боннар.

История сохранила нам имя архитектора Александрии. Им был Динократ Родосский, который еще при жизни Александра Македонского составил общий план города, принципы которого были положены в основу строительства античных городов. Динократ разделил город двумя улицами, пересекающимися под прямым углом, образуя тем самым четыре квартала. О масштабах города говорит тот факт, что спустя несколько десятков лет со дня основания главная улица с востока на запад имела длину более 7 километров и ширину около 30 метров. Другую улицу, идущую с севера на юг, можно назвать бульваром: посередине ее были высажены деревья.

Город, который строился из камня и мрамора, рос очень быстро. К концу III века до нашей эры, т. е. спустя 50 лет со дня основания, Александрия насчитывала около 300 тыс. жителей, а к началу нашей эры — около 1 млн. человек. Можно без сомнений утверждать, что в то время это был самый большой город в Средиземноморье. Заселить такой огромный город было довольно сложно. Египетские цари из династии Птолемеев приглашали жителей из всех стран Средиземноморья и прибегали даже к искусственному переселению. Птолемей Сотер, например, переселил в Александрию 50 тыс. евреев из взятого им Иерусалима.

Такой город на берегу моря должен был иметь хороший порт и набор культурных учреждений, обычных для классического греческого города. Построенный Состратом Книдским трехэтажный маяк на острове Фарос достигал высоты 111 метров. Под куполом, опиравшимся на восемь колонн, поддерживался огонь, свет которого усиливался системой зеркал. Поэт из Македонии, впоследствии переселившийся в Александрию, — Посидипп (III век до нашей эры) посвятил Фаросскому маяку стихотворение, которое точно передает местоположение и значение башни для мореплавателей³:

Башню на Фаросе, грекам спасенье,
Сострат Дексифанов,
Зодчий из Книда, воздвиг, о повелитель Протей!
Нет никаких островных сторожей на утесах в Египте,
Но от земли проведен мол для стоянки судов,

² Боннар А. Греческая цивилизация. Т. 3. От Еврипида до Александрии. Пер. с франц. М., 1962, с. 234.

³ Греческая эпиграмма. М., 1960, с. 83—84.

И высоко, рассекая эфир, поднимается башня,
Всюду за множество верст видная путнику днем,
Ночью же издали видят плывущие морем все время
Свет от большого огня в самом верху маяка,
И хоть от Таврова Рога готовы идти они, зная,
Что покровитель им есть, гостеприимный Протей.

Что касается строителя гигантского маяка, то правители Египта пытались замолчать его имя. Строительство такого, как сейчас сказали бы, престижного сооружения должно было быть уделом только правителей или их приближенных. Этот эпизод из истории Александрии нашел свое отражение в небольшой, но очень точной миниатюре известного советского писателя и поэта Арона Вергелиса. Учитывая ее небольшой объем, привожу ее полностью:

«Древние историки причисляли Александрийский маяк к семи чудесам света. Всемогущий царь Птолемей, повелевший воздвигнуть эту башню, позаботился, чтобы последующие поколения не забыли об этом. На мраморе фантастически прекрасного сооружения была высечена надпись: „Царь Птолемей — богам-спасителям ради плавающих и путешествующих“.

Но о том, кто был зодчим, строителем маяка, не оставил никаких сведений.

Тайну выдало время. Когда волны моря, гложущие берега, смыли с основания башни мрамор, а вместе с ним уже повсеместно известную „заявку“ Птолемея на вечную славу, тогда выяснилось, что на застывшей извести высечена другая надпись: „Сострат из Книда... богам-спасителям ради плавающих и путешествующих“.

Эта история — а она типична для всех времен — не нуждается в толкованиях. Тайный сговор между морскими волнами и человеческим гением гораздо старше спора между царями и мраморной пылью и способен помешать самодержавным выходкам царей»⁴.

Птолемей I Сотер сделал Александрию столицей своего государства, и в этом качестве она пребывала с 305 по 30 год до нашей эры. Решив затмить славу Афин, он прилагал все усилия для того, чтобы привлечь в новую столицу знаменитых поэтов, ученых, философов. Среди них был Филет Косский, который стал наставником его сына (будущего Птолемея II Филадельфа) и учителем многих поэтов-александрийцев, в том числе Феокрита и его школы. В Александрии появились также врачи, астрономы и математики, но знаменитые философы отказались покинуть Афины, которые продолжали оставаться центром философской

⁴ Вергелис А. Блеснула мысль.— Год за годом. Литературный ежегодник. М., 1986, 2, с. 303.

мысли античной эпохи. Правда, в Александрию перебрался Деметрий Фалерский (ок. 345—283 годов до нашей эры), который, имея учителем Теофраста, считался также учеником Аристотеля.

Деметрий Фалерский до своего приезда в столицу Египта провел бурную жизнь. Он был талантливым оратором и по просьбе царя Кассандра Македонского управлял Афинами. Он оказался хорошим администратором, и ему даже ставили статуи, как монарху. Но Деметрий был свергнут, а после смерти Кассандра ему пришлось перебраться в Александрию. Его связь с македонским царским домом послужила причиной доверия к нему Птолемея, который поручил Деметрию заботу о литературе, искусстве и науке в новом городе. Именно ему, Деметрию, принадлежит заслуга создания одного из главных центров науки и культуры древности — Александрийского мусейона (храма Муз). Идея создания этого учреждения восходит через Аристотеля и Теофраста к Пифагору, который основал братство, где царил культ Муз.

Об организации Александрийского мусейона, да и о самих его строениях нам ничего не известно. Однако реализация этой идеи Аристотелем и Теофрастом в других местах дает нам основание предполагать, что Мусейон включал Библиотеку, залы для лекций и для работы ученых, общежития для преподавателей и слушателей, залы для трапез и общих собраний. Со временем в нем появились коллекции растений и животных, обсерватория и даже анатомический театр.

Ученые и поэты жили в Мусейоне за счет государства. Руководство осуществлял главный жрец Муз и управитель, который не был ученым. Важной должностью считалась должность главы Александрийской библиотеки. Ее занимали самые известные в то время ученые и поэты; в одном из списков мы встречаем следующие имена: Зенодот, Аполлоний Родосский, Эратосфен, Аристофан Византийский, Аполлоний Эйдограф, Аристарх Самофракийский.

Славой Мусейона была Александрийская библиотека, которая и сегодня во всех работах по истории древнего мира пишется с большой буквы. Собираение книг было дорогим удовольствием. Такую роскошь могли позволить себе только цари. Первой большой частной библиотекой было собрание книг Аристотеля, причем она была создана только благодаря щедрым субсидиям Александра. Именно эта библиотека и была положена в основу Александрийской библиотеки. Птолемей Филадельф по рекомендации Деметрия выкупил у Теофраста остатки библиотеки Аристотеля, разумеется

за огромную сумму. Однако расходы не смущали правителей Египта. Корабли из Афин привозили кипы свитков, которые переправлялись в Библиотеку. Сам Филадельф писал царям и правителям соседних стран, прося их присылать сочинения поэтов, историков и других ученых. Сын Филадельфа, Птолемей III Эвергет, взял под огромный залог подлинный экземпляр свитка, скопированный в IV веке до нашей эры и содержащий все произведения великих афинских трагиков и поэтов, а затем отказался от залога и оставил книгу себе. Библиотека росла с каждым годом, и ученые расходятся во мнении, сколько же книг там имелось (от 100 тыс. до 700 тыс. томов-свитков).

Значительная часть наших знаний о древнем мире так или иначе восходит к трудам ученых Александрийской библиотеки. Например, египетский жрец Манефон составил «Египетскую хронику», в которой дал периодизацию истории Египта. Халдейскому жрецу Беросу принадлежит «История», которая служит важным источником по истории Палестины. Обе работы, написанные по-гречески, сыграли важную роль в ознакомлении эллинизма с восточной культурой. В годы царствования все того же Птолемея II Филадельфа (285—246) александрийские евреи перевели на греческий язык Пятикнижие — самые важные пять книг Ветхого завета. Эту работу сделали 70 ученых-евреев, и поэтому их труд получил название «Септуагинта» — «[Перевод] семидесяти [толковников]».

В конце II века нашей эры былая слава Александрийского мусейона уже миновала. Среди его обитателей не стало крупных имен. В малоазийском городе Пергаме, который соперничал с Александрией в собирательстве книг, был изобретен выделяемый из кожи животных пергамент, который служил материалом для письма. Пергамская библиотека, располагая богатым собранием книг и своей медицинской школой, постепенно отодвинула на второе место Александрийский мусейон.

Папирус был непрочным и очень горючим материалом. Александрийская библиотека несколько раз горела. Наиболее известны два больших пожара: в 47 году до нашей эры, во время высадки Цезаря в Египте, и в 273 году нашей эры, во время войны императора Аврелиана против царицы Пальмиры — Зенобии. Известно, что часть Библиотеки была уничтожена в 391 году. Арабы захватили Александрию в 639 году, но Библиотека и Мусейон продолжали существовать. Традиция приписывает арабам уничтожение этих культурных учреждений, хотя возможно, что Мусейон, официально

ликвидированный еще Аврелианом в 272 или 273 году, постепенно хирел и мусульманские правители Египта, основавшие свою новую столицу — Фустат, а затем (в IX веке) и Каир, уже не опекали это учреждение. Однако почти тысячелетнее существование Александрийского мусейона и Александрийской библиотеки не прошло бесследно для человеческой цивилизации. Александрия со своими культурными учреждениями «благодаря своему длительному существованию возвела первую арку моста, переброшенного между античностью и новым временем»⁵.

В феврале 1987 года я оказался в Египте в качестве руководителя делегации Советской ассоциации содействия ООН.

Наш путь лежит в Александрию. Едем по улице Гиза мимо знаменитых египетских пирамид. Вдоль дороги среди современных зданий попадаются разрушенные, похожие на сараи строения: закопченные оконные переплеты, обрушенные, раздавившие нежные цветы на клумбах, металлические и бетонные перекрытия, помятое гофрированное железо крыши и открытых веранд. Все это притоны, которые в 1986 году громили группы солдат службы безопасности, доведенные до отчаяния своим нищенским содержанием. Их ненависть к этим притонам удваивалась оттого, что здесь веселились «жирные коты», дельцы и деляги, которые нажились на спекуляциях земельными участками, на комиссионных от иностранных компаний и посреднических операциях в подрядном строительстве.

Сразу за выездом из Каира по обеим сторонам дороги мелькают рекламы местных фирм и иностранных банков: Египетско-американский международный банк, Банк Суэцкого канала, Египетский международный банк, Арабский инвестиционный банк и др. На память приходят цифры о внешней задолженности Египта — 40 млрд. долларов. Как обычно: чем тяжелее финансовое положение, тем больше банков в стране, тем назойливее их реклама.

В Александрию из Каира ведут две дороги. Та, по которой мы едем, считается пустынной в отличие от другой, проложенной в населенной дельте Нила. Две полосы идут в сторону Александрии, а две — обратно. Асфальт клали прямо на песок или на чуть-чуть выровненное и утрамбованное полотно. Однако в целом дорога вполне пристойная, и наша машина, делая

⁵ Боннар А. Греческая цивилизация, с. 245.

120—140 километров в час, приближается к этой второй столице Египта.

Среди достопримечательностей сегодняшней Александрии нам показывают памятник «Похищение Европы». Это сооружение — трехконечная стела из монолитного бетона, уходящая вверх, и крупная грудастая Европа, сидящая на спине могучего быка, — расположен прямо на набережной, которую здесь называют на французский манер Корниш. Памятник расположен перед так называемым военным объектом — блюдцем радарной установки, поэтому фотографировать его запрещается. Собственно говоря, и фотографировать-то нечего — памятник зарос олеандрами, и из длинных плетей кустарника с острыми листьями и пахучими бледно-розовыми цветами лишь торчат два металлических отростка арматурного железа — рога несчастного белого быка — Зевса. Кто-то в буквальном смысле надавал ему по рогам и обколот бетон этого безвкусного, всеми забытого сооружения. Однако оно здесь возведено не случайно. По греческой мифологии, дочь финикийского царя Агенора Европа была похищена влюбившимся в нее Зевсом, превратившимся в могучего белого быка. Европа переплыла море и попала на остров Крит, где родила троих сыновей от Зевса. Крит находится в нескольких сотнях километров отсюда, и его история тесно связана с историей Древнего Египта.

Следующая достопримечательность, осмотренная нами, — это средневековая крепость, построенная мамлюком Каит-беом в XV веке на мысу, где когда-то стоял Фаросский маяк. Миниатюрная цитадель Каит-бея обнесена высокой стеной из белого известняка. Внутренний дворик еще не обустроен, и видны кучи черного ила, привезенного из дельты для удобрения лужаек, которые следующей весной зазеленеют свежей травой. Сама цитадель имеет три этажа, кокетливые башенки по углам и флагшток в центре. На белые стены, залитые средиземноморским солнцем, больно смотреть без темных очков. В стенах цитадели видны обломки античных мраморных и гранитных колонн. Наше посещение крепости Каит-бея заканчивается осмотром ее внутренних помещений и прогулкой по крепостной стене. Внутри цитадели, на втором этаже, устроен небольшой музей предметов, извлеченных со дна моря в бухте Абукир, где в начале августа 1798 года произошел роковой для французов бой между флотом Наполеона Бонапарта, высадившегося в Александрии, и флотом английского контр-адмирала Горацио Нельсона.

Работавшая несколько лет экспедиция достала со

дна залива старые ядра, орудийные стволы, обшивки судов и другие предметы. Карты, изданные на трех языках, показывают, где Нельсон выстроил свои корабли, обстреливавшие французов, рискнувших посягнуть на Египет—в то время османское владение. Экспозиция достаточно бедная: пока не удалось достать другие предметы, занесенные песком. На извлеченном из моря судовом журнале французского корабля небрежно брошенная визитная карточка «Принц Наполеон. Париж». Карточка современная. Это подтверждает египтянин—служитель музея. Он говорит, что эту выставку недавно осматривал француз, назвавший себя принцем Наполеоном.

Схватка в этой бухте английских и французских колонизаторов была, пожалуй, единственным случаем в их открытой борьбе за Египет. В 1882 году англичане подвергли бомбардировке Александрию, чтобы подавить выступление Ахмеда Араби—лидера национально-освободительного движения египтян против англичан. Особенно упорные бои шли летом того же года, и англичане, подогнав к Александрии свой флот, начали бомбардировку города. Русский путешественник Александр Васильевич Елисеев, посетивший Александрию в 1883 году, писал: «Уже первое впечатление прекрасного города, лучшие кварталы которого были разрушены бомбардировкой, было не в пользу надменных англичан, гордо прохаживавшихся теперь по улицам Александрии. Дальнейшее знакомство с новыми порядками, введенными в Египте победителями Араби-паши, еще более увеличило это нерасположение, и я скоро стал искренне разделять убеждение всех честных египтян... Бомбардирование Александрии, превратившее многие кварталы ее в настоящую каменоломню, засыпанную камнями и наполненную едкою известковою пылью, представляет позорную страницу в истории английского флота, стрелявшего тяжелыми бомбами в беззащитный город»⁶.

Я испытываю чувство искренней признательности к русскому врачу, путешествовавшему в прошлом веке, Александру Васильевичу Елисееву, любовь которого к Востоку, уважительное отношение к местным жителям могут служить образцом для каждого, кто вступает на путь изучения истории и культуры народов зарубежных стран.

«Поездка на дальний Север, совершенная в 1882 г., несмотря на весь интерес, вынесенный из продолжительных странствований по Лапландии, все-таки мало

⁶ [Елисеев А. В.] По белу свету. [Т. 2]. СПб., 1895, с. 98.

удовлетворила меня,—писал Елисеев.—Поэтому при первой возможности меня потянуло в знойные страны Востока. Небольшое практическое знакомство с арабским языком, французским востока, выработанная привычка обращаться с ориенталами, заманчивость предметов, подлежащих наблюдению, и масса интересного материала, встречающегося там на каждом шагу,—все это стало манить меня на Восток всякий раз, когда представлялась возможность и заводилась лишняя денюга в кармане...»⁷.

Интерес и доброжелательное отношение отдельных представителей передовой русской интеллигенции к странам Востока и выходцам из этих стран—«ориенталам», как их называли в то время в России, неизменно вызывали ответные добрые чувства и благодарную реакцию. Елисеев рассказывает, что египтяне во время английской бомбардировки Александрии избивали европейцев на улицах города—естественная реакция и проявление чувства ненависти простых египтян и бедуинов, на головы которых падают бомбы цивилизованных колонизаторов. И далее он пишет: «...одно слово „я москов” спасало русских от общей участи. С помощью этого магического слова [некий] Ф-ко спасал неоднократно жизнь и себе, и своим соотечественникам, и даже иностранцам, прибегавшим под его защиту. Этот факт всего лучше иллюстрирует отношения ориентала к русским, еще более улучшившиеся после последней [русско-турецкой] войны 1877—78 г., когда сотни тысяч мусульман, захваченных нами в плен, на себе самих испытали все радушие и гостеприимство русских»⁸.

Титульное название записок этого замечательного путешественника, изданных в трех томах в 1894—1896 годах (работа над четвертым томом была прервана из-за смерти автора), таково: «По Белу-Свету. Очерки и картины из путешествий по трем частям Старого Света доктора А. В. Елисеева». Все три книги богато иллюстрированы 11 известными художниками, имена которых вынесены на титул. Весьма искусные заставки к главам и многочисленные рисунки—не менее одного на каждой странице—все подписаны художниками и, хотя, на мой взгляд, не отражают географических особенностей и всех деталей природы и быта народов тех стран, которые посетил А. В. Елисеев, оставляют очень хорошее впечатление. И самое, пожалуй, любопытное, что эти записки, весьма популярные среди

⁷ Там же, с. 97.

⁸ Там же, с. 99.

читающей публики дореволюционной России, внимательно следившей за работой Географического общества России и его «вечного труженика» и «симпатичнейшего исследователя природы Старого Света», как именует Елисеева петербургский издатель П. П. Сойкин, были адресованы молодежи. Экземпляры книг этого автора, которыми я пользуюсь, довольно зачитанны, и каждый из них жирно проштампован: «Детская библиотека 1-ой Московской женской гимназии».

Но вернемся в Александрию. С невысокой стены форта открывается удивительный вид на город. Через узкий канал во внутреннюю гавань входят рыбацкие лодки и небольшие катера. Пологой дугой изгибается набережная. В своей самой старой части она засажена кокосовыми пальмами, которые издали кажутся расставленными по краям огромной зеленоватой вазы распустившимися гвоздиками. Упорные рыбаки с удочками сидят на огромных камнях мола. Один из них, к своей большой и вполне понятной радости, у нас на глазах вытащил серебристую маленькую рыбку.

Рядом с цитаделью Каит-бея находятся местный яхт-клуб и Океанографический институт с аквариумом. Хотя Средиземное море считается и не очень богатым рыбой, тем не менее рыбный порт со специфическим запахом сложенных в штабеля пустых плоских ящиков и с рыбацкими судами свидетельствует о том, что этот промысел продолжает процветать.

Рыбацкие лодки—маленькие, средние и большие баркасы с моторами, работающими на сжиженном газе (я вижу, как со специальной автомашины снимают тяжелые голубые баллоны и перетаскивают на баркасы),—не только теснятся на небольшом пяточке рыбного порта, опутанные развешанными для просушки нейлоновыми сетями, но и строятся. Несколько новых баркасов с еще не крашенными бортами стоят под навесами, а рядом с ними суетятся мастера.

Александрия, как Каир, да и любой город сегодняшнего Египта, забит людьми и автомобилями. С большим трудом наша машина пробивается к колонне Помпея через бедняцкие кварталы с закопченными серыми домами. На балконах сушится белье—обычная картина любого восточного города. Внизу, прямо на мостовой, среди грохочущих трамваев и большегрузных автомашин, коробейники на тележках торгуют кусками цветастых тканей, пластмассовой посудой, дешевыми конфетами с химическим привкусом. Один из них буквально вопит: «Любую вещь—за один египетский фунт». За этот фунт, цена которого постоянно падает на мировом валютном рынке, можно купить полотенце, резиновые

банные тапочки, пластмассовую вазочку, открывалку для консервных банок или другую мелочь.

Колонна Помпея находится за высоким забором, отсекающим от города известняковый холм, где находятся развалины античного города. За забором не слышно городского шума. Высокие деревья манго и акации с длинными сухими стручками окружают небольшой домик музейных служащих. Вокруг колонны, поставленной императору Диоклетиану жителями Александрии в благодарность за помощь зерном в голодные годы и называемой по ошибке колонной Помпея, в беспорядке стоят небольшие гранитные сфинксы с отбитыми носами, которых доставили из других городов Египта. Сама колонна сделана из красного гранита и увенчана изысканной капителью. В глубине холма, на котором стоит колонна, пробиты цистерны для сбора дождевой воды и сделано подземелье, которое местный служитель выдает за древнее книгохранилище. Подземелье, в которое он нас отвел, благодаря своему микроклимату действительно могло бы быть книгохранилищем.

Во время этого посещения невольно вспоминаешь о месте этого города в нашей цивилизации, в частности в литературе, в том числе александрийской поэзии и ее последователях. Завоевания Александра Македонского ознаменовали начало эпохи эллинизма, в которой соединилось культурное наследие классической Греции с культурой других народов. Именно в этот период Александрия стала естественной культурной наследницей Афин и центром эллинизма, но в немного тяжеловесной для нашего времени александрийской поэзии много самобытного и оригинального.

Поэты александрийской школы не хотели походить на своих предшественников и воспевать мифических героев и богов. Главой новой школы стал Каллимах, потомок знатного рода, уроженец североафриканского города Кирена, получивший прекрасное образование в Афинах. Вначале скромный учитель начальной школы в родном городе, он затем перебирается в предместье Александрии и открывает свою школу. Каллимах пишет поэмы-манифесты, эпиграммы и льстивые послания монарху в надежде быть замеченным и приближенным к царствующей особе.

Каллимах призывает поэтов уйти от эпических форм классической Греции, от богов и героев, умирающих ради славы и общества, обратиться к отдельной личности с ее обыденными заботами и хлопотами. Каждая эпоха накладывает отпечаток на литературу. Вкусы жителей огромного города-космополита, волно-

вавшихся за свой комфорт и свое место под солнцем, должны быть отражены, должны придать жизнь искусству. Каллимах этого добился. Его поэзия не обладала гротескным величием, но была понятна александрийцам и любима ими.

В древности Каллимаху приписывалось более 800 стихотворных и прозаических сочинений на всевозможные темы. Обычно его произведения были небольшими по объему. От Каллимаха сохранилась поговорка: «Чем больше книга, тем хуже».

Для этого поэта было характерно внимание к бытовым деталям, простой народной шутке, личной жизни людей⁹:

Пьяницу Эрасиксена винные чаши сгубили:
Выпил несмешанным он сразу две чаши вина.

Или другое, не менее колоритное стихотворение биографического содержания¹⁰:

Кто бы ты ни был, прохожий, узнай: Каллимах из Кирены
 Был мой родитель, и сын есть у меня Каллимах.
Знай и о них: мой отец был начальником нашего войска,
 Сын же искусством певца зависть умел побеждать.
Не удивляйся,—кто был еще мальчиком Музам приятен,
 Тот и седым стариком их сохраняет любовь.

Каллимах известен также тем, что собрал в 120 свитках папируса антологию греческой литературы, названную «Списки. Каталог писателей, просиявших во всех областях образованности, и трудов, которые они сочинили». Этот аннотированный каталог Александрийской библиотеки известен и как «Таблицы» в 120 книгах. Имена писателей, сопровождаемые краткими биографическими и литературно-критическими заметками, располагались в «Списках» в систематическом порядке, по отделам. Это — древнейший опыт истории греческой литературы. Последующие представители александрийской поэзии дополняли и исправляли «Списки». Несмотря на то что Каллимах много и плодотворно работал при Мусейоне, на должность библиотекаря назначен был не он, а его ученик и соперник Аполлоний.

Отказ Каллимаха от воспевания героизма не был воспринят всеми его последователями. Один из учеников поэта, 20-летний Аполлоний, написал поэму о героическом походе аргонавтов за «золотым руном» и любви Ясона и Медеи. Собрав друзей, учителей и знатных горожан Александрии, среди которых был и

⁹ Греческая эпиграмма, с. 97.

¹⁰ Там же, с. 99.

Каллимах, он прочитал свою «Аргонавтику», вызвавшую бурю восторга у его приятелей и возмущение у зрелой публики. Каллимах пожаловался правителю, и Аполлоний был отправлен на Родос. Так к его имени прибавился эпитет Родосский. Здесь, на острове, он переработал свою поэму и вскоре приобрел как учитель и поэт такую славу, что родосцы даровали ему гражданство. Позднее Аполлоний Родосский возвратился в Александрию и возглавил Александрийскую библиотеку.

После поздних исправлений среди действительно блестящих отрывков о любви Медеи, пораженной стрелой Эроса, жанровых сцен и диалогов в поэме появилось немало мест, перегруженных географическими сведениями. Некоторые исследователи даже называют «Аргонавтику» туристическим справочником, в который Аполлоний втиснул массу сведений о Европе и Северной Африке. Но вряд ли стоит судить поэта так строго, хотя бы потому, что его тема любви Медеи к Ясону перешла в «Энеиду» Вергилия, а затем в эпические поэмы классицизма.

В числе друзей и сторонников Каллимаха, выступавшего против Аполлония Родосского, был Феокрит (родом из Сиракуз), известный своими короткими эпическими поэмами и тем, что он создал новый литературный жанр — идиллию («картинка»), или буколику («пастушеское стихотворение»). В основе этого жанра лежало изображение добродетельной сельской жизни на фоне прекрасной природы. Идиллия требовала точности в деталях, и сочинения Феокрита можно назвать образцом реалистического искусства. Его поэма «Праздник жатвы» в этом отношении показательна. Поэт, тоскующий в огромном городе по красоте естественного мира, рассказывает о прогулке по острову Кос к одному из своих приятелей, где он собирается отпраздновать праздник в честь греческой богини плодородия Деметры¹¹:

Я же пошел к Фрасидаму; туда же Эвкрит направлялся,
Также красавец Аминт. Ожидало нас мягкое ложе:
Был нам постелен камыш и засыпан листвою виноградной,
Только что срезанной с веток. И весело мы отдыхали,
Много вверху колыхалось, над нашей склонясь головою,
Вязов густых, тополей. Под ними священный источник,
Звонко журча, выбегал из пещеры, где Нимфы скрывались.
В тень забираясь ветвей, опаленные солнца лучами,
Звонко болтали цикады, древесный кричал лягушонок,
Криком своим оглашая терновник густой и колючий;
Жаворонки пели, щеглы щебетали, стонала голубка;

¹¹ Цит. по: Боннар А. Греческая цивилизация, с. 330.

Желтые пчелы летали, кружась над водной струею,—
Все это летом богатым дышало и осенью пышной.
Падали груши к ногам, и сыпались яблоки щедро
Прямо нам в руки, и гнулся сливняк, отягченный плодами,
Тяжесть не в силах нести и к земле приклоняясь верхушкой.

После Леонида Александрийского в Александрии не было крупных имен. Но это уже I век нашей эры, когда Рим полностью контролировал ситуацию. Творчество этого поэта кроме вкуса к деталям и индивидуальной жизни отличает еще и подобострастное отношение к римским кесарям. Так, Нерону поэт направляет следующее стихотворное послание¹²:

В день твой рожденья несет Леонидова Нильская Муза
Это посланье тебе, Кесарь, как жертвенный дар.
Жертвы ее, Каллиопы, бездымны; и если желаешь,
Больше тебе принести их будет рада она.

Или другой, не менее подобострастный гимн¹³:

Кесарь, прими и теперь от меня эту новую, третью
Книгу Харит, образец числами равных стихов.
Нил, отправляя ее, как и прежде, в путь чрез Элладу,
С нею земле твоей шлет самый певучий свой дар.

Сегодняшние египтяне считают себя наследниками Древнего Египта с его гигантскими храмами и пирамидами, его таинственными богами, его достижениями в медицине, математике и астрономии. И это в значительной степени верно, поскольку Египет поглотил, перемолол и ассимилировал многих пришельцев. Достаточно сказать, что известная египетская царица Клеопатра была гречанкой. Однако самый глубокий след в истории страны оставили арабы. Египтяне приняли принесенные ими ислам и язык, и сейчас страна справедливо считается самым населенным государством арабского мира. Затем появились турки. Их постепенно вытеснили англичане, которые вплоть до революции 1952 года были фактическими хозяевами страны, возвышая угодных и убирая неугодных им монархов и министров.

Из Египта мне предстоит лететь в Ливию через остров Мальта.

¹² Греческая эпиграмма, с. 216.

¹³ Там же.

ПО СЛЕДАМ МАЛЬТИЙСКИХ РЫЦАРЕЙ

Под мерный гул «Боинга-737» египетской авиакомпания, летящего из Каира, хорошо думается. Мои мысли возвращаются к Египту, Александрии, к тому огромному вкладу, который внесла эта страна в «копилку» человеческой цивилизации. Достижения Древнего Египта и его народа существуют как бы в нескольких измерениях. Туристы и просто любознательные иностранцы, оказавшиеся в этой стране, справедливо восхищаются искусством древних зодчих, построивших гигантские пирамиды в Саккаре и в Гизе или Карнакский храм в Луксоре. Специалисты и ученые продолжают открывать новые факты в, казалось бы, уже хорошо изученных и объясненных предметах и явлениях. Пример с пирамидами в Гизе, в которых недавно открыли неизвестные ранее пустоты, в этом отношении является самым наглядным.

Перед самым отъездом в аэропорт я попал в каирский Национальный музей на площади Тахрир. Я считаю, мне очень повезло, так как организованные группы туристов из Европы, США и Японии буквально осаждают это уникальное хранилище египетских древностей. Я бродил по прохладным залам музея, осматривал экспонаты, хорошо известные мне по альбомам и книгам, и испытывал необыкновенное чувство уважения к таланту и вдохновению безымянных египетских художников и ремесленников.

Золото и медь легко поддаются чеканке и ковке в холодном состоянии, и поэтому их следует отнести к древнейшим металлам, которыми научился пользоваться человек. Эти металлы были известны в Египте еще в 4500—4200 годах до нашей эры и обрабатывались в холодном виде. В начале IV тысячелетия до нашей эры здесь стали выплавлять медь из руды, которая привозилась с острова Кипр (название этого острова происходит от слова *cyprium* — «медь»), а также с Синайского полуострова и Иберийского полуострова. Оживленное судоходство в этот период обслуживало торговлю металлами. Монополию в судоходстве держали власти острова Крит, одной из древнейших морских держав на Средиземном море.

Через час после вылета из Каира появляется остров Мальта. Точнее, архипелаг Мальта, состоящий из собственно Мальты, островов Гоцо, Комино, соседнего Коминотто и крошечного Филфла. Название самого большого острова — Мальта — происходит от финикийского *malet*, т. е. «убежище». Правда, некоторые оспаривают финикийское происхождение этого слова, ссылаясь на свидетельства древних греков и римлян. А наименование острова Филфла происходит от арабского «фильфил» — «черная горошина перца».

На островах много населенных пунктов с арабскими названиями, которые звучат либо в своем первоначальном виде, либо в невероятных сочетаниях с итальянскими и английскими словами. Изучая карту архипелага, купленную в Каире, я нашел на большом острове такие географические и топографические названия, как Рабат, Гзира, Зейтун, Мдина, а также Иль-понта лъкбира, где «понта» — по-итальянски «мост», а «кбира» — по-арабски «большой». Гавань именуется здесь по-арабски — «марса», т. е. «якорная стоянка» (например, Марсамшетт, Марсаскала, Марсашлок), а скалистый мыс — «рас» (Рас-Манзир, Рас-эль-Байада, Рас-эд-Даввара и др.).

У Мальты очень долгая история, и любопытному путешественнику, которому интересно и который умеет разглядывать крепостные укрепления, рыцарские доспехи или которого может взволновать легенда, история острова доставит немало счастливых минут. В ее земле находят останки доисторических ящеров, слишком крупных для этого маленького острова, а гиды показывают дороги, возникшие еще до «эры колеса» и с обрыва «падающие» в море с высоты скалы. Возможно, Мальта и соседние острова — это последние остатки поглощенной морем суши, некогда соединявшей три континента Старого Света.

В музее Валлетты туристов удивляют толстые, безголовые, с крошечными руками и ногами статуэтки, которые были найдены с амфорами и лампами в могилах и подземельях города Паола. Местные изделия из слоновой кости, которые и сегодня предлагают туристам, несут на себе отпечаток какой-то загадочной цивилизации. В ледниковый период африканский слон населял не только хорошо обводненную территорию Сахары, но и некоторые острова Средиземного моря, в том числе и Мальту. Слоновая кость с самых ранних времен считалась ценным и дорогим товаром. Не только в Древнем Египте, но и в знаменитой Трое, датируемой примерно 3000 годом до нашей эры, а также на Крите были широко распространены украше-

ния и мелкие изделия из слоновой кости. В поэмах Гомера встречаются свидетельства того, как популярен был этот материал, ценившийся наравне с золотом.

Ни один местный гид не может перевести слов, которыми отзывается эхо в храме времен неолита в Хаджар-Им на острове Мальта, или рассказать, какие гиганты возвели каменные стены Гджантии на острове Гоцо. Сохранились развалины этих сооружений, которые подтверждают, что в IV тысячелетии до нашей эры на Мальту пришел с материка неизвестный народ с высокой культурой, создавший на острове строения, следы которых сохранились до наших дней.

На северном побережье Мальты есть бухта Св. Павла, который в 58 году вступил на каменистую землю острова. По библейскому преданию (Деяния Святых Апостолов, гл. 27—28), корабль, на котором везли в Рим к кесарю апостола Павла, разбился о скалы у берегов острова Мелит, или Мелита (Мальта). Все люди, бывшие на корабле, «спаслись на землю». Жители острова оказали потерпевшим «не малое человеколюбие: ибо они по причине бывшего дождя и холода разложили огонь и приняли всех» спасшихся. Павел собрал много хвороста и кинул его в огонь. «...Тогда ехидна, вышедши от жара, повисла на руке его... Но он, стряхнув змею в огонь, не потерпел никакого вреда». Три месяца апостол Павел жил в гроте на острове, проповедуя христианство и исцеляя больных, после чего он отправился в Рим. По представлению христиан, этот грот считается священным, так как его камни якобы помогают исцелению от всех болезней.

Арабы захватили Мальту в 870 году, переправившись сюда с острова Сицилия, лежащего всего в 100 километрах от архипелага. Население Мальты оказало неприятелю вооруженное сопротивление: на острове обнаружены разрушенные здания и захоронения, относящиеся к периоду арабского наступления. Такая реакция мальтийцев, исповедовавших христианство, вполне объяснима. Но вскоре местное население, по видимому, смирилось с арабским господством и восприняло язык завоевателей, причем настолько глубоко, что мальтийский язык сегодня представляет собой смесь арабского, итальянского и английского, причем арабский компонент является доминирующим. Такое развитие языка нельзя считать случайным. Большая часть местного населения в этническом отношении была потомками финикийцев и говорила на пуническом диалекте финикийского языка, распространенном на территории Карфагена. Мальтийские пунийцы были довольно активными в рамках этого государства и основа-

ли в 40 километрах к северу от современного тунисского города С'факс свое поселение с форумом, портом, амфитеатром и жилыми домами, украшенными богатой мозаикой. Это место именовалось Ахолла, а ныне называется Рас-Бутрия.

Арабы принесли с собой не только ислам, который не был принят населением Мальты, и арабский язык, отношение к которому было более благосклонным, но и ряд новых культурных растений и технических новшеств. Советский востоковед Ю. Н. Завадовский считает, что арабы познакомили Европу через Сицилию и Испанию с культурой многих фруктовых деревьев и цветов, которые были завезены или выведены арабами. К их числу он относит финиковую пальму, абрикосовое, лимонное и апельсиновое деревья, артишок, баклажан, шпинат, эстрагон, арбуз, а также жасмин и розу. На Мальту арабы завезли водоподъемное сооружение, приводимое в движение животным. Здесь можно добавить, что одной из географических особенностей островов являются часто довольно глубокие долины, на склонах которых размещались все населенные пункты. На Мальте эти долины называются «вайед» (араб. «вади»), и именно в них чаще всего сооружаются такие водоподъемные колеса.

Под мусульманским владычеством Мальта находилась до 1090 года, когда норманнский завоеватель Сицилии граф Рожер высадился на архипелаге. С первой попытки норманнам не удалось подавить сопротивление мусульман, и в 1127 году на Мальту вновь прибывают норманнские войска под предводительством унаследовавшего у отца в 1101 году сицилийский престол Рожера II, который усмиряет восставших и налагает на них тяжелую контрибуцию. Но искоренить ислам так быстро не удалось, и архиепископ Страсбурга, посетивший Мальту в 1175 году, с раздражением писал, что все острова населены мусульманами. Присоединенные норманнами к Сицилии, мальтийцы начинают учиться говорить по-итальянски, не ведая еще о тех событиях, которые перевернут историю их архипелага.

После первого крестового похода, в 1113 году, по указанию папы Паскаля II в христианских владениях в Палестине был создан духовно-рыцарский орден св. Иоанна. Организованный для оказания медицинской помощи паломникам, прибывшим в Иерусалим, орден постепенно становится мощной военной организацией, а среди его активных членов — рыцарей-иоаннитов (или госпитальеров) оказывается немало представителей самых родовитых дворянских фамилий Франции, Германии, Италии, Англии и других стран Европы. В 1291 го-

ду крестоносцы потерпели поражение от мусульман и потеряли все свои владения в Палестине. После почти 20-летних скитаний (какое-то время они провели на Кипре) иоанниты в 1307 году подступили к острову Родос в Эгейском море и через два года захватили его у византийцев. Обосновавшись на острове, они стали называться родосскими братьями. Однако турки-османы, покорившие Византию, вытеснили их и с этого острова, который родосские братья окончательно оставили 1 января 1523 года.

Иоанниты вновь оказались без земли, но тут император Священной Римской империи Карл V с подсказки римского папы Климента VIII дарит им Мальту. Этот дар — иссушенный солнцем, безводный, населенный в основном бедными рыбаками и крестьянами остров — был похож скорее на милостыню, чем на роскошное, достойное императора подношение. Оно вызвало неприкрытое раздражение у высокородных рыцарей, а также у местных жителей, которых, разумеется, тоже никто не спрашивал. Мальтийцы с большим недоверием отнеслись к появлению рыцарей, которые основали свою штаб-квартиру в Биргу, на берегу Большой гавани, напротив нынешней Валлетты, куда в 1571 году была перенесена столица острова. Особенно недовольна была мальтийская аристократия, опасавшаяся за свои привилегии. Она вела свое происхождение от финикийцев и проживала в основном в Мдине — древней столице Мальты, расположенной в глубине острова. Обиженная невниманием римского папы, мальтийская аристократия отказалась от сотрудничества с непрошеными гостями-рыцарями.

Раздражение рыцарей тоже было вполне объяснимо. Высокородные иоанниты (чтобы стать членом ордена, французу, например, требовалось иметь 8 поколений дворянства, а немцу — 16 поколений, причем в члены ордена не принимались внебрачные дети даже королевской крови) рассматривали Мальту как временное пристанище и открыто требовали передачи им города Сиракузы на острове Сицилия. Поэтому окончательно вопрос о передаче Мальты ордену Св. Иоанна был решен лишь в конце 1529 года, и в 1530 году здесь появились первые рыцари.

Орден иоаннитов был самостоятельной военно-политической организацией, глава которой — Великий магистр (гроссмейстер) — избирался пожизненно на общем собрании рыцарей. Великий магистр и Совет рыцарей при нем вырабатывали политику ордена и способы ее реализации. Иоанниты были выходцами из различных стран Европы, говорили на разных языках и

селились в отдельных обителях. 26 октября 1530 года, когда рыцари высадились на Мальте, среди них были представители Испании (Арагона и Кастилии), Франции (Оверни и Прованса), Англии, Германии и Италии. На первых порах члены ордена «делились по нациям или языкам». Английская обитель иоаннитов вскоре после приезда рыцарей на остров перестала существовать: английский король Генрих VIII, порвав с Римом, отказал обители в финансовой помощи, что привело к ее роспуску. Однако на Мальте появились рыцари из Баварии, и первоначальное число обителей продолжало существовать еще очень долгое время.

Рыцари стали фактическими хозяевами острова, хотя и считались вассалами императора Священной Римской империи и в этом качестве выплачивали ему дань... в виде одного ловчего сокола в год. Правда, император резервировал за собой право назначать командующего флотом, который должен был быть обязательно итальянцем.

Отдавая себе отчет во внешней опасности, грозящей слабо защищенному острову, иоанниты с самого начала приступили к укреплению своей столицы Биргу, расположенной на небольшом, вдающемся в Большую гавань полуострове с фортом Св. Анджело на его оконечности, и города Сенглеа, возникшего на соседнем полуострове с фортом Св. Михаила. На противоположном берегу залива, на оконечности пустынного полуострова Шеберрас, где впоследствии будет построена Валлетта, был сооружен форт Св. Эльмо, прикрывавший вход в Большую гавань и предназначенный для того, чтобы воспрепятствовать обстрелу Биргу и Сенглеа.

Беспокойство рыцарей о защите своей новой родины было вполне обоснованно. Так, в 1551 году турецкий флот бросил якорь в гавани Марсамшетт. Турки-османы прочесали остров вплоть до Мдины, захватили остров Гоцо и увезли в рабство несколько тысяч жителей. Гоцо был полностью razорен, а на острове Мальта многие деревни опустели. Летописец ордена по имени Бозио писал об этом, причем называл уведенных в плен местных жителей «бедуины», т. е. бедуинами.

Нападение османского флота на Мальту и его разорительные набеги на города африканского побережья Средиземного моря вынудили мальтийских рыцарей, как их стали называть, всерьез заняться обороной острова. Строились новые укрепления, из Италии и Франции приглашались специалисты по фортификационным сооружениям, вербовались наемные солдаты в европейских странах. Рыцари, спекулируя на угрозах турок покончить с этим бастионом христианства в

Средиземноморье и своей военной историей в Палестине, успешно выколачивали деньги в королевских дворах Европы на свои военные нужды.

В 1557 году 75-летний рыцарь из Прованса Жан Паризо де ла Валлетт избирается Великим магистром и энергично берется за укрепление Мальты. Немаловажный факт в биографии этого престарелого рыцаря связан с организацией обороны от турок-османов, которые 18 мая 1565 года вновь появились на рейде мальтийских гаваней восточного побережья. Турецкий флот состоял из 200 кораблей, которые доставили около 40 тыс. солдат и 40 орудий. Им противостоял отряд рыцарей, наемных солдат из Европы и местных жителей, насчитывавший всего 9 тыс. человек.

Атаки османских войск, получавших подкрепление с африканского берега, продолжались с 26 мая по сентябрь 1565 года. Положение рыцарей было почти безнадежным, когда испанский король Филипп II вмешался в боевые действия и его тяжелые галионы отогнали турецкие корабли в море. Мальта была спасена, но рыцари и местные жители, просидевшие в осаде около четырех месяцев, не испытывали большой благодарности к испанскому двору. Они считали, что отбили атаки турок только благодаря своей храбрости и военному таланту Великого магистра. Действительно, Жан де ла Валлетт, несмотря на свой преклонный возраст и ранения, стал лидером, который возглавил оборону острова и тем самым снискал большое уважение не только рыцарей своего ордена, но и местного населения.

Города и деревни островов Мальта и Гоцо после турецкой осады были разрушены. Многие жители погибли или были увезены в рабство. Жан де ла Валлетт вновь проявил свой незаурядный организаторский талант, когда, вместо того чтобы латать полуразрушенные укрепления в Биргу, принял решение о строительстве укрепленного города на полуострове Шеберрас. Проект строительства новой столицы ордена был разработан выдающимся архитектором и крупнейшим специалистом в области военной фортификации того времени, учеником Микеланджело — Франческо Лапарелли де Картоной, направленным на Мальту специально с этой целью папой Пием V.

28 марта 1566 года Великий магистр заложил первый камень нового города, названного его именем. Христианский мир получает возможность выказать признательность рыцарям за проявленную отвагу. Короли и правители средневековой Европы переводят деньги на сооружение новых укреплений, обителей и храмов.

Наша римская прелесть разрешает работать даже в дни христианских праздников. Жан де ла Валлетт трудится наравне с ковальщиками и плотниками, разделяя с ними свои непосильные траншеи и тяжелую работу. Когда кончаются дела, де ла Валлетт с согласия рыцарей и местных жителей чеканит медную монету, на лицевой стороне которой изображены две соединенные руки—символ дружбы и согласия. Получив очередной дар, Великий магистр обменивает медные монеты на серебро и золото, что еще больше поднимает его авторитет.

В 1571—1590 годах строительные работы на острове возглавлял мальтиец Джироламо Кассар. Он построил восемь обителей для рыцарей из различных стран, туннели, тайные переходы и даже подземные конюшни. На карте-схеме, которая у меня в руках, изображены все отстроенные в это время бастионы: Св. Эльмо, Св. Григория, Св. Сальвадора и др. Ныне же в столице Валлетта, у подножия бастиона Св. Джеймса, проходит изогнутая бумерангом улица Джироламо Кассара.

Наш самолет идет на посадку, и вскоре, завершив необременительные формальности на паспортном контроле, мы отправляемся в город на экскурсию. У нас всего несколько часов до рейса на Триполи, и мы, пользуясь льготами транзитных пассажиров, выбираемся на небольшую площадь перед аэровокзалом, где сбиваются в группы лица, желающие совершить короткое путешествие по городу. За спиной осталось аэродромное поле, на котором стоят несколько «Боингов». На них нарисованы большие белые мальтийские кресты.

Мы прибываем к небольшой группе французских туристов и через главные городские ворота Валлетты попадаем на территорию старого, окруженного стеной и бастионами города. Через несколько десятков метров рядом с отделением авиакомпании «Эр Мальта» находится обитель Прованса, где ныне расположен Национальный археологический музей. Далее идут уютные, окруженные невысокими домами две площади—им. Великой осады и им. Республики. К последней примыкает главный архитектурный памятник—изумительной красоты дворец Великих магистров со спиральной мраморной лестницей и тронным залом, стены которого украшены резьбой по дереву в память о том корабле, который доставил на Мальту изгнанных с острова Родос рыцарей. Сейчас во дворце находятся: резиденция президента Мальты; палата представителей; Музей оружия и рыцарских доспехов; зал гобеленов,

где раньше собирался Совет рыцарей при Великом магистре (эти бесценные гобелены подарены арагонским рыцарем Рамоном Перреллосом — Великим магистром в 1697—1720 годах); зал Св. Михаила; зал Св. Георгия (ныне здесь вручают свои верительные грамоты президенту республики иностранные послы, аккредитованные на Мальте).

Мы идем по коридору дворца Великих магистров, вдоль стен которого стоят на деревянных подставках фигуры закованных в латы рыцарей. Наши шаги гулко раздаются в коридоре, где простенки украшены портретами Великих магистров. Где-то здесь находится и портрет российского императора Павла I, который весьма неожиданно для разбуженной французской революцией Европы стал на короткое время Великим магистром мальтийских рыцарей.

В июне 1798 года по дороге в Египет Наполеон Бонапарт с ходу захватывает Мальту. Рыцари, обиженные невниманием королевских дворов Европы, неожиданно для генерала Бонапарта благосклонно восприняли революционные лозунги французской революции и после некоторого колебания открыли свои арсеналы и казну, откуда он позаимствовал 1500 пушек, 3500 ружей и 3 млн. в золотых и серебряных монетах. Более 50 рыцарей из самых знатных французских родов сформировали мальтийский легион и влились в армию Наполеона. Вместе с ней на кораблях «Ориент» и «Кос» они отправились воевать в Египет против мусульман. Во время этого их последнего «крестового» похода в бою у пирамид в Гизе погибли почти все рыцари.

Мальтийская аристократия расценила капитуляцию рыцарей как предательство. Местные патрицианские семьи хотя и не принадлежали к европейскому дворянству, тем не менее гордились своими заслугами перед христианской церковью и храбростью при обороне Мальты от турок-османов. По преданию, их вождь («начальник острова») Публий имел беседу с апостолом Павлом, попавшим не по своей воле на остров, и они полагали, что рыцари могли бы по крайней мере посоветоваться с ними, как вести дела с оказавшимися на острове французами.

Духовной столицей мальтийских аристократов и сегодня остается Мдина. С красивыми домами под резными фасадами и глубокими дворами она производит впечатление городка, где время остановилось. Узкие улицы круто изгибаются, так что нельзя было стрелять из лука. В Мдине жил король Альфонс V Арагонский. В городском соборе Св. Павла, украшенном по фасаду двумя колокольнями и часами, представ-

цента испанский триптих XV века и прекрасная коллекция гравюр Дюрера. Городские ворота Мдины из белого, пыледенного временем известняка напоминают по своей роскоши и отделке въезд в какой-либо средневековый европейский дворец, хотя женщины, украшенные черными складками фальдетты, возвращают нас ко временам мусульманского господства.

Великим магистром Мальтийского ордена, сдавшим Наполеону остров, был немецкий рыцарь Фердинанд фон Хомпеш (Гомпеш). Его избрали на этот пост в 1797 году, но уже в следующем году он был вынужден сложить свои полномочия. Летописцы ордена и ныне не удерживаются от того, чтобы не указать, что граф фон Хомпеш был первым и последним немцем на посту Великого магистра.

Оставшись без руководства, без средств, поступаемых от европейских сюзеренов, Мальтийский орден переживал сложные времена. Королевство Обеих Сицилий откровенно требовало присоединения Мальты. Интерес к острову проявляли Австрия, Англия и Россия. В конце 1798 года в Петербурге появилась делегация Мальтийского ордена во главе с графом Юлием Помпеевичем Литта, правда уже более десяти лет жившим в российской столице. Используя ненависть Павла I к французской революции и его обращение к консервативной идее средневекового рыцарства — символа благородства, храбрости и бескорыстного служения добру, — представителям ордена легко удалось склонить российского императора принять титул Великого магистра. По-видимому, сыграли свою роль и политические соображения. Россия держала в это время большой флот в Средиземном море, которому были нужны гавани для стоянки, ремонта и отдыха экипажа. Таким образом, к императорскому титулу по высочайшему указу повелено было прибавить слова: «и Великий Магистр Ордена Св. Иоанна Иерусалимского». Павел I видел в Мальтийском ордене идеальный рыцарский союз, в котором в противовес новым идеям, исходившим из Франции, процветают строгое христианское благочестие и безусловное послушание младших старшим. Резиденция ордена была перенесена в Петербург. В Кронштадте снаряжался флот для завоевания Мальты, но этим планам не суждено было осуществиться: в 1800 году остров был занят англичанами, а некоторое время спустя Павла не стало.

Мы несколько забежали вперед, не сказав, что 24 августа 1798 года мальтийцы узнали, что французский флот потерпел поражение в битве при Абукире. Оставленный французами на Мальте гарнизон в составе

4 тыс. солдат во главе с генералом Вобуа оказался в сложном положении. Французы заняли укрепления Валлетты и продержались до 5 сентября 1800 года, когда были вынуждены капитулировать перед объединенными силами англичан и мальтийцев. Мальта попала под английское влияние, но по Амьенскому мирному договору 27 марта 1802 года была возвращена ордену Св. Иоанна, а ее независимость гарантировалась Великобританией, Францией, Австрией, Россией, Испанией и Пруссией. По Парижскому миру, подписанному 30 мая 1814 года поверженной Францией, с одной стороны, и Великобританией, Россией, Австрией и Пруссией — с другой, Мальта перешла под контроль Англии. С тех пор англичане стали хозяевами на острове. С 1834 года резиденция рыцарей Мальтийского ордена переносится в Рим под покровительство папы.

В настоящее время территория иоаннитов ограничена виллой «Маджистрале», расположенной на Авентинском холме в Риме и имеющей площадь 2 тыс. квадратных метров. Тем не менее орден считается «суверенным государством», поддерживает дипломатические отношения с 40 странами, в том числе с Ватиканом и Республикой Мальта, чеканит свою монету, имеет конституцию и правительство в составе пяти человек.

8 апреля 1988 года рыцари Мальтийского ордена избрали шотландского дворянина Эндрю Берти своим 78-м гроссмейстером. Он получил титул Великого магистра Суверенного военного Иерусалимского, Родосского и Мальтийского ордена Св. Иоанна. Эндрю Берти по всем параметрам подходит для этого поста. По линии матери он состоит в родстве с английской королевой Елизаветой II, окончил католическую школу монахов-бенедиктинцев в Эмплфорте, учился в Оксфорде и преподавал в католическом колледже на юге Англии. 11 апреля 1988 года папа Иоанн Павел II утвердил Э. Берти в должности Великого магистра Мальтийского ордена.

Как всякая религиозно-политическая организация, орден ревностно хранит свои тайны. Но избрание Великого магистра и связанные с этим таинственные церемонии на вилле «Маджистрале» дали повод европейской печати поговорить об ордене и его сегодняшнем положении.

В 1961 году Мальтийский орден изменил свой устав, разрешив прием в свои члены лиц, не имеющих древней аристократической родословной. Закрытый аристократический клуб, как нередко называли орден мальтийских рыцарей, расширил свои ряды. Сейчас в нем насчитывается около 10 тыс. человек. Среди них, если

верить официальным данным ордена, нет разведенных или живущих во внебрачной связи—все ревностные католики, которые клянутся белым мальтийским крестом, как «символом бедности и защиты веры», соблюдать древние «достохвальные обычаи». Орден и поныне остается закрытой элитарной организацией, в которую сегодня принимают кроме представителей родового дворянства крупных бизнесменов, военных и политических деятелей Европы и США. Так, в число мальтийских рыцарей входят министр иностранных дел Италии Дж. Андреотти, руководитель концерна ФИАТ Дж. Аньелли, постоянный представитель США в ООН генерал В. Уолтерс, бывший госсекретарь США генерал А. Хейг и др. Членом Мальтийского ордена был и покойный шеф ЦРУ У. Кейси. В масонской ложе «П-2», вокруг которой в Италии несколько лет тому назад разразился громкий скандал, состояло 27 мальтийских рыцарей, в том числе генерал Дж. Сантовито, бывший руководитель итальянской военной разведки СИСМИ.

В настоящее время владения ордена только в Италии оцениваются в 450 млн. американских долларов. Он имеет уникальные собрания ценных картин эпохи Возрождения, коллекции оружия, золотых и серебряных предметов, церковной утвари. Но считать Мальтийский орден только тайной рыцарской ложей, члены которой занимаются политическими интригами и финансовыми махинациями, было бы упрощением. Он ведет активную религиозную пропаганду и благотворительную деятельность, оказывая попечительство и финансовую поддержку 200 больницам и домам престарелых в разных уголках мира. Мальтийские рыцари, участвуя «в крестовом походе милосердия» и пользуясь дарованной им ранее привилегией, отправляют без пошлин и налогов лекарства больным и инвалидам во все концы света. Вряд ли стоит игнорировать этот положительный пример религиозной благотворительности.

— Франция всегда играла большую роль в истории ордена,—говорит наш гид, миловидная темноволосая девушка. Южная кровь дает о себе знать: она ярко окрашена, жестикулирует и вкладывает в свой рассказ много страсти и темперамента.— Орден был создан по указанию папы Паскаля II, который придумал для него специальное знамя—красное полотнище с белым, как сейчас называют—мальтийским, крестом посередине. Фактическим же его организатором был француз Жерар Том из Прованса, а другой Великий магистр, тоже француз—Раймонд дю Пюи, подготовил первые правила госпитальеров. Среди этих предписаний было указа-

ние ухаживать за больными, как за сеньорами, следить за тем, чтобы им мыли и насухо вытирали ноги, стелили им постель, а в случае их выздоровления и ухода из обители снабжали едой и парой башмаков.

Наш гид говорит по-французски бегло, причем без обычного для мальтийцев акцента. Скорее всего она француженка, и ее рассказ о Франции и Мальтийском ордене — это часть истории ее страны. Интересно, как она подаст появление на острове генерала Бонапарта, которому Директория с подачи Талейрана приказала оккупировать остров, чтобы избежать его захвата со стороны Австрии, Англии или России.

— Изгнанные мусульманами из Иерусалима, рыцари перебрались на остров Кипр, затем на Родос, где в течение двухсот лет отбивались от превосходящих сил мусульман, — продолжает гид. — На Родосе у рыцарей было всего шестьсот всадников и четыре тысячи солдат, когда турецкий султан Сулейман сосредоточил против них 200 тысяч солдат. Осада продолжалась пять месяцев. Великий магистр французский рыцарь Филипп Вийе де Лиль-Адам показывал примеры героизма и вдохновлял защитников. Он же и вывел оставшихся рыцарей с Родоса и доставил их на Мальту. Самые известные дворянские роды Франции посылали своих отпрысков в Мальтийский орден. Большинство великих магистров, прославившихся своими военными успехами и богоугодными делами, были из французов. Три самые тяжелые осады, которые выдержали рыцари (одна на Родосе, а две на Мальте), отражались под руководством великих магистров, французов по национальности. С другой стороны, мальтийцы посылали на службу во французскую армию и особенно во флот своих лучших полководцев и мореплавателей.

Девушка-гид опускает неприятные подробности, связанные с захватом острова Наполеоном Бонапартом, и обращается к недавней истории Мальты. Из ее слов следовало, что после русского царя Павла Великим магистром стал упомянутый выше француз Томас де Картон. Обстоятельства складывались таким образом, что орден в начале XIX века управлялся временщиками, среди которых были и итальянцы, и испанцы, и французы. Он был «выселен» с Мальты в Катанию на острове Сицилия, затем в Феррару на Апеннинском полуострове. В 1834 году орден обосновался в Риме. Сейчас орден имеет на независимой Мальте своего посла, резиденцией которого служит бастион Св. Иоанна в Валлетте.

Мы прощаемся. Короткая экскурсия окончена, и нам нужно возвращаться в аэропорт. Гид скороговор-

кой сообщает, что на центральной улице в магазинах мы можем приобрести мальтийские сувениры — кружевные изделия, гравированное стекло, филигранные украшения из серебра и разные поделки из меди. 10 августа на острове самый жаркий день, и в этот день устраивается процессия в честь Св. Лорана и его жаровни. Бывают еще весенний карнавал по случаю окончания зимы, о которой стараются забыть, и многие другие праздники.

Нам советуют посетить один из ресторанчиков, где мы можем попробовать мальтийские блюда, например «Иль-Фортицца» (что означает «крепость») в близлежащем городке Слима (Sliema) либо «Иль-Барракка» в Валлетте. В мальтийской кухне смешаны продукты моря и продукты из внутренней, огородной части острова. Одно из местных яств — это рыба лампуки, из которой делают круглые пироги с помидорами, луком, шпинатом, цветной капустой, оливками и орехами.

Мы возвращаемся в аэропорт, забежав на несколько минут в «Кафе де ла Валлетт», расположенное около главных городских ворот. Над входом в кафе висит рыцарский короткий меч. Нам удастся попробовать мальтийскую пиццу, которая так же вкусна, как и итальянская, и сухое столовое вино. Уже в аэропорту я покупаю несколько местных газет и прочитываю их в самолете. «Санди таймс» за 30 августа 1987 года публикует письмо читателя из Слимы, в котором он доказывает, что Мальта добровольно вошла в состав Британской империи в 1814 году. В другой статье этой же газеты дается интересный материал о механических органах в местных церквах, сооруженных по итальянским аналогам. Затем знаколюсь со статьей о мальтийских композиторах. Узнаю, что мальтийцы сочинили 128 опер, причем первая из них принадлежит Жеронимо Абосу, жившему в 1706—1786 годах, а последняя — Чарлзу Камиллери, которую он написал в 1985 году. Из всех произведений только 22 оперы не были поставлены, а все остальные игрались на сцене театра, построенного в 1731 году испанским графом и Великим магистром Антуаном Манозлем де Виленой. Мне было приятно прочитать небольшое сообщение в газете «Таймс» от 2 сентября 1987 года об открытии в Валлетте Дома культуры Общества дружбы Мальта — СССР. По-мальтийски он называется «Дар таль-Культура», где «дар» — по-арабски «здание», «помещение». Это вновь напомнило мне об арабах, арабских странах, и в частности о Ливии, в столицу которой меня уносит тот самолет, что украшен белыми крестами мальтийских рыцарей.

ПО УЛИЦАМ И ПЛОЩАДЯМ ЛИВИЙСКОЙ СТОЛИЦЫ

Современный Триполи — большой, с миллионным населением город, где построенные уже после революции 1 сентября 1969 года высотные дома и даже улицы с этими домами напоминают острова в море белых низкоэтажных зданий старой постройки и современных вилл.

Центром города является Зеленая площадь, расположенная рядом со старой турецкой крепостью. Лидер ливийской революции Каддафи написал «Зеленую книгу», где изложил свою теорию общественного развития, ставшую официальной идеологической платформой страны. В Триполи есть Центр по изучению «Зеленой книги». По этой книге проводятся семинары и международные симпозиумы, читаются лекции по радио и телевидению, издается специальная газета «Зеленый марш», где комментируются и разъясняются положения этой теории. «Зеленая книга» изучается в местных, да и зарубежных университетах. Вот почему центральная площадь столицы названа Зеленой. Ее асфальт действительно покрашен зеленой краской и подновляется ежегодно перед национальным праздником 1 сентября.

Зеленая площадь была застроена еще в период итальянского колониального господства. Видимо, поэтому пяти- и шестиэтажные дома, окружающие ее с восточной и южной сторон, с колоннами и окнами, затянутыми деревянными ставнями, по архитектуре напоминают строения южной Италии. После 1969 года ливийское правительство провело большие работы по благоустройству набережной, дугой отходящей от Зеленой площади. Старые дома и лачуги были снесены, низины засыпаны землей и залиты асфальтом. После этих работ открылся вид на морскую гавань Триполи, старую крепость, называемую Красным дворцом, и две колонны с парусником и всадником, входящие в герб города Триполи. Красивая набережная засажена высокими пальмами и какими-то пушистыми вечнозелеными деревьями, которые ежегодно тщательно подстригают работники специальной службы городского муниципалитета. На набережной находятся новая гостиница

«Гранд отель», построенная шведской фирмой; самый большой кинотеатр, названный по имени города Уаддан; здания итальянского, английского и турецкого посольств. За перекрестком дорог, от которого начинается улица Джамахирия, расположены гостевой дворец, до революции принадлежавший королевской семье; уютный планетарий, построенный специалистами ГДР; военный госпиталь и сразу за ним — поле ипподрома и школа верховой езды «Абу Ситта».

В середине марта 1986 года (в это время я работал в Ливии) в Триполи состоялась персональная выставка ливийского художника Башира Хамуда, которую я посетил по совету своих ливийских друзей.

Башир Хамуда родился в старом квартале Триполи в 1948 году, окончил в 1974 году Римскую академию изящных искусств и сейчас работает в столичном университете. Он участвовал в коллективных выставках арабских художников в Италии, Египте, Кувейте, Испании и Польше, организовал персональные экспозиции у себя на родине, а также в Марокко, Сирии и Италии. Большинство его картин выполнены в абстрактном стиле. Они подкупают своей яркой цветовой гаммой и стремлением быть в гуще событий, волнующих ливийский и другие арабские народы. «Восставшая тюрьма», «Палестина — арабская земля», «Клич свободы», «Марш за великое арабское единство» и другие картины написаны эмоционально и ярко и производят сильное впечатление. Мне особенно понравился выполненный темперой в реалистической манере портрет девушки из Триполи в национальном костюме: на фоне старых домов изображена девушка в белой накидке, называемой «фаррашия»; ее большой карий глаз (другой по местной традиции закрыт накидкой) загадочно смотрит куда-то вверх и в сторону. Эта картина и другая — «Уход» — показывают, что Башир Хамуда работает и в реалистической манере.

Ливийский искусствовед Али Саид Кана в предисловии к каталогу выставки Башира Хамуда писал: «Искусство окружало его с первых дней его жизни. Его отец был влюблен в природу, цветы и красоту. Вместе с сыном они искали красоту в садах Таджуры, на побережье квартала Сиди Андалус или в квартале Сиди Амер среди оливковых и пальмовых рощ. Первый урок познания цвета он получил в общении с природой, городом... Ему запали в душу цвет земли, зелень пальмовых листьев, белизна городских зданий. Именно отсюда идет его интерес к цвету и горизонтальным линиям в абстрактных композициях». Эта оценка верна в том смысле, что каждый художник черпает вдохнове-

ние в общении с родной природой. Таджура, которую упоминает Али Саид Кана,— это небольшой городок в 25 километрах от Триполи, и сегодня знаменитый своими садами.

Набережная, о которой я рассказываю, носит название улицы— аль-Фатих. Слово «фатих» (открывающий, отворяющий) в Ливии употребляется в контексте с датой антимонархической революции 1969 года. Сама революция произошла 1 сентября, а по-арабски в ливийском варианте эта дата звучит как «фатих мин септембр» (первый, открывающий день сентября).

От школы верховой езды идет окружная дорога, которая повторяет контуры старой городской стены города Триполи.

В 1518 году Триполи посетил магрибинский путешественник Абу-ль-Хасан аль-Ваззан, известный в истории под именем Льва Африканского. В своей работе «Африка— третья часть света» он пишет, что Триполи «обнесен высокими и красивыми, но не очень крепкими стенами... Его дома прекрасны. Его базары хорошо упорядочены, разные ремесла разделены и особо выделены ткачи, изготавливающие полотно. В городе нет ни колодцев, ни источников, только цистерны»¹. Сейчас городской стены нет, но названия кварталов по имени крепостных ворот остались. Это Баб аль-Амрус, затем Баб Таджура, Баб Тархуна, Баб аль-Фарнадж, Баб Айн Зара, Баб Бен Гашир, Баб Акара, Баб аль-Азизия и Баб Гаргариш. Естественно, от каждого ворот шли дороги соответственно на Амрус, Таджуру, Тархуну и другие населенные пункты.

За время пребывания в Ливии я пытался заполучить карту-схему городских кварталов. Это оказалось не так просто: были карты, но без обозначения кварталов города, без пояснительных надписей. По-видимому, это объясняется тем, что в Ливии сейчас при огромном богатстве туристических объектов практически нет иностранных туристов. Виной этому, как мне кажется, с одной стороны, неправильное представление о Ливии и ее народе, которое бытует в других странах, а с другой— излишне строгая регламентация жизни иностранцев, проживающих в Ливии. В Триполи, например, советского артиста танцевального ансамбля задержали и привели в полицейский участок за то, что он фотографировал Красный дворец на Зеленой площади, который изображен во всех книгах и на цветных открытках. Этот случай не единственный.

¹ Лев Африканский. Африка— третья часть света. Л., 1983, с. 274.

Все сказанное выше ко мне не имело отношения. Знание арабского языка, истории арабских стран, и в частности Ливии, интерес к нравам и обычаям ливийцев, их национальной культуре дѣлали меня персоной грата, к которой ливийцы относились иначе, чем к остальным европейцам. Конечно, я был не свой, но и не чужой.

Настороженное отношение к европейцам, на мой взгляд, имеет свою историю. Это и постоянная конфронтация в Средиземном море Османской империи, в состав которой входили Триполитания и Киренаика, и североафриканских корсаров с европейскими державами. Это и тяжелая, унижительная колониальная история страны, когда простые ливийцы особенно изощренно угнетались европейскими колонизаторами, когда их человеческое достоинство втоптывалось в грязь. Ведь ливийцев всегда рассматривали как потомков морских разбойников, которые осложняли жизнь цивилизованной Европы. Тот факт, что эта Европа не всегда вела себя цивилизованно в отношении Ливии, в расчет не принималось.

В европейских источниках историческая область Ливии Триполитания изображалась как гнездо организованного морского разбоя в течение ряда веков, как место, где царили варварские и жестокие нравы. Первыми, кто взялся обуздать морских пиратов Триполи, были Англия и Франция. В 1665 году английский адмирал Блэк был послан для переговоров с правителем Триполи, а в 1675 году адмирал Нэрборо прибыл сюда, чтобы примерно наказать пиратов. В 1681 году французский адмирал Дюкэн сжег все корабли на рейде порта Триполи. А в 1685 году маршал д'Эстрэй бомбардировал Триполи и выбил из его правителя огромную дань. Видимо, именно об этом обстреле свидетельствует арабский паломник Ибн Насер, рассказ которого приводится в газете «Старый Триполи» (1987, № 10). К городу подошло 22 судна. Они стояли на рейде четыре дня. «Все эти дни население Триполи пребывало в большом страхе... Мусульмане не спали ночами, охраняя подступы с моря. После ужина в субботу христиане начали обстрел города из орудий», — пишет Ибн Насер. В 1728 году французский флот под командованием адмирала Дюпрэ еще раз почти полностью разрушил Триполи. Подобная операция была повторена и в 1766 году.

В начале XIX века США установили блокаду триполитанского побережья. 31 октября 1803 года американский фрегат «Филадельфия», преследуя арабское судно, нарушившее блокаду, натолкнулся на рифы близ Три-

поли, и капитан Бейнбридж был вынужден сдаться. Американцы обратились ко всем правительствам Европы, в том числе и к царю Александру I, с просьбой содействовать освобождению американских моряков. Но блокада не была снята, и стычки на море продолжались до июня 1805 года, когда между США и Триполитанией был подписан мирный договор.

В 20-х годах XIX века в борьбу против Триполитании включились и итальянские государства. Сардинский адмирал Сиволи бомбардировал Триполи и вынудил его правителя подчиниться савойскому королю. Об итальянской колонизации Ливии в начале XX века написано немало, и мне не хотелось бы пересказывать работы наших и зарубежных специалистов по данному периоду истории этой страны. Скажу только, что именно европейские колонизаторы постарались сделать все возможное, чтобы ливийцы видели в иностранцах лиц, пришедших в страну со злыми намерениями.

И вот ныне, став богатым народом (в 1988 году Ливия добыла 50 млн. тонн нефти), ливийцы расправили плечи. Чувство национальной гордости было удовлетворено, а «Зеленая книга» Каддафи, изложившая «третий путь» развития в отличие от первого, капиталистического, и второго, социалистического, выдвигала Ливию на особое место среди всех государств и способствовала закреплению убежденности в исключительной миссии ливийского народа в мировой истории. Но жизнь оказалась гораздо сложнее. Сейчас ливийцы стали мягче и улыбчивее, больше дискутируют по поводу преимуществ и недостатков «третьего пути» мирового развития, отказываются, где это можно, от услуг иностранцев, стараются искать пути для взаимопонимания и сотрудничества с другими странами и народами. Но туристов в Ливии по-прежнему мало, и карту города Триполи и его исторических кварталов мне пришлось составлять по материалам, которые я по крупицам выискивал в разных книгах и газетах. Большую помощь в этом оказал мне начинающий востоковед В. Страшко, работавший в нашем посольстве в Триполи.

Весь современный город Триполи можно условно разбить на 16 кварталов, каждый из которых имеет свое название.

За морским портом находятся три центральных квартала: Мадина аль-хадаик (Город садов), Хай аз-Захр (Возвышенный квартал) и Завия ад-Дахмани (Обитель Дахмани), который выходит прямо к набережной и порту.

Мадина аль-хадаик всегда был и остается районом

аристократическим. Здесь находятся бывший королевский дворец, называемый сейчас Дворцом народа, особняки посольств ряда государств, в том числе Советского Союза. Вдоль улиц стоят толстоствольные вечнозеленые деревья с глянцевою листвой, в некоторых скверах растут финиковые пальмы, которые имеют своих хозяев. Весной я сам видел, как ливийцы ловко забирались на них, очищали макушку от старых веток и опыляли женские соцветия веником мужских цветов, а осенью собирали урожай. За невысокими заборами уютных вилл и особняков, построенных с большим вкусом и размахом, много цветов и декоративных деревьев. Разноцветные бугенвиллии, агавы, пальмы, апельсиновые и лимонные деревья часто окружают небольшие фонтаны и водоемы. В начале XX века в этом районе действительно были фруктовые сады. После строительства королевского дворца здесь стали строить свои особняки приближенные к монарху лица и иностранные дипломатические представительства. Садов уже нет, но название осталось.

Хай аз-Захр — Возвышенный квартал, или Квартал на возвышении, называется так потому, что ровная местность здесь несколько приподнимается. Он застроен жилыми домами в два-три этажа и ничем особым не выделяется. Зато другой квартал, Завия ад-Дахмани, интересен хотя бы тем, что «завия» означает «обитель» или «молельный дом», а ад-Дахмани — имя его основателя. Скорее всего один из активных последователей Мухаммеда ибн Али Сенуси, основателя религиозного ордена сенуситов (пользовавшегося наибольшим влиянием в Ливии), организовал здесь административный центр, названный его именем.

Из центра города, от Зеленой площади, на юго-запад отходит одна из центральных улиц Триполи, названная именем Омара аль-Мухтара — ливийского патриота, возглавившего выступление против итальянских колонизаторов. Справа по движению от Зеленой площади расположена территория Международной выставки, которая в последнее время ежегодно организуется в Триполи. Здесь находятся павильоны ведущих капиталистических стран и стран Средиземноморского бассейна, а также социалистических государств, включая Советский Союз.

Между берегом моря и улицей Омара аль-Мухтара расположен городской квартал, именуемый Сук ассуляса, т. е. Вторичный рынок. В Ливии, да и в других арабских странах в определенные дни недели в каких-либо удобных и известных коренным жителям местах устраивались небольшие рынки. Эти места постепенно

застраивались и получали название базара. На топографической карте Триполи для туристов есть, например, Сук аль-хамис (Четверговый рынок), Сук аль-ахад (Воскресный рынок), Сук ас-сабт (Субботный рынок) и даже Сук аль-джума (Пятничный рынок, хотя пятница — нерабочий день).

Сук аль-джума — самый восточный квартал Триполи. По дороге в Таджуру я несколько раз проезжал этот рынок в пятницу во время пика его торговой активности, приходящегося на утренние часы. Небольшие загончики с двумя-тремя овцами, пучки зеленого клевера на корм скоту, продаваемые прямо с небольших грузовичков, куры в клетках из пальмовых листьев, апельсины, картофель и другие овощи в пластмассовых сетках или ящиках — все это в изобилии было выставлено прямо на землю по обочинам дороги. Добавьте сюда сотни автомашин всех марок и разгоряченную торговлей и деньгами тысячную толпу, и у вас будет полное представление о любом ливийском рынке независимо от дня недели, в который он собирается.

Но вернемся к городскому кварталу Сук ас-суляса. К этому названию — Вторничный рынок — всегда добавляется слово «старый», поскольку чуть дальше находится другой квартал, также именуемый Вторничным рынком, но уже с прибавлением «новый». Оба квартала застроены современными многоэтажными домами, часть которых занимают простые ливийские семьи, часть — конторы различных фирм и организаций.

Многие кварталы ливийской столицы названы собственными именами тех крупных семей или кланов племен, которые поселились здесь в прошлом. К таким кварталам, например, относится Хай (квартал) ад-Дарси, что южнее Нового Вторничного рынка. Он носит имя семьи ад-Дарси, которая, по некоторым данным, перебралась сюда из Марокко. За старой городской стеной, напротив Хай ад-Дарси, уже в границах средневекового города находится квартал аль-Фаллях, названный по имени семьи аль-Фаллях, и ныне живущей в провинции Завия. Территорию этого квартала пересекает улица Вади, что в переводе означает «сухое русло». Здесь прорыт канал для отвода паводковых вод. Осенью 1987 года дожди в Триполи были настолько сильными, что вади наполнилось водой и берега канала пришлось срочно наращивать.

К числу кварталов южной части Триполи относится квартал Сиди аль-Халифа, где аль-Халифа — имя мусульманского проповедника, основавшего здесь свою обитель, а «сиди» означает «господин наш» (так называли здесь марабутов — мусульманских отшельников и

проповедников). На карте Триполи мы найдем и квартал Сиди аль-Масри (рядом с университетом аль-Фатих), и улицу Сиди Йса, идущую параллельно набережной, и улицу и кладбище Сиди Мунейдар, и улицу Сиди Омрана в старом квартале близ Красного дворца. На юго-восточной стороне Зеленой площади находится улица Сиди Омара, а от нее идет красивая улица им. Первого сентября, выходящая на площадь, где стоит Дворец народа.

На запад от квартала Сиди аль-Халифа расположен квартал Абу Салим, названный по имени арабского племени, пришедшего в Северную Африку в составе первых мусульманских отрядов. Еще дальше, рядом с дорогой, ведущей в международный аэропорт Триполи, находится Хай аль-аквах — Квартал лачуг. Такое необычное название возникло в связи с тем, что здесь напротив небольшого литейного заводика действительно были лачуги, которые после революции снесли и на месте которых румынские фирмы построили высотные дома и большой торговый центр. Они не успели построить только мечеть, и в 1986 году, когда я бывал в этом квартале, мечеть только строилась. Лидер ливийской революции Каддафи, сев за баранку бульдозера, лично принимал участие в разрушении этих лачуг. Этот факт зафиксировали местные журналисты и художники, изобразив эту сцену на большом щите, помещенном у въезда в квартал со стороны международного аэропорта.

Квартал Андалус считается самым старым, аристократическим в Триполи, причем он был таким еще во времена Римской империи. По дороге в район Верхний Гаргариш поднимаются роскошные двух- и трехэтажные виллы, построенные по самым дорогим европейским проектам. Облицованные цветной керамической плиткой, с затененными стеклами, витыми лестницами и мозаичными панно, эти виллы, стоящие на зеленых лужайках, напоминают букет ярких южных цветов. Обычно мягкий бриз шевелит листву посаженных по рекомендации архитекторов лимонных и апельсиновых деревьев, ветви пальм и разноцветные плети бугенвиллии. Здесь меня поразило дерево — без единого листочка, усыпанное гроздьями пахучих фиолетовых цветов. Потом я увидел, что на нем появились перистые листочки, и я посчитал это дерево акацией. Еще через два месяца оно шумело листвой, а кисти цветов превратились в неровные сероватые лепешки-стручки, которые лопались на солнце и осыпались шероховатыми черными горошинами. Я собрал горсть этих стручков и привез их домой в Москву, зная, что вряд ли

когда-нибудь мне доведется бросить эти семена в теплую южную землю. Но цветы, яркие фиолетовые цветы, стоят у меня перед глазами, а эти замысловатой формы стручки, лежащие в ящичке моего письменного стола, напоминают мне теплую весну в Триполи, богатые виллы квартала Андалус и это в роскошных цветах дерево.

Рассматривая ту же карту, я заинтересовался семантикой названий улиц. Возьмем, например, улицу Мечети Фашлюм, которая начинается от Баб Тархуна и идет в центр города. Фашалима, берберское племя, которое, по-видимому, проживало в этом квартале, и дало свое имя мечети и улице. Или другой пример — квартал Гурджи, застроенный четырех- и пятиэтажными современными домами, где жила группа советских специалистов. Гурджи — тоже имя собственное, которое относят к одной из местных богатых семей. Но я слышал и другую версию, суть которой сводится к тому, что здесь в средневековье стоял лагерем отряд турецких янычар, набранных из грузин. Именно от этого и пошло название этого квартала ливийской столицы.

О предположении насчет грузин и Гурджи мне рассказал пожилой ливиец Али Фаркаш, который то ли работал в старом турецком дворце у Зеленой площади, то ли просто приходил сюда посидеть на лестнице. Я уже облазил весь музей, находившийся в этом дворце, закупил все книги по древней и средневековой истории Ливии и по мусульманским памятникам. Но мне не хватало каких-то бытовых деталей из жизни ливийцев, и моя встреча с Али Фаркашем была, как говорится, подарком судьбы.

Мой знакомый Али был настоящим ливийцем. Прежде всего вы замечаете копну чуть тронутых сединой курчавых черных волос, которые он расчесывал гребнем с длинными зубьями на деревянной ручке. Карие глаза на смуглом лице с правильным носом спокойно смотрят на вас из-под густых бровей. Его голову покрывала белая, похожая на нашу среднеазиатскую плоскую тибетейку шапочка «такыя». Впоследствии он прибавил к этому слову определение «таджурия» (таджурская, сделанная в Таджуре), заметив, что есть еще «такыя мисратия» (сделанная в городе Мисурата), вязанная из шерсти в виде колпака с короткой кисточкой голубого, красного или желтого цвета. Ее сейчас не носят, добавил он, так же как не носят «такыя аль-баскаль», напоминающую египетскую феску с кисточкой. Такыя мисратия была частью костюма богатого ливийца до Сентябрьской революции 1969 года. Когда-то мужчины носили «такыя харра», которая в

Триполи была темно-красного цвета, а в Бенгази — черного. Этот головной убор похож на таджикскую шапочку и называется еще словом «каббус». Из разговора с Али и его объяснений я понял, что головной убор давал возможность примерно определить район, откуда прибыл его владелец. Так, такая таджурия была распространена в пустынных районах, а такая мисратия, изготовляемая из хлопковой или льняной ткани, — на побережье.

Во время наших встреч Али дважды менял костюм. В первый день знакомства он был одет в длинную, до пят, с рукавами рубаху, называемую «сурия», на плечи был накинут белый шерстяной плащ-накидка — «хаули» (см. следующий раздел). Он продемонстрировал мне, как можно в этот кусок ткани длиной 5 метров и шириной 1,5 метра замотать тело и даже прикрыть концом голову. В другой раз он пришел в белой до пояса рубахе с тремя пуговицами впереди («камис») и в узких брюках («серваль»). Как я понял, этот наряд называется «бадья арабия» (арабский костюм). От Али я узнал и о других видах одежды. Например, «джаллед» — легкое длинное пальто с короткими рукавами, в комплекте с которым можно носить бурнус. Некоторые аксессуары, такие, например, как шаль, надевают по личному усмотрению и к любому костюму, кроме хаули. Кстати, хаули и сегодня ткется вручную на горизонтальном станке, называемом «халляла».

От разговора о современном костюме мы перешли к временам старым. Толчком к этому послужил отказ Али Фаркаша рассказать мне о женской одежде сегодняшнего дня. Он заметил лишь, что все женщины одинаково любят красивые платья, на которые надевается белая накидка — «фаррашия», и что иногда они носят длинное, до полу, платье на пуговицах, называемое «галабият ниса» (женская галабия), и покрывают голову косынкой — «тисмаль». Зато я узнал от Али об одежде арабских и еврейских женщин Триполи прошлого века, которая была одинаковой по форме и названию. В «хаули аль-визар» заматывались с головой и арабские и еврейские женщины. Эта шелковая ткань с добавлением серебряной или золотой нити производилась в Триполи. Хаули галей саафи, хаули сурани, хаули моллайет ахмар — все эти ткани различаются лишь расцветкой и узорами, а также количеством добавленных в ткань серебряных или золотых нитей. К женской одежде полагался «хизам» (шелковый пояс) и «махрама» (платок), закрывающий лицо, которые также носили и арабские и еврейские женщины.

От Али я узнал, что в конце прошлого века в

Триполи было три консульства (английское, французское и итальянское), четыре рынка (благовоний, еврейских ремесленников, шелковый и рыбный), а также три бани.

Самой старой и известной была расположенная около одноименной мечети баня, носившая имя североафриканского корсара Даргута. Она была построена в 1670 году. Об этом гласит надпись на фонтане возле бани, который ливийцы называют «шадраван». Перед баней была меняльная лавка. Ее владелец, известный в Триполи купец Заклаи, сильно разбогател на торговле с Центральной Африкой. Он имел свои мастерские по изготовлению шерстяных и хлопчатобумажных тканей. Его богатство даже вошло в поговорку, и нередко, выходя из бани, один ливиец, желая добра своему приятелю, восклицал: «Дай Бог, чтобы у тебя было столько же денег, как у Заклаи!» За пределами стен старого Триполи находилась другая баня — Мизран. Местные острословы говорили о ней так: «В бане Мизран получаешь два удовольствия — промываешь мозги и тело».

Женская баня в старом Триполи помещалась в квартале Зинка, где проживали только арабы. Слово «зинка» означает «переулок». Иногда этот квартал называли Женским кварталом: в многочисленных лавчонках здесь продавались всякая косметика и женская одежда. Вообще Триполи славился своими банями, кстати очень чистыми, и иностранцы их часто посещали.

В Женском квартале продавали одежду для невест и женщин «мустаазана», которые в Триполи брали на себя нелегкую обязанность созывать на свадьбу, начинающуюся в четверг, всех гостей. Они выступали также в роли свах. Расположение лавок по продаже одежды для невест и свах по соседству с женской баней было не случайным. Специальный день — понедельник — отводился для купания невест. Сначала их мыли с помощью лифы и зеленого мыла. Затем являлась массажистка («далляк») и отмывала свою клиентку, что называется добела. В эти дни баня использовалась и для переговоров о приданом (в Триполи оно называлось «кафа»), которое обычно перевозилось на осле. Богатые люди приданое своих дочерей считали не по количеству предметов, а по числу этих ослов. Самое большое приданое, которое в старом Триполи было зафиксировано в прошлом веке, перевезли на 40 ослех.

Рядом с баней помещалось несколько ремесленных ткацких мастерских и красилен, и естественно, что часть произведенных здесь товаров также входила в

приданое невесты. Наиболее известными были красильни владельцев аль-Калляли, аль-Милуди и Бен Наджи.

Чистота триполийских бань, о которой писали все путешественники, не могла избавить население от болезней. Самым распространенным заболеванием здесь было воспаление глаз, особенно у детей. Причиной этого являлись пыльные бури, яркое солнце и недостаток пресной воды. В конце прошлого века среди жителей Триполи, как считают, почти не было ни одного человека, который за всю свою жизнь ни разу не болел бы глазными болезнями. Многие слепли, так как отсутствовала медицинская помощь и жители нередко прибегали к народным средствам для лечения воспаления глаз и трахомы. Самым распространенным методом было прижигание кожи на виске на уровне глаз или на обоих висках. Поэтому многие имели на лице такую метку. Кстати, таким образом лечили болезни глаз не только в Триполи, но и в Бенгази, и в городах других арабских стран. В Багдаде, например, способом лечения трахомы у детей также служило прижигание, только оно делалось сзади, на шее и на позвонках.

Кстати, Али Фаркаш сказал, что, по мнению нынешних врачей, среди вредных привычек жителей старого Триполи была привычка накрываться во время сна одеялом с головой. Сделанное в виде мешка из грубой ткани одеяло было настолько тяжелым, что затрудняло дыхание спящего.

Али познакомил меня и с некоторыми ливийскими обычаями. С месяцем мусульманского поста рамадан в Триполи связано много интересных и своеобразных обрядов. Покупка новых одежд, ночные шествия, особенно во время праздника разговенья в конце тяжелого, изнурительного поста,— эти и другие обряды соблюдаются ливийцами. Обычно старики с упоением рассказывают о праздничных вечерах, а молодежь с большим интересом им внимает.

Одним из обычаев в старом Триполи были шествия небольших групп мужчин во время «сухура» (время перед рассветом), когда мусульмане в последний раз перед наступлением дневного поста могут принимать пищу. Поэтому эти шествия и назывались «масхаратия», и возглавлял их «суладжи», «нобаджи» или «азиф ат-табибилия». Все это синонимы: турецкое «сула» и арабское «ноба» означают «шествие»; «ат-табибилия» — маленький барабан, а «азиф» — человек, который бьет в этот барабан. Во главе процессии шел человек с шестом, к которому привязывались разноцветные платки. Этот шест, называемый «бамбура», служил, види-

мо, для дирижирования следующей за ведущим толпы. Во время этих церемоний люди из толпы ходили по домам, а их обитатели давали им сладости и деньги. Интересно, что прибаутки, произносившиеся при этом, говорились по-турецки, поскольку турки ввели в Триполи этот древний обычай.

Азиф ат-табибия — профессия более редкая, чем нобаджи. В конце прошлого века в Триполи насчитывалось всего семь таких человек, причем в каждом квартале был свой собственный. Они ходили по городу перед рассветом, с тем чтобы предупредить людей о начале поста, подогреть их бдительность и подготовить к началу длинного дня. С последним его ударом по барабану мусульманин должен был проглотить последний кусок пищи. Все эти церемонии сопровождалась прибаутками, которые были разными в начале, середине и конце рамадана. Азиф ат-табибия также получали деньги и сладости, причем в большем количестве, чем нобаджи.

В Ливии время появления тонкого серпа полумесяца в первый день месяца рамадан фиксировалось выстрелами из пушки. В другие дни рамадана, в момент прекращения трапезы, делался один выстрел. Начало разговения знаменовалось двадцать одним выстрелом, а в период этого праздника час наступления каждой молитвы отмечался одним выстрелом. Говоря об этом, Али указал рукой на старую пушку на колесах, что стояла перед лестницей, ведущей во внутренний двор турецкой крепости, и движением головы указал куда-то вверх, на высокую стену турецкой крепости, откуда стреляла пушка, находившаяся там.

В последнюю нашу встречу Али Фаркаш, провожая меня через Зеленую площадь к улице им. Первого сентября, показал место, где раньше стоял памятник Септимию Северу (годы правления: 193—211). Став командующим легионами в Паннонии², он смог переиграть своих соперников и стал римским императором.

Мне вспомнился этот эпизод нашей заключительной встречи с Али, когда я находился в Будапеште и на озере Балатон. Именно здесь, в Паннонии, центром которой считалась область на запад от Дуная, развивались события, которые привели к власти первого солдатского императора Септимия Севера.

В археологическом отделе Венгерского национального музея в Будапеште (открыт в 1926 году на базе

² Паннония — римская провинция (с 10 года до нашей эры), названная так по имени населявших ее иллирийских племен — паннонцев. Занимала часть территории современных Австрии, Венгрии и Югославии.

Департамента медалей и древностей, который был создан еще в 1814 году на базе коллекции, переданной музею венгерским аристократом графом Ференцем Сечени) есть довольно богатая римская экспозиция. Среди ее предметов обращает на себя внимание бронзовая изящная женская статуэтка Победы, найденная в междуречье Дуная и Тисы в 1965 году. Крылатая женщина стоит на земном шаре, ее правая рука с пальмовой ветвью простерта вперед. Время изготовления — годы правления императора Тиберия (14—37). Место находки богини выходит за пределы римских владений. Можно предположить, что сарматы, с которыми римские легионы воевали в этих местах, во время одного из своих удачных набегов захватили эту статуэтку как трофей.

Обратное, местное влияние на повседневную жизнь римских горожан в Паннонии можно обнаружить на любопытном экспонате римского периода. Я имею в виду застёжки — фибулы, которыми римляне на правом плече закрепляли свою тогу. Эти фибулы имели оригинальную форму (некоторые напоминали большие, длиной 15 сантиметров, английские булавки), изготовлялись из золота и были украшены овальным розовым сердоликом. Кто знает, может быть, кто-то, видевший Септимия Севера, носил эти фибулы: они датируются первой половиной II века, когда будущий император прибыл в Паннонию еще в качестве солдата.

В залах римской экспозиции ищу хоть какое-нибудь изображение Септимия Севера. Вижу карту римских крепостей, протянувшихся вдоль границы, идущей по берегу Дуная. Примерно 50 крепостей прикрывало Паннонию от военных набегов с востока и севера. Однако от культурного влияния с востока они не смогли ее оградить, да, видимо, и не старались. В пестрой толпе жителей и купцов римских цитаделей было немало выходцев из восточных стран, которые вместе с экзотическими товарами привезли сюда и свои культурные традиции, религиозные воззрения, вкусы и привязанности. И так случилось, что в Паннонии кроме официального культа Рима население поклонялось богу лесов, полей и стад Сильвану, индоиранскому богу-миротворцу Митре и древнеегипетской богине плодородия, воды и ветра, мореплавания и волшебства Изиде.

Наконец нахожу своего героя. На темном полотне наклеены крупные фотографии 12 римских монет, и среди них — монета с изображением Септимия Севера с негустой курчавой бородой. Тут и другой император — Галлиен (218—268) в характерной солнечной короне. В Паннонии было два монетных двора, которые исправно чеканили римские денарии.

ТРИПОЛИ МУСУЛЬМАНСКИЙ

Во время раскопок в Триполи было обнаружено несколько надписей, которые подтвердили, что на месте города находилось поселение Оаит. Это название созвучно имени одного из ливийских племен — вавиат. Название племени ушло в небытие, но город сохранил свое, правда видоизмененное, имя — Эа (Эя). На реверсе монеты, обнаруженной во время раскопок в Триполи, помещена лигатура монетного магистрата, которая расшифровывается как *Colonia Antonina Oea Augusta Felix*. Иными словами, в этой надписи засвидетельствовано, что монета отчеканена в колонии (поселении) Эа. Из истории Римской империи известно, что город Лептис, один из троицы, получил почетное название колонии в 109—110 годах, в период правления императора Траяна (98—117). Судя по монете, город Эа стал именоваться колонией при императоре Антонине Пии (138—161), т. е. несколько десятилетий спустя после Лептиса. На другой обнаруженной монете город назван «Эа билят Макар» (Эа — страна Мелькарта), видимо чтобы подчеркнуть, что своим процветанием он обязан финикийцам из города Тира, поклонявшимся своему главному богу Мелькарту.

Ведь еще в период персидского господства три города на территории нынешнего Ливана — Тир, Сидон и Арвад (Руад) — создали союз трех городов, и, быть может, население Эа считало себя потомками выходцев из Тира, который, как Эа, был страной Мелькарта. Ведь финикийцы из Тира, где бы они ни появлялись, возводили храмы своему богу, и, вполне вероятно, такой храм был и в Эа. Первое финикийское поселение в Эа обнаружить не удалось, однако ученые считают, что оно находилось в северо-восточной части нынешнего старого города. Кроме того, примерно в V веке до нашей эры на североафриканском побережье, на территории современной Ливии, три финикийских города — Лептис, Сабрата и Эа — объединились в союз «триполис», откуда и пошло название Триполитании.

Арабское название Триполи — Тараблус — впервые было использовано завоевателем Египта Амром в письме к халифу Омару после захвата города Шрус в

642 году, находившегося на невысокой горной гряде Джебель-Нефуса, отсекающей пустынное плато от побережья. Амр писал следующее: «Аллах „открыл“ нам Атараблюс. От этого города до Африки (т. е. до современного города Тунис.—*О.Г.*)—только девять дней перехода. Если повелитель правоверных считает нужным завоевать ее—да „откроет“ ее Аллах для него!» Здесь арабский глагол «фатаха» — «открывать» употребляется в смысле «завоевать». Мусульмане под зеленым знаменем ислама в VII веке «открывали» все новые и новые страны, в том числе и расположенные в Северной Африке. В своем послании Амр в начале слова поставил первую букву арабского алфавита «алиф», которая потом исчезла из написания. С этих пор имя Эа, которое город носил более полутора тысячелетий, перестало существовать.

Триполи был захвачен турками в 1551 году, во времена султана Сулеймана Великолепного. Те турецкие корабли, которые потерпели неудачу на Мальте, осадили Триполи с моря и вскоре его взяли. В середине XVI века к названию города стали добавлять слово «аль-гарб» (западный), с тем чтобы отличать его от Триполи на территории Ливана.

Город Триполи и сейчас полон археологических загадок. В настоящее время в порядок приведен только старый турецкий замок—Сарай, или Сарай аль-Хамра—Красный замок (дворец). Работы проводила шведская фирма. Многочисленные дворики, веранды, крытые переходы сделали этот с виду грозный замок уютным музеем истории и естествознания. Кроме исторических экспонатов, заспиртованных ящериц и змей, окаменелых деревьев и скелета ископаемого ящера в нескольких залах музея собран богатый этнографический материал. Именно здесь я впервые увидел манекены в костюмах туарегов и кочевников из пустыни Сахара.

В 1986 году, во время реставрационных работ в старом квартале города, примыкающем к Сарая, при строительстве лестницы к окружающей замок стене были вскрыты подвалы. Прибывшие на место археологи обнаружили кладку и остатки стеновых фресок, исполненных зеленой и красной краской. Сама кладка и величина обтесанных камней из известняка свидетельствовали о том, что строение возведено в римский период. Тут же были найдены осколки битой посуды из-под пива и вина, сломанная солдатская кровать, обрывки проводов. По мнению ученых, в этом подвале уже во время второй мировой войны итальянские фашисты организовали пункт телефонной связи со

своими частями в Триполи. И тут же среди этого мусора был случайно обнаружен хорошо сохранившийся, высотой около метра бюст императора Марка Аврелия (годы правления: 161—180).

Осмотр помещения и предметов свидетельствовал о том, что бюст римского императора, имя которого связано с Ливией, оказался здесь случайно. Скорее всего он был принесен сюда итальянцами, которые пытались его сохранить, возможно, для того, чтобы переправить в Италию. Так или иначе, но в 1986 году в Триполи был обнаружен бюст императора Марка Аврелия. Два других были найдены в Лептис-Магне. Ценность «триполийского» бюста в том, что он дает изображение Марка Аврелия в римской тоге, застегнутой на фибулу, в то время как две другие его скульптуры представляют императора в воинских доспехах. Марк Аврелий был не только удачливым военачальником, но и философом. Одежда третьего бюста подчеркивает эту его особенность. Однако военные доблести этого императора импонировали римским аристократам гораздо больше. Доказательством может служить построенная в 162 году в Эа одним римским патрицием триумфальная арка по случаю победы Марка Аврелия над ливийскими племенами гарамантов.

Эта довольно миниатюрная арка в старом городе имеет кубическую форму с одним арочным проходом и сложена из крупных блоков белого известняка. Ее окружают жилые здания, вблизи расположены полицейский участок и старая мечеть. Горы бумажного мусора, пластмассовых пакетов и бутылок, которые намет ветер в укромные уголки арки, напоминают о скоротечности славы ратных побед любого военного деятеля.

Старый квартал Триполи был обнесен стеной, в которой было четверо ворот. Ворота в северной части назывались Баб аль-Бахр (Морские ворота): они вели на причал и в порт. Иногда мальтийцы, частые гости в Триполи, именовали их Баб аль-шатт (Прибрежные ворота). На запад вели ворота Баб аль-джадид — Новые ворота. На южной стороне было двое ворот: Баб аль-муншия и Баб аль-хандак. Эти ворота находились, видимо, рядом: в некоторых источниках они встречаются либо под первым из указанных названий, либо под вторым. Слово «аль-муншия» на триполийском диалекте означает «поселение», «деревня»; прежде оно употреблялось в применении к большому оазису. Поэтому иногда в Ливии «аль-муншия» используется как синоним слова «ваха» (оазис). «Хандак» в переводе с арабского означает «окоп», «ров». В настоящее время

словом «аль-муншия» обозначаются районы общей застройки вокруг какого-то центра, рынка или площади, хотя первоначально это понятие употреблялось как место поселения определенного рода, клана или цеховой артели внутри города.

Много интересных сведений я почерпнул из беседы с главным редактором газеты «Старый Триполи» аль-Варфали, которая издается с начала 1987 года Управлением по реконструкции старого города Триполи. Эпиграфом к своим публикациям газета взяла слова Каддафи: «Каждый старый город заслуживает того, чтобы обнести его стенами и сделать в них ворота, отремонтировать и очистить его, организовать его посещение, с тем чтобы люди узнавали, как протекала жизнь в этом старом городе». Аль-Варфали объясняет, что первая цель издания газеты состоит в том, чтобы дать ливийцам представление об этапах развития, которые прошла их столица. Вторая заключается в организации различных фестивалей и народных представлений. И последняя — публикация статей и иллюстративного материала о старом Триполи. На мой взгляд, как сама идея издания газеты, так и изучение публикуемых материалов показывают, что поставленные задачи выполняются.

Действительный член Русского географического общества П. А. Стенин подготовил и опубликовал в 1892 году в Санкт-Петербурге историко-географическое и этнографическое обозрение мусульманского мира, где помещен любопытный материал по Ливии, и в частности по Триполи. «Издали Триполи поражает своей белизной и привлекательностью, но внутри полон развалин,— пишет П. А. Стенин.— Он окружен стенами с бастионами и в северной части заключает старую цитадель (касбу). На другом конце города возвышается замок, в котором живет генерал-губернатор. Из 7 мечетей Триполи замечательны: соборная мечеть, мечеть Сиди-Драгута и мечеть Сиди-Гурджи. В 4 медресах юношество изучает Коран. Сверх того в Триполи есть православная и католическая церкви и 3 синагоги; здесь же существуют два отеля, содержимые итальянцами. В городе считается 20 000 жителей, в том числе 3000 евреев, 2500 мальтийцев и 2000 итальянцев»¹.

Эти данные о числе мечетей и жителей относятся к 80-м годам прошлого века. Газета «Старый Триполи» сообщает, что уже в последние годы прошлого века в

¹ [Стенин П. А.] Восток. Страны Креста и Полумесяца и их обитатели. Историко-географическое и этнографическое обозрение Левантского мира. СПб., 1892, с. 458.

городе было 3,5 тыс. домов, в которых проживало 30 тыс. человек. Английский путешественник Г. Каубер, посетивший Триполи в 1897 году, сообщает, что в Триполи было десять мечетей, одна христианская церковь, одна синагога, одна школа и два христианских кладбища.

Согласно канонам ислама, каждый мусульманин может молиться в любом месте, но в пятницу предпочтительно сотворить молитву совместно с братьями по вере. Поэтому мечеть, где собираются мусульмане на пятничную молитву, называется «джамиа», т. е. «место, собирающее людей». Мечети — роскошные или скромные, украшенные высокими минаретами или без них, в зависимости от архитектурных традиций и господствующих религиозных представлений, — обязательная принадлежность любого мусульманского города. В этом отношении Триполи не является исключением. Наш соотечественник П. А. Стенин фиксирует, что «триполийцы исповедуют ислам, причем среди невежественной черни огромным влиянием пользуются слывающие за святых фанатики — марабуты»².

Самая старая мечеть в Триполи называется Джамиа нака, где «нака» — «поднос», «чаша». По преданию, когда арабские войска вошли в город, жители собрали деньги для передачи их полководцу Амру. Часть этих денег они поднесли ему на подносе. Амр не принял дара и приказал использовать собранные деньги на строительство мечети. Так она и получила название Мечети нака. Она представляет собой прямоугольное здание со сторонами примерно 40×20 метров при толщине стен 40 сантиметров. 36 колонн поддерживают перекрытие из 42 куполов. Минарет мечети невысок и имеет шестиугольную форму. На площадку внутри минарета, откуда совершается призыв на молитву, ведут 36 ступеней. Эта самая старая мечеть Триполи сохранила, так сказать, свое патриархальное обаяние и пользуется особым почитанием у мусульман столицы. И это понятно: ведь она построена на народные деньги по указанию завоевателя Египта Амра ибн аль-Аса, сподвижника пророка Мухаммеда.

Мечеть Даргуса, возведенная в XVI веке, считается одной из самых больших в старом городе Триполи. Даргус (или Даргут, как его именуют европейцы) — известный североафриканский морской разбойник, который находился на службе у турецкого султана. Вместе со своим отрядом в полторы тысячи человек он

² Там же, с. 457.

принимал активное участие в осаде Мальты в июне 1565 года и погиб в бою при бастионе Св. Эльмо в районе нынешней столицы Мальты. Триполи был базой его флота, и, видимо, часть добытых на море богатств Даргус потратил на сооружение мечети.

По своей архитектуре она типична для культовых сооружений Триполи того периода. Зал для молитвы площадью 438 квадратных метров разбит на три части. В средней части стоят 12 колонн, которые поставлены уже после реконструкции мечети. Потолочное перекрытие центрального зала сделано в виде 20 куполов. Потолочные перекрытия боковых приделов покоятся на римских мраморных колоннах, некоторые из которых даже сохранили капители. Минарет мечети круглой формы опирается на квадратное основание, длина стороны которого достигала почти 5 метров. Конусообразный минарет имеет небольшой балкон. Любопытно отметить, что сам минарет как архитектурная деталь культового сооружения был заимствован мусульманами скорее всего у персов-огнепоклонников. На таких башнях, которые, судя по зарисовкам персидских храмов, находились в углах здания, зажигался огонь. Арабское слово «минарет» так и переводится: «место, где находится огонь». Однако применительно к мечети Даргуса минарет назван «аль-маазана», что означает «место, откуда произносится „изан“» — призыв на молитву.

Джамиа ад-друдж (Мечеть у лестницы) также одна из достопримечательностей Триполи. Она названа так потому, что к ее входным дверям ведет несколько ступенек. Мечеть построена в XVIII веке и относительно невелика. Длина ее северной стены составляет всего 12 метров, а южной — чуть больше 8 метров. Внутреннее помещение делится на три придела четырьмя колоннами, которые соединены между собой арками. Наибольший интерес представляют собой мраморный «михраб» (ниша, куда обращают свои молитвы мусульмане) и находящаяся справа от него, сделанная тоже из мрамора кафедра для проповедей, отделенная от зала деревянной резной решеткой. Минарет в отличие от минаретов других мечетей встроен в стену, и к его площадке ведут 12 пологих ступеней.

Говоря о мусульманском городе, нельзя обойти молчанием восточные рынки. Шелковый рынок был одним из самых важных торговых центров в старом Триполи. Это вполне естественно, ибо в самом городе производили шелковую ткань и изделия из нее. Шелковый рынок начинался от улицы, населенной плотниками и их подмастерьями. Там, где улица подходила к морскому берегу в северной части старого

города, находилась кофейня Мухтара бен Раджаба, которую посещали работавшие здесь ткачи.

Мухтар бен Раджаб был «кахвачи» (специалистом по приготовлению кофе). Это слово тюркского происхождения широко вошло в повседневный обиход в арабских странах. Оно построено по такой модели: название предмета+аффикс со значением деятеля: «чи» либо «джи» в зависимости от диалекта. В арабских странах помимо кахвачи есть также «чайчи» (тот, кто готовит чай), «бустанджи» (садовник), «магазанджи» (лавочник или хозяин склада).

Мухтар, типичный триполийский кахвачи, одевался в ливийскую национальную одежду и был обильно надушен розовой водой и умачен восточными благовониями. Его верхняя одежда состояла из вышитой жилетки, называемой на местном диалекте «фармаля», или из куртки, тоже вышитой, именуемой «збун». От этого слова пошло русское название крестьянского верхнего кафтана из грубого сукна без воротника — зипун.

В своей кофейне Мухтар работал один, без помощников, напевая себе под нос различные прибаутки и частушки. Он открывал кофейню рано утром и готовил каждому ткачу по вкусу и настроению не только арабский кофе в чашечках — сладкий, чуть прислащенный или «кадкад», т. е. черный, без сахара, но и разные сорта чая. Одним из легких видов чая, любимых ливийцами, был чай со специями, называемый «какавия».

Мухтар был не только хозяином кофейни, но и доверенным лицом женщин, которые приходили на Шелковый рынок за готовым товаром или же приносили сюда полуфабрикаты. Материал ткался в основном еврейскими ремесленниками. Работу по подготовке пряжи, добавке в нее серебряной или золотой нити женщины выполняли дома. Богатые шелковые ткани, которые отмерялись кусками и назывались «хаули харир», изготавливались для женских свадебных нарядов. Самая дорогая полосатая шелковая ткань — «хаули каркаду» — шла на наряд невесты или на одежду, предназначавшуюся только для торжественных случаев. Стоимость куска этой ткани (5×1,5 метра) составляет сегодня приблизительно 3 тыс. американских долларов.

Вход на рынок для женщин был закрыт, и Мухтар, зная, к какому ткачу пришла та или другая посетительница, сообщал ему об этом весьма своеобразно — перезвоном медных тарелочек, в которые обычно наливали питьевую воду. Ни имени ткача, ни имени женщи-

ны он не называл: паролем была выбиваемая на тарелочках мелодия.

Современный ливийский историк Мухтар Рамадан аль-Асвад, рассказавший историю своего дяди — кахвачи Мухтара, сообщает имена самых знаменитых в Триполи ремесленников-ткачей. Кстати, на Шелковом рынке производили и продавали не только шелка, но и хлопчатобумажную, шерстяную ткань. Большого мастера своего дела ливийцы называли «уста» (от арабского «устан» — профессор). Кроме ремесленников-евреев были и специалисты-арабы, которые работали целыми семьями. Одна из этих семей — семья Канию — дала двух знаменитых ткачей: Мухаммеда Канию и Амина Канию. Затем историк называет семьи Банун, аль-Джаррах, Бариун, Андир, аль-Хариф и др. В среде ткачей в 1937 году случилось событие, которое всех очень взволновало. Мухаммед бен Ибрагим приобрел у семьи Банун кусок шелковой ткани (хаули каркаду) и подарил его Муссолини. Мухаммед бен Ибрагим проживал во втором по величине городе Ливии — Бенгази, но считался «амином» (цеховым старостой) ткачей, работавших на Шелковом рынке, и носил титул «кавелери», дарованный ему фашистским правительством Италии. Местные ткачи обвиняли его в том, что он передал их профессиональные секреты итальянским промышленникам, которые вскоре стали производить «хаули фабрика» и засылать свою продукцию в Ливию. Одновременно итальянские власти в Ливии отказались возобновлять разрешение на работу местным ткачам — арабам, что было расценено ими как объявление экономической войны со стороны Италии.

Словом «хаули», как уже говорилось, назывался не только кусок ткани, но и шерстяной или хлопчатобумажный плащ-накидка белого или кремового цвета. Тот же плащ из коричневой, красной или черной шерсти именовался в Триполи «аба», а в Зуаре — «вазра». Каждый кусок шелковой, шерстяной или хлопчатобумажной материи ткался на горизонтальных станках, причем размеры кусков были различны, что зависело не только от станка, но и от назначения ткани. Так, «хаули эрдей» (кусок хлопчатобумажной ткани) имел обычно размеры 4×1,5 метра, а «хаули суф» — 4,5×1,5 метра.

Различным видам ткани ливийцы давали свои названия, причем ткани для мужской и женской одежды разделялись. Так, лучшая мужская ткань называлась «мджааб», затем шла «халляли», в которой было больше шелка, чем в первой. Шерстяная ткань, производимая в городе Налут, называлась «налути» и высоко

ценилась. В городе Злитен изготавливалась шерстяная ткань «аба» (то же название, что и мужской накидки), которая затем стала производиться в других местах, правда с некоторыми вариациями. Традиционная ткань «злитни» имела красный цвет. Женские ткани были не менее разнообразны. Наибольшим спросом пользовалась полосатая «саидани», а самыми высококачественными были «каркаду», та самая, что была подарена Муссолини, и «макрун». Затем следовали «абу тараф» и «аль-атраш» — гладкая ткань с красной и розовой полосой посередине. В прошлом была популярна ткань голубого цвета «сфакси» (по имени тунисского города Сфакс).

Ткацкое производство в Ливии было довольно широко распространено, хотя своего сырья, кроме шерсти, в стране не было: шелк ввозился из Китая через Европу, а хлопчатобумажная пряжа — из Англии. Станки были примитивными, в основном двухъярусные, деревянные, с ручным приводом. Любопытно, что мужчины работали на горизонтальных ткацких станках, а женщины — на вертикальных, и притом, как уже говорилось, работали только дома. Ливийские ткани пользовались спросом не только в стране. Они вывозились в Тунис и Египет. Центром ткачества был, естественно, Триполи, где в начале века насчитывалось около 2200 ткацких станков; в Бенгази было 500, в Мисурате — 250 станков, в том числе для изготовления тканых ковров, а в Дерне — более 100 станков. В начале XX века у ливийских ткачей появился новый станок для изготовления жаккардовых тканей, который местные ткачи называли «нуль аль-бзуля». Появление этого станка связано с именем Ибрагима Дагри, который впервые привез его в Триполи в 1926 году.

Вообще профессия ткача считалась в Ливии достаточно престижной, поскольку изобретение ткацкого станка связано было с именем мусульманского пророка Шита, который, по преданию, придумал примитивное ткацкое устройство «мсадда» для изготовления ковров, покрывал и половиков. Среди ливийских ткачей ходит легенда о том, что дьявол явился к пророку Шиту и предложил ему добавить одну деталь в мсадду, надеясь, что это новое дьявольское приспособление окончательно порушит ткацкое устройство. Шит поверил, взял эту деталь, которая не только не испортила его станок, а, наоборот, сделала его более производительным и искусным.

Кроме Шелкового рынка в Триполи были и другие торговые центры, например Турецкий рынок. Большинство его продавцов и покупателей были турки по

происхождению. Они собирались здесь в пятницу для молитвы в Мечети Даргуса. Турецкий рынок представлял собой плотно утрамбованную площадку с легкими навесами. Впоследствии он стал крытым, как и все рынки в Турции.

Турецкий рынок, помимо всего прочего, известен своим вкладом в развитие искусства. В 30-х годах нашего столетия здесь был построен первый в Триполи театр, который дал приют небольшой театральной труппе. Эта труппа, созданная в 1931 году Мухаммедом Абд аль-Хади в городе Дерн (на востоке Ливии), приехав в 1936 году на гастроли в Триполи, осталась здесь навсегда. Привлечь женщин для игры в театр было практически невозможно, поэтому женские роли в труппе исполнял Анвар ат-Тараблуси. В этом театре, который после приобретения его палестинцем аль-Джауни стал называться «Наср», была организована небольшая театральная школа. Ее окончил Мухаммед Хамди Абу Бакр — самый знаменитый комедийный актер дореволюционной Ливии.

На Турецком рынке с 1870 года находилось здание городского муниципалитета, которое в 30-х годах нашего столетия было переведено в другое помещение. Старое же здание приспособили под кофейню, служившую также местом встреч актеров и музыкантов. Именно на базе этого клуба Камиль Кады, Камиль Батата и Башир Фахми создали музыкальную группу. В 40-х годах, уже после освобождения Ливии от итальянских фашистов, была организована национальная музыкальная группа под руководством Мухаммеда Насаму и Хасана Хусейна Наввара, причем разрешение на создание этой группы дал лично глава английской военной администрации генерал Блекли.

На Турецком рынке было довольно большое число мелких торговцев книг и канцелярских товаров. Продавцы раскладывали свои товары прямо на земле, под навесом или деревом, либо на лотках. Они торговали лишь литературой на арабском языке, разрешенной монархическими властями Ливии. В этот довольно короткий список входили учебники, работы по арабской средневековой истории, в том числе о легендарных ее героях, сказки «Тысячи и одной ночи» и некоторые другие книги, которые не могли вызвать крамольных мыслей в головах ливийцев, занятых поисками хлеба насущного.

В октябре 1984 года я выехал на пляж (это был мой первый приезд в Ливию). 15 минут езды по забитому автомашинами городу — и мы выскакиваем на автостраду, идущую вдоль побережья до Бенгази и

границы с Египтом. Вдоль дороги густо растут эвкалипты. Некоторые деревья достигают 20-метровой высоты, но встречаются и небольшие кустарники на красной песчаной почве.

Когда я как-то ехал по этой же дороге в феврале, то увидел деревья, покрытые желтыми цветами. Это цвела мимоза, и каждое дерево было усыпано крупными желтыми шариками. Мимоза оказалась весьма коварным растением: как рассказывали наши специалисты в Таджикистане, ее корни пробираются в любую, самую узкую щелку пластмассовой водопроводной трубы, там разрастаются и затыкают трубу; водопроводчики могут долго искать, в каком месте перекрыта вода.

За кустами и белесыми, без коры, исполинскими эвкалиптами открываются апельсиновые, оливковые и гранатовые рощи. Об этом свидетельствуют и придорожные рынки. Почти через каждые 5—10 километров под деревом сидит несколько крестьян, принесших сюда, на обочину дороги, плоды своего труда: помидоры, красный лук, крупные гранаты, картофель, который здесь всегда свежий и молодой, так как выращивается круглый год, финики, тыквы, зелень и пр. Лук, гранаты и картофель насыпаны в красные сетчатые мешки («борза»), самую распространенную тару в этом районе.

Триполи находится в центре оазиса, который выходит к берегу Средиземного моря. Плодородная земля и близость воды сделали его важным центром сельскохозяйственного производства еще в древности. Особенно он славился апельсинами и лимонами, которые вывозились, по свидетельству итальянских путешественников, в Англию и превосходили по своему качеству даже цитрусовые с острова Сицилия. Кроме цитрусовых в оазисе выращивали инжир, оливки, груши, сливы.

До оккупации города итальянцами в 1912 году на восток и на запад от старого города росли пальмовые, оливковые, апельсиновые и гранатовые рощи. Весной, когда цвели апельсиновые и лимонные деревья, воздух был напоен тонким ароматом цитрусовых, к которому примешивался запах жасмина и триполийской розы.

Северная Африка традиционно славится как место, где произрастают цитрусовые. Здесь много апельсинов, лимонов и мандаринов, и они различаются по размерам и вкусу. Есть и дикие, а также выродившиеся виды этих деревьев, которые сейчас растут по обочинам сельских дорог, в городских парках и садах.

Однажды по дороге в Таджикистан я разговорился с крестьянином, продававшим цитрусовые. Я узнал, что обычные мандарины называются в Триполи «кени», в

то время как в Каире и других арабских столицах они именуются «юсфи» или «юсеф-эфенди».

Весьма разнообразны в Ливии сорта апельсинов. Например, самым сладким и вкусным считается большой апельсин с пупком, оставшимся от цветка. Он так и называется — «abu сурра», где «сурра» — «пуповина», «пупок». К хорошим сортам относится апельсин небольшого размера с красноватой кожурой и красной мякотью, именуемый «дамми» — «крававый». На вкус и запах апельсины также различаются. Сладкий апельсин — это «сукри», т. е. «сахарный». Кстати, он непопулярен из-за своего невкусного сока. Большим спросом пользуется сорт «деми», т. е. «полусладкий», что можно понять по его названию, заимствованному из французского языка. Ливийцы сетуют на то, что сегодня в стране почти исчезли апельсины сорта «миски» (мускатный) с пряным ароматом мускатного ореха. Среди сортов для переработки лучшим считается «шифши», который идет на изготовление мармелада.

В Ливии встречаются только два сорта лимонов. Крупные желтые плоды именуются «камри», т. е. «лунный». Некоторые лимонные деревья цветут постоянно, и небольшое благоухающее деревце может украсить любой сад. Маленькие зеленые и желтые лимончики на триполийском диалекте звучат как «бин захир» и широко используются в местной кухне. Однако меня сильнее всего поразило экзотическое название грейпфрута, который на местном диалекте называется звонким словом «замбу-амми».

Время от времени эвкалиптовые заросли по дороге на Бенгази уступают место средиземноморской сосне. Сочная зелень иголок особенно красива под ярким солнцем на фоне голубого неба. Земля под невысокими сосенками красная, усыпанная прошлогодними иголками и шишками. В ноябре пойдут дожди, и под сосенками вместе с травой появятся съедобные грибы, похожие на наши маслята. За один выход за город наши специалисты набирают по нескольку ведер, причем обычно все грибы как на подбор, одного размера, а главное, не изрыты червем.

Еще несколько километров — и мы въезжаем в небольшой городок Гарабули. Сейчас дорога идет по эвкалиптовой аллее. Сквозь ветки мощных деревьев видны вспаханные поля, ровные ряды апельсиновых деревьев, покрытых чуть тронутыми желтизной плодами, оливковые деревья со скрюченными стволами. Неприхотливое оливковое дерево иногда называют вдовьим деревом.

У Гарабули налицо все признаки города: рядом с

площадью — бензоколонка, мечеть с серыми раструбами громкоговорителей, административное здание, рынок с сезонными овощами, в частности круглогодичным картофелем, и финиками. В городе несколько двухэтажных недостроенных коттеджей: сокращение нефтяных доходов в начале 80-х годов привело к тому, что строительство жилых помещений заморожено. Судя по всему, приостановлено и строительство целого комплекса пляжных сооружений.

Еще несколько метров асфальта — и под колесами автомашины шуршит серый морской песок. По берегу кое-где толстым матрацем лежат темно-коричневые водоросли. Их старые, узкие, серые ленты очень хрупки. Тут же по берегу волны катают коричневые шары различных размеров — от теннисного мяча до воробьиного яичка. Большинство шаров правильной формы, но встречаются и немного приплюснутые с боков. Поднимаю один шар, другой и с удивлением обнаруживаю, что они состоят из мелких волокон водорослей, сбитых волнами в плотную, похожую на войлок массу. Разламываю несколько шаров. Коричневая волокнистая масса сильно пахнет йодом.

В нескольких метрах от берега на якорях стоят небольшие рыбацкие лодки. Большая часть из них имеет подвесной мотор. Здесь же вижу лодки, сколоченные из толстых досок, с тентом от солнца для экипажа, со стационарным двигателем. На берегу, полузасыпанные песком, валяются десятка два ржавых якорей. Они огромны, с человеческий рост, с четырьмя лапами и поэтому явно принадлежали крупным судам, которые когда-то сюда заходили. Ливийцы говорили мне, что в море, у каменной косы, которая отделяет залив от открытого моря, таких якорей еще больше. Видимо, когда-то этот залив был не только тихой рыбацкой гаванью.

Во время моей прогулки к берегу пристает несколько лодок. Средиземное море, как я уже говорил, небогато рыбой, и поэтому улов здесь более чем скромный: десятка два небольших, величиной с мужскую ладонь, морских карасей бледно-розового цвета. Мальчишки на берегу сразу же усаживаются чистить рыбу, а пришедший с моря старик в закатанных выше колен штанах и черной ливийской шапочке («каббус»), зажав в руке трех рыбок с длинными носами, медленно идет в свой шалаш. В его кошелке, плетеной из пальмовых листьев, лежат небольшая сеть и толстые лески с крючками и грузилами, намотанные на дощечки, которые у нас обычно называют самодуром.

Уже под вечер, когда рыбацкие хижины сбрасыва-

ют длинные тени в лучах заходящего солнца, на сером замусоленном песке я вижу небольшие цветы, похожие на крокусы. Плотные мясистые листья тянутся из песка к солнцу вместе с трехгранной цветоножкой, на которой сидят четыре цветка. Шесть собранных внизу белых прозрачных лепестков заканчиваются желтоватыми стрелками. Они издают крепкий аромат, чем-то напоминающий запах наших подмосковных флоксов в теплые августовские вечера. Но для этого цветка это был не только период цветения. Тут же рядом я обнаруживаю семена-уголочки неправильной формы, которые высыпались из мясистой коробочки, и луковичу, откуда проклюнулся нежный бархатный росток. Я посадил эту луковичу и семена в саду своего дома в Триполи, и через два месяца луковичи выбросили несколько узких листьев, но ни одного цветка.

Продолжая путь дальше, в сторону Бенгази, примерно на 101-м километре от Триполи мы сворачиваем с шоссе к морю. Петляя между холмами, засаженными соснами, по проселочной дороге в клубах красной пыли минуем недавно построенный туристический отель и выезжаем на берег заросшего пальмами залива.

Залив находится в 20 километрах от развалин Лептис-Магны, между Хомсом и Гарабули. В него впадает небольшой ручей, заросший камышом. На финиковых пальмах большими гроздьями висят неспелые финики. Под пальмами взрослые и дети подбирают сбитые ветром плоды. Большие, сверху золотистые, а снизу на конце темно-коричневые финики немного вяжут во рту, но их сладкая мякоть очень приятна на вкус. Среди камышей бродят длинноногие серые цапли, а поздно вечером сюда прилетают утки. Среди красной почвы мелькают обломки известняка, из которого сложены холмы. Сочетание ярких, сочных, без полутонов цветов — красная почва, белые глыбы известняка, зеленые сосны и голубое море — производит неизгладимое впечатление.

Если встать лицом к морю, то слева на утесе возвышается небольшой мавзолей — памятник какому-то мусульманскому святому. Сбивая ноги об острые камни, я вскарабкался на скалу и добрался до мавзолея. Он уже разрушен с одной стороны, и видно, что его купол сложен из небольших нетесаных камней, скрепленных цементным раствором. Купол венчает каменный «тарбуш» — феска. Мавзолей не старый: ему от силы лет 30—40. Как символ скорби рядом лежит толстое, высохшее до звона дерево. Его корни еще держат сухой ствол, но от них уже пошли новые молодые побеги.

ЩЕДРОЕ СЕРДЦЕ САХАРЫ

С ливийским прозаиком Ибрагимом аль-Куни я познакомился в Триполи, в зале гостиницы «Баб аль-бахр», где состоялся торжественный вечер, посвященный празднику нашей Октябрьской революции. Крупнейший ливийский писатель Али аль-Мисрати представил мне высокого молодого человека с приятной белой улыбкой, с традиционными усами, одетого, как и большинство молодых ливийцев сегодня, в европейский костюм. Его внимательные глаза с любопытством следили за окружающими и выдавали в нем человека, для которого внимание к людям, к их поведению диктуется, помимо всего прочего, и профессиональным интересом. Меня сразу же поразила одна деталь в облике Ибрагима аль-Куни: в руке он держал сплетенный из лоскутков цветной кожи предмет, похожий на длинную рукоятку пастушьего кнута. Этот предмет служил ему брелоком для ключей, которым он играл немного демонстративно, явно подчеркивая, что он, и только он имеет право обладать этим экзотическим предметом.

— Я — туарег, — сказал Ибрагим аль-Куни. — И этот брелок мне сплели мои соплеменники-туареги из родного города Гадамеса.

От этого первого знакомства с молодым и уже известным писателем Ибрагимом аль-Куни в память мне запали два слова: «туарег» и «Гадамес». И при первой же возможности я отправился в этот город, чтобы получить представление о жизни туарегов, руководствуясь при этом принципом: дабы лучше узнать творчество писателя и его героев, нужно прежде всего познакомиться с его родными местами, их историей и культурой.

Мое желание посетить Гадамес было положительно воспринято моими ливийскими друзьями. Ведь каждому человеку приятно внимание к истории и культуре его народа. И вопреки утверждению о суровости, нелюдимости и замкнутости ливийцев я встретил с их стороны самое любезное отношение и стремление помочь в организации непростой даже по нынешним нормам — при хороших гостиницах, автомашинах и дорогах — поездки в Гадамес.

Мы выехали из Триполи ранним февральским утром. Первый отрезок пути лежит через поселок Азизия на город Гарьян, и далее дорога идет вдоль южных отрогов горной цепи Джебель-Нефуса до города Налут, расположенного на высоте 700 метров над уровнем моря. Невысокие известняковые склоны этого хребта иногда прерываются небольшими долинами, засаженными зерновыми культурами, оливковыми и фруктовыми деревьями. Зелень отдельных, как часовые стоящих кипарисов резко контрастирует с красной отдыхающей землей и голыми плодовыми деревьями.

За Гарьяном мы съехали с обочины и приблизились к небольшой рощице невысоких сосенок. Пока готовился завтрак, я пошел побродить по перепаханному полю, вдоль невысоких обрывистых скал, вперив взгляд под ноги в надежде найти что-нибудь интересное. А эта надежда не была беспочвенной. История Северной Африки, особенно тех районов, по которым мы сейчас путешествуем, была местом обитания человека еще в глубокой древности.

В 1954 году итальянский археолог П. Грациози, изучив краткий путеводитель, составленный немецким путешественником Д. Рольфсом, трижды посетившим Ливию начиная с 1865 года, открыл в 80 километрах на юго-запад от города Мизда семь гротов с наскальными изображениями и в 1971 году опубликовал в Риме результаты своих исследований. Наиболее интересен древнейший период этой галереи. Здесь в натуральную величину изображены быки, страусы, многочисленные фигуры женщин. Последний сюжет, связанный определенно с культом плодородия, типичен для древнейшего периода наскальных изображений. По мнению П. Грациози, изображения быков с выгнутыми вперед рогами в ливийских гротах близки по стилю и технике к рисункам быков в гротах Италии и юго-запада Франции на Средиземноморском побережье, датируемым самым концом палеолита, и скорее всего именно из Африки они и появились в Европе. (Любопытно отметить, что в пустыне Гоби в 60-х годах советско-монгольская экспедиция открыла палеолитическую живопись в пещере Хойт-Цэнкер, изображающую страусов и напоминающую ливийские рисунки.) Хотя П. Грациози воздерживается от окончательных утверждений о времени появления первых наскальных рисунков в районе Мизды, бесспорно, что они являются одними из древнейших среди известных сейчас петроглифов Африки и, возможно, вскрывают еще одну сторону древних контактов трех континентов¹.

¹ Наука и человечество. М., 1973, с. 388.

В I тысячелетии до нашей эры, когда финикийцы, обитатели Восточного Средиземноморья, осваивали побережье Северной Африки, жившие в глубинных районах племена занимались земледелием и скотоводством, и появление ловких торговцев было воспринято без особой враждебности, тем более что финикийцы вели в основном посредническую торговлю и не вмешивались во внутренние дела племен. Пришельцы вначале настолько мало знали о коренных жителях, что верили в фантастические сведения о происхождении нумидийцев и ливийцев, как называли они всех местных жителей, от персов, мидян и армян. В самом конце I тысячелетия до нашей эры финикийцы основали на побережье, в 120 километрах от нынешнего Триполи, город Лептис, жители которого поддерживали устойчивые дружественные отношения с местным населением. Именно от Лептиса (впоследствии — Лептис-Магна: «магна» — «великий») в глубь страны шли караванные тропы. Они проходили как раз через те районы, где мы путешествуем. Одна дорога шла прямо на юг, к городу Мурзук, что в глубине Сахары (ныне центр исторической провинции Феццан), вторая — на юго-запад, к городу Мизда, лежащему на южной границе римской Африки, и третья — на запад, до города Гадамес.

В сборнике «Античная Ливия» приводится короткая справка по истории Гадамеса:

конец I века до нашей эры. Корнелий Бальб завоевал Гадамес. Известно, что этот римский полководец прошел в 19 году до нашей эры через Гадамес в Феццан и захватил Джерму — столицу гарамантов;

II век. Гадамес обеспечивает связь с морем и поставку керамики. Некрополь в пределах города уже используется;

конец II — начало III века. III легион стоял в Гадамесе. Римский император был родом из Лептиса и оказывал особые знаки внимания Северной Африке;

IV — V века. Расцвет цивилизации Гадамеса. Богатые горожане строят монументальные склепы;

VI век. При византийском императоре Юстиниане гадамесцы принимают христианство².

Продолжая рассуждения историков, можно предположить, что Гадамес представлял собой небольшое государство, которое поддерживало связи с Римом, а затем с Византией и странами Средиземноморья. Только в начале III века Гадамес был оккупирован III римским легионом, а во все остальные времена город пользовался свободой. Это подтверждается исследова-

² Libya antiqua. Tripoli, 1976—1977, vol. 13—14, с. 90—91.

ниями французского ученого Р. Ланфри относительно существования князей Гадамеса.

Раскопки в Фецане и Гадамесе дали обильные находки различных предметов. Это гончарные изделия, стекло, лампы, монеты, которые свидетельствуют о широком развитии торговли и о существовании уже в те времена торговых путей, ведущих с побережья через Сахару в Черную Африку.

А вдруг повезет и мне? Вот в красной земле я нахожу круглый каменный шар величиной с голубиное яйцо, который вполне мог быть древним снарядом от пращи, и несколько острых кремневых осколков, по всей видимости, от наконечников стрел. Ведь Мизда, где обнаружены наскальные рисунки древнейшей культуры, находится всего в 70 километрах от этих мест.

...Проезжаем город Налут, спускаемся с отрогов гор и берем прямо на запад, к Гадамесу. Наш путь лежит вдоль вади. В период больших дождей вади и их окрестности наполняются водой и приносят большие разрушения постройкам, не рассчитанным на такие атмосферные осадки. В начале марта 1988 года наши газеты сообщили о большом наводнении в алжирской Сахаре. Стихийное бедствие обрушилось на южные районы страны. Сахарский город Таманрассет и его предместья оказались буквально затопленными водой в результате сильного ливня, не утихавшего почти 30 часов подряд. В городе частично было парализовано движение автотранспорта. Два человека погибли, многие получили ранения, а более 300 семей были эвакуированы из домов, оказавшихся под угрозой затопления. Ибрагим аль-Куни написал сильный по своему психологическому накалу рассказ «Внеочередная молитва» о молодом туареге Дамуми, ценой своей жизни спасшем девушку Тамину от неожиданного и потому особенно страшного наводнения. Вади Джирджир, Зузам, Шаршув и другие вади, находящиеся в том районе Сахары, где мы путешествуем, служат караванными тропами, а редкие деревья, растущие здесь, дают приют караванщикам и скудный корм утомленным верблюдам.

Дорога заметно идет вниз. Ведь Налут расположен на высоте 700 метров над уровнем моря, а поселок Синаван, куда мы съезжаем, имеет отметку 31 метр. Вокруг раскинулась плоская, усыпанная щебенкой и цветной галькой пустыня, которая у арабов называется «хамада», а у туарегов — «тасили». Мы как раз находимся в западной части Красной пустыни (Хамада хамра) и сейчас забираем все круче к западу, к Гадамесу.

Сахара по праву носит название Великой пустыни, и уважение, которое она внушает коренным жителям, вполне оправданно. Площадь ее чуть меньше площади Европы, и на таком огромном пространстве Сахара, естественно, не может быть однообразной. Кроме щебнистого плато (хамада), которое вместе со скалами занимает половину площади Великой пустыни, Сахаре составляют: «серир» — пространства, усыпанные окатанной галькой и песком; «себка», или «шебка», — сильно расчлененная местность с засоленными глинистыми отложениями, во время дождя превращающаяся в топкие болота; «эрг» — большие площади, покрытые песчаными дюнами. В Аравии дюны передвигаются на 30—80 метров в год. В Сахаре таких резвых дюн нет. Более того, ученые полагают, что большие дюны в ядре своем сложены твердыми породами и образованы, как и вади, в более влажный геологический период.

Мне опять захотелось сослаться на Ибрагима аль-Куни, который вложил в уста одного из своих героев, караванщика Амуда, рассуждения о Сахаре — этой огромной сцене, на которой разворачивается действие почти всех его рассказов, собранных в книге «Глоток крови», вышедшей в Москве в начале 1988 года. «В Великой Сахаре много разных пустынь, — ответил шагавший впереди каравана Амуд. — Глинистая и песчаная, скалистая и горная, низинная и на возвышенности. Равнины есть и вади, камни, песок, щебенка. И никогда они не смешиваются. Каждая сахара независима, сама по себе, в другие не вторгается — словно ножом разрезана. Ты не знаешь еще, какое у нее щедрое сердце, у этой Сахары. Она всегда дает тебе больше, чем обещает. А если предашь ее, будет преследовать, где бы ты ни находился, и обязательно отомстит»³.

Эта цитата взята из новеллы «Дорога на Орес». В образе Амуда автор вывел своего отца. Орес — горная гряда в Алжире, где в период освободительной войны против французских колонизаторов находились базы алжирских повстанцев, куда через ливийскую Сахару караванными тропами переправляли оружие. Мне бросились в глаза не только философские реминисценции о Сахаре и ее щедром сердце, но и четкие географические описания Великой пустыни.

Особенно тронула меня своей искренностью короткая новелла «Куда ты, бедуин?». В ней говорится о кочевнике Абдалле, которого голод — пять лет в Сахаре не было дождей — выгнал из пустыни и заставил прибиться к столице Триполи. В представлении этого

³ *Ибрагим аль-Куни. Глоток крови. Пер. с араб. М., 1988, с. 119.*

бедуина Сахара — живой организм. И снова автор повторяет ту же мысль: она не только мстит за обиды и оскорбления, но и жалуется, поощряет за доброе к себе отношение. «Это она, Сахара, посылает дождь и заставляет цвести терпентиновое дерево, изрыгает из своего чрева газелей, кроликов, антилоп, а может и бурю наслать или таким огнем испепеляющим жечь, от которого нет спасения. Но самая жестокая ее кара — это когда Сахара на воду скупится»⁴.

А вот другой, не менее яркий отрывок из рассказа «Лихорадка» — мысли человека, обиженного, оскорбленного в своих самых интимных чувствах: «Далеко за грядой песчаных высоток маячил колеблющийся мираж. Его охватило неодолимое желание кинуться в это бесконечное пространство вдогонку за миражем, чтобы, опередив его, достигнуть горизонта и раствориться в безоблачной синеве неба. Броситься бы туда стремительней газели, быстрее выпущенной стрелы и никогда не возвращаться. И не видеть людей, не жить среди них, чтобы избежать творимых ими бед. Пустыня поглотит его и передаст далекому, неведомому горизонту, а тот перенесет в безоблачную синеву неба, где успокоилась мать, и она оботрет его взмокший лоб, примет в своей обители и навсегда избавит от людского зла»⁵.

В этом сборнике для меня особенно примечателен сюжет только что упомянутой новеллы «Куда ты, бедуин?». Герой рассказа Абдалла за 50 лет жизни в Сахаре «не знал тирании ни французов, ни итальянцев, и родители его не рассказывали ему об этом султанине (речь идет о монархической Ливии. — О. Г.), правящем страной из Триполи». По своему незнанию он не поднялся с тротуара при приближении королевской процессии, и два блюстителя порядка — один, пнув его черным башмаком, другой, отдавив ему грубым башмаком пальцы босых ног, — оттащили несчастного в участок, откуда, поняв, что он не бунтовщик, через двое суток выбросили на улицу. Тогда Абдалла решил уйти из жестокого, непонятного ему города в свою родную Сахару. На окраине Триполи он рвет последний, оставшийся от продажи двух верблюдов банкнот, и, «естественно, ему и невдомек было, что он оторвал голову самому королю»⁶.

Но вернемся к нашему путешествию. Напомним, что едем к Гадамесу. На обочине старой, построенной еще

⁴ Там же, с. 51.

⁵ Там же, с. 169.

⁶ Там же, с. 54, 56.

итальянцами дороги замечаю завалившийся дорожный столб — серый отшлифованный кусок гранита высотой в метр, похожий на ствол мортиры. На нем надпись: «Гадамес — 183 километра; Триполи — 400 километров». Поднимаемся по невысокому холму, с вершины которого видно, как раскинулась унылая, серая, усыпанная щебенкой пустыня. На горизонте едва различимы пасущиеся верблюды и фигурка человека. Отсюда, за несколько километров, в разреженном, пустынном воздухе под солнцем на фоне голубого неба они мне представляются кузнечиками и муравьем, затерявшимися в огромных пространствах. Как все-таки малы и незащищенны на фоне Великой пустыни живые существа!

Все эти мысли приходят мне на ум под мерное гудение автомобиля, с каждой минутой приближающего нас к цели путешествия. Еще несколько километров по новому отличному шоссе — и мы упираемся в шлагбаум на развилке дорог: одна ведет в Гадамес, другая — в Алжир, граница с которым находится в нескольких километрах.

Покрутив немного по улицам Гадамеса, упираемся в одноэтажную красную гостиницу, построенную в традиционном для пустыни архитектурном стиле: по углам возвышаются ступенчатые башенки; стены, двери и окна разрисованы растительным орнаментом и геометрическими фигурами. Здание гостиницы прилегает к стене старого города. Видимо, оно специально строилось в этом месте, за городской стеной. Уже потом от директора гостиницы узнаём, что это здание — бывший дворец итальянского маршала Бальбо, а номера — бывшие комнаты отдыха для его гостей, которых сюда доставляли на самолете.

Затерявшийся в Сахаре город Гадамес не был обойден вниманием европейских колонизаторов. 4 марта 1915 года в 64 километрах от Гадамеса, в районе песков, близ нынешней границы с Тунисом, в местечке Баб, произошло сражение между 250 всадниками из племен туарегов, мукараха, зинтан и авляд махмуд под командованием Хаджи Ахмеда из туарегов и Махди Кифо из зинтан с итальянским отрядом, насчитывавшим 1,3 тыс. солдат. Итальянский отряд двигался в сторону Гадамеса. Узнав о приближении ливийцев, итальянцы окопались в районе колодца Умджазам и в течение трех дней отбивались от осаждавших их племен. Узнав о приближении подмоги итальянцам с юга, из города Гат, патриоты решили взять укрепление итальянцев приступом. Они одержали победу, а итальянцы бежали в сторону нынешнего Туниса, побросав

оружие и раненых. Племена зинтан и авляд махмуд проживают к северо-востоку от Гадамеса, однако вместе с туарегами они вели борьбу против итальянских захватчиков. Это ли не доказательство общности исторических судеб, интересов и целей различных племен, объединившихся и создавших ливийский народ!

На туристической карте, изданной в Триполи, на месте города Гадамес нарисован человек с треугольным щитом и копьем, в синей просторной рубаше и белой чалме, закрывающей также нижнюю часть лица. Именно такими представляют себе туарегов — этих рыцарей пустыни, искусных караванщиков и торговцев. Об их происхождении продолжают спорить ученые. В древности все жители Северной Африки, кроме Египта, назывались ливийцами. Ливийские племена постепенно смешивались с финикийцами, вовлекались в экономическую жизнь, принимали участие в военных действиях Карфагена и других финикийских городов. К V веку до нашей эры в Северной Африке образовался конгломерат племен и народов, причем господствующим в этой группе был все-таки ливийский элемент. Потомки ливофиникийцев получили впоследствии название берберов.

Ко времени арабского завоевания (VII век) берберское население делилось на две группы: берберы зената, большая часть которых занималась земледелием, и берберы санхаджа — в основном скотоводы. В результате ассимиляции арабов с местным берберским населением образовалось компактное по своей культуре и языку арабо-берберское население. В этом море только в отдельных оазисах Сахары и горном массиве Джебель-Нефуса в Ливии сохранились сужающиеся, как шагреновая кожа, островки чисто берберского населения.

Туареги тоже считаются берберами, но они отличаются от берберов Высокого Атласа и других районов Северной Африки. Племенная знать туарегов Сахары очень строго следила за чистотой своей крови, поэтому, несмотря на географическую близость туарегов к Черной Африке, они в основном сумели избежать негроидной расы. Рост мужчин этого племени достигает 174 сантиметра, у них длинные и большие ноги, крупные руки, продолговатая форма головы, вытянутое лицо с узким носом. Цвет кожи туарегов — светло-коричневый, и лишь те из них, у кого присутствует негроидная кровь, имеют кожу темно-коричневого оттенка.

Все эти сведения о происхождении туарегов я перебираю в памяти, готовясь к встрече с мэром города Гадамес. Мы сидим на открытой веранде бывшего

дворца маршала Бальбо и зябко кутаемся в демисезонные пальто. В Гадамесе климат континентальный и после захода солнца становится не просто свежо, а холодно. Недаром на каждую койку в гостинице нам положили по два одеяла. Мэр города оказался 40-летним мужчиной, одетым в современный костюм. Он свободно изъясняется на французском. Оказывается, он учился во французской школе города Себха и затем продолжил образование во Франции. Он туарег, и ему, естественно, дороги история и культура своего народа.

— Гадамес основан более пяти тысяч лет назад,— говорит мэр.— О его древности свидетельствуют результаты раскопок на территории города. Ученые нашли стоянку древнего человека, следы пребывания греков и римлян. Город всегда жил сельским хозяйством и караванной торговлей—взгляните на карту, видите, где он расположен. Недаром у нас говорят: у города Гадамес—пригород Томбукту.

Томбукту находится... в 2 тыс. километрах отсюда, в Республике Мали, на берегу реки Нигер. Именно сюда караванщики Гадамеса ходили через Сахару и, как я потом узнал, имели здесь своих жен, детей и других родственников, а также торговых агентов. Поэтому многие жители Гадамеса могли ни разу не видеть Триполи или побережье, но несколько раз в своей жизни побывать в Томбукту.

— Вода у нас залегает на разной глубине. Есть колодцы глубиной до 12 метров,—продолжает мэр.— Другой водоносный слой расположен на глубине 350—450 метров. Но самый лучший и обильный источник находится в водоносном слое Кикла, названном так по имени городка, что недалеко от Ифрена; с глубины 980—1000 метров вода идет под большим напором.

Мэр сетует на то, что караваны сейчас уже не ходят и город стал постепенно умирать. Туареги, которые были проводниками, знали караванные тропы, колодцы, несли охрану, ныне стали безработными. Колодцы, разбросанные в пустыне через каждые 30—40 километров (дневной переход верблюда), разрушаются, заносятся песком и илом, хотя жители именно этого района продолжают заниматься разведением верблюдов. Стоит пройти небольшому дождю, как хамада покрывается зеленой травой и сюда на автомашинах везут овец, коз и верблюдов, притом даже из весьма отдаленных мест, например из района залива Сидра (Большой Сирт).

Прямо за стеной гостиницы находится Айн аль-фарас—главный и единственный в прошлом источник питьевой воды и орошения. Весь его суточный дебит

делился на 121 равную часть, которая именовалась «тинка», и распределялся между пятью потребителями, но в разных пропорциях. Все пять каналов отводили воду на участки под клевер, который шел на корм скоту, и под овощи, предназначавшиеся только для местного потребления. Меня поразила неравномерность распределения воды, которая сложилась в древности, и сейчас никто даже не может вспомнить, когда и как это случилось. Так, в канал Таску подавалась 81 тинка, в Тарт — 29, в Тинкабиш — 7, в Тиндифран — 3 и в канал Тинханаун — 1 тинка.

Клаус Полькен, журналист из ГДР, в своей книге «В плену Сахары» приводит легенду об открытии источника в Гадамесе: «Когда-то, утверждают в Гадамесе, здесь обитало могучее кочевое племя, возглавляемое вождем Нимродом. Однажды случилось так, что член этого племени заблудился в пустыне. После нескольких дней скитаний он, обессилев, рухнул на землю. Мысль о неизбежной гибели неотступно преследовала его. Вдруг его преданная верблюдица ударила копытом по пустынной земле, и в тот же миг из недр земли забила струя прохладной, прозрачной воды. Пустыня тут же покрылась изумрудно-зеленым ковром, из земли поднялись пальмы. Источник же получил название „Айн ал-Фрас“ — „Верблюжий источник“»⁷.

Клаус Полькен пересказал один из вариантов легенды, который слышал каждый, кто побывал в Гадамесе. Здесь есть несколько фактических неточностей, которые, правда, не умаляют красоты этого рассказа. Так, бедуин был скорее всего на лошади, а не на верблюде, поскольку верблюды не имеют копыт — у него мягкая подошва, позволяющая передвигаться по пескам. К тому же само название — «Айн (источник) фрис (всадник на лошади)» — переводится как «Источник всадника». Вызывает сомнение и имя вождя могучего кочевого племени в Северной Африке — Нимрод. Ведь Нимрод — правнук библейского Ноя и к Северной Африке отношения иметь не мог. По другому преданию, Гадамес был основан еще Авраамом, нигде в мире не нашедшим лучшего места. Скорее всего все эти легенды имеют семитское происхождение и были занесены арабами в Северную Африку. Ведь древний Сидамус, как называли Гадамес римляне, пал под ударами арабского полководца Амра во второй половине VII века.

Кстати, о происхождении нынешнего названия горо-

⁷ Полькен К. В плену Сахары. Великая пустыня в зеркале тысячелетий. Пер. с нем. М., 1973, с. 198—199.

да нет единого мнения. Одни считают, что оно восходит к слову «кадами», где арабский корень «кадама» означает «прибывать», «приходить». Другие относят его к староримским словам «ридамус» или «сидамус», причем последнее некоторые произносят как сейид Амус (господин Амус). Иногда город называют «мадинаж аль-джулюд» (городом кож), видимо, в связи с развитым в прошлом кожевенным производством. Говорят, что современное название Гадамес происходит от двух арабских слов: «гада» (обедать) и «амс» (вчера). Согласно легенде, в далеком прошлом караванщики устроились у источника отобедать, затем они собрали пожитки, тронулись в путь и только на следующий день обнаружили, что потеряли большое блюдо. Стали думать-гадать и решили, что оставили его у источника Айн аль-фрас, где они «гада амс», т. е. «обедали вчера». Посланный к источнику всадник действительно нашел потерянное блюдо.

Издалека кажется, что Гадамес спрятался в пальмовой роще. Здесь произрастает 35 сортов фиников. На крохотных участках, обнесенных глинобитными дувалами, всегда растет несколько пальм, орошаемых Айн аль-фрас. Пальмы утилизируются полностью. Ствол пальмы, называемый «саннур», распиливается на доски и используется как перекрытие в домах. Сами пальмовые ветви, «джарида», идут на крышу, которая затем засыпается влажной землей. Из пальмовых листьев изготавливают хозяйственную утварь: тарелки, крышки для тарелок, туески и др.

Сегодня в Ливии два Гадамеса: один — старый, с темными переулками и кварталами, названными по имени населявших их больших семей; другой — новый, построенный после революции 1969 года за стенами старого города. В этом последнем, обнесенном двумя рядами оборонительных стен, было 1400 домов, сложенных из саманного кирпича. Первая, наружная стена имела четверо ворот; вторая, внутренняя — шестнадцать. Жители Гадамеса гордились, что в их городе было 12 коранических школ, которые по ливийской традиции называются «завия» (обитель), и 11 мечетей.

Получив порцию информации о старом Гадамесе от мэра, начинаем осмотр города. Нас сопровождает гид — 75-летний Ахмад Касем. Город, пустой, без единого жителя, с домами, закрытыми на замки и засовы, производит страшное впечатление. Кое-кто пытается представить его музеем под открытым небом. Некоторые стены и крыши обвалились. Однако темные улицы и переулки, которые образуют непонятный для непос-

вященных лабиринт, не создают впечатления запущенного города, который не убирается. Наш гид объясняет, что жители, перебравшиеся в новые кварталы, заходят в свои старые дома, которые остаются их собственностью, и по мере сил стараются поддерживать их. В старом городе играют свадьбы, устраивают похороны, отмечают религиозные праздники.

Однако, естественно, на все сил не хватает: ведь дома сложены из непрочного саманного кирпича — «туб». Кирпичи бывают разных размеров, чаще всего 25×40×80 сантиметров, и изготавливаются из земли с примесью «тибы» (соломы). В летний период кирпичи сохнут 15 дней, после чего они готовы к употреблению. Наш гид утверждал, что на строительство обычного двухэтажного дома в старом Гадамесе шло около 25 тыс. кирпичей, примерно 800 погонных метров пальмовых балок, 10 тыс. пальмовых веток, 10 дверей и другое оборудование, что обходилось хозяину в 3 тыс. ливийских динаров. Строительство каждого дома, несмотря на артельный метод и помощь соплеменников («рагата»), продолжается семь-восемь лет.

Дома старого города, сделанные из такого материала, постепенно разрушаются. Уже есть немало брошенных домов, хозяева которых либо уехали в поисках работы в другие места, либо стали немощны для такой тяжелой работы. И вот местные жители создали Комитет друзей старого города, в который вошли молодые интеллигенты и учащиеся начальных и средних школ. Цель комитета — сохранить город, тем более что он объявлен ЮНЕСКО культурным достоянием всего человечества. На изучение проекта спасения старого Гадамеса было израсходовано 230 тыс. американских долларов. В 1986 году, когда я там оказался, никакие работы не велись и местные жители в основном уповали на Комитет друзей старого города.

Такое явление, как интерес к прошлому своего народа, его истории и культуре, характерно для всех стран. И не случаен тот факт, что в авангарде тех, кто проявляет этот интерес, идет молодежь. Мне было чрезвычайно приятно познакомиться с бойскаутами, которые на одно из первых мест в своей работе выносят сохранение самобытной культуры древнего Гадамеса. В информационном листке, изготовленном 10 октября 1985 года по случаю открытия Дома бойскаутов в Гадамесе, говорилось, что обряды населения города по радостным и грустным поводам, религиозным праздникам и другим событиям весьма своеобразны и древнее самого города. Приводились такие примеры: в Гадамесе поется 640 песен, тема которых — труд и быт

человека. Каждый день во время свадебного обряда, который в Гадамесе продолжается 15 дней, исполняются разные песни. Более того, каждая семья имеет свою песню, которая исполняется на гадамесском диалекте. «Наше обширное культурное наследие пережило века и сохранилось до наших дней», — заканчивает автор информационного листка. И невольно хочется продолжить — неужели и мы сегодня не сможем сохранить для потомков то, что получили от своих предков?! В этом весь смысл. В этом, если хотите, историческая миссия молодежи.

Наш гид подарил мне карту старого Гадамеса, которую он помог сделать шведской экспедиции, посетившей эти места в 1961—1962 годах. Город разделен на семь кварталов. Стержнем каждого квартала является улица — «шариа», от которой отходят переулки — «зенга». Три квартала — Таску, Дарар и Мазиг — заселены берберским родом Бен Валид; другие четыре квартала — Тафарфара, Джарсан, Авляд Абу Лейль и Тангазин — родом Бен Вазит. Кварталу Тафарфара принадлежит отдельный район Асинуш, находящийся за пределами городских стен. Представители обоих родов считаются коренными жителями Гадамеса, говорят на гадамесском диалекте берберского языка, хотя здесь в ходу также арабский язык, местный туарегский диалект ифигаз и язык хауса. На другой карте, сделанной той же шведской экспедицией, от Гадамеса в сторону Туниса, на запад, прочерчена дорога, по обе стороны которой разбросаны черные квадраты домиков. На карте указано, что это район туарегов — видимо, караванщиков, которые прибывали в город с товарами и оставляли здесь своих верблюдов. В сам Гадамес, обнесенный стенами, с узкими, темными улицами и закоулками, верблюд с поклажей, конечно, пройти не мог.

Три квартала Бени Валид расположены компактно в северной части старого города и отделены от остальных двумя мечетями, одна из которых, мечеть Юнеса (библейского Ионы), основана в IX веке. Из рассуждений гида я понял, что самой уважаемой из всех семей является Таску, хотя бы потому, что из 121 доли воды из источника ей передавалась 81 тинка, т. е. две трети. Квартал Таску, состоящий из 24 переулков и тупиков, стал объектом налета французской авиации 16 сентября 1942 года. Именно к этому кварталу прилегало здание итальянского консульства и резиденции маршала Бальбо. В результате бомбежки было разрушено 400 домов и убито 42 человека из числа жителей Гадамеса, но никто из итальянцев не пострадал.

Идем по темным переходам улиц всех семи кварталов и по площадям, которые были центром сбора членов каждой большой семьи. Некоторые семьи, например Тангазин, имеют две площади. Владения этой семьи начинаются сразу за мечетями и в одном месте смыкаются с владениями Таску. В старом городе был небольшой рынок: вокруг квадратной площади стояли лавки, которые сегодня закрыты ветхими ставнями. На одной из улиц возле рынка гид показывает углубление в стене и большой крюк над головой, вбитый в толстое пальмовое бревно. На крюк подвешивали весы вроде нашего безмена, а в нише ставились весы, которые считались эталонными. На больших весах взвешивалась поклажа, а иногда даже золото, поскольку количество желтого металла, доставляемого в Гадамес, было довольно велико. Этим делом заведовал «амин аз-захаб» (секретарь по торговле золотом), который отвечал за сохранность и точность «золотых» весов.

Наш гид утверждает, что названия многих торговых терминов пошли от жителей Гадамеса, например паспорт, виза, часы, почта, свободный рынок (т. е. торговля без пошлин и налогового обложения), весы и пр. Во всяком случае, не будет ошибкой считать, что караванщики Гадамеса были хорошими торговцами и использовали все достижения своего времени для ее организации. Известно, что финикийцы в начале IX века до нашей эры после основания Карфагена подписали с жителями Гадамеса торговый договор, признав тем самым его значение в качестве перевалочного пункта транссахарской торговли. Для облегчения расчетов была введена в обращение специальная цифирь, изобретение которой приписывается Гадамесу. В основе ее лежала десятичная система, восходящая к счету на пальцах. Цифры 1—4 изображались вертикальными палочками; цифра 5—вертикальным полукружием; число 10—кружком; 50—значком, похожим на нашу двойку; 100—на нашу шестерку, 1000—на восьмерку и т. д.

На север от старого города построен совершенно новый город, правда сохранивший нормы и традиции архитектуры Гадамеса. По углам домов, сложенных из кирпича, возвышаются конусообразные башенки, охрой нанесены геометрические и растительные орнаменты. У каждого дома стоит автомашина.

Мэр откровенно гордится успехами города. Если раньше во время дождей улицы старого города, да и его пригородных кварталов, на месте которых вырос новый город, превращались в болота, наполненные красной жижей, то сейчас этого уже нет. В новом городе дороги заасфальтированы; их протяженность—

750 километров. К 1986 году было построено 800 домов, часть домов продолжает строиться. Каждый житель может получить ссуду для индивидуального строительства или встать на очередь и дожидаться получения дома в новых жилых кварталах, которые строятся иностранной компанией. В 1985 году старый город, где к тому времени насчитывалось 1,4 тыс. домов, был освобожден полностью. Это значит, что как минимум 1,4 тыс. семей переселились в новые дома.

Жители Гадамеса справедливо гордятся новой больницей на 80 коек. Небольшое уютное одноэтажное здание оснащено самым совершенным медицинским оборудованием и приборами западногерманского производства. Такая больница, в которой, кстати, работают польские врачи, могла бы украсить любой европейский город.

Многое сделано и для молодежи. Построен новый Дом бойскаутов, который предполагается использовать для приема делегаций бойскаутов или аналогичных организаций из других стран. Я был удивлен, когда мне сказали, что в Гадамесе еще до антимонархической революции 1969 года были смешанные школы, где вместе учились и мальчики и девочки. Этот факт, безусловно примечательный, свидетельствует о том, что женщина здесь, в пустыне Сахара, имела больше прав, чем на побережье. Сейчас в Гадамесе нет неграмотных даже среди взрослых. Все шестилетние ребята ходят в школу. Открыто женское училище, где учится около 20 девушек, которые, закончив образование, работают медицинскими сестрами, а также получают различные должности в административном аппарате, школах, магазинах.

Строительство нового города обошлось правительству сравнительно недорого. Город расположен компактно, что дает экономию в коммуникациях, водопроводе и канализации. «Мы работаем в пустыне, но мы городские жители,— подчеркнул мэр.— Поэтому, сколько бы мы ни бродили с караванами по пустыне, мы возвращаемся домой, в Гадамес, который не должен умереть. Вопрос о трудоустройстве у нас стоит очень остро,— заканчивает мэр.— Караванов нет, сельское хозяйство развивается слабо из-за недостатка хороших земель, транспортные расходы велики, чтобы издалека возить сырье, оборудование и налаживать производство. Но что-то делать надо. Мы не хотим, чтобы город умирал».

И вот мои друзья рассказывают о плане создания в Гадамесе новых туристических объектов. Для этого нужна хорошая гостиница. Дорога есть, первая очередь

аэродрома построена, и на нем могут приземляться современные реактивные самолеты.

По совету местного начальства мы идем осматривать туристический торговый центр, расположенный в длинном одноэтажном строении. Большинство лавок пусто, только в двух работают сапожники и в одной — мастер по серебряным украшениям. Внимание к сапожному делу не случайно: ведь Гадамес, как уже упоминалось, даже сейчас иногда называют «городом кожи», а проекты развития включают планы создания кожевенной фабрики. Однако мастера Гадамеса в основном делают «саббат» — ту обувь, которую невесты надевают в дни свадебных торжеств и затем прячут ее в глубь сундука, с тем чтобы когда-нибудь полюбоваться ею и вспомнить это торжество.

В сапожной лавке на стульчике сидит мастер — дед с большой седой бородой. В воздухе чувствуется сильный запах эвкалипта. Да, это «калиптус», листья его варятся вон там, в банке. На примусе стоит большая жестяная банка из-под порошкового молока, в которой лежат чуть прикрытые желтой водой листья эвкалипта. Наши предположения о каких-то оригинальных обрядах, связанных с воскурением благовоний, разбиваются о суровую действительность: дед простужен и просто лечится. Банка с эвкалиптом на примусе служит старику ингалятором.

На небольшой полке стоят готовые изделия. Вот «бальга» — туфли, сплошь расшитые красными и зелеными нитками и имеющие металлические заклепки. Задник у них загнут внутрь и прибит гвоздем: можно ходить без задника или, вырвав гвоздь, надеть как обычные полуботинки. Бальга носят и мужчины и женщины. В таком же художественном исполнении, т. е. расшитые желтыми, красными и зелеными нитями, делаются и женские сапоги высотой до икры ноги и со шнуровкой впереди. Это и есть упоминаемые выше саббат. Кстати, некоторые девушки сегодня вообще отказываются выходить замуж, если ее семья — а сапоги покупает семья невесты — отказывается покупать такие сапоги. С другой стороны, бывает и так, что отец девушки, да иногда и она сама, прикоснувшись к современной цивилизации, пренебрегают этим древним обычаем, и тут подключается мать, которая нередко вопреки воле мужа заставляет дочь купить сапоги и надеть их на свадьбу. По-видимому, эта деталь туалета невесты имеет какой-то смысл, скорее всего символизирует будущее семейное счастье и благополучие. Во всяком случае, причина должна быть очень веской: ведь саббат, которые по нынешним нормам стоят очень

дорого, надеваются только раз в жизни, да в них практически и нельзя ходить. Интересно отметить, что эти сапоги пользуются спросом у невест не только Гадамеса, но и Налута.

Мастер охотно рассказывает о своем ремесле. Вот «гальб» (колодка), заготовки расшивают женщины, работающие дома, остальное выполняет он сам. Кроме бальга и саббат мастер изготавливает «таллик» — так называются в Гадамесе шлепанцы без пятки. Вся обувь делается на заказ. Среди его немногочисленных изделий вижу несколько расшитых кошельков, называемых «сальфа». Только тут замечаю, что все инструменты у старика архисовременные: японский сапожный нож с подстройкой длины лезвия, набор английских иголок для шитья по коже, западногерманский клей. Даже газовый примус, на котором кипит банка с эвкалиптом, сделан в Южной Корее. И все эти предметы, сработанные на современных предприятиях в тысячах километров отсюда, служат старому ремесленнику здесь, в Сахаре, для того, чтобы изготовить расшитые сапоги для невесты, которые будут надеты всего один раз! Это ли не доказательство живучести древних обычаев, смысл которых ускользает от большинства из нас за суетой и ритмом современной жизни!

Наш следующий визит — в двухэтажный дом старого города, что стоит прямо за городской стеной. Хозяин показывает его туристам. Все остальные дома закрыты, и туда не принято водить посторонних. Это двухэтажное строение, подобно другим домам старого города, сделано, как уже говорилось, из саманного кирпича, стены его обмазаны глиной и разрисованы типичным сахарским орнаментом. Через низкую входную дверь попадаем в темную прихожую, откуда ведут двери в кладовые для зерна, утвари и в загон для скота. Внутренние помещения и идущая на второй этаж лестница побелены известью, называемой «милус».

Центральной частью дома является гостиная, куда попадаешь сразу с входной лестницы. В потолок над лестницей на всем протяжении двух пролетов вмазаны разноцветные осколки фаянсовой посуды. В доме дверей нет. Справа от дверного проема высотой в человеческий рост сделано углубление, где с одной стороны стоит горшок «бухур» для воскурения благовоний, а с другой — масляный светильник «энар». Воскуривают, как правило, изготавливаемые по гадамесскому рецепту благовония «уд гумари». Словом «уд» в арабских странах называют сандаловое дерево; вероятно, оно и составляет основу этого воскуряемого вещества. Наличие светильника и горшка для благовоний глубоко

символично и имеет смысл отогнать, не допустить злых духов, которые могут попытаться проникнуть в дом: ведь благовония отгоняют дьявола и питают богов, обитающих, по древнесемитским представлениям, на небесах. Во всех религиях огонь и свет всегда считались очищающей субстанцией.

Потолок в гостиной очень высокий. Перекрытия сделаны из пальмовых досок и лап. Треугольные и квадратные отверстия под потолком служат для вентиляции и для освещения: окон или других источников света в комнате нет. Все стены гостиной увешаны небольшими, диаметром 15—20 сантиметров, медными тарелками, называемыми «таманаст». Раз в год, в мусульманский праздник—день рождения пророка Мухаммеда, эти тарелки снимаются и начищаются до блеска. Гид объяснил нам, что таманаст являются как бы отражателями света, падающего из отверстий под потолком; этим же целям служат несколько больших зеркал в багетовых рамах и многочисленные зеркальные осколки, вмазанные в стены на лестнице и в гостиной.

Это объяснение мне представляется несколько упрощенным. Дело в том, что в религиозных представлениях многих народов, в том числе русского, зеркало может отражать только сущее, телесное, а любой оборотень или злой дух, принявший человеческий облик, не имеет зеркального отражения и, следовательно, может быть сразу же разоблачен. По представлениям туарегов и других жителей Гадамеса, пустыня населена добрыми и злыми духами, и недаром на каждом перевале или трудном переходе люди ставят доброму духу камень, чтобы он не обошел их своими милостями. Ну а если злой дух проник в город или в дом? Как его можно разоблачить? Только посредством зеркала, в котором он не отражается. Возможно, такое заключение и несколько поспешно. Но нельзя забывать, что большие зеркала были важным предметом торговли и их с большими предосторожностями развозили по пустыне туареги и караванщики из Гадамеса.

В правом углу гостиной—крошечная комнатка-ниша размером примерно 2×2 метра, вся застланная тюфяками и коврами. Над ней сделан небольшой свод в виде купола, поэтому она так и называется—«кубба» (купол). Вход в нее открытый, без дверей, украшен орнаментом. Это место отведено для проведения первой брачной ночи жениха и невесты. Здесь же женщина после смерти мужа сидит в траурных одеждах, как нам сказали, четыре месяца и десять дней.

Узкая лестница из гостиной ведет на второй этаж,

где расположена кладовая. Здесь, например, находится верблюжье деревянное седло (по-туарегски «тарик», что по-арабски значит «дорога») и небольшой глиняный горшок, именуемый туарегами «акус», а арабами — «кадах» (кстати, этим словом в некоторых арабских странах обозначают меру сыпучих тел). Поскольку жизнь города связана с караванной торговлей, то в кладовой хранится много предметов верблюжьей сбруи, названия которых мне говорит хозяин по-туарегски: «тагант» — поводья узды для верблюда, сделанные из простой кожи; «тигунен» — те же поводья, но богато украшенные кистями из цветной кожи; «таживерт» — бурдюк для воды; «агрудж» — переметная сумка у седла. А вот туарегские тапочки с ремешком, охватывающим большой палец, на широкой подошве, называемые «игатеман». Тут же и нехитрые кухонные принадлежности: сито с кожаным дном — «гурбан»; деревянная ложка — «тсукальт»; конусообразная крышка из пальмовых листьев — «тавалилт», которой прикрывают еду, чтобы она не пылилась и не остывала. Среди предметов кухонной утвари вижу кинжал — «тейлак».

Еще в музее Триполи я видел несколько кинжалов туарегов, по форме отличающихся от общепринятых клинков, что обусловлено, видимо, тем, что туареги носят это оружие несколько необычно. Маленькие кинжалы прикрепляются к левой руке выше локтя, на бицепс, более крупные — вкладываются в левую ладонь, при этом рукоятку помещают таким образом, что лезвие идет вдоль руки, до подмышки. У больших туарегских кинжалов металлическая планка, которая разделяет клинок и рукоятку, делается на самом верху рукоятки. Именно за эту планку туарег выхватывает свой кинжал из левого рукава. На всех картинах туарегов изображают в просторных плащах, со щитом и большим копьём. В широких плащах можно спрятать любое другое холодное оружие.

Последний объект в доме — это «ажурер», т. е. кухня, сделанная в виде пристройки на крыше дома. Здесь царство женщин, и я теперь воочию убеждаюсь в правильности слов своих ливийских знакомых, которые говорили о двухэтажном Гадамесе, где первый этаж дома занимают мужчины, а второй — женщины. Сверху видно, что старые дома Гадамеса представляют собой сплошной массив, крыши отделены друг от друга невысокими стенками, так что при необходимости женщина по крышам может, не спускаясь в темные переулки, попасть в любой конец города. Кухня топится дровами и кизяком по-черному, а вверху сделаны отверстия, через которые выходит едкий дым. Очаг

сделан в виде продолговатого глиняного выступа, прижатого к наружной стене и имеющего четыре разновеликих отверстия для горшков. Каждый горшок, «кыдр», по размеру соответствует отверстию, называемому «мансаб». Может быть, это случайно, но «мансаб» по-арабски означает «должность».

Больше всего меня поразили орнаменты, которыми разрисованы внутренние стены домов. Истоки традиционной культуры жителей Гадамеса теряются в глубине тысячелетий. Она впитала в себя представления кочевников, оседлого населения оазисов Сахары, арабского населения и других народов. Символы всегда играли и играют огромную роль в повседневной жизни. Они призваны оберегать от злых духов и, наоборот, поощрять добрых на добрые дела, способствовать сохранению здоровья, давать удачу в торговле, охоте и ратных делах. Вот орнамент в виде солнца с семью лучами, загнутыми по ходу часовой стрелки. Это символ вечного движения, вечной жизни, причем число «семь» тоже несет в себе большой смысл, который восходит еще к религиозным представлениям древних жителей Месопотамии. Да и у нас семерка не простое число. Вспомните: «Семь раз примерь, а один отрежь», «У семи няnek дитя без глазу» или «Семь верст до небес», «Семи пядей во лбу», «Семь пятниц на неделе» и т. д.

Не только сами геометрические и растительные орнаменты, но и краска, которой они сделаны, видимо, несут в себе определенный смысл. Смотрю на большой, вытянутый острием вверх неправильной формы четырехугольник, разбитый на четыре части. Две из них — верхняя и нижняя — выкрашены в зеленый цвет, две другие — в желтый. От верхней точки этой фигуры вертикально отходит одна толстая линия, которая заканчивается рогулькой. Две другие от той же точки идут в стороны, и каждая из них перечеркнута короткими поперечными линиями. Мне кажется, что автор изобразил что-то похожее на огород или сад, где зелень символизирует жизнь, траву, воду, а желтый цвет — пустыню. Не случайно именно от зеленого поля тянутся вертикальная линия и две боковые, что вполне может представлять пальму — самое большое и полезное дерево в пустыне.

Другие орнаменты не менее интересны. Один из них сделан в виде большой чаши. Его контуры и вертикальная линия, пересекающая чашу, нарисованы зеленой краской, а нижняя часть чаши наполовину замазана светлой, почти желтой охрой. А вот орнамент в виде квадрата, перечеркнутого по диагонали широкими желтыми полосами. В верхнем треугольнике этого рисунка

две яркие синие точки. Думаю, и здесь можно разгадать символику. В первом случае это, видимо, изображение пальмы или другого растения, а во втором имеются в виду два источника или колодца и пересекающиеся в пустыне караванные тропы.

В первом разделе этой книги я уже писал о русском путешественнике А. В. Елисееве. Он побывал в Гадамесе, где был очарован «полумифическим» «первым городом настоящей Сахары». Даже при относительно оживленном движении караванов его поездка была все-таки смелым предприятием. В то время Гадамес посетило всего несколько европейцев. Старый караванщик из Гадамеса Ибн Салах, узнав, что Елисеев принадлежит к уважаемому даже в пустыне сословию врачей, приложил немало усилий с целью организовать эту поездку для русского ученого, имея в виду использовать его медицинские познания для лечения больных из своего семейства. Надо думать, что Елисеев знал, на что идет. В 1881 году туареги истребили миссию Флаттерса, а также трех миссионеров и одного путешественника по имени Дюшере. Но Елисееву было также известно, что полковник Флаттерс, имевший сотни верблюдов и десятки хорошо вооруженных людей, посягал на свободу туарегов и их независимость. Стало быть, его участь была заранее предрешена.

А. В. Елисеев весьма детально описал особенности Гадамеса, с которым мы только что познакомились: «Представьте себе массу зданий, небольших, построенных из глины и сырца и сливающихся между собой почти в одну сплошную массу, перерезанную лишь немногими открытыми улицами и маленькими площадями, разделяющими не отдельные ряды домов, а целые кварталы. В этих последних уже нет даже тех кривых и тесных улиц, которые так характерны для всех городов Востока, а лишь одни темные коридоры, перерезывающие во всех направлениях тесно слившуюся между собой массу домов Гадамеса. Эти коридоры вовсе не похожи на крытые сводчатые улочки многих городов Востока, в которые все-таки проникает дневной свет; это скорее ходы подземных галерей, в которых ходят с фонарем даже в течение дня. Немногие отверстия вроде шахт, сделанные в толще сводов этих туннелей, пропускают слишком мало дневного света в глубину улиц Гадамеса, которые предназначены почти исключительно для пользования мужчин. Прекрасная половина населения Гадамеса в противоположность мужчинам, обреченным ходить во мраке подземных галерей, обитает на террасах своих домов, правда отгороженных небольшими стенами, но вместе с тем соединенных

между собой так, что образуется обширная площадь, тянущаяся над всем подземным Гадамесом. Эту поверхность террас можно сравнить с верхним деком корабля, предназначенным для пользования пассажиров высшего класса, тогда как подземные галереи, пересекающие также весь город,—с тюремными помещениями для непривилегированных пассажиров. Старый „мудир“ (управляющий.—*О. Г.*) очень остроумно назвал всю площадь террасы, образующую настоящие улицы, переулки и целые кварталы, верхним или женским Гадамесом в противоположность нижнему—мужскому. В туннели подземного города позволяет, впрочем, спускаться не только рабьям, имеющим право пользоваться ими наравне с мужчинами, но и свободным женщинам в исключительных случаях»⁸.

Наше пребывание в Гадамесе закончилось на высокой ноте: за два дня до отъезда мы получили приглашение на свадьбу, а на следующий день—на концерт местного ансамбля, который побывал в Москве в 1985 году и принимал участие в вечерах советско-ливийской дружбы.

Свадьба, как и во всех мусульманских странах, раздельная. Нас пригласили в отгороженное от улицы палаткой место, застеленное коврами. В центре горит костер, и его неровные всполохи освещают сидящих вокруг туарегов в широких, окрашенных индиго плащах и белых чалмах, называемых «лисам исанджад», закрывающих всю голову, кроме глаз. Все сидят молча и смотрят на огонь, который поддерживает молодой парень, подбрасывающий смолистые сучья пустынных кустарников. Нас угощают сладким чаем в маленьких стопках с пенной шапкой. Я заговорил с соседом. Узнаю, что невесте 14 лет, жениху 21 год. Жених—«где-то здесь», а невеста в сотне метров отсюда, в небольшой палатке, поставленной прямо перед новым домом. Мой собеседник отгибает у подбородка белую чалму-платок и подносит ко рту стопку чая.

Насчет этого платка и обычая туарегов закрывать лицо существует несколько объяснений, причем почти каждый европеец, встретившись с туарегом, непременно задает ему вопрос, почему мужчины здесь закрывают лицо, а их женщины-мусульманки нет. Самое распространенное объяснение, и притом частичное, заключается в том, что туарег прячет лицо от пыльных бурь, которые нередко случаются во время долгих переходов по пустыне. Затем он, мол, так привык к чалме, что перестал снимать ее даже дома, хотя во

⁸ [Елисеев А. В.] По белу свету. [Т. 3.]. СПб., 1896, с. 227.

время еды ему приходится проделывать неудобные движения и подносить ко рту пищу и чай снизу, чуть-чуть приоткрывая платок.

Здесь мне объяснили, что такую белую, а в некоторых случаях голубую чалму начинают носить с 15 лет. В день достижения этого возраста родители мальчика, который уже становится мужчиной и может принимать участие в войне, жениться и водить караваны, устраивают праздник. Если это объяснение соответствует действительности, то чалму впервые надевают в дни обряда инициации, которым многие восточные народы отмечают совершеннолетие. Если у мальчиков это событие приходится на 15 лет, то, вполне вероятно, девочки взрослеют на год-два раньше. Во всяком случае, невесте, о которой идет речь, 14 лет.

Отвечая на мой вопрос, собеседник говорит, что в прошлом он сам ходил с караванами в Томбукту (ныне в Мали) и Кано (север современной Нигерии). По его словам, от Гадамеса до Кано караван делает около 90 дневных переходов, называемых «мархаля», причем каждая мархаля, как говорилось выше, равна 30—40 километрам (примерно столько в день может пройти груженный верблюд), а до Томбукту—примерно 70 переходов. Караванщики могут два-три дня отдыхать у колодца. Уже в гостинице я посмотрел на карту, нашел Томбукту и Кано. По прямой линии от Гадамеса до Кано 2,1 тыс. километров, а до Томбукту—более 1,8 тыс. Но караваны не ходят по прямой, и поэтому дорога в данном случае занимает более трех месяцев в один конец.

Караваны бывают разные—от 25 до 1 тыс. верблюдов. Есть специальная порода грузовых животных, которые поднимают до 200 килограммов груза. Но больше всего ценятся беговые верблюды—«махрийцы», названные так по имени провинции Махра в Южном Йемене. Несмотря на то что эту породу сейчас разводят и в Саудовской Аравии, и в Омане, и в Сахаре, название по традиции остается прежним, поскольку в родословной каждого бегового верблюда обязательно должен присутствовать махриец. Ныне один верблюд стоит 400 ливийских динаров, но махриец дороже. Верблюд для кочевника—не только средство передвижения. Это друг, напарник, с которым можно поговорить во время продолжительных переходов, спеть ему песню. В пустыне благодаря этому животному можно спасти умирающего от жажды человека. Рассказы о глотке крови из шейной артерии верблюда или воде из его внутренностей положены в основу многих устных рассказов и легенд. Одна из новелл

Ибрагима аль-Куни так и названа — «Глоток крови». Не случайно, что этот рассказ дал название всему сборнику этого прозаика. Кстати, в другой его новелле, «Дорога на Орес», Амуд забивает верблюда, чтобы спасти от жажды погибающего друга.

Как я узнал от моих новых знакомых, оформление брака у туарегов мало отличается от этой процедуры у других мусульман. При свидетелях и чтении Корана заключается брачный контракт. От имени невесты его подписывает ее поручитель — «вакиль», которым может быть отец, старший брат или дядя девушки.

Вечером, накануне нашего отъезда, был устроен концерт местного самодеятельного ансамбля.

Трое музыкантов сидят в углу. На них — свободные плащи-накидки и другие одежды, которые символизируют единство разных племен и народов Африки. Они поют и подыгрывают себе на бубне, барабане и местной однострунной скрипке, называемой «имзад». Перед ними танцуют четверо юношей. У одного из них узкие, монголоидные глаза, но при этом курчавые волосы негроида. Другой, солист, в длинной, широкой расшитой рубахе, крутится волчком, припадая на одну ногу, затем подпрыгивает и вновь начинает кружиться. Меня поражает не столько танец — в нем есть и африканский и арабский элементы, — сколько одеяние танцора. На нем светло-кремовая прямоугольная рубаха с прорезью для головы, в которую он ловко влез прямо у нас на глазах. По левой стороне этого одеяния идут две длинные, почти до подола, сходящие на нет синие полосы. Левее этих двух полос — квадрат, разбитый на девять маленьких квадратов, из которых семь вышиты гладью зеленоватыми шелковыми нитками. Под большим квадратом вижу что-то похожее на елку, а еще ниже — рисунок, напоминающий трехлистник нашего клевера. На правой стороне рубахи — два круга, причем второй разделен на четыре сегмента, три из которых тоже вышиты гладью. Что означает весь этот набор орнаментов, вышитых зеленоватыми нитками, выяснить не удалось, хотя у меня нет сомнений, что все это сделано со смыслом.

Концерт в полном разгаре. Входят и уходят зрители, барабанщик колотит руками по своему инструменту, солист до изнеможения крутится на одной ноге вокруг своей оси в развевающейся рубахе.

Завтра мы уезжаем, и мэр Гадамеса, сказав несколько подходящих к случаю любезных слов, дарит мне вышитые башмаки с приколоченными задниками и огромную «сахарскую розу». Этим словом в Северной Африке называют кристаллы гипса, которые находят в

песке, где под влиянием воды и последующего испарения они приобретают различные, похожие на бутоны или раскрывшиеся цветы формы. В Ливии собирать «сахарские розы» запрещается, и поэтому я был несказанно рад этому подарку. Наш неизменный гид по Гадамесу Ахмед Касем сказал, что эта «роза» привезена из района Абалесса и вырыта недалеко от могилы умершей в IV веке королевы туарегов по имени Тин-Хинан, потомками которой они себя считают.

Уже в Москве 19 февраля 1988 года на приеме по случаю выхода в свет книги Ибрагима аль-Куни «Глоток крови» я рассказал ему о поездке в его родной Гадамес. Кстати, эта поездка не прошла для меня бесследно: вдохновленный увиденным городом и творчеством Ибрагима аль-Куни, я написал предисловие к его сборнику новелл.

Патриотические мотивы, присутствующие практически во всех новеллах этого сборника, связаны с героическим прошлым ливийского народа.

В новелле «Оазис», одной из самых сильных в сборнике «Глоток крови» по своему патриотическому накалу, Джебран, повстанец из отряда героя ливийского сопротивления Омара Мухтара, обещал бороться с иностранными захватчиками «до последнего патрона». И вдруг после битвы, из которой ему и его соратникам удастся чудом вырваться живыми, на привале среди своих товарищей он обнаруживает в складках широкого туарегского плаща случайно затерявшийся патрон. Борьба уже бессмысленна, повстанцы окружены итальянскими солдатами, но Джебран идет в бой, идет один, ибо он дал слово, верен ему и исполнит свой долг, зная заранее, что из этого последнего боя он не вернется живым и его трое детей, к которым он так рвался, останутся сиротами.

Часть новелл Ибрагима аль-Куни, которые представлены в сборнике, по сути своей являются блестящими психологическими этюдами зрелого мастера. Общественные мотивы как бы приглушены, отходят на второй план, а на первое место выдвигается глубокий психологический анализ, внимание к человеку и его судьбе.

К числу этих работ относится новелла «Отец и сын». В ней рассказывается об охоте на газель, которая трагически кончается для отца, умирающего на глазах у ребенка от укуса ядовитой змеи. Сюда же можно отнести и рассказ «Священная птица» о чистой, зарождающейся любви босоногого пастушонка к девочке Газеле, которая ведет игру, достойную уже взрослой женщины. Сильный по своему психологическому

накалу рассказ «Лихорадка» о честности, порядочности, женской верности и любви кончается на высокой и, по-видимому, единственно возможной печальной ноте.

Среди этих психологических этюдов есть несколько рассказов, в которых автор с грустным юмором повествует о трагических, по сути дела, ситуациях. Это и новелла о панической реакции молодой женщины, которая пытается вести себя по-современному в Ливии, где общество все еще пропитано средневековыми представлениями («Собаки»). Это и рассказ о неожиданной удаче двух кочевников — находке кувшина с золотыми монетами, которые на следующий день превратились в пепел, и притом не столько оттого, что не были окроплены, по обычаю, кровью черного козленка, сколько оттого, что, как сказал шейх, один из нашедших клад в чем-то согрешил, а может быть, и оба... («Черный козлик»). И другой — о маститом профессоре Дарахиби, лекции которого на тему «Проблемы современного общества» ливийцы предпочли футбольный матч («Кресла»).

Я не случайно задержал внимание читателей на творчестве Ибрагима аль-Куни — туарега из сахарского города. Ныне он выдвигается в первый ряд прозаиков, пишущих на арабском языке. Именно ему я обязан своей поездкой в Гадамес.

Прощаясь со мной после приема в феврале 1988 года, Ибрагим аль-Куни подарил мне сплетенный туарегами из кожи оригинальный брелок, похожий на тот, которым он обратил на себя мое внимание в день нашего знакомства. Этот брелок слишком велик для того, чтобы носить его с собой, да еще с ключами. Поэтому он лежит на моем письменном столе, издавая еле уловимый специфический запах кожи, который напоминает мне о Сахаре и ее жителях.

ВЕЛИКИЙ ЛЕПТИС

Поездка в Лептис-Магну — Великий Лептис, один из трех городов, давших название Триполитании, проходит через Таджуру, Гарабули и Хомс. По отличному шоссе вдоль побережья 123-километровый путь от Триполи до Лептис-Магны можно преодолеть за полтора часа, если не останавливаться в этих трех городах.

Сегодня Таджура — пригород Триполи. Здесь находятся завод автомобильных покрышек, госпиталь, где работают венгерские врачи, и Центр ядерных исследований, построенный при техническом и научном содействии Советского Союза. Сам город расположен к югу от автострады, а к дороге выходят частные сады и оливковые рощи. У могучих эвкалиптов в черте Таджуры ливийцы — ребята и взрослые — продают овощи и фрукты, разные в зависимости от сезона. Но картофель, который дает большой урожай на песчаных почвах ливийского побережья, есть всегда, причем молодой, его здесь не хранят и сразу с огорода доставляют на базар. По дороге на Таджуру находится Сук аль-джума (Пятничный рынок), где продаются все продукты, выращенные на земле Ливии.

Итальянские колонизаторы во время оккупации Ливии раздавали землю итальянским колонистам, среди которых было немало лиц, не симпатизировавших фашистам. Гонимые нуждой и подстегиваемые посулами быстро заработать на захваченных землях, тысячи колонистов устремились в Ливию. К моменту революции 1969 года в стране их было около 70 тыс. Они обустроивались капитально, и еще сегодня можно встретить через равные отрезки дороги аллеи, обсаженные кипарисами и туей, ведущие к бывшим итальянским фермам, которые прятались в стороне от дороги под сенью эвкалиптов. Ныне на месте этих ферм иногда можно видеть руины разрушенных домов, которые, как правило, не использовались ливийцами и сносились.

Таджура известна с середины XVI века как резиденция турецкого губернатора Мурад-аги. В его правление здесь в 1553 году была построена мечеть. Свод ее центрального зала размером 43×35 метров поддерживают 48 мраморных колонн, привезенных из Лептис-

Магны: ведь развалины этого города в средневековье использовались как большие каменоломни. В 15 километрах от современного города в 1964 году были обнаружены развалины виллы II века с замечательной мозаикой.

Город Таджура, хотя и находится всего в 17 километрах от Триполи, является центром муниципалитета. Его площадь составляет 380 квадратных километров, население — около 40 тыс. человек.

Проехав Таджуру, следуем в направлении муниципалитета Гарабули. Его площадь — 680 квадратных километров, население — около 20 тыс. человек.

Лептис-Магна фактически является пригородом Хомса — центра одноименного муниципалитета, население которого составляет 70 тыс. человек. Здесь работает несколько цементных заводов, активно развивается сельское хозяйство. Он известен средневековой мечетью и римскими памятниками, самым знаменитым из которых считается Лептис-Магна — Великий Лептис.

Лептис был основан финикийцами в VII веке до нашей эры и назывался, да и называется сегодня по-арабски Лебда, как и проходящее через город сухое русло (вади). Ученые предполагают, что это название восходит к общему для семитских языков слову «бада» (степь, пустыня), где буква «л» может служить определенным артиклем или предлогом к «бада» либо к названию одного из местных племен — лебу, давшего, как считают, название всей стране. Греки именовали этот город Лепсис, Лепсис-Мегали, т. е. Большой Лепсис, или Неаполис, т. е. Новый город. Римляне добавили слово «магна» (великий), что должно, во-первых, свидетельствовать о значении города, а во-вторых, помогало не спутать его с другим — Лептис-Минор (Малый Лептис), находившимся в районе современного тунисского города Сус.

Лептис со времени своего основания в течение двух веков был портом финикийцев. По-видимому, опасаясь конкуренции греков, начавших колонизацию южного побережья Средиземного моря, жители Карфагена поспешили укрепиться и на этой части побережья. В 520 году до нашей эры царь Спарты Дориус в ходе трехлетней войны пытался присоединить Триполитанию к своим владениям, однако Карфаген сумел отстоять свои права. Лептис постепенно приобретал все большее значение в торговле со странами Тропической Африки, откуда поставлялись золото, драгоценные камни, слоновая кость, рабы и другие товары. Однако конфликт между Карфагеном и Грецией был неизбежен, тем более что первый контролировал Триполитанию вплоть

до западного побережья залива Большой Сирт, а греки — восточное его побережье и Киренаику. Вооруженные стычки в пограничных районах происходили постоянно, пока в IV веке до нашей эры не было заключено соглашение о разделе сфер влияния, граница которых прошла в районе современного ливийского города Сирт. О том, как это произошло, существует популярная легенда, имеющая несколько версий. Однако суть всех вариаций этой легенды сводится к следующему.

Из двух, заранее обговоренных между карфагенянами и греками точек выбежали навстречу друг другу два атлета. Место их встречи и должно было стать той точкой, через которую пройдет демаркационная линия, разделяющая владения Карфагена и греческой Киренаики. Два брата Филены, выступившие от Карфагена, свою дистанцию прошли гораздо быстрее и почти добрались до города Кирена. Греки обвинили карфагенян в нарушении договоренности, вменив им в вину то, что они якобы вышли раньше срока. Братья Филены, опровергая это обвинение, потребовали, чтобы их погребли заживо. Трудно сейчас предположить, что же случилось на самом деле. Существует и другая версия — забег был повторен, и на этот раз бегуны встретились в районе города Сирт, примерно в середине залива Большой Сирт. Были ли оба брата (а по некоторым данным, один атлет по имени Филен) закопаны живьем, неизвестно, но в районе города Сирт обнаружены четыре колонны, оставшиеся от мавзолея, получившего название Филеновых алтарей (жертвенников). Император Диоклетиан (годы правления: 284—305) восстановил памятник, который впоследствии снова подвергся разрушению. В 1937 году итальянские фашисты на этом месте установили мраморную арку с пятиметровыми фигурами бегунов, отлитыми из бронзы. Эта точка и сейчас считается границей между восточной и западной Ливией.

Сам город Сирт также известен своими памятниками, и в 1986 году по дороге из Бенгази в Триполи я посетил эти развалины. Когда-то итальянцы, тщательно выявлявшие все памятники, доказывающие права Древнего Рима на эти территории, начали работу и здесь, но не закончили ее. Огромное городище с неглубокими шурфами имеет несколько выявленных фундаментов домов с водосборными колодцами, в которых поселились дикие голуби. Здесь устроен небольшой музей — две-три комнаты, где выставлены предметы римского периода и арабские золотые монеты. А на задворках музея, скрытого от посетителей густой стеной кипари-

совых деревьев, я вдруг увидел... две бронзовые фигуры братьев Филенов. Сильные ноги, тонкая талия, могучий торс — все говорило об их величии и мощи, о способности пробежать огромное расстояние и победить своих соперников. Они лежали на боку, а редкие туристы, видимо, трогали их руками: ступни ног были отполированы до блеска. Разглядывая фигуры, я обнаружил, что у одного брата отпилен большой палец правой ноги. Здесь, на берегу пустынного и захламленного водорослями залива Большой Сирт, оказывается, тоже побывали любители напакостить и испортить памятник в угоду своей дешевой прихоти заполучить сувенир.

Лептис во времена карфагенского господства не был большим городом. Отцы торговой рабовладельческой республики внимательно следили за тем, чтобы у Карфагена не появились конкуренты, причем для их удушения и подрыва их экономики использовались самые различные способы. Так, Карфаген запретил заход в порты Триполитании, в том числе и в Лептис, иностранных судов и к тому же обложил их большим налогом. Третья Пуническая война (149—146 годы до нашей эры) положила конец карфагенскому господству, и города Триполитании стали быстро расти.

Период независимого развития не был безоблачным для Лептиса. В 106 и 104 годах до нашей эры жители города обращались с просьбой прислать римские отряды для защиты от нападения нумидийских царей. Эти просьбы были удовлетворены, а 104 год до нашей эры стал годом начала «дружбы и союза» Лептиса и Рима, что было оформлено договором.

В гражданской войне между Гнеем Помпеем Великим и Цезарем в 49 году до нашей эры нумидийский царь Юба I выступил на стороне Помпея. Юба I и полководцы Помпея организовали защиту Африки, и, по-видимому, в это время сторонники нумидийского царя смогли захватить власть в Лептисе. Однако после серии побед и поражений Помпей в 48 году был умерщвлен в египетской Александрии. Его старший сын, тоже Гней Помпей, продолжал воевать против сторонников Цезаря в Испании, где его армия была наголову разбита в битве при Мунде в 45 году, а сам он был убит.

Цезарь же, высадившись в октябре 48 года до нашей эры на территории нынешнего Туниса, уже к апрелю 47 года захватил Африку. Перед возвращением в Рим победитель не забыл распределить награды между своими сторонниками и наказать своих противников. Нумидийское царство покончившего с собой

Юбы I было ликвидировано. В 46 году Нумидия вошла в Римскую империю как провинция Новая Африка (Africa Nova); впоследствии она была слита с провинцией Старая Африка (Africa Vetus)—название территории бывшего Карфагенского государства. Правителем Новой Африки был назначен историк Саллюстий—автор книг «О заговоре Катилины» и «Югуртинская война», а также «Истории» в пяти книгах о событиях в Риме с 78 по 66 год до нашей эры, дошедшей до нас в отдельных фрагментах.

Город Лептис, который находился в союзе с Юбой, был обложен ежегодным налогом, который именовался в то время стипендией (лат. stipendium—«плата»), в виде примерно 10 тыс. гекталитров оливкового масла. Эта огромная дань вряд ли была под силу одному Лептису. Скорее всего ее должны были выплачивать все города Триполитании (Эа, Сабрата и Лептис), как выступавшие на стороне врагов Цезаря и им наказанные.

В 44 году до нашей эры Цезарь был убит. Вторым сыном Помпея, Секст, воевал против второго триумвирата. В 36 году он был разбит Октавианом и его сподвижником Агриппой, после чего бежал в Малую Азию, где и был убит.

Гибель Помпея Великого и его сыновей в борьбе против Цезаря и его наследников вдохновила безымянного поэта на эпитафию Помпеям. Вот она¹:

Двое твоих сыновей в Европе и в Азии пали,
Сам ты в Ливии пал от вероломной руки.
Так разметала судьба ваши прахи по целому миру,
Чтобы у каждой земли свой был Великий Помпей.

Поэт, следуя античной традиции, причислил Египет к Ливии.

Октавиан, внучатый племянник Цезаря, усыновленный императором и названный им своим наследником, в 27 году до нашей эры принял титул императора и стал называться Августом. Его победа над Антонием и египетской царицей Клеопатрой дала ему огромную власть и возможность перекроить карту Северной Африки. Провинция Новая Африка была ликвидирована, а Нумидийское царство—восстановлено. На трон взошел Юба II (сын Юбы I), с младенческих лет воспитывавшийся в императорской семье в Риме. В жены Юбе II была выбрана дочь Марка Антония и Клеопатры, которая, как и Юба, была вывезена в Рим в числе заложников после смерти своих родителей. Проримские

¹ Эпитафия Помпеям. Пер. М. Гаспарова.—Поздняя латинская поэзия. М., 1982, с. 503.

симпатии нового нумидийского царя были известны. Этот незаурядный политический деятель, почти 50 лет сидевший на троне, оказался страстным поклонником греческого искусства, собирателем греческой скульптуры, меценатом и ученым.

Советский историк Древнего Востока акад. Б. А. Тураев отмечал, что Юба II был прекрасно образован и проявил необычайную разносторонность и широту в литературной и научной деятельности, главным образом в области истории, географии и естествознания.

Римская провинция Африка оставалась под контролем сената и управлялась проконсулом, которому был передан легион для защиты территории от набегов местных жителей. Это было сделано в нарушение законов, по которым представитель сената не должен иметь армии. Однако легион, получивший название III легиона Августа, принял активное участие в борьбе против местных племен. Корнелий Бальб в 20 году до нашей эры вел военные действия в Феццане против гарамантов, захватил их столицу Джерму, причем в борьбе против гарамантов современный Гадамес выступал на стороне римлян.

Между 12 и 6 годами до нашей эры Лептис стал муниципией, т. е. городом с самоуправлением. Это Август предоставил Лептису свободу, которой лишил его Цезарь. Свободное управление, правда, не освобождало город от налогов, но являлось гарантией того, что проконсул не будет произвольно вмешиваться в его внутреннюю жизнь. Лептис отпраздновал это событие выпуском монет с изображением императора. Прилив гражданского доверия можно проследить на примере сооружения крупных общественных зданий. Повидимому, именно с этого времени город стал называться Лептис-Магна.

В первые годы нашей эры в Нумидии вновь начались волнения местных племен, во главе которых встали дезертиры из римской армии. Против восставших выступили III легион Августа и IX испанский легион, переброшенный из Паннонии. Оба легиона охраняли и город Лептис-Магна. Восстание было подавлено в 24 году, но через несколько лет Африка оказалась втянутой в гражданскую войну между претендентами на римский трон. Эта война не затронула ни Лептис, ни Эа. Однако эти города, хотя и входили в один союз, решили разобраться в своих проблемах. Эа, как более слабый по сравнению с Лептис-Магной союзник, обратился за поддержкой к гарамантам, которые хорошо знали дорогу на побережье. Эти племена

ворвались в Лептис-Магну и расправились с его жителями, но вскоре вмешались римляне во главе с легатом Валерием Фестом и отбросили гарамантов в пустыню. Фест прорвался со своими легионерами в Феццан, причем его путь, названный «дорогой по брови горы», проходил то ли через Бу-Нугейм и Хун, то ли из Мизды через пустыню Хамада-эль-Хамра. Каким путем шли римляне, мы не знаем, однако точно известно, что победа осталась за ними. Феццан стал базой для римских экспедиций в глубь Африки. Но об этом я расскажу в другом месте, в разделе о центре Феццана — Мурзуке.

Как говорилось выше, в 109—110 годах, при императоре Траяне, Лептис-Магна получил статус колонии. Факт присвоения статуса колонии был рассчитан на то, чтобы польстить провинциальному чувству гордости местных жителей, ибо колонии основывались римлянами и рассматривались как части столицы империи, вынесенные в провинции. Став колонией, Лептис-Магна изменил структуру местного управления. Два ежегодно избираемых суффета назывались теперь дуумвирами, которые по должности соответствовали римским консулам. Сенат (городской совет) контролировался этими дуумвирами и состоял из декурионов, которые, будучи богатыми горожанами, занимали различные судебные и административные должности. Однако повседневное управление делами находилось в руках эдилов (которые соответствовали финикийским мухазимам) и квесторов (младших чиновников магистратов). Жители Лептис-Магны были разбиты на 11 избирательных округов, из которых 8 были названы в честь членов семьи императора Траяна.

В 192 году император Коммод, любивший участвовать в боях гладиаторов, из-за своей величайшей жестокости был задушен в результате заговора, и в борьбу за трон вмешалась императорская гвардия. Удача сопутствовала Септимию Северу, командующему армией в римской провинции Паннония: в 193 году он был провозглашен императором. Еще пять лет ушло на то, чтобы окончательно расправиться со своими соперниками, и лишь в 197 году, после победы над своим последним врагом — Прецением Нигером (Prescenius Niger), он вошел в Рим в качестве единоличного правителя Римской империи, став первым в истории солдатским императором.

Септимий Север родился в 146 году в Лептис-Магне от Фульвии Пиа и Публия Септимия Гета. Его отец был одним из суффетов-дуумвиров, возглавлявших городское управление во время Траяна. Из этой семьи вышло

несколько римских сенаторов, но Септимий Север не поддерживал отношений с этими родственниками после их отъезда в Рим. К своим 47 годам Септимий Север прошел службу от простого солдата до генерала, завоевал большой авторитет у воинов, которые и провозгласили его императором. Правда, существует мнение, что он мог родиться и в городе Хадрумет (ныне тунисский город Сус), недалеко от которого находился Малый Лептис. Но, на мой взгляд, это весьма сомнительно. В противном случае Лептис-Магна не пользовался бы таким вниманием семьи Северов.

Император Септимий Север никогда не забывал о своем родном городе. Именно к концу II—началу III века относится период наибольшего расцвета и развития Лептис-Магны, к которому он благоволил и выделял всегда, правда вместе с Дакией (часть территории современной Румынии) и Сирией.

Последнее было не случайно. Говоря о Септимии Севере и его эпохе, которая ознаменовалась оживлением культурной жизни, нельзя не сказать о его жене Юлии Домне, дочери верховного жреца бога Солнца в сирийском городе Эмесс (современный сирийский город Хомс). Юлия Домна задавала тон религиозной и культурной жизни Рима. Вокруг нее, безусловно женщины выдающегося ума и безмерного честолюбия, группировались поэты, философы, историки, т. е. та интеллектуальная элита, которая сыграла огромную роль в переработке древнеримских традиций и шедших с Востока религиозных и философских влияний и в приспособлении этого удивительного сплава идей к жизни римской императорской семьи и ее окружения. Династию Северов иногда называют «ливийско-сирийской династией», которая на стыке II и III веков способствовала космополитизации Римской империи, слиянию древнеримских традиций с изощренными восточными культурами империи, в которой население говорило и писало и по-гречески, и по-латыни, прибавив к почитанию императоров и богов увлечение восточными таинствами и церемониями.

...Проехав город Хомс, сворачиваем с главной автомагистрали налево по движению и, взяв затем еще раз налево, останавливаемся на небольшой площадке—парке автомашин. Перед входом в аллею, ведущую к раскопкам, построен небольшой павильон, где продаются входные билеты и цветные открытки с видами Лептис-Магны.

По аллее, обсаженной невысокими соснами с отличающейся синевой хвоей, мы попадаем на площадку, где поставлен памятник Септимию Северу, перенесенный

сюда с центральной площади Триполи. Он сделан из бронзы почти в человеческий рост и стоит на небольшом мраморном постаменте. Солдатский император изображен в латах, боевых наколенниках, с коротким мечом. У него курчавые волосы, усы, бакенбарды и короткая курчавая борода, высокий лоб, острые глаза и далеко не римский нос. У памятника останавливаются ливийцы и иностранные туристы, рассматривают его, обмениваются репликами, трогают руками отполированные до блеска сандалии.

По широкой лестнице, идущей от площадки, туристы могут спуститься к арке Септимия Севера, которая восстановлена итальянскими археологами, работавшими здесь с 1913 года. В 1920 году сюда приехала другая археологическая миссия, а в 1923-м — третья. Обе они проработали только по одному году. Зато в 1928 году в Лептис-Магну прибыли тоже итальянские археологи, которые вели раскопки дольше всех предыдущих экспедиций — до 1936 года. Но все эти работы можно определить как прикидку. Археологи разгребали горы мусора, вывозили землю в специальных вагонетках за пределы археологической зоны, доставляли белый известняк для восстановления разрушенных зданий и прочих сооружений. В течение почти 20 лет без перерыва, с 1936 по 1967 год, здесь работало несколько итальянских археологических экспедиций, экспедиция музея Пенсильванского университета США и ливийского Департамента древностей.

Все, что мы сейчас видим, оставив в нескольких метрах позади памятник Септимию Северу и стоя на верхней ступени лестницы, ведущей вниз, к его все еще не до конца восстановленной арке, является результатом титанического труда прежде всего итальянских археологов. Можно, конечно, объяснить такое упорство политическими мотивами, и это было бы правильно. Но работать методично, последовательно в течение 47 лет на раскопках одного археологического объекта — это своего рода научный подвиг, который нельзя не отметить. Нам бы такую одержимость в восстановлении памятников своей истории и культуры!

В 202 году Септимий Север посетил Лептис, и благодарные жители соорудили в честь этого события четырехпролетную арку. Говоря об этой арке, слово «триумфальная» обычно не добавляют: император приехал в свой родной город не как триумфатор, а как простой гражданин. Облицованная мрамором арка была построена всего за один год. На каждой из четырех сторон располагались колонны на пьедесталах, которые завершались острым фронтоном. Кроме богатого расти-

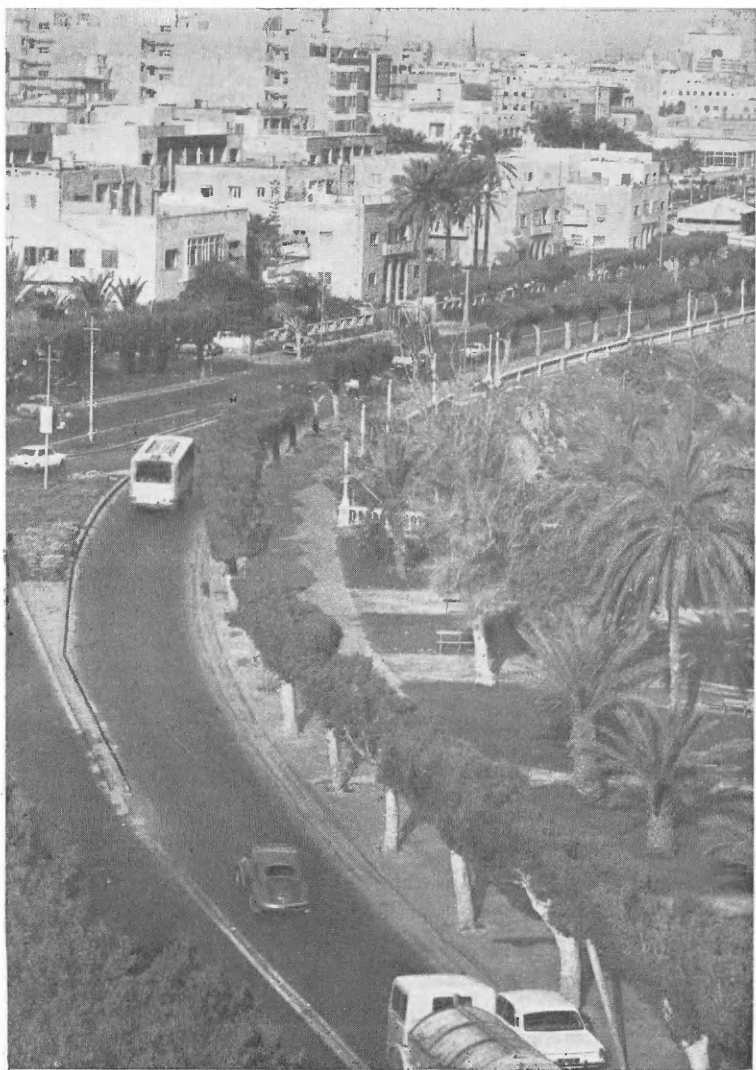
тельного орнамента, фигур птиц и амуров на фронте помещались крылатые фигурки богини Ники с пальмовой ветвью. Атик, т. е. верх арки, украшали сюжетные композиции, изображавшие реальные сцены из жизни императора, единство императорской семьи, жертвоприношения и другие картины. Портретное сходство имеют только изображения Септимия Севера, Юлии Домны и их сыновей Каракаллы и Геты, остальные фигуры выполнены схематично, без проработки в деталях, в застывших, скованных позах.

Разное по характеру скульптурное убранство арки Севера дало повод ученым считать, что в ее сооружении принимали участие мастера, работавшие в различной манере. Действительно, арка возводилась спешно, и скорее всего жители Лептиса, ставшие после 202 года именовать себя септимами и не упускавшие случая воздать хвалу императору за строительство защитных укреплений на южных границах городских владений, собрали всех работавших в городе и его окрестностях мастеров и бросили их, как говорят сегодня, на строительство пускового объекта. Поэтому и получилось, что богиня Ника имеет налет эллинистической традиции, сюжетные композиции аттика отражают местные традиции, а пышные декоративные панно исполнены мастерами в манере, характерной для стран Восточного Средиземноморья.

Некоторые ученые считают, что в период расцвета городской культуры на рубеже II—III веков существовал план генеральной застройки и укрепления города, причем авторами этого плана были приезжие мастера из Сирии и Малой Азии, в частности из малоазийского города Афродисия, знаменитого своей школой скульпторов. Тот факт, что Лептис смог пригласить, скорее всего по совету Юлии Домны, известных мастеров из-за границы, свидетельствует об определенном благосостоянии города и уровне художественных представлений его жителей.

Арка Септимия Севера была сооружена в начале центральной улицы, пересекавшей город с юга на север. На этой мощенной каменными плитами магистрали с канавами для сбора дождевой воды были построены и другие арки—императора Тиберия и императора Траяна.

Первая была сооружена в 36—35 годах до нашей эры как благодарность жителей Лептиса за помощь римлян в подавлении восставших местных племен. Арка Траяна—это символ благодарности населения города, получившего статус «колонии». Правда, до арки Траяна в центре Лептиса была воздвигнута в 77—78 годах арка

Набережная Триполи

Ливийские рыбаки.
Триполи

Придорожный овощной
рынок. Окрестности
Триполи

**Ливийцы
в национальных
костюмах
за народной игрой
в камни**

**Ливийский ремесленник
за изготовлением
жилетки «фармаля»**

Порт Триполи

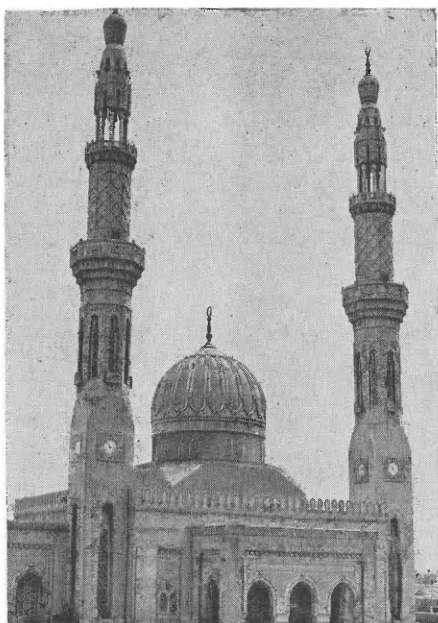

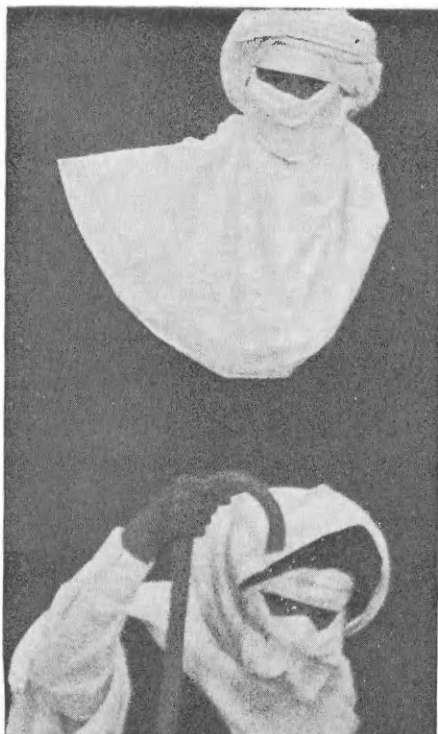
Ливийские крестьянки
в национальных
костюмах

Мечеть в Триполи

Красная гостиница
в Гадамесе

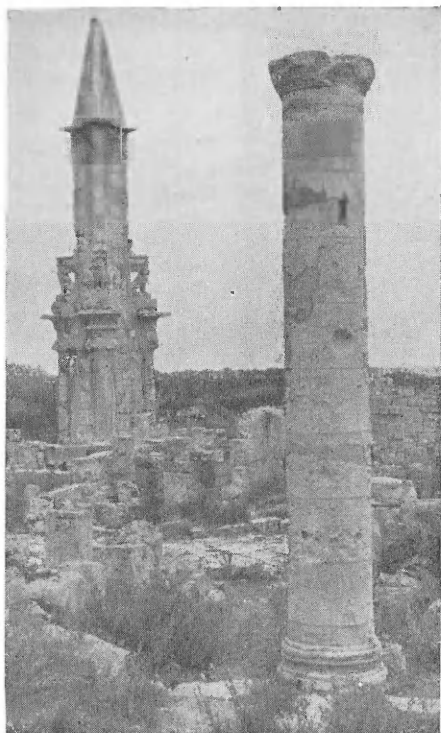

Туареги
в традиционных
костюмах

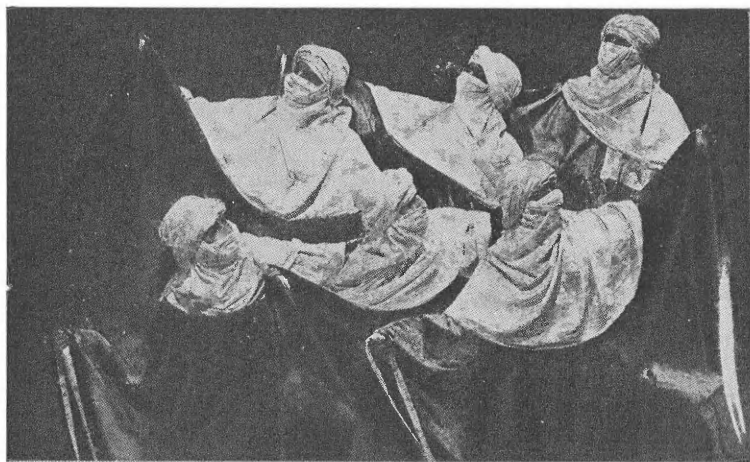
Наши знакомые туареги
из Гадамеса

Сабрата

Туарегский танец

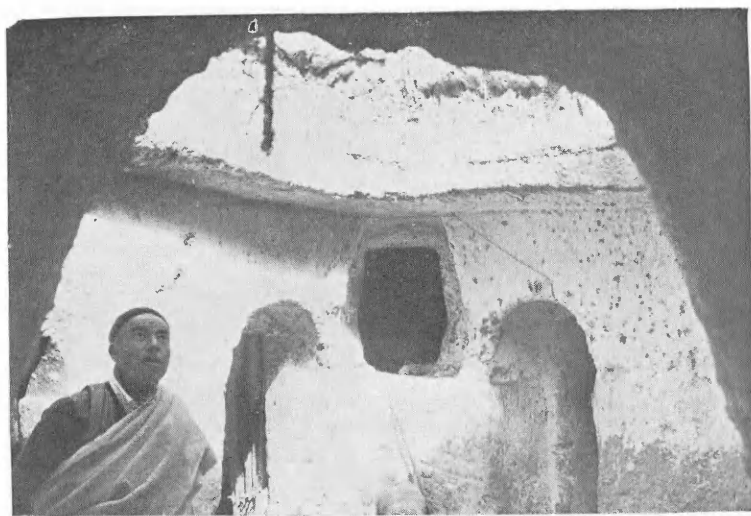
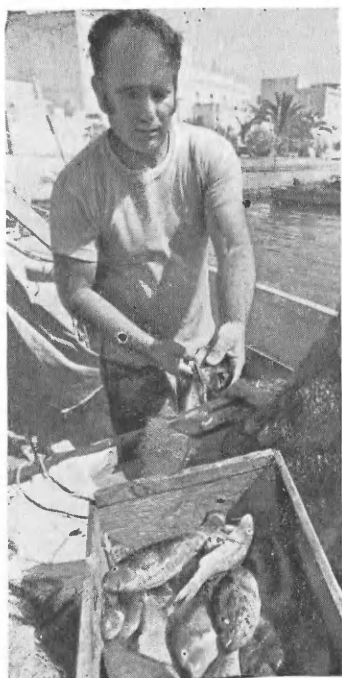

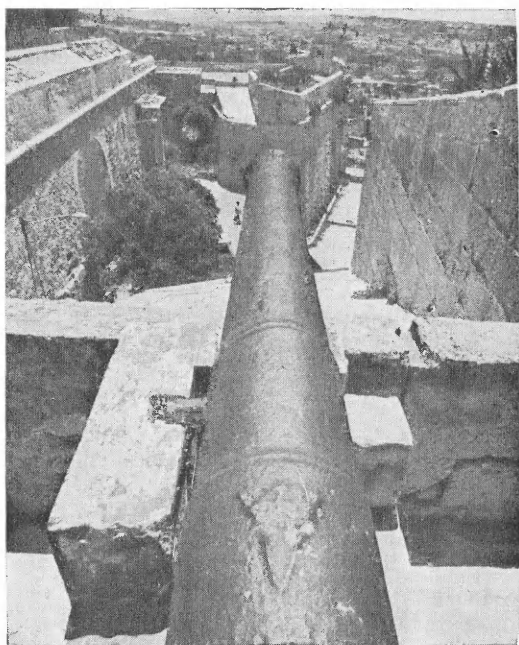
Античный театр в Сабрате

Мальтийский рыбак

Народный женский танец

Ливиец Фрадж и его пещерный дом

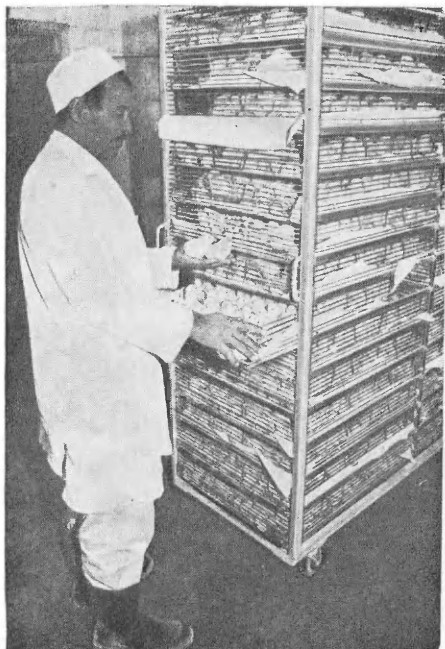
Бастион на о-ве Гоцо

Фрагмент картины
из вадн Барджуж

Рабочий инкубатора
в г. Дерна

Развалины древней
Кирены

Оживленная беседа.
Валлетта

Ковровая мастерская
в Мисурате

Сбор фиников

Оазис Мандара

Продавец сувениров

Тунисский богослов

→
**Маленький ремесленник
на базаре г. Туниса**

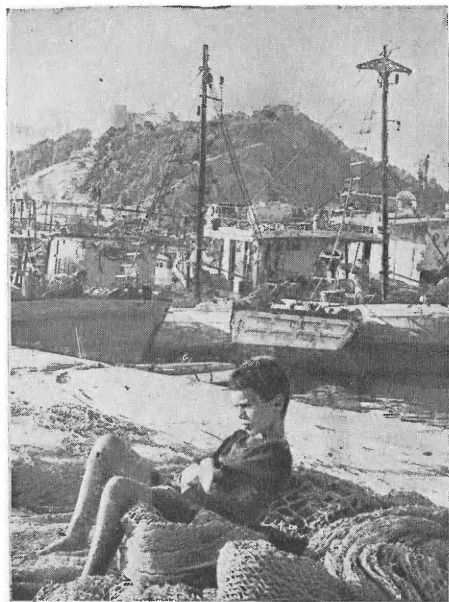
-

→
Тунис. Лавка сувениров

**Мастерская
по изготовлению
тканых ковров**

**Маленький
тунисский рыбак**

императора Веспасиана и его сына императора Тита, в которую были встроены византийские ворота.

В Римской империи основной производительной силой была деревня, а город являлся центром потребления. Деревня могла существовать без города, но город без деревни — никогда. Поэтому в город переселялись люди состоятельные, чтобы пользоваться комфортом и трудом своих рабов или вольноотпущенников. Разумеется, за каждым богачом тянулись челядь, ремесленники и торговцы, но в целом город был населен праздными богатыми людьми, больше всего ценившими досуг как высшее благо свободной личности. Античный город и был приспособлен для праздности, для занятия спортом, развития духовной культуры. Здесь строились площадки для спорта и бани, театр и ипподром, форум и храмы. Античная культура была принадлежностью прежде всего городской цивилизации, и Лептис-Магна не был в этом исключением, хотя сельское хозяйство составляло основу благосостояния римской Триполитании.

Основой экономики Триполитании в римский период было производство и экспорт оливкового масла. Африканское масло считалось слишком грубым для кулинарных целей, но потребность в нем ощущалась постоянно, так как оно использовалось при освещении и в банях. Ежегодный налог в 10 тыс. гекталитров масла, которым Цезарь обложил Лептис, дает некоторое представление о масштабах выращивания оливковых деревьев в этот период. Ко II столетию Триполитания была плотно засажена оливковыми плантациями, особенно в местах, расположенных по соседству с Лептисом, Эа и Сабратой. Оливковые деревья выращивались и в районе Зинтана и Мисураты, и на побережье залива Большой Сирт. Наиболее крупные плантации принадлежали богатым горожанам Лептиса. Сами владельцы не проживали в своих имениях: для этого у них были управляющие, наблюдавшие за наемными рабочими, либо арендаторы, выплачивавшие хозяину десятину. В дешевой рабочей силе недостатка не было. Оливковые плантации разбивались на землях скотоводческих племен, у которых не было иного выбора, как идти арендаторами к богатому землевладельцу. В противном случае приходилось покидать родные места. Историки приводят факты о том, что во времена некоторых императоров, особенно при Адриане (117—138), члены племен привлекались к работе на участках с не обработанной ранее землей, расположенных вдали от побережья. В таких случаях крестьяне временно становились владельцами этих участков и освобождались от уплаты налогов на оливы и

виноградные лозы до того времени, пока эти культуры не начинали плодоносить.

Характерной чертой сельского хозяйства Триполитании в римский период было широкое использование запруд. В те времена дождей выпадало больше, чем ныне. В течение нескольких дней сухие вадии превращались в бурные потоки, забитые вырванными с корнем деревьями и камнями. Целью заградительных сооружений было собрать воду, дать ей возможность просочиться в почву или отвести ее в ирригационные каналы и цистерны для хранения и в то же время предотвратить эрозию почвы, приостановив силу потока, и задержать наносы. В результате наноса почвы создавались своеобразные участки, пригодные для выращивания фруктов и овощей. Современным историкам еще предстоит оценить роль системы древних заградительных сооружений. Судя по большому числу и размерам этих дамб, они имели настолько важное значение в развитии сельского хозяйства римской Триполитании, что ни до, ни после этого периода здесь не появилось ничего подобного.

В экономике Триполитании важную роль играла транссахарская караванная торговля. Надежность коммуникаций и широкая сеть рынков по всему миру, образовавшихся в результате создания Римской империи, способствовали развитию торговли в каждом городе из пяти с половиной тысяч римских городов. В римском порту Остия, куда везли товары со всех концов империи, находилось так называемое «место корпораций». Оно представляло собой большой двор с колонными портиками. Купцы имели здесь свои конторы. Пол двора был выложен черно-белой мозаикой — своеобразной рекламой торговых городов. Например, здесь была композиция с фигурой черного африканского слона и надписью «Сабрата», что свидетельствовало о том, что из Сабраты в Рим вывозились слоны и слоновая кость.

О торговле в противоположном направлении, т. е. о вывозе товаров из самого Рима в Африку, нам известно меньше. В ходе итальянских раскопок в окрестностях Джермы во многих гробницах гарамантов найдены римские лампы, глиняные и стеклянные сосуды, которые относятся к периоду с конца I по IV столетие. Промыслы в Триполитании вряд ли были хорошо развиты. Единственным местным изделием, получившим известность за рубежом, был гарум (рыбный соус из соленой рыбы), которым особенно славился Лептис.

Центром городской жизни в Лептисе был форум, мощеное открытое место, закрытое для колесного

транспорта и окруженное различными зданиями. Форум служил местом общественных встреч, народных собраний и информационным центром. Именно сюда приходили, чтобы увидеть или услышать, что нового происходит в городе, поболтать с друзьями в тени колоннад или прогуляться вечером среди статуй, воздвигнутых по указу муниципалитета в честь императоров и местных меценатов. Здесь собирались горожане для голосования, заслушивания отчетов своих депутатов.

Трибуны, с которых выступали ораторы, часто воздвигались перед храмами. Например, перед храмом Рима и Августа (построенным в 14—19 годах) была сооружена такая трибуна. Кроме храмов наиболее важными зданиями, расположенными на форуме, были курия и базилика. Курия представляла собой помещение (зал или комнату), где заседал сенат под председательством своих ежегодно избираемых магистратов. В базилике, которая являлась продолжением форума и была покрыта навесом для защиты от солнца и дождя, размещались суды и городская биржа. Публика имела туда свободный доступ и могла развлечься, слушая судебные разбирательства или сделки торговцев.

В Лептисе было два форума. Постройка старого форума относится к середине I века. На этом месте в 153 году, во время правления Антонина Пия (138—161), был воздвигнут небольшой храм, посвященный императору. Новый форум вместе с базиликой был сооружен сыном Септимия Севера — Каракаллой (211—217). Площадь нового форума размером 100×60 метров с трех сторон окружала аркада. Капители колонн относились к так называемому пергамскому ордеру с характерным сочетанием лепестков лотоса и зубчатых листьев аканта. Над каждой колонной в опоре двух арок был встроен круглый медальон с выразительным изображением головы Медузы или одной из Нереид. Сейчас полуразбитые медальоны лежат на земле, носы у Нереид и Медуз отколоты, обрамление медальонов из мягкого известняка выкрошено. Но даже такие ущербные медальоны производят впечатление мощности хотя бы потому, что величина каждого из них соответствует человеческому росту, а от как бы стонущих Медуз и Нереид с полуоткрытыми ртами и сведенными к переносице бровями веет трагизмом и безысходностью.

Новый форум, построенный Каракаллой, так же как и базилика, назывался форумом Северов. Хотя за образец форума в Лептис-Магне был взят форум Траяна в Риме с его базиликой, расположенной во всю ширину площади, базилика в Лептисе примыкала к

форуму с северо-восточного конца площади под углом и была отделена от нее несколькими портиками и колоннами. Сама базилика делилась на три нефа двухъярусными колоннадами. Пилоны базилики были богато украшены орнаментами в виде виноградной лозы и изображениями Диониса, амуров, Геракла, Антея, обнаженных женщин. Все лица и фигуры тоже обезображены: отколоты носы, руки, куски растительного орнамента. Против базилики находится храм с красными гранитными колоннами. Над коринфскими капителями сейчас порхают важные сизые голуби, а быстрые ласточки расчерчивают голубое небо черными линиями.

Основным строительным материалом в Лептисе был природный камень. Площадь форума покрыта архитектурными деталями, которые дают возможность не только судить о масштабности замыслов строителей, их стремлении подчеркнуть грандиозность побед римского оружия, но и понять технику работы, узнать материал. Красный гранит из Египта, разноцветный мрамор из Италии, Греции, Нумидии, Малой Азии, местный известняк и песчаник были основным материалом, из которого строились здания Лептиса. Картина этого даже разрушенного форума не воспринимается современниками как руины или набор строительного мусора. Скорее его можно расценить как демонстрацию надорванной природой мощи и избыточной роскоши — черт, присущих Риму и несущих на себе отпечаток таинственного Востока.

Может быть, поэтому во время своих посещений Лептис-Магны и особенно его форума мне никак не удавалось избавиться от ощущения, что все увиденное здесь создавалось мастерами, которые больше были знакомы с художественной традицией Востока, чем с римскими уравновешенными представлениями об архитектуре и планировке городов.

Форум не был единственным излюбленным местом горожан. В дневное время большая часть населения устремлялась в бани, которые одновременно служили как общественным, так и гигиеническим целям. Вместо мыла тело натирали оливковым маслом, соскабливая его излишки специальными скребками. Состоятельные люди приводили сюда своих рабов, которые смазывали их маслом и массировали. Другие нанимали для этого специальных служащих.

Спустившись по лестнице к арке Септимия Севера и взяв вправо, мы попадаем к западной оконечности вытянутой эллипсом палестры — спортивной площадки, которая примыкает к северной части бань Адриана. По периметру палестра была украшена колоннами с ко-

ринфскими капителями, поставленными на белые мраморные пьедесталы. В северной части площадки находились два портика. Бани Адриана были сооружены проконсулом Публием Валерием Приском в 126—127 годах. Строительство этих гигантских и богато украшенных бань, равных по своему декору императорским термам в Риме, велось несколько лет. Мы располагаем сведениями, что еще в 119—120 годах до нашей эры на личные средства Квинта Сервилия Кандида был построен акведук, который подводил воду из вади Лебда в город и к сооружаемым баням. Впоследствии бани перестраивались и реконструировались. Особенно большие работы шли во время правления императора Коммода и, конечно, Септимия Севера.

Сегодня от этих гигантских сооружений остались лишь отдельные колонны, мозаичные полы да обломки статуй. Помещения были украшены фигурами атлетов, героев и богов. Так, были найдены статуи бога войны — сидящего Марса, а также Аполлона, Меркурия, Диониса, Афродиты, Эскулапа. Некоторые из них являлись копиями работ известных греческих скульпторов Поликлета и Праксителя. Наиболее интересные скульптуры перенесли в музеи Триполи и музей Лептис-Магны, расположенный в одноэтажном здании напротив входа в археологическую зону.

Я брожу по баням Адриана и удивляюсь, с каким изобретательством устроены система стенного подогрева банных помещений и парная, как разумно сделаны топки — с наружной стороны здания, чтобы не пачкать отделанные мрамором и мозаикой залы. Мне почему-то становится грустно, что в наше время и бань стало меньше, и потеряли они свое первоначальное значение как клуб для отдыха, бесед и духовного общения. Конечно, времена не те, да и темпы жизни у нас другие. Но что-то ушло вместе с этим размеренным укладом, что-то мы потеряли от умения наслаждаться простыми человеческими радостями.

Другим общественным заведением, некогда хорошо представленным в Лептисе, являлись отделанные мрамором общественные уборные, которые примыкали к баням. Только самые роскошные частные дома имели свои собственные уборные. Этими общественными заведениями простые горожане могли пользоваться за небольшую плату. И что удивительно современному человеку — это отсутствие изоляции в римских уборных.

Любимыми развлечениями времен Римской империи были театр и ипподром, которые посещали все жители

Лептиса, независимо от их имущественного положения. Художественный уровень римского театра того периода был ниже греческого. Греческая трагедия сохранялась только в отрывках. Однако трагедии не могли конкурировать по популярности с балетными представлениями, известными как пантомима. Темы пантомимы черпались из греческой мифологии. Мим исполнял свою роль при помощи танца и жеста. Его движения сопровождалось пением хора под звуки оркестра. В представлении обычно был занят один актер, который просто менял маски при исполнении той или иной роли. Пользующиеся успехом мимы были знамениты, как нынешние голливудские кинозвезды. Посещение Лептиса мимом Маркусом Септимом Аврелием Агриппой, вольноотпущенником Каракаллы, было увековечено помещением его скульптурного портрета в галерею за театром. Из надписи на пьедестале мы узнаём, что он был лучшим исполнителем своего времени, обучался искусству в Риме и достиг огромных успехов.

Как и трагедия, традиционная комедия была вытеснена со сцены пантомимой. Комические сценки разыгрывались без масок. Актеры стремились к максимальному реализму, и в отличие от обычной практики древней драмы женские роли в комедиях исполнялись женщинами. Темы брались из повседневной жизни и обычно касались супружеской неверности, разных курьезных случаев, связанных с наказанием насильника или разоблачением преступника.

Из всех триполитанских городов лишь Лептис имел постоянный каменный ипподром, который у римлян назывался цирком (лат. *circus* — «круг»). Гонки — с движением против часовой стрелки — обычно устраивались для квадриги, т. е. двухколесной колесницы, запряженной четырьмя лошадьми. Одновременно соревновалось до 12 команд. Как правило, гонки состояли из семи раундов.

Ряды из семи яйцевидных фигур или семи фонтанов в виде дельфинов на подставках по центру скаковой дорожки оповещали публику о прохождении раундов: по окончании раунда либо убиралось одно яйцо, либо перекрывался один фонтан. Поскольку колеса колесниц практически касались друг друга на поворотах или же сцеплялись при приближении к центру, столкновения происходили довольно часто. Нередко такие столкновения умышленно подстраивались. Официальное разрешение делать ставки на состязаниях усиливало ажиотаж. Как в Риме, так и в других больших городах империи команды выступали от четырех соперничавших фракций (каждая имела свою эмблему — «красные», «бе-

лые», «синие», «зеленые»), из которых толпа выбирала себе любимцев.

Общественная жизнь в Лептисе была довольно бурной. В ней переплетались римские традиции, местные нравы, греческие и финикийские представления о добре и зле, о богах и героях. В различных надписях наряду с латинским языком употреблялся и оставался языком повседневной жизни вплоть до конца I века финикийский, или пунический, язык. Септимий Север до конца своих дней говорил на латинском с сильным финикийским акцентом, а когда его сестра приехала к нему в Рим, ее незнание латинского настолько смущало императора, что он, осыпав ее дарами и почестями, поскорее отослал обратно в Лептис. В образованных кругах было принято знать и греческий и латинский языки. Пудентилла, жена Апулея, разговаривала и переписывалась со своими сыновьями на греческом. Септимий Север прекрасно знал греческую литературу. В местных школах учили элементам греческой и латинской литературы, однако молодой человек для завершения своего образования отправлялся в Карфаген, Рим или Афины. «Греческий и латинский языки стали равноправными и общепризнанными средствами общения в этом разноплеменном мире, чувствовавшем себя космополитическим единством»².

В религии также цепко держались финикийские традиции. Финикийские боги продолжали жить под римскими и греческими именами: Сатрапий именовался Либер Патер (см. также следующий раздел), Мелькарт — Геркулес, Эшмун — Аполлон, Астарта — Венера. Либер Патер и Геркулес были покровителями Лептиса, а Минерва и Аполлон — покровителями Эа. Пока в Триполитании не обнаружено следов поклонения Сатурну — романтизированному Баалу-Хаммону, популярному богу в других частях Африки, но храм Юпитера-Амона, с которым часто путали Баала-Хаммона, был обнаружен около ливийского города Тархун.

Финикийские боги в римских тогах и греческих туниках не были единственными. В Лептисе обнаружены храмы греко-египетского Сераписа, фригийской Великой Матери Кибелы, индоиранского бога Митры. Наконец, в Лептисе в конце II века зарегистрировано появление христианского епископа.

Римская императорская власть была веротерпимой и позволяла существовать десяткам богов и богинь различного происхождения. Обязательным культом, актив-

² *Пиотровский Адр.* Книга «Колдуна из Мадавры». — *Апулей.* Золотой осел. М., 1933, с. 15 («Сокровища мировой литературы»).

но внедряемым в провинции самими римлянами, был культ императора. Император-самодержец считался особой священной: он носил титул «Август» (лат. «Возвеличенный богами»). Первым императором, взявшим этот титул в 27 году до нашей эры, был внучатый племянник Цезаря—Октавиан. К императору обращались с выражением «Ваша святость» или «Ваша вечность», пред ним преклоняли колени, он облачался в пурпурные одежды, и каждый его выход обставлялся торжественно и пышно. Насаждение императорского культа имело скорее политический, чем религиозный характер, поскольку признание божественности императора было проявлением лояльности провинции. В Лептисе храм Рима и Августа был освящен на форуме. Верховный жрец этого храма избирался ежегодно советом провинции и был его председателем.

Развалины Великого Лептиса, насчитывавшего 80 тыс. жителей, производят огромное впечатление на всякого, кто его посетил. Во время работы в Триполи мне не раз приходилось сопровождать туда наши делегации. Могу сказать, что буквально каждого, даже самого искушенного путешественника поражал вид светлых стройных колонн, арок и величественных зданий Великого Лептиса. Легко представить себе, какое сильное впечатление производит белый город с широкими улицами, украшенными портиками, колоннами и скульптурами, на фоне голубого моря.

В 365 году Лептис-Магну потряс сильный подземный взрыв, в дальнейшем завоеватели довершили разрушение и разграбление богатого города, его общественных зданий и храмов. Сегодня по его мощеным улицам бродят толпы туристов—ливийцев и иностранцев, которым открывается удивительная картина цивилизации античного города. Я уехал из Ливии давно, но впечатление от посещения Лептиса останется у меня на всю жизнь. Да, этот город по праву называется Великим!

МЛАДШИЙ БРАТ ВЕЛИКОГО ЛЕПТИСА

Из трех городов, давших название Триполитании, Сабрата сохранила свое имя до наших дней. Она также была основана финикийцами.

В момент появления финикийцев на африканском побережье Средиземного моря здесь уже были оседлые поселения, обнесенные мощными стенами. Из среды ливийцев выделились вожди племен и аристократия, которые были, по-видимому, заинтересованы в сотрудничестве с финикийскими мореходами по экономическим соображениям.

Точных сведений об основании Сабраты нет, однако облик этого города, насколько можно судить по его развалинам, несет на себе более явный, чем Лептис-Магна, отпечаток финикийского влияния. Первое постоянное поселение было основано в конце VI века до нашей эры на той части побережья, которая редко посещалась мореходами. Вероятно, уже в следующем веке был образован союз Лептиса, Эа и Сабраты для отражения давления греческих колонистов. Но из всех трех указанных городов Сабрата осталась самой, если так можно сказать, финикийской по своей сути и по своему духу.

...Едем из Триполи в сторону границы с Тунисом. В пределах бывшего Триполи, уже на выезде из города, там, где находилась старая морская таможня, у отметки «13-й километр», есть съезд к морю. Сюда на пляж приезжают ливийцы и советские специалисты. На берегу небольшой лагуны стоит заброшенный заводик по обработке рыбы. Его похожее на сарай помещение пусто. Металлический причал с разбитым деревянным покрытием отбит от берега штормовыми волнами на несколько метров. Лагуна была местом стоянки финикийских мореходов по дороге из Эа в Сабрату и дальше в Карфаген. Это умозаключение, к которому я пришел на основании простых арифметических расчетов продолжительности перехода на веслах финикийских мореходов, неожиданно получило подтверждение. Мне рассказали, что один из наших специалистов, работавших в Ливии, гуляя по берегу, находил в глубоких ямках

среди морского мусора кусочки бронзовых римских и греческих монет, причем этих находок было так много, что случайность их попадания в эти места исключается.

Дорога на Сабрату, лежащую в 60 километрах от нынешнего Триполи, в нашу первую поездку в декабре 1984 года была довольно оживленной. В тот период отношения между Ливией и Тунисом были дружественными, и автомашины, набитые тунисцами и их громоздкими чемоданами, неслись вдоль голубого моря в сторону Сабраты и далее в Тунис. В декабре воздух на побережье Ливии необычайно чист и прозрачен. Часто идут дожди, иногда довольно сильные. Они смывают летнюю пыль и грязь с растущих по обочине вечнозеленых кипарисов, небольших сосен и оливковых деревьев. Среди ветвей я видел темные, похожие на спелую вишню ягоды, из которых получают знаменитое оливковое масло. Зеленые деревья на красной земле выглядят необычайно эффектно. Жаль, что я не художник и не могу передать на холсте все великолепие средиземноморской зимы на африканском побережье.

Другой раз мне довелось побывать в Сабрате в начале 1986 года. К этому времени отношения между Ливией и Тунисом были разорваны, и оживленная когда-то дорога, можно сказать, опустела. Не проезжали автобусы и емкие автомашины «Пежо» со спешащими домой тунисцами, не было видно и машин с ливийскими номерами. Кое-какой поток транспорта все же был, но только до Сабраты. После этого города и до Зуара движение значительно уменьшалось, а затем прекращалось совсем. Это относилось уже к той части дороги, где нет больших городов и богатых сельскохозяйственных районов. Сейчас, когда я пишу эти строки, отношения между Ливией и Тунисом нормализовались, и я представляю, как оживилась эта трасса и как трудно пробиться в Сабрату, которая манит каждого любителя древностей.

Восстановлением Сабраты на протяжении нескольких десятилетий тщательно и любовно занимались итальянские археологи. Рельсы и вагонетки для вывоза мусора и песка еще остались на территории древнего города. Цель у итальянских ученых, действовавших по указанию фашистского правительства Италии, была довольно четкой — доказать, что Ливия как часть древней Римской империи обоснованно включена в XX веке итальянскими фашистами в состав своего государства. Ради справедливости следует признать, что итальянцы делали свою работу добросовестно и дали нам возможность сегодня любоваться развалинами Сабраты, побродить по улочкам старого города, осмотреть небольшой

музей на его территории и театр, где выступал древнеримский писатель Апулей.

С шоссеной дороги в Сабрату ведет аллея невысоких кипарисов. Яркое солнце и зной, довольно сильный в полдень, даже в зимние месяцы загоняют нас под своды небольшого продолговатого здания музея, где собраны votivные камни (лат. votum — «обет»), которые ставились на погребениях древних пунийцев. На каждом камне — символические изображения Танит (Тиннит) — одного из верховных божеств карфагенского пантеона. Танит почиталась как богиня луны или неба, плодородия, покровительница деторождения. Одним из ее символов был египетский иероглиф «анх» (символ жизни, или символ бессмертия), который впоследствии был упрощен и превратился в христианский крест.

Напротив музейного зала финикийских древностей под открытым небом находятся развалины, где в центре поднимается пунический, с конусообразной вершиной мавзолей, сложенный из обтесанных блоков красноватого песчаника. Середина его украшена тремя скульптурами львов, выполненными в стилизованной манере и больше похожими на больших собак чау-чау. Вокруг мавзолея находятся развалины домов, принадлежавших обитателям финикийского города. Каждый дом состоял из одной-двух комнат и был построен из больших песчаных блоков. По данным археологов, эта часть Сабраты застраивалась в VI—V веках до нашей эры, хотя сам пунический мавзолей датируется III—II веками до нашей эры. В последующие столетия город развивался, вышел за пределы сдерживающих его стен и в конце I столетия до нашей эры стал приобретать черты римского города.

К большой площади для общественных собраний и митингов — форуму — вели две дороги: одна — главная, пересекающая город с юга на север, называемая кардо, другая — идущая с запада на восток и именуемая декуман. В месте их пересечения и был расположен форум. Вокруг него находятся развалины основных строений, занимающие примерно 1 квадратный километр.

У южной части форума сохранились остатки трех культовых сооружений. Одни развалины — это остатки храма, построенного во II веке. Его фасад обращен к востоку, а сам храм расположен в глубине небольшого прямоугольного дворика с двумя входами. Передняя и боковые части дворика окружены невысокими портиками. Колонны портиков выполнены в коринфском стиле. Большая часть сооружений Сабраты сделана из песчаника, который добывался из карьеров на южных

склонах побережья. Для предотвращения разрушения песчаника его поверхность покрывалась гипсовой штукатуркой с росписью. Из этого пластичного материала легко можно было формировать и украшения для капителей и карнизов. Мрамор был дорогим материалом, однако площадь перед храмом вымощена мраморными плитами, положенными в елочку. В храм, стоящий на подиуме, вели мраморные ступени, а сам вход тоже был отделан мрамором. Но самое интересное, что по колоннам и архитектурным остаткам археологам так и не удалось установить, какому же божеству был посвящен этот храм.

К северу от этого неизвестного храма кардо расширяется и образует квадратную площадь, в восточной части которой находится храм Антонина, а в западной — храм (дом) Либеры Патера.

По пяти широким ступеням поднимаемся в храм Антонина. В центре — большой вестибюль, имеющий выход и на задний дворик. Как и в других сооружениях, его украшали колонны коринфского ордера. Площадь перед храмом, как и его фронтоны, вымощена мраморными плитами. Храм посвящен императору Марку Аврелию Антонину и его соправителю Люцию Веру и построен между 166 и 169 годами, вероятно, проконсулом римской провинции Африка. У фронтона храма сохранилось основание мраморного фонтана, видимо одного из 12 фонтанов, подаренных городу неким Флавием Туллом в конце II века. Все 12 фонтанов были облицованы мрамором и украшены скульптурами, причем Флавий Тулл оплачивал также снабжение их водой.

Другой храм возведен на небольшом, украшенном лепкой подиуме. Надпись, обнаруженная в храме, свидетельствует о том, что он посвящен Либеру Патеру. Храмовая палата окружена свободно стоящими коринфскими колоннами из песчаника с рифлеными стволами. Время основания храма — I век. Известно также, что он восстанавливался между 340 и 350 годами.

Либер в римской мифологии считается богом плодородия и отождествляется с греческим богом виноградарства и виноделия Дионисом (Вакхом). В последующем Либер стал богом самоуправляющихся городов благодаря созвучию его имени слову *libertas* (свобода), к которому добавлялось *pater* (отец). Либер пользовался огромной популярностью в Риме во времена республики и империи. В римских провинциях, в частности и в Африке, Либер логически связывался с местными богами плодородия, земледелия и виноградарства. Поэтому строительство этого храма на территории римской Сабраты было вполне обоснованно.

Форум был создан на рубеже I века до нашей эры — I века нашей эры и представлял собой прямоугольную открытую площадку. Находившиеся на ней портики с серыми гранитными колоннами, имевшими коринфские капители, относились к более поздней постройке (конец II века). Грубое мозаичное основание восточного портика, отличавшегося беломраморными колоннами, наводит на мысль, что этот портик строился наспех, после постигшего город землетрясения в третьей четверти IV века.

Южная часть форума занята базиликой. В переводе с греческого «базилика» означает «царский дом», дворец для басылея (василевса), т. е. царя. Базилика представляла собой прямоугольное в плане здание, разделенное внутри несколькими рядами колонн на нефы. В середине его под крышей делались окна, которые освещали помещение, и прежде всего центральную его часть — средний (главный) неф. Французское слово nef в средние века означало «корабль». В Древнем Риме в базилике творили суд и заключали торговые сделки, а в христианский период базилика стала образцом для строительства церквей.

Самая ранняя базилика в Сабрате была построена в середине I века. Она представляла собой прямоугольный в плане зал со входом в середине ее северной стороны, обращенной к форуму. От традиционных колонн остались лишь массивные основания. Колоннада, вероятно, поддерживала деревянные балки перекрытий. Во время раскопок здесь обнаружено несколько бюстов римских императоров I века. По-видимому, базилика, как самое крупное помещение, служила храмом, посвященным культу императоров.

Во второй половине II века базилика была перестроена. В ее западной части установили новую трибуну, полы вымостили мраморными плитами. Уже после катастрофы в третьей четверти IV века здание было восстановлено, причем за основу был взят план базилики Северов в Лептис-Магне. Новая базилика стала уже на 4 метра и короче, может быть потому, что ее собирали по частям из остатков разрушенного землетрясением архитектурного сооружения. Но и новая постройка просуществовала недолго. В 450 году она была перестроена в церковь. Здание церкви было разделено колоннами, взятыми от более ранних построек, на нефы. Алтарь был устроен в восточной части, у новой стены, разгородившей помещение. Вначале он, видимо, был деревянный, но затем его перестроили и украсили мрамором. Осколки этого мрамора были обнаружены во время раскопок.

Важной частью любой церкви (особенно это относится к начальному этапу христианства) является баптистерий, т. е. купель—помещение для крещения. В византийский период он был построен в северной части церкви. Баптистерий восьмигранной формы имел внутренний бассейн в форме креста с несколькими ступенями. Бассейн хорошо сохранился. Туристы и посетители осматривают его особенно пристрастно. Несколько минут я наблюдал за их реакцией. Европейцы—христиане—разглядывали древнюю купель с особым нескрываемым благоговением, а местные ливийцы—мусульмане—в лучшем случае безразлично, те же, кто понимал, что за сооружение перед ними, даже с известной враждебностью.

Все перестройки помещений на территории древнего города требовали от строителей различных архитектурных решений: выравнивания площадок, переноса стен и колонн и др. В процессе раскопок археологи находили капители колонн различных архитектурных стилей, остатки епископского трона, мраморные и мозаичные покрытия полов и пр. Все эти архитектурные остатки имели налет какой-то провинциальности и безвкусицы, видимо отражая неудачные попытки правителей Сабраты подняться до уровня хотя бы своего соседа по политическому союзу—Великого Лептиса.

Бродя по развалинам базилики, от которой остались несколько колонн и мраморных плит, покрывавших пол, крестообразный баптистерий и большие обтесанные блоки фундамента, невольно ловлю себя на мысли, что эти колонны и крупные блоки я уже где-то встречал. Не в Риме ли? А может быть, в ливанском Баальбеке или сирийской Пальмире?

Каждый памятник несет на себе печать какой-то личности, и если ты об этом знаешь, то и эти молчаливые камни словно начинают говорить, оживают, становятся фоном, на котором разворачивается чья-то яркая неповторимая жизнь и деятельность. Если Лептис-Магна освящен именем Септимия Севера, а Эа (напомним, что так назывался Триполи)—именем Марка Аврелия, чья триумфальная арка является единственным сохранившимся римским памятником в столице Ливии, то с кем же связана Сабрата? Ответ на этот вопрос таков: с Апулеем. Да-да, с тем самым Апулеем, произведением которого «Золотой осел» все мы зачитывались в юности. Может быть, именно в этой базилике, служившей также и судом, рассматривали дело автора этого затейливого романа, снискавшего себе громкую славу мага и волшебника.

Апулей родился в Мадавре, небольшом колониаль-

ном городке близ Карфагена, в 124 или 125 году, во время правления Адриана. Этот город, отстроенный римскими «солдатами-ветеранами», находится сейчас на территории Алжира. Апулей писал: «Родина моя лежит на границе африканской Нумидии и Гетулии. Но я отнюдь не стыжусь, что по происхождению я полугетул, полунумидиец»¹. Апулей, конечно, кокетничает: он не имеет никакого отношения к туземному населению римской Африки. Отец его занимал пост дуумвира (колониальный эквивалент римского консула) и контролировал законодательный совет города. Он оставил сыну 2 млн. сестерциев — сумма большая по тому времени, что помогло ему получить хорошее образование. Апулей начал обучение в Мадавре с риторики и философии, завершив курс этих дисциплин в Карфагене. Здесь же он приступил к изучению греческого и латинского языков. Затем Апулей поехал в Афины, где, по его словам, «осушил... немало разнообразных чаш учености: туманящую чашу поэзии, прозрачную — геометрии, сладостную — музыки, терпкую — диалектики и, наконец, неисчерпаемый нектарный кубок всеобъемлющей философии»². Апулей не упоминает здесь о своем увлечении мистикой, которая впоследствии снискала ему славу великого мага и явилась причиной его злоключений.

Из Афин Апулей направился в Рим, где, в совершенстве овладев латинским, стал выступать в суде. После странствований он возвращается в Африку, в родную Мадавру, поднаторев в ораторском искусстве и набравшись впечатлений, занимательных историй и анекдотов. По-видимому, он бывал в Сабрате, ходил в ее термы и храмы, был на спектаклях. Но основные события его жизни все же развивались в союзном городе Эа. Страсть к путешествиям привела его к мысли о поездке в египетскую Александрию. По дороге туда 30-летний Апулей заболел и остановился в городе Эа. Здесь, встретив своего приятеля и соученика по Афинам Понтиана, он поселился в его доме. То ли поддавшись уговорам друга, то ли желая обрести покой и достаток, Апулей женился на матери Понтиана, 45-летней состоятельной вдове Пудентилле. Этот брак принес ему крупные неприятности, поскольку родственники ее первого мужа, рассчитывавшие заполучить ее имущество, обвинили Апулея в том, что он околдовал Пудентиллу, которая, став вдовой, долго отказывала всем, кто

¹ Цит. по: *Пиотровский Адр.* Книга «Колдуна из Мадавы». — *Апулей. Золотой осел.* М., 1933, с. 20—21.

² Там же, с. 23.

сватался к ней. Обвинение в магии было очень опасным и грозило смертью³.

Однако Апулей, представ перед судом, произнес блестящую речь в свое оправдание перед председателем суда проконсулом Клавдием Максимом. Мы не будем пересказывать этот шедевр ораторского искусства: Апулей был большим виртуозом в красноречии и в качестве бродячего оратора зарабатывал себе на жизнь во время своих турне по городам и провинциям Римской империи. Для нас важен результат: обвиняемый был оправдан, а его враги посрамлены. Этот точный факт биографии Апулея имел место не в Эа, где проживала Пудентилла, а в Сабрате, где находился конвент, или проконсульский суд. Громкая и скандальная известность мага, по-видимому, толкала местных жителей Сабраты, Эа, да и других городов приписать именно своему городу этот судебный процесс и его не менее блистательный исход.

Правда, город Эа тоже вошел в биографию Апулея не только благодаря его женитьбе на Пудентилле. Апулей прочел лекцию об Эскулапе в базилике Эа, и это выступление так понравилось жителям города, что они предложили ему стать почетным гражданином.

Дальнейшая судьба Апулея менее известна. Хотя на судебном процессе он утверждал, что не употреблял сушеную рыбу для своих приворотных целей в отношении Пудентиллы, не прятал никакого зелья в своем носовом платке и не молился по ночам таинственному истукану из дерева, тем не менее до конца своей жизни он продолжал интересоваться восточными мистическими учениями и поддерживать связи с последователями культа египетской богини Исиды, индоиранского Митры, древнесемитской Астарты и великой матери фригийской Кибелы, в честь которой жрецы устраивали мистерии с обрядами, в частности, самоистязания, самооскопления, омовения кровью жертв. Апулей вместе с Пудентиллой доживал свой век в Карфагене, где получил должность провинциального жреца. Таким образом, он завершил свою полную приключений и превратностей жизнь в покое и благополучии.

Долгое хождение по Сабрате и осмотр достопримечательностей, в том числе Капитолия, посвященного патрицианской триаде богов — Юпитеру, Юноне и Минерве, меня наверняка утомили бы, если бы не особый здоровый воздух, которым славится Сабрата. Здесь,

³ *Грабарь-Пассек М. Е.* Апулей. — Апулей. Апология... Метаморфозы в XI книгах. Флориды. М., 1956, с. 359 («Литературные памятники»).

как говорят, смешивается морской и пустынный воздух, и этот коктейль, настоенный на сухих травах и хвойных деревьях, имеет целебное свойство, способствуя расслаблению и снятию стрессов. Поэтому идем дальше.

Церковь Юстиниана (VI век) была наиболее известным христианским сооружением в Сабрате. К тому же она славилась своей удивительной мозаикой, для которой было построено специальное помещение в музее Сабраты.

Напольная мозаичная картина изображает виноградную лозу, во вьющихся разноцветных ветвях которой можно увидеть различных фантастических и реальных птиц—птицу Феникс, перепелов, павлинов и др. Стены церкви были тоже украшены, но значительно менее пышно, мозаичными панелями с обычным орнаментом и своей скромностью как бы оттеняли роскошь этого напольного шедевра древних мастеров. Мозаику смотреть вблизи неинтересно, и поэтому в этом зале сделан специальный балкон, откуда взору предстает необычайной красоты картина в виде красочного ковра, навсегда запечатлевающаяся в памяти. Специалисты считают, что работа подобного качества не могла быть исполнена местными мастерами и что скорее всего ее авторами были художники и ремесленники из стран Восточного Средиземноморья. Это предположение подтверждается еще и тем, что хранящиеся в музее две панели алтарного экрана, мраморный верх престола и две колонны из той же церкви отличаются от всех обнаруженных в Сабрате именно своим утонченным, восточным колоритом.

Апулей и его «Метаморфозы в XI книгах», как именуется его роман «Золотой осел», настраивают меня на восприятие мирских памятников, связанных с повседневной жизнью людей. Вот рядом с церковью Юстиниана—развалины торгового и жилого квартала еще доримского периода, маленькая маслобойня с каменными жерновами и, наконец, знаменитые бани, без которых нельзя представить себе ни одного римского города.

Бани у моря считались самым большим общественным банным заведением в городе. Они сильно пострадали от оползней, и об их убранстве можно судить только по оставшимся фрагментам цветного мозаичного пола, бассейна и колонн, поддерживавших свод.

Другие, так называемые Театральные бани находились рядом с храмом Геркулеса. Храм назывался так потому, что перед ступенями лестницы, ведущей в храм, была установлена статуя сидящего Геркулеса—

копия работы древнегреческого скульптора Лисиппа. От нее остались лишь отдельные фрагменты, перенесенные в музей. Театральные бани сохранились лучше, и здесь мы видим три предбанника, три отделения с бассейнами и общественные уборные,— как уже говорилось, обязательные заведения при всех банных учреждениях римских городов. Наиболее интересна напольная мозаика, которая сейчас тоже перенесена в музей. На полу мозаикой выложены предметы, употребляемые посетителями бань: мочалка, сандалии и бутылка с оливковым маслом, а также надписи: *Vene Lava* (хорошего мытья) и *Salvom Lavisse* (мытье полезно).

Третье банное заведение Сабраты получило название Бани океана. Хотя по размеру они самые маленькие, тем не менее получили большую известность прежде всего из-за своей высокохудожественной напольной мозаики. Лучший ее образец — шестиугольник с головой Нептуна — находится в музее Сабраты. На другой мозаичной картине у входа в «жаркую комнату» изображены мочалка, сандалии и сосуд с маслом.

Три бани в Сабрате — не так уж много для города с населением в несколько тысяч жителей. Римские термы были не только местом, куда люди ходили мыться. Это были увеселительные, спортивные и культурные учреждения, в которых обсуждались городские новости и решались многие деловые вопросы. Все термы состояли из аподитериума (раздевалки), тепидариума (теплой комнаты), калидариума (жаркой комнаты) и фригидариума (холодной комнаты). Бани обогревались керамическими трубами, которые проходили по стенам и под полом. Это отчетливо видно во всех термах Сабраты. Вот почему были нужны сандалии, а их изображение всегда было сделано на пороге двери, ведущей в калидариум. Все банные процедуры заканчивались массажем, и поэтому было нужно оливковое или иное ароматизированное масло. Печи для обогрева находились снаружи. Обычно термы имели небольшие бассейны, которые облицовывались мрамором. Поскольку бани в понимании римлян и, разумеется, жителей римских провинций были одним из самых посещаемых общественных мест, то роскошь, с которой отделялись термы и даже общественные уборные при них, была в их представлении вполне естественной.

Одним из самых значительных сооружений Сабраты и всей римской Африки являлся великолепный театр. Он был построен в восточном квартале города в последней четверти II века. Сложенный из массивных тесаных блоков желтого песчаника, театр гармонично вписывался в город и был удивительно красив, особен-

но на закате, когда сюда стекались зрители. Строительство мощного сооружения свидетельствовало об определенном благосостоянии города.

К концу II века Сабрата уже получила статус колонии, пройдя промежуточный этап муниципии, обладающей «латинскими правами». В самоуправляющемся городе только члены сената (городского совета) автоматически получали римское гражданство. Большое тяготение к колониальному статусу в римских провинциях было особенно заметно во II столетии, причем это свидетельствовало не столько об укреплении Римской империи, сколько о повышении роли колоний в империи и росте их независимости в отношении метрополии. Заметим, что Сабрата получила статус колонии последней в числе трех городов.

Раскопки театра велись итальянскими археологами до начала второй мировой войны. Ими была обнаружена лишь основа памятника. Однако тщательное изучение оставшихся описаний традиционных театральных зданий позволило реставрировать театр с его трехъярусным полукруглым «зрительным залом» и прямоугольной сценой. Если вы попадете в театр вместе с гидом, он обязательно поставит вас в центр площадки перед сценой и предложит произнести несколько фраз, которые слышны даже в самых дальних рядах. Акустические достоинства древнеримских театров общеизвестны, и театр Сабраты в этом смысле не исключение.

Однажды я побывал здесь один и смог неторопливо рассмотреть это действительно гигантское сооружение, вмещавшее 5 тыс. зрителей. Передняя сторона сцены, которая отделяет ее от оркестра, украшена мраморными горельефами, вправленными в полукруглые и прямоугольные ниши. Здесь изображены танцующие Музы, спорящие философы, а также Меркурий, Дионис, Геркулес, Сатир и другие божества и герои. Мне на память приходят слова дяди доктора Живаго — Николая Николаевича Веденяпина, который так определил суть римского общества: «Рим был толкучкою заимствованных богов и завоеванных народов, давкою в два яруса, на земле и на небе, свинством, захлестнувшимся вокруг себя тройным узлом, как заворот кишок. Даки, герулы, скифы, сарматы, гиперборейцы, тяжелые колеса без спиц, заплывшие от жира глаза, скотоложство, двойные подбородки, кормление рыбы мясом образованных рабов, неграмотные императоры. Людей на свете было больше, чем когда-либо впоследствии, и они были сдавлены в проходах Колизея и страдали»⁴.

⁴ Пастернак Б. Доктор Живаго. М., 1989, с. 43—44.

Столь резкое суждение литературного героя о римском обществе при всей своей необычности в целом отражает действительную картину жизни в Древнем Риме, его показную роскошь, разложение и упадок нравов.

Историки утверждают, что еще в начале II столетия до нашей эры римляне не знали ни поваров, ни пекарей и их скромные потребности удовлетворялись домашними средствами. Позднее, разбогатев на захвате заморских территорий, они тратили огромные деньги на сооружение роскошных загородных резиденций, на покупку опытных рабов—поваров, щедро оплачивали торжественные обеды, приобретали дорогую столовую посуду и т. п. Обычно какой-нибудь сенатор или рабовладелец для придания своей особе блеска окружал себя толпой рабов для личных услуг. Одни рабы заведовали гардеробом своего хозяина, другие—содержали экипажи и выездных лошадей, третьи—сопровождали господина в баню, четвертые—обслуживали его жену, детей и родственников. Кроме того, были рабы, исполнявшие роль писцов, рабы «у ног господина»—они выполняли все его поручения и капризы—и даже рабы-номенклаторы: в их обязанность входило называть имена лиц, с которыми встречался или должен был встретиться их владелец, излагать ему сведения об их характере, наклонностях, имущественном состоянии, предлагать хозяину возможные варианты беседы с посетителями—и все это для того, чтобы господин ничем не утруждал себя.

Но вернемся к театру в Сабрате. Из всех изображений, которые украшали этот театр, только одно, на мой взгляд, имеет к городу прямое отношение: символическое изображение Рима и Сабраты, соединивших руки в присутствии солдат. Задник сцены представлял собой трехэтажную колоннаду, от которой сейчас можно видеть только два этажа. Колонны сделаны из мрамора, туфа и даже гранита, и их капители украшены изображениями масок и животных.

Осмотр почти закончен: довольно далеко от театра расположен амфитеатр, где проходили гладиаторские бои. Я решил вернуться назад. Иду к выходу по усыпанной многочисленными черепками и осколками камня земле, разрезанной, как морщинами, тонкими тропками, пробитыми ногами тысяч туристов. Привычно смотрю на землю сквозь пожухлую траву, похожую на рыжую щетину небритого мужчины, в надежде найти какой-нибудь интересный предмет. Натыкаюсь на черные квадратики мозаики, которые здесь рассыпаны повсюду. Ведь мозаичные полы были фактически в

каждом общественном помещении и жилом доме. Пройдя через оставшиеся от раскопок рельсы и опрокинутые вагонетки, направляюсь прямо к выходу. Небольшими купами растут темно-зеленые средиземноморские сосны, за спиной синее море. Визит в Сабрату окончен, и некоторые мысли и исторические параллели приходят в голову, когда иду к машине, оставленной у въезда в археологическую зону.

Сабрата интересна тем, что здесь на небольшом пространстве сконцентрировались памятники разных эпох. Финикийцы, римляне и византийцы строили храмы богам, возводили общественные здания, жилые дома. Однако наибольшего расцвета Сабрата достигла в первые века нашей эры. Вся Северная Африка в то время делилась на четыре римские провинции: Проконсульскую Африку (римская провинция Африка), которая включала нынешний Тунис и Триполитанию; Нумидию, занимавшую восточную часть нынешнего Алжира; Мавританию Цезарейскую — западную часть Алжира; Мавританию Тингитанскую — современное Марокко⁵.

Самой богатой и населенной областью была Проконсульская Африка, и, хотя ее административным центром считался вновь отстроенный Карфаген, Сабрата в списке городов занимала не последнее место.

Покидаю город. Компактное расположение остатков сооружений колонн и стен, сложенных из желтого песчаника, делает его очень уютным, и он особенно хорошо смотрится на фоне синего Средиземного моря. Здесь море играет как бы роль заднего занавеса на театральной сцене, на фоне которого разворачиваются картины и появляются новые действующие лица. А собственно говоря, это так и было. Ведь финикийцы, греки, римляне, византийцы пришли сюда по морю, которое связывало их с внешним миром. Лишь арабы пришли с востока по суше и, обосновавшись в этих местах, стали наследниками богатейшей культуры древности.

⁵ Кантерева Т. П. Искусство стран Магриба. Древний мир. М., 1980, с. 136—137 (карта).

ВСТРЕЧА С СОВРЕМЕННЫМИ «ТРОГЛОДИТАМИ»

Мои знакомые, побывавшие в Ливии до меня, много рассказывали мне о пещерах, в которых когда-то жили ливийцы. Такие подземные дома характерны для пустынных районов Алжира, Туниса и Ливии. Но здесь, в Ливии, подобные дома строят еще и в горах, и поэтому я отправляюсь в Гарьян, расположенный в отрогах Джебель-Нефуса, посмотреть такие жилища. Упустить возможность посмотреть жилища пещерных людей — троглодитов, как назвал их «отец истории» Геродот, было бы очень обидно.

В Гарьяне я был несколько раз. Первая такая поездка состоялась в ноябре 1984 года.

Не доезжая до моста через сухое русло, мы свернули направо и, немного покрутив по желтым пустым полям, остановились под раскидистой оливой. Мелкие, черные, чуть продолговатые, величиной с вишню плоды усыпали дерево и землю под ним. Рядом возвышался холм, невысокий, распаханый горизонтальными бороздами, засаженный небольшими соснами и кипарисами. По привычке, выработанной за много лет путешествий и поездок, я пошел осматривать окрестности и, разумеется, прежде всего поднялся на этот холм.

Недавно прошел дождь, и воздух был пропитан запахом увядших трав, прелых листьев и смолистой хвои отдающих голубизной кипарисов. Высоко в небе орел выглядывал добычу на полях, с которых уже был убран урожай кукурузы и пшеницы. Прямо на полях стояли оливковые деревья, и сверху, с холма, мне были видны разделенные невысокими валиками желтые квадраты полей, на которых отдельно стояли деревья с темно-зеленой матовой листвой.

На вершине холма я обнаружил несколько десятков хорошо обтесанных глыб. Некоторые из них имеют изображение, напоминающее крест или рукоятку короткого меча. Что же здесь на такой высоте могло быть? Скорее всего это остатки какого-либо мавзолея, часовни или храма. Ни обтесанные камни, ни изображение на них не дают оснований определить время постройки. Это может быть и позднеримский храм, и христианская часовня, и памятник итальянским солдатам времен

второй мировой войны, погибшим в этих местах в стычке с местными патриотами. Удаленность холма от густонаселенных мест способствует сохранению этих развалин.

Через ажурный мост мы попали на улицу Первого сентября — центральную улицу Гарьяна. Напомним, что 1 сентября 1969 года в Ливии произошла антифеодальная, антимонархическая революция и поэтому в каждом ливийском городе есть улица или площадь, названная в честь этого события. С главной улицы, еще не полностью застроенной домами, мы свернули налево и, следуя голубой стрелке указателя, подъехали к пятиэтажному зданию туристической гостиницы, в которой, судя по всему, в то время никто не жил. Рядом в виде узкой вытянутой чаши стоит водонапорная башня. От гостиницы спускаемся вниз, где расположен целый квартал двухэтажных домиков, выкрашенных в темно-желтый цвет. В этот квартал, как я узнал позднее, переселили жителей городских трущоб Гарьяна. На центральную площадь города выходят фасадами двухэтажное строение муниципалитета, здание ливийской авиакомпании и магазины. В середине площади возвышается бетонный обелиск в честь Сентябрьской революции.

Мне нужно было узнать, где находятся эти пещеры, в которых живут люди, и я направился к центральному рынку. Улицы, ведущие к рынку, как и другие в городе, перерывы и перегорожены: шла прокладка канализационных и водопроводных труб.

Центральный рынок представляет собой прямоугольное в плане двухэтажное строение с прямоугольным световым колодцем посередине. Это своеобразный патио — внутренний дворик, правда, в доме современной конструкции из железобетона. В наружной стене здания рынка встроено несколько магазинчиков и кофеен, где в полдень толпилось множество покупателей. В одном из буфетов стояла длинная очередь — суровые мужчины были одеты в длинные рубахи и широкие штаны. Это рабочие-пакистанцы, которых наняла какая-то европейская фирма для прокладки труб. У них был обед, и они забрели сюда перекусить. Буфетчик разрезал небольшой белый батон пополам, затем оба куска — еще вдоль, брызгал туда из бутылки известный нам кетчуп и вручал рабочему вместе с бутылкой пепси-колы или другого напитка.

Между двумя кофейнями, обклеенными яркими рекламными листами, расхваливающими различные прохладительные напитки, находилась темная, без окон, лавчонка, где работал молодой парень по имени Джума.

У него было две мельницы. На одной из них, итальянского производства, он молот овес на муку, из которой изготовляли серые пухлые лепешки. Другая мельница, меньших размеров, была предназначена для измельчения специй. Джума бросал в нее круглые семена кинзы, черные горошки перца, еще какие-то приправы и включал мотор. По всей лавчонке распространялся дурманящий запах восточных специй, возбуждающих — у меня во всяком случае — аппетит. По медной трубке мельницы бежала серо-желтая порошковая масса, которая шла на приготовление приправы для мяса, рыбы, риса.

Джума охотно вступил в разговор и объяснил, что в 100 метрах отсюда есть несколько подземных жилищ, правда уже покинутых. Сам я туда дорогу не найду, поскольку все перекопано и перегорожено, а он оторваться от работы не может: ведь за «тахуна» (т. е. за мельницей) нужно смотреть. Однако к часу дня, сказал Джума, его сменит напарник, и тогда он не только покажет нам пещеры, но и сам город. Но я ждать не мог и решил попытаться продолжить экскурсию самостоятельно.

Рядом со входом на центральный рынок в торцовой части здания были расположены две парикмахерские, обе мужские. Ливийские парни с копнами черных курчавых волос толкались у входа в парикмахерские, курили сигареты и жадно оглядывали пробежавших, закутаных в полосатые ткани женщин.

Самым живописным местом на рынке, естественно, был овощной ряд. Здесь висели и были разложены большие пучки зеленого лука, перцы, отливающие черным бархатом баклажаны, тыквы, гранаты, апельсины и лимоны в больших сумках, называемых итальянским словом «борса». Мясной отдел почти пустовал. Висела одна баранья туша, наполовину распроданная. Килограмм баранины стоит 4 динара. Сумма в общем солидная, но ливийцы употребляют в пищу парное мясо и готовы платить за это большие деньги. При этом предпочтение отдается мясу темношерстного барана, выращенного в районе Гарьяна, где сочные травы и яркое солнце.

Я так и не смог найти эти пещеры, и мне пришлось позднее, в декабре, сделать второй заход, который я и попытаюсь описать.

Современная автострада ведет из Триполи к международному аэропорту. Где-то на пути, в местечке Каср-бен-Гашир, добывают минеральную воду, которую разливают по бутылкам и продают во всех магазинах. Сейчас воду из водопроводного крана пьют,

пожалуй, только у нас, в Советском Союзе. Везде, даже в африканских странах, питьевую воду именуют минеральной (т. е. натуральной) и подают в специальных пластмассовых или стеклянных бутылках.

Не доезжая до аэропорта, сворачиваем направо и следуем в сторону небольших городков Савани и Азизия. По обе стороны дороги раскинулись плантации оливковых и цитрусовых деревьев. Небольшие импровизированные рынки появляются довольно часто. Прямо с небольших французских грузовичков фирмы «Пежо», стоящих по обочинам, крестьяне в белых одеждах, в черных и цвета бордо войлочных шапочках продают в ящиках и мешках апельсины, лимоны, лук, картошку, баклажаны, красный и зеленый перец. Большие тыквы лежат у колес автомашин. Иногда вижу горки гранатов. Сейчас декабрь, и гранаты уже сходят. В ящиках выставлены и бархатно-черные маслины.

Савани проскакиваем не останавливаясь. Лишь при выезде из него притормаживаем на обочине заросшей огромными эвкалиптами дороги, с тем чтобы купить горячие лепешки. В небольшой пекарне, оборудованной итальянской электрической печью и тестомешалкой, работают два тунисеца. Один из них бросает куски готового теста в мелкий ящик, дно которого засыпано мукой, а второй вытаскивает эти куски и, перебросив их два-три раза с ладони на ладонь и придав им вид продолговатой лепешки, укладывает их на длинную деревянную лопату с короткой ручкой—черенком. Смотрю, как пекарь ловко загружает печь и через некоторое время вытаскивает оттуда готовые лепешки. Они горячие, как говорят, с пылу с жару, и выстроившиеся в очередь ливийцы быстро их разбирают, укладывая в сумки, коробки, а некоторые и в снятую с себя куртку.

Дорога до Азизии засажена эвкалиптами и оливковыми деревьями. Перед въездом в город слева стоит старый итальянский дзот, амбразуры которого развернуты в сторону города и дороги, ведущей в глубинные районы страны. Именно оттуда итальянские захватчики ожидали нападения. Сейчас напротив дзота, на другой стороне дороги, построили мечеть, и сегодня, в пятницу, вокруг здания мечети стоит десятка три автомашин, владельцы которых приехали на пятничную молитву.

Еще несколько километров пути—и вдали показываются восточные отроги гор Джебель-Нефуса. С этих гор в ледниковый период в сторону Средиземного моря стекали четыре большие реки. Наступление засушливого периода привело к превращению обширных районов

в пустыни и полупустыни, причем этот процесс происходил одновременно на огромнейших пространствах Земли.

Сразу за Азизией поднимаются здания элеватора и сельскохозяйственной фермы. Придорожная вывеска сообщает, что здесь осуществляется проект вади Гейра. Большой участок земли усыпан камнями, зарос верблюжьей колючкой и непригоден к сельскохозяйственному использованию. Он засажен соснами. Деревья уже поднялись на 2—3 метра, и их зелень на фоне серой каменистой полупустыни и голубого неба создает впечатление картины художника, пишущего в стиле гиперреализма.

Дорога взбирается на известняковые отроги гор. Красные, серые и зеленые полосы скального грунта видны на срезанных бульдозером склонах. В узких долинах, заваленных сорвавшимися с гор глыбами, поднимаются кипарисы и сосны. Шоссе построено западногерманской фирмой «Бельфингер—Бергер», эмблема которой—прописная латинская «В»—мелькает на откосах и железобетонных местах. Дорога сооружена с учетом последних технических достижений, и скорость здесь совершенно не чувствуется. Вскоре поднимаюсь на вершину холма, где расположена небольшая деревушка. Дорога бежит вниз. Вдали видно, как она поднимается на очередной холм, где в зыбком мареве угадываются минареты и водонапорные башни Гарьяна. Но до города мы не доезжаем. Увидев на обочине выставленные горшки и амфоры, тормозим около лавки гончара и заходим к нему во двор.

Тут же, во дворе, обнесенном забором с зелеными металлическими воротами, разложены его изделия: копилки в виде невысокой вазы с прорезью для монет, горшки для цветов, подставки для свечей, которые зажигают в праздник дня рождения пророка Мухаммеда, глиняные основы для продолговатых барабанов с двумя различными горлышками, одно из которых затягивается бараньей кожей. Но наиболее интересен набор жаровен. «Канун»—жаровня для древесных углей, которую арабы используют для приготовления пищи и обогрева жилища в холодное время года. Они бывают разных размеров—от 1 метра до 5—6 сантиметров в диаметре. Не случайно в арабском календаре месяц декабрь называется «канун аль-авваль» (первая жаровня), а январь—«канун ас-сани» (вторая жаровня). По форме канун ливийского ремесленника напоминает обыкновенный горшок с горловиной 20 сантиметров в диаметре, имеющей три небольших утолщения по бортику, с тем чтобы поставленный на него котелок

плотно не прилегал и воздух мог свободно проникать в жаровню. Часто на горшок ставят и третью часть сооружения — тоже горшок с небольшими отверстиями в доньшке, через которые проходит пар от кипящей в котелке воды. В этих глиняных горшках готовят блюдо «каскас», напоминающее рассыпчатую кашу с мясной и овощной приправами.

Кроме перечисленных изделий в мастерской гончара я вижу и большие бутылки в форме классических греческих амфор, только без ручек; курильницы для благовоний; светильники, состоящие из двух частей: цоколя, куда вделывается патрон электролампы, и глиняного абажура с многочисленными отверстиями в виде четырехугольников неправильной формы, расположенными под острым углом к оси абажура. Застаю гончара за работой над абажуром: он сидит на низенькой скамеечке перед очагом, сделанным из большой жестяной банки, и, поставив на обрывок картона, лежащий на коленях, глиняную глухую заготовку, вырезает обыкновенным перочинным ножом геометрические фигуры — отверстия. После каждой вырезанной фигуры он облизывает кончик ножа и продолжает работать.

Его подмастерье, по имени Рыда, охотно объясняет процесс производства. Серую каолиновую глину привозят из района Бу-Глян. Стоимость 1 тонны составляет 10 ливийских динаров, а ее доставка на машине в мастерскую — 20 динаров. Глина поступает уже достаточно измельченная, поэтому ее прямо засыпают в бассейн и заливают водой, где она мокнет пять-шесть дней. За это время ее несколько раз перемешивают с водой и затем образовавшуюся жижу спускают во второй, более мелкий, соединенный с первым бассейн, где она стоит около двух-трех дней. Камни и часть красного песка остаются на дне первого бассейна. Во втором бассейне за два дня образуется толстый, в 20 сантиметров, пласт жирной серой глины. После этого пласт глины аккуратно выбирают и заносят в мастерскую, где она еще тщательно уплотняется ногами. Песок от глины совсем отделить нельзя, и красные подтеки на серой массе видны довольно отчетливо. Видимо, работа ногами нужна для того, чтобы добиться однородной массы. Затем куски глины в зависимости от изделия тщательно отбивают на мраморной доске стола рядом с гончарным кругом. Сейчас в заготовку иногда добавляют обыкновенную поваренную соль, вероятно, с тем, чтобы сосуды, предназначенные для воды, не были глухими и имели капилляры, необходимые для испарения воды с поверхности. Ведь эти

сосуды служат не только для хранения, но и для охлаждения воды.

Во дворе рядом с мастерской сооружена печь. Топка, к которой ведет пандус, находится на 1,5—2 метра ниже уровня земли. Над топкой поднимается купол печи, сложенной из блоков известняка, таких же, какие идут на строительство домов. Купол высотой 2 метра внизу имеет в диаметре 1,5 метра.

Сейчас половина пространства печи заложена готовыми для обжига горшками. Рядом с топкой—небольшая куча досок и веток оливкового дерева, которых явно не хватит для обжига всей загруженной массы изделий. Я говорю об этом Рыда, и он отвечает, что дрова служат лишь для того, чтобы развести огонь. В топку загружается оливковый жмых, получаемый после отжима на заводах оливкового масла. Жмых используют также для обогрева домов.

Заканчивая осмотр мастерской, обхожу еще раз небольшой дворик с печью и несколькими строениями, где хранятся готовые изделия. Подбираю несколько черепков: ровный розовый цвет свидетельствует о том, что обжиг проходит хорошо и все изделие прогревается равномерно. Однако во дворе немало и битых обожженных изделий, которые, видимо, покололись при выгрузке из печи. Рыда сообщает, что обожженные бракованные изделия выбрасываются, шамот из них не делают и вторично они не употребляются.

Рыда по моей просьбе демонстрирует свое искусство. Он садится на высокий табурет, покрытый овчиной, и ногами, обутыми в кеды, начинает быстро вращать нижний, большого диаметра круг. На металлический круг меньшего диаметра кладется заготовка, и под его руками она принимает форму «зира»—небольшого кувшина для воды. Когда работа закончена, подушечками пальцев он наносит пояса у основания горлышка зира, а ниже обломком обыкновенной расчески проводит вертикальные полосы. Затем толстой ниткой он «подрезает» доньшко и ловко подхватывает кувшин двумя руками. Вся работа над изделием заняла не более 5 минут.

Наконец решаюсь задать гончарам вопрос о пещерах, ради которых я сюда приехал.

— А зачем ехать в Гарьян?—сказал Рыда.—Их и здесь, в Аньяме, достаточно. Вот хозяин пещеры.—Рыда указывает на старика, который сидит рядом с гончаром.

Робко задаю ему вопрос, можно ли посмотреть его пещерный дом, и, на мое счастье, он соглашается. Да, у него есть такой дом, и он может нам его показать.

Немного поплутав по вспаханным полям между рядами оливковых деревьев, подхожу к большой яме и заглядываю в нее. Сомнений быть не может—внизу пещера с дверьми, ведущими в жилые и подсобные помещения.

Цель почти достигнута, и теперь нужно уговорить хозяина, чтобы он разрешил спуститься вниз и осмотреть его дом вблизи.

Большая яма, на дне которой сооружены помещения, как выяснилось позднее, имеет диаметр 10—12 метров и глубину около 10 метров. Наверху вдоль края сделан полуметровый вал, с тем чтобы в яму не попадала дождевая вода. Сейчас этот вал заложён ветками кустарника: вокруг бродят стада коз и овец, и были случаи, когда скотина срывалась в яму. В некоторых домах первые 1,5—2 метра от поверхности по периметру закрепляются камнями, видимо, для того, чтобы наносная почва не рухнула вниз или не была смыта дождями. Ниже, на расстоянии 2—2,5 метров, по периметру ямы делается карниз, который на полметра выступает от стены. Этот карниз служит как бы козырьком над входами в различные помещения, и, если двигаться вдоль стены, в них можно попасть, не намокнув во время дождя. Этот козырек служит также защитой и от случайно сорвавшегося сверху камня. Ведь обитатели дома, как правило, сидят и ходят вдоль стен, а не по центру ямы.

Мой новый знакомый, по имени Фрадж, рассказывает, как сооружается пещерный дом. Сначала роют яму. Для этого приглашают шесть-семь человек. Они работают кирками и лопатами. Из средств механизации используют только систему блоков для подъема земли из глубины. Когда яма вырыта, обсуждается вопрос о количестве комнат. Как правило, делается пять-шесть помещений, из которых только одна считается жилой, а остальные служат складом продовольствия, загонем для скота, кухней, кладовой и пр. Из ямы пробивают ход наверх. Именно отсюда, после того как мулла в белой чалме прочитает Коран и освятит помещение, его обитатели впервые переступают порог дома.

Эта церемония похожа на подобный обычай освящения нового жилища в других странах. Символы порога и дверей у многих народов мира священны. Всем хорошо известны русские выражения: «на порог не пускать» или «закрыть двери дома», т. е. перестать принимать к себе в дом кого-либо, прекратить всякие отношения с кем-нибудь, а для друзей, наоборот, «все двери дома открыты»; вспомним и старинную русскую поговорку, которую произносили, выгоняя из дому и

указывая на икону и на дверь: «Вот тебе Бог, а вот и порог (двери)!»

Мы с Фраджем долго не можем разобраться с мерами длины. Он говорит, что яма роется на глубину 5 «гама». Долго ломаю голову и наконец догадываюсь попросить показать на земле или на стене величину этой самой гама.

— А зачем на стене? — удивляется Фрадж и разводит руки в стороны.

Гама (қамā) — длина «раскрытых рук». Да, такая мера длины довольно распространена в арабских странах. На побережье Южной Аравии этой мерой измеряют глубину моря, длину корабельного каната и якорной цепи. Во внутренних районах Южной Аравии ею измеряют глубину колодца или высоту минарета. Итак, глубина ямы — 5 гама, т. е. примерно 9 метров. В своих расчетах я исходил из того, что русская маховая сажень (т. е. размах обеих рук по концам средних пальцев) составляет 1,77 метра.

Высота помещений такова, что, подняв руку, до потолка не достать. Отсчет ведут по кубической «дра» (дра соответствует локтю — старинной мере длины, равной примерно 60 сантиметрам). С учетом оплаты за рытье ямы и устройство жилого и других помещений, расходов на питание землекопов пещерный дом обходится примерно в 150 тыс. динаров, что, по словам Фраджа, намного дороже, чем стоимость строительства современной двухэтажной виллы. Работы по сооружению дома обычно длятся от года до двух лет.

Наконец наступает долгожданный момент: Фрадж предлагает спуститься в дом. Он подводит меня к небольшому строению, прижавшемуся к холму. В строении несколько комнат. В стене — дверь, грубо сработанная из досок оливкового дерева. За ней начинается наклонный коридор со ступеньками, ведущий в яму. По потолку протянут электрический провод, но мы, не прибегая к современным удобствам и осторожно ступая, спускаемся в земляную обитель Фраджа. В яме стоит глубокая тишина. Пахнет навозом. Поднимаю глаза и вижу небо с белыми облаками, обрамленное желтой земляной рамой.

Фрадж открывает замок и заводит нас в одну из комнат. Дом оказывается обитаемым, и признаки этого видны повсюду. Вот стоит раскрытый чемодан с одеждой, в углу — пузатый глиняный кувшин без ручек с узким горлышком, полный оливкового масла. В этом же помещении в кучу сложены глиняные горшки, жаровни, какой-то домашний скарб. В соседнем помещении, судя по законченному потолку, была кухня.

Угадывая наш вопрос, Фрадж показывает место, где стояла печь — «таннура» — для выпечки лепешек. Еще одно помещение забито соломой, следующее — мешками с ячменем. Все комнаты — примерно одного размера, около 16—20 квадратных метров, и закрываются разошедшимися дверями из грубых досок оливкового дерева.

Внимательно рассматривая внутренние помещения, отмечаю, что строители не лишены вкуса и старались как можно лучше украсить жилые покои. Все комнаты побелены известкой. К наиболее распространенным элементам украшений следует отнести геометрические фигуры — квадраты, круги, ромбы, расположенные по сводчатому потолку и по стенам в различных комбинациях. В некоторых комнатах весь рисунок свода обрамлен как бы толстым жгутом, который завершает композицию. Иногда жгуты по диагоналям пересекают потолок. В комнате, где хранится ячмень, я увидел очень интересный орнамент в виде ромбов, рассеченных посередине, причем верхняя часть каждого ромба врезана в потолок, а нижняя на сантиметр выступает над общей поверхностью свода. Такое своеобразное и смелое сочетание барельефа и горельефа в одной композиции!

Стоя посередине ямы, ощущаю, как под ногами что-то пружинит. Хозяин говорит, что внизу находится колодец, куда сходит дождевая вода. Он имеет глубину около 3 метров. Чтобы вода не протухала, туда насыпают соль и бросают два бараньих черепа. Видимо, это какой-то старый обычай. Я вспоминаю, что в некоторых странах Арабского Востока на палке перед домом или на заборе вешают бараний череп, чтобы он отгонял злых духов. Может быть, и здесь черепа не дают злым духам поселиться в колодце.

По темному коридору выбираемся на поверхность. Идя к автомашине, проходим мимо других ям, которые уже заброшены или в которых в лучшем случае держат скот. Ямы между собой не сообщаются, хотя родственники селятся группами, и часто пещерные дома разделяют всего 1—2 метра грунта. Автономность каждой арабской семьи соблюдается и здесь, в подземном городе.

Прощаюсь и благодарю гостеприимного хозяина. Сейчас Фрадж живет на поверхности, в обычном доме, и уже не является пещерным жителем, хотя, как мне показалось, немного скучает по своему прежнему дому, теплему зимой и прохладному летом.

Трое мужчин, с которыми мы познакомились во время декабрьской поездки, говорили по-арабски, были

ливийцами, но отличались друг от друга своими физическими данными. Хозяин гончарной мастерской — голубоглазый, со светлыми с рыжеватым отливом волосами, в европейском костюме — вполне сошел бы за француза или итальянца. Рыда, приехавший сюда из Туниса, был типичным ливийцем с копной курчавых волос, которые можно расчесать только гребнем с длинными металлическими зубьями. Наш друг Фрадж имел явные признаки негроидной расы, хотя и был коренным ливийцем. Кто же такие ливийцы и почему они так отличаются друг от друга?

Понятие «ливийцы» впервые появилось в древних египетских текстах во II тысячелетии до нашей эры и было первоначально названием племени или группы племен лебу, населявших восточные районы современной Ливии. Древние греки дали это имя всем жителям Северной Африки, чей язык и физические характеристики были схожи, но отличны от негроидных племен Судана.

Ливийцы изначально были тесно связаны с темнокожим и темноволосым народом, который обосновался в бассейне Средиземноморья к концу старого каменного века, т. е. около 10 тыс. лет до нашей эры. Позднее к этим средиземноморским ливийцам присоединились светлокожие с голубыми глазами и светлыми или рыжими волосами пришельцы, проблема происхождения которых не разрешена и поныне, хотя предположительно считают, что они пришли сюда с севера. Существование обоих типов ливийцев отмечается как в древние времена, так и сейчас среди современных берберов и четко прослеживается даже в физическом облике моих новых знакомых.

Самое раннее упоминание ливийцев мы находим у Геродота, который писал в V веке до нашей эры. Именно от него мы узнаём название, местоположение и некоторые этнические особенности основных ливийских племен. Сначала Геродот описывает жителей той части современной Ливии, которая следует непосредственно за Египтом, точнее, к западу от него. Перечислив пять племен, следующим он называет «многочисленное племя насамонов. Летом они оставляют свой скот на морском побережье и уходят на сбор фиников в глубь страны в местность [оазиса] Авгилы... Насамоны... ловят саранчу, сушат ее на солнце, размалывают и затем всыпают в молоко и пьют. У каждого насамона обычно много жен, которые являются общими... Для гадания они... приходят к могилам предков и, помолившись, ложатся спать на могиле... Дружеские же союзы они заключают так: один дает пить другому из [своей]

руки и сам пьет из его руки. Если под руками нет никакой жидкости, то берут с земли щепотку пыли и лижут ее... Насамоны... хоронят покойников в сидячем положении».

Далее Геродот пишет о соседях насамонов — псиллах. В их землях южный ветер дул с такой силой, что вся их «страна, лежащая внутри [Сирта], стала совершенно безводной», поскольку все водоемы высохли. «Тогда псиллы единодушно решили идти войной против южного ветра (я сообщаю только то, что передают ливийцы). И когда они оказались в песчаной пустыне, поднялся южный ветер и засыпал их песком. После гибели псиллов землей их владеют насамоны».

К югу от насамонов, в десяти днях пути от оазиса Авгилы, там, где находится соляной холм с источником и где растет множество финиковых пальм, обитает весьма многочисленное племя гарамантов. «Они насыпают на соль землю и потом засевают... в земле гарамантов есть также быки, пасущиеся, пятась назад... Рога у них загнуты вперед, и из-за этого-то они и пасутся, отступая назад; вперед ведь они не могут идти, так как упираются в землю рогами». Кстати, на наскальных рисунках этой местности изображены буйволы с загнутыми назад рогами. «Эти гараманты охотятся на пещерных эфиопов на колесницах (они тоже есть на наскальных рисунках.— *О. Г.*), запряженных в четверку коней. Ведь пещерные эфиопы — самые быстроногие среди людей, о которых нам приходилось когда-либо слышать». В другом месте сообщается что гараманты «сторонятся людей и избегают всякого общения. У них нет никакого оружия ни для нападения, ни для защиты».

Затем Геродот описывает прибрежное племя маков. На войне маки для защиты носят страусовую кожу. Протекающая через их землю река берет начало с холма Харит, который «порос густым лесом, тогда как остальная вышеописанная [часть] Ливии совершенно лишена растительности». За маками следуют гинданы. «У них все женщины носят множество кожаных колец на лодыжке... после совокупления с мужчиной женщина надевает себе такое кольцо. Женщина, у которой наибольшее число колец, считается самой лучшей...». На побережье же живут лотофаги, питающиеся исключительно плодами лотоса, а также махлии. Они тоже употребляют в пищу лотос, но не в таком количестве, как лотофаги.

«За этими махлиями идут авсеи... На ежегодном празднике Афины девушки их, разделившись на две партии, сражаются друг с другом камнями и палками».

Здесь речь идет о ритуальных боях в честь богини Танит. Авсеи в брак не вступают, а совокупляются с женщинами сообща. «Если у женщины родится вполне крепкий ребенок, то спустя три месяца мужчины собираются вместе, и тот, на кого он похож, считается его отцом».

Перечисленные Геродотом прибрежные племена занимали территорию от египетской границы до современного тунисского залива Габес. Они были кочевниками, питались молоком и мясом, но, так же как и египтяне, из-за страха перед богиней Исидой считали греховным употреблять в пищу коровье мясо. Некоторые племена избегали есть еще и свинину. Ливийские кочевники отличались исключительно крепким здоровьем. И вот почему. «Четырехлетним детям они прижигают грязной овечьей шерстью жилы на темени (а некоторые — даже на висках), чтобы флегма, стекающая из головы в тело, не причиняла им вреда во всей дальнейшей жизни... На случай судорог с ребенком во время прижигания у них есть лечебное средство: они окропляют ребенка козлиной мочой, и судороги проходят. Впрочем, я передаю только рассказы самих ливийцев»¹.

Я позволил себе так много цитировать Геродота, поскольку единственное и малотиражное для такого автора издание его замечательной «Истории» — «труда, лежащего еще на трудно различимой грани между мифом и историческим повествованием», представляет собой библиографическую редкость.

Из других источников мы узнаём следующее. За исключением колесниц, которыми пользовались гарманты, орудия труда и предметы обихода ливийцев были очень примитивны. Их продолжали делать из камня даже после широкого введения металла. В вадии Эль-Аджиаль, где итальянские ученые вели раскопки, предметы каменного века были найдены в доме римского периода постройки. Изделия из металла попали в глубь страны с побережья довольно рано, но в большинстве случаев они являлись лишь предметами роскоши, а их производство на месте так и не приняло широких масштабов. Типичными орудиями войны ливийцев в период античности были дубинки, луки, стрелы. Производство керамических изделий развивалось медленно, и гончарный круг, как считают ученые, не был известен ливийцам до римского периода. Глиняная посуда крупных размеров с вырезанными и нанесенными красками украшениями изготавливалась ими вруч-

¹ Геродот. История в девяти книгах. Л., 1972, с. 231—235.

ную еще в III веке, а кухонная утварь делалась из дерева, кожи или яиц страуса. Дома ливийцев были не менее примитивны. Характерным жилищем являлась непрочная хижина из сухой сплетенной травы на каркасе из палок, напоминающая по форме перевернутую лодку. Гараманты, так же как и современные бедуины Триполитании, жили в палатках из кожи животных, а жители побережья обитали в подземных жилищах, подобных тому, которое показал нам Фрадж.

Таким образом, мы видим, что Ливия является наследницей богатой культуры, вобравшей в себя достижения многих народов. Поэтому не случайно в стране уделяется такое большое внимание изучению культурного наследия. Заметим, при этом всегда выделяется как основная следующая идея: все жители страны, несмотря на цвет их кожи, волос и глаз, составляют единое целое, все они — ливийцы, и все они пользуются равными правами и имеют равные обязанности перед страной.

В этой связи мне вспоминается беседа в министерстве культуры и информации Ливии о том, как изучаются и сохраняются народные танцевальные традиции. Я узнал, что в начале 1985 года в Ливии было 26 ансамблей национальной песни и танца, из которых 11 считались официальными, получали помощь и поддержку со стороны государства. Наиболее известным является Национальный ансамбль танца, основанный в 1963 году в столице и называвшийся поначалу Триполийским. Через два месяца после своего создания в кинотеатре «Уаддан», находящемся в центре столицы, было дано первое публичное представление национальных танцев, исполнявшихся под аккомпанемент народной музыки и песен. В период монархического режима, при засилье западной музыкальной культуры, Триполийский ансамбль танца был единственным художественным коллективом, который давал представления в различных городах Ливии, собирал народные мелодии и танцы.

После Сентябрьской революции 1969 года этот ансамбль, как самый опытный, стал основой вновь созданного Национального ансамбля танца, в который вошли лучшие артистические силы страны. Началась трудная и интересная работа — поиски характерных танцев побережья, пустынных и горных районов Ливии. Кроме того, следовало преодолеть текучесть основного артистического состава: артисты недолго задерживались в ансамбле из-за неустроенности, отсутствия удобной для работы сцены. Но постепенно дело налаживалось, и Национальный ансамбль танца стал давать концерты не только в Ливии, но и за рубежом. Сегодня

он считается одним из лучших творческих коллективов арабского мира, знакомящим своих зрителей с богатым наследием ливийского народа — его национальными танцами и песнями.

— Ансамбль постоянно работает над обновлением своей программы,— говорит Абд ас-Салям Тарум, сотрудник Отдела театра и народного искусства.— У нас есть специальный план, предусматривающий поездки по различным районам для сбора национального фольклора. Нам нужен специальный центр фольклора. Вроде бы и решение есть, но пока всё стоит на месте. Дело, если ставить вопрос серьезно, требует больших затрат и солидных специалистов.

В разговор включается директор ансамбля Саид Ибани, который подчеркивает специфику ансамбля и его отличия от других подобных коллективов арабских стран.

— У нас нет иностранных балетмейстеров или постановщиков танцев,— говорит Саид.— На это мы идем специально, с тем чтобы сохранить истинно народный колорит даже в ущерб художественному восприятию и оградить наше наследие от иностранного влияния. Национальным ансамблем Алжира руководит выпускник советского театрального вуза, в Тунисе с артистами народного ансамбля работает болгарский балетмейстер, в Северном и Южном Йемене — советские хореографы. Мы не сбрасываем со счетов значение постановки танца и режиссуры, но нам кажется, что каждый иностранный хореограф невольно привносит в тот или иной народный танец свое, национальное, и поставленный им танец пусть немного, но все же теряет свой истинно народный, национальный колорит. У нас есть постановщик по имени Фатхи,— улыбается Саид.— Он ливиец, и поэтому нам не грозит такая ситуация, когда мы будем танцевать свои танцы на иностранный манер.

По первому каналу местного телевидения я видел программу, именуемую «Поющая палатка».

Прямо на сцене сооружается палатка — такую еще и сегодня разбивают жители Сахары,— пол ее застилается тканями коврами. В глубине палатки усаживаются оркестранты, перед ними устраиваются певцы, певицы и поэты-декламаторы. На авансцене идет выступление ансамбля. Танцы показывают разные, из различных провинций Ливии, и — что самое главное — сырые, режиссерски не обработанные. Вернее, хореограф Фатхи все-таки приложил руку, но ведь в Ливии нет хореографических училищ и театральных вузов, и, следовательно, он не имеет специального образования. Два небри-

тых деда в белых бурнусах и темных шапочках крючковатыми палками лупят по большим барабанам. Выстроившись в ряд, 12 парней в шапочках, расшитых раковинами каури, отплясывают нехитрый танец под аккомпанемент барабанного боя и металлических тарелочек. Время от времени один или два парня солируют: то идут вприсядку с выбрасыванием вперед обеих ног, то крутят карусель на одной ноге, то высоко подпрыгивают.

Видно, что танец не поставлен, народный колорит сохранен полностью, но так ли нужен слепой перенос сырого, художественно не обработанного народного танца на сцену большого зала? Тут можно спорить, хотя и нельзя отрицать, что точка зрения моих ливийских друзей из Национального ансамбля танца, по-видимому, тоже имеет право на существование.

ПОЕЗДКА В БЕНГАЗИ

В городе Бенгази этого 40-летнего мужчину с внешностью д'Артаньяна знают все грамотные люди. Мухаммед Будаджаджа — хозяин музея, где собраны предметы старины и традиционного быта, блеклые, старые фотографии и цветные, сочные фото наших дней. Последнее не случайно: сам хозяин — фотограф, и это всё — его работы.

— Я начал собирать коллекцию восемь лет назад, — рассказывает Мухаммед. — У меня нет никакой системы и не было желания создать музей. Сначала было жалко выбросить старую вещь. Потом знакомые, увидев у меня что-то из коллекции, стали приносить ненужные вещи.

Мы ходим по закоулкам музея, и за каждым углом открывается небольшая комната, где собраны однотипные предметы. Например, в одной — кухонные изделия, в другой — предметы, необходимые для того, чтобы разбить в пустыне палатку, третья представляет собой комнату молодой женщины в доме мужа, куда она входит невестой и остается уже женой. Сами стены тоже не пустуют — здесь хорошие фотографии, которые дополняются либо небольшими пояснениями, либо самими предметами. Например, между двумя фотографиями мясной лавки с повешенными бараньими тушами помещен литой топор мясника с узкой металлической рукояткой и широким лезвием.

— Бедуинов в окрестностях Бенгази нет, и некоторые предметы мне пришлось привезти издалека, — говорит Мухаммед. — Вот эта деревянная в виде полумесяца дуга с выдолбленным отверстием посередине нужна для того, чтобы поддерживать полог палатки. В отверстие вставляют толстую палку, которую забивают в землю. Вот этим молотком.

— У нас даже есть что-то вроде пословицы: «Если дождь капает через дугу, то куда же могут спрятаться обитатели палатки», — говорит, улыбаясь, Мухаммед. — Кстати, о пословицах. Вы обратили внимание на объявление при входе? Так вот, плата за вход в галерею — одна пословица. Вы смотрите мою коллекцию, а я собираю пословицы всех народов мира.

Тут же, в этой комнате, по стенам развешаны предметы повседневного быта жителей пустыни. Колодезное деревянное колесо, через которое перебрасывают веревку и достают воду. Вот железные вилы с коротким черенком, деревянная лопата, которая треснула от старости и аккуратно скреплена металлическими поясками. Из целого куска дерева сделаны ступка и лейка. Рядом с деревянной ступкой вдруг вижу... медную гильзу от большого артиллерийского снаряда и длинный болт. Это тоже ступка с пестиком.

Жизнь человека в пустыне связана со скотом и финиковой пальмой. Поэтому, естественно, на стене на видном месте висит толстая веревка с небольшим утолщением посередине, с помощью которой крестьянин забирается на пальму. Пальма — самое большое, а иногда и единственное дерево в пустыне, и арабы берут от нее все, что только можно получить. Кроме плодов это и веревки, мочалки, веера, тарелки, веники, даже тапочки, плетенные из коричневых пальмовых волокон. Но наибольшим разнообразием отличаются плетенные из пальмовых листьев изделия. Их плетут женщины. Вот круглой формы скатерть; ее кладут на землю, и ставят на нее еду. Вот небольшое блюдо с крышкой для того, чтобы не остывал приготовленный рис. Пальмовые листья имеют бледно-зеленый, неяркий цвет. Чтобы оживить изделия из них, мастерицы пропускают одну-две полосы красного или фиолетового цвета.

В другой комнате вся стена завешана бурдюками. Бросается в глаза большой кожаный мешок-сумка — «джираб», который можно навьючить на верблюда или осла. Рядом висит маленький бурдючок — «окка» — для овечьего жира, затем чуть больший — «кирба» — для воды и еще больший — «шаква» — для кислого молока. Эти три бурдюка мало чем отличаются друг от друга, может быть, просто у них разная выделка. Но сразу вижу, что бурдюк для кислого молока больше, чем для воды, которой в пустыне мало и которую не всегда можно добыть в пустынных колодцах. И еще вспоминаю — существовала османская мера веса «окка», равная 1,282 килограмма. Именно столько овечьего жира может войти в самый маленький бурдючок, который, видимо, и получил название по этой мере веса.

Сюда я пришел не один, а в составе группы иностранцев и представителей местной общественности, которая, побывав на открытии Арабского медицинского университета, по приглашению Мухаммеда посетила и его музей. Что касается университета, то по нашим масштабам это крупный медицинский институт с двумя

факультетами: стоматологическим и общего профиля. Университет — в нем учится 1600 студентов — расположен в районе Эль-Хавари. Здесь же строится Центральная больница города на 1200 коек, где студенты будут проходить практику. Наша группа осмотрела комплекс красивых зданий, соединенных крытыми мраморными переходами. В честь открытия этого учебного заведения в нем экспонировалась выставка рисунков детей из 58 стран. Здесь были работы и наших детей: десять рисунков сделали ученики советской школы в Триполи, а десять других привезла делегация Армянской ССР, прибывшая в Триполи на проведение дней советско-ливийской дружбы.

Оставшись один, забредаю в комнату-кухню, где выставлены разновеликие печки, набор горшков для приготовления риса, амфоры различных размеров и форм, с ручками и без них. На большой, более метра высотой, тяжелой амфоре висит табличка: «Зир или хабия. Использовалась раньше для хранения воды, которую разносил варрад». В комнате на полу стоят: закопченная печка из глины для приготовления лепешек; металлический казанок; большой медный котел, поставленный на другой такого же размера, — оба называются одним именем «халля»; медный чайник; кофейник и небольшая «кастрюлька» с одной ручкой, предназначенная для варки турецкого кофе и называемая «джадва».

Мухаммед приводит в комнату трех молодых девушек. Тахани, Лейла и Зейнаб — сотрудницы ежемесячного общественно-литературного журнала «Арабская культура», издаваемого в Бенгази. В марте 1985 года Ливию посетила делегация от Союза писателей СССР, которая привезла вышедший у нас в этом же году сборник новелл ливийских прозаиков «Барабаны пустыни». Девушки знают об этом. Советские писатели посетили редакцию журнала, разговор шел о сотрудничестве, новых переводах, новых именах, которые появились на литературном горизонте Ливии.

Я уже знаю, что в музее находится так называемая комната молодой женщины, и уговариваю девушек пойти посмотреть ее вместе. Быстро отыскиваем комнату, и вот, перебивая друг друга, девушки дают мне пояснения, которые в общем виде можно передать так. Это — комната семьи среднего достатка 20—30-х годов нашего века. Жених приводил сюда, в дом своего отца, невесту, и здесь она оставалась. Самое примечательное здесь — высокая, до полутора метров, широкая кровать, называемая «сидда». Кстати, этим же словом в Бенгази называют решетчатые шпалеры, по которым вьется

виноградная лоза. Иными словами, сидда — нечто высокое, приподнятое над землей. А вот лестница, высота которой — около полутора метров. Она нужна для того, чтобы взобраться на кровать. Кровать металлическая. Скорее всего ее привезли итальянцы. На ней какие-то бронзовые завитки, набалдашники. У нас, говорят девушки, все было деревянное, в зависимости от достатка украшенное богатой резьбой или нет. Под высокой кроватью находится шкаф с резной дверью, имеющей ручку-кольцо и замок. В нем невеста хранила самое дорогое: золотые украшения, платья, ткани. Правда, есть еще и сундук. Его крышка и передняя часть отделаны полосками когда-то белой жести. (Кстати, в комнате-кухне, где я встретился с сотрудницами журнала, к стене приставлены крышки от сундуков, тоже с полосками ржавой жести.) Невеста приносила в дом мужа свое приданое в этом сундуке. На сундуке стоит несколько светильников. Лампа в виде летучей мыши с круглым закрытым стеклом называется «фанар», а наша обыкновенная керосиновая лампа именуется «фитиля». Два арабских слова, но абсолютно понятные для всех.

Желая еще воспользоваться знаниями своих любезных спутниц-гидов, приглашаю их в большой зал, где собирается группа, посетившая Арабский медицинский университет, и где будет дан небольшой концерт. Поскольку меня больше интересует этнографическая коллекция, то я лелею тайную мысль что-нибудь выяснить по дороге в зал.

Проходим мимо стены, на которой висит несколько десятков ножниц для стрижки овец, чуть-чуть притормаживаю около этого экспоната, и вот самая смелая, Лейла, начинает объяснять:

— У кочевников сезон стрижки овец был своего рода праздником. В одно место съезжались люди со всех оазисов, проводили соревнования на лучшего стригальщика. Процесс стрижки назывался «таджлим». Это слово сохранилось у нас и сегодня, — смеется Лейла. — Иногда девушку с неаккуратной прической называют «бинт муджалляма».

Доходим до фотографий, выставленных в большом зале, и, пока гости расставляют стулья и рассаживаются, я узнаю от своих спутниц, что большие круглые серьги, которые продеваются в отверстия, сделанные в ушной раковине, а не в мочке, называются «теклила», а в крылышке носа — «штаф». Этот обычай украшать себя таким образом получил распространение среди женщин в южных районах Ливии и был почти неизвестен на побережье. На одном из фото изображена

смуглая, негроидного типа женщина с серьгой в носу, завернутая в легкую шелковую клетчатую ткань.

Среди замужних бедуинок был и другой обычай — делать татуировку на подбородке, на носу и на руках. Некоторые мужчины также украшали себя, но только в одном месте — на подбородке или на переносице. Правда, если у бедуина дети рождались слабые и болели, то татуировку наносили на висок. Но это делалось уже не с эстетическими целями, а для того, чтобы изгнать зло, поселившееся в самом человеке. На фотографии мы видим мужчину с татуировкой на переносице. Он закутан в белый шерстяной плащ, закрепляемый на груди. Я уже писал о том, что в Ливии такой плащ-накидка кустарного изготовления считается национальной мужской одеждой.

Наконец все расселись. Хозяин музея ведет себя скромно и сдержанно. Он пристроился где-то сзади. Молодой человек — я его видел среди студентов Арабского медицинского университета — предоставляет слово сотруднику посольства Южного Йемена. Он говорит о том, что памятник арабской архитектуры город Шибам в долине Хадрамаута находится под угрозой разрушения. Небоскребы из глины могут исчезнуть, так как прошли дожди и вода подточила спекшуюся на солнце глину. Кстати, ЮНЕСКО тоже обратилась с призывом помочь Южному Йемену, у которого не хватает средств на то, чтобы одновременно строить новую жизнь и сохранять старые памятники.

Во время работы в Южном Йемене я бывал в Шибаме. Серая глыба 10—12-этажных домов поднималась в долине и создавала какое-то нереальное впечатление волшебного города. Чудо хадрамаутской архитектуры на краю великой Аравийской пустыни! Неужели город погибнет?!

Небольшой концерт четверых студентов — один играет на инструменте типа банджо, другой на бубне и двое на барабанах — производит приятное впечатление. Гости постепенно расходятся, оставляя в толстой книге музея плату за вход — какую-либо пословицу на своем языке и ее перевод на арабский. Проводив гостей, хозяин подсаживается к нам. -

— Долгое время я работал на телестудии в Триполи, и все цветные фотографии, которые вы видите, сделаны мной, — говорит Мухаммед. — В большинстве своем они, как вы заметили, посвящены народному быту, различным процессам труда. Это цирюльник за работой, а вот женщина просеивает зерно, другая прядет шерсть и т. д. Затем я стал собирать старые фотографии, потом начал коллекционировать предметы. У меня

нет желания создавать музей,—повторяет он,—я просто хочу сохранить эти предметы для своего народа, хочу привлечь внимание молодых людей, нашей интеллигенции к нашему наследию, оживить культурную жизнь в Бенгази.

Звонит телефон, и Мухаммед снимает трубку. Старый, инкрустированный перламутром и разными породами дерева, в меру запыленный телефон оказался не экспонатом, а работающим аппаратом.

— Помещение, где мы находимся,—бывший цех фабрики мягкой мебели,—сообщает Мухаммед.—Я хозяин этой фабрики, и, когда она работала, весь получаемый доход я вкладывал в приобретение выставленных здесь вещей, скупал фотографии. Вот уже два года фабрика не работает, и добывать старые предметы стало труднее. Но я не падаю духом. У меня есть помощники. Интерес у жителей Бенгази уже проснулся и, надеюсь, не погаснет.

Молодые ребята и девушки приносят нам маленькие стаканчики с крепким зеленым чаем и пирожные. Судя по всему, они—студенты. Они же наводят здесь порядок: таскают какие-то предметы, смахивают с них пыль и т. п. Скорее всего именно они и есть те самые помощники, о которых только что вскользь упомянул Мухаммед.

— Я назвал свое собрание Галерея Джадо,—отвечает он на мой вопрос.—Джадо—небольшой древний городок примерно в 200 километрах к югу от Триполи. Но это имя я взял сознательно, чтобы через свою галерею привлечь внимание к этому городу, к нашей истории.

Меня поразили дальновидные замыслы Мухаммеда. В детстве, когда меня впервые повели в Третьяковскую галерею, я первым делом поинтересовался, почему она называется Третьяковской. Имя собственное выступает на передний план, привлекает внимание. Здесь Мухаммед психологически грамотно заострил интерес на небольшом городке, его истории и истории своей страны.

Я абсолютно уверен: многие считают его чудачком и полагают, что деньги от проданной мебели он мог бы использовать с большей для себя пользой. Но мне симпатичен этот бескорыстный чудак с наружностью д'Артаньяна, который натащил в цех своей фабрички различные старинные предметы, открыл галерею, назвав ее именем города Джадо, и пускает осматривать свою коллекцию всех—ливийцев и иностранцев, получая, правда, с последних плату в виде одной поговорки за визит.

— Будьте добры, посмотрите на этот бетонный забор,—говорит Мухаммед, когда мы вышли из музея.— За ним—здание средней женской школы. Дирекция ее разрешила разрисовать этот забор, который смотрит на мою галерею. Здесь прямо интернационал! Каждый иностранец, побывавший в «Джадо», по моей просьбе рисовал на заборе картину и ставил под ней название своей страны.

Школьный забор тянется на целый квартал, и каждая картина занимает пролет между двумя бетонными столбами. Читаю подписи: Индия, Филиппины, ГДР, Польша, Япония, Нидерланды. И вдруг взор останавливается на огромном медведе в сапогах, косоворотке и с балалайкой в руках. Страна не указана, но Мухаммед смущенно говорит:

— Да, да. Это ваша картина. Она нарисована вашими специалистами.

Вот уж действительно «ложка дегтя». Большое удовольствие от посещения Галереи Джадо, от общения с умным, интересным собеседником было омрачено вот этим медведем с балалайкой, нарисованным на бетоне в качестве символа нашей Родины.

Так случилось, что в тот же день я встречался с нашими специалистами, работавшими в Бенгази.

— Нет! Наши ребята не рисовали этой картины,— категорически заявляет Евгений Трофимович Осипов, как здесь говорят, начальник бурового контракта, которому я рассказал о визите в музей и злополучной картине. Он возглавляет группу в 240 наших нефтяников, которые по заказу Ливийской национальной компании бурят на нефть скважины в Ливийской пустыне. В Бенгази это самая большая группа советских специалистов.

— Мы—технически грамотные люди, и рисовать балалайку?! Никогда не поверю! Это же провокация,— кипит Осипов.— Надо же так выставить нас! Нет, с этим надо разобраться.

Мы сидим с Евгением Трофимовичем в его небольшом кабинете, стены которого увешаны диаграммами и картами. Советские нефтяники работают в районе Сарир, расположенном в 600 километрах к югу от Бенгази, куда их доставляют на специальном самолете. Работают они в полевых условиях 21 день, затем на неделю возвращаются в Бенгази на отдых, а в Сарир вылетает другая бригада. В каждой бригаде—от 45 до 50 человек. Дом, где мы беседуем с Осиповым, и есть гостиница, в которой отдыхают наши товарищи.

— Мы работаем в Ливии с мая 1979 года,—говорит Осипов.— Коллектив включает как инженеров, так и

рабочих массовых специальностей: буровиков, бульдозеристов, дизелистов и пр. У многих за плечами большой опыт — Тюмень, Башкирия, Средняя Азия.

Мне известно, что в нефтяной промышленности, особенно за рубежом, господствуют американские стандарты, и поэтому выдержать конкуренцию с западными фирмами нашим буровикам довольно непросто, тем более что этот буровой контракт — подрядный. Мне также известно, что наши нефтяники работают в Индии и Ираке, и работают хорошо. Ну а как же здесь, в Ливии? Извлекаемые запасы нефти в этой стране оцениваются в 3,5 млрд. тонн, открыты недавно и разрабатываются с 1961 года. После Сентябрьской революции 1969 года молодые армейские офицеры во главе с Каддафи, взявшие власть в свои руки, стали проводить политику национального возрождения Ливии. Нефтяные богатства были национализированы, и для их разработки были приглашены на подрядных условиях 11 западных нефтяных компаний. Среди них — несколько американских, в том числе «Оксидентал петролеум корпорейшн» известного Арманда Хаммера.

— Конкуренция, конечно, большая, — отвечает Осипов. — Ведь здесь работают опытные специалисты из американских, канадских и западногерманских компаний, пользующихся мировой и, прямо скажу, заслуженной известностью. Ливийцы поэтому сначала относились к нам с недоверием, не зная нас и нашу работу. Но постепенно все наладилось. Сейчас мы уже не новички, действуют буровые установки № 4 и № 5, созданы транспортная группа, производственная база. За время безаварийной работы мы пробурили 110 скважин, прошли 330 километров. Это ведь что-то значит. Ливийцы это видят и понимают.

Об успехах наших нефтяников мне говорили в московском управлении буровых работ Всесоюзного объединения «Техноэкспорт» и в Триполи. По многим техническим показателям наши буровики в Ливии обошли своих товарищей, работающих в других странах. В Ливийской пустыне они демонтируют и перевозят буровую установку, например, в четыре раза быстрее, чем наши же специалисты в СССР или в других странах. Каждый специалист здесь фактически владеет несколькими профессиями, а благодаря 60 рационализаторским предложениям в 1984 году появилась возможность повысить производительность труда и высвободить несколько десятков человек.

Мне вспоминается выступление Осипова на одном совещании в Триполи. Называя причины производственных успехов, он напирал на то, что плановость в

работе и обеспеченность оборудованием есть и будут, но главный фактор успеха—это человек. Находясь в коллективе, мы концентрируем внимание на человеке,—сказал Евгений Трофимович.—Ведь из кабинета человека не видно. Каждый рабочий или специалист—мой союзник и единомышленник. Отсюда лично я избегаю приказных форм. Продуктивно работать из-под палки нельзя, это поняли еще в Древнем Риме. Хорошее настроение, удовлетворение результатами труда повышают производительность, цементируют коллектив.

Сегодня ставится задача работать не просто хорошо, а на уровне лучших мировых достижений. И предстоит ее решать не только производственным коллективам внутри нашей страны, но и нашим специалистам за рубежом, тем более в такой стране, как Ливия, которая расплачивается с советскими организациями столь нужным нам сырьевым товаром—нефтью.

— Резервы есть и будут всегда,—заверил тогда Осипов.— Например, у нас отличные буровые установки и хорошие специалисты, но мала мобильность. Наши установки—на гусеничном ходу, у западников—на колесном. Поэтому мы и тащимся четыре километра в час, а могли бы быстрее. К тому же с меньшим риском преодолевали бы барханы и впадины в Ливийской пустыне. Дайте мне колеса, и я буду двигаться в пять-шесть раз быстрее. Или взять вопрос совмещения профессий. Делаем это и будем делать, но получается как-то нелегально, что ли.

Уже в Триполи я узнал, что аттестацию специалистам, работающим на буровых установках, должна давать специальная комиссия Горного надзора СССР. Такой комиссии в Ливии, естественно, нет; предусмотреть направление из Советского Союза специалистов с рядом нужных совмещенных профессий трудно.

Мне рассказали о работе канадской фирмы, которая хорошо иллюстрирует выгодность совмещения профессий. На площадку этой фирмы приходит грузовая автомашина с 20-тонным морским контейнером. Водитель выходит из кабины грузовика, садится за рычаги бульдозера и выравнивает площадку под контейнер. Затем он подгоняет кран и, набросив трос, выгружает контейнер, после чего уезжает на грузовике на базу. Один человек с тремя специальностями! У нас эту операцию будут делать трое—водитель большегрузного автомобиля, бульдозерист и крановщик, хотя среди наших товарищей есть немало лиц, которые могут совмещать три специальности и более.

Однако работать официально без аттестации нельзя. Не дай Бог, случится производственная травма, тогда

будет судебное дело. То же самое и с перемещением буровых установок. Наши буровики перетаскивают установку бригадой в 20 человек, а конкурирующая фирма — в 4—5 человек. Добавьте к этому колесный ход западной буровой установки, а уж вычислить экономическую эффективность после этого не составит большого труда.

В рассуждениях Осипова всегда чувствуется большая заинтересованность в порученном ему деле. Вот почему с таким жаром в коллективе буровиков проходят собрания и совещания на производственные темы, где обсуждаются вопросы техники безопасности, расхода и экономии горючего, сокращения трудовых затрат при монтаже буровых установок, выполнения плановых заданий и перспектив работы, технологической дисциплины, а также покраски оборудования и спецодежды.

Последние два вопроса неожиданно поразили меня. Все наши буровые установки покрашены... в черный цвет. В условиях пустыни, в 50-градусную жару, дотронуться до такой установки голой, не защищенной рукавицей рукой нельзя без риска получить ожог третьей степени. У западных фирм все установки покрашены в белый цвет, а остальное оборудование — тракторы, бульдозеры, автомашины — в желтый или оранжевый. Спецовки у иностранцев сшиты из тонкой цветной ткани, у наших же — из брезента, а ноги нередко обуты в резиновые сапоги, в которых удобно в Тюмени, но неудобно ходить по пескам, к тому же в 50-градусную жару. Все просьбы об изготовлении летней, рассчитанной на пустынные районы рабочей одежды наталкиваются на нашу гигантоманию: 10—20 тысяч спецовок — пожалуйста, но 200 штук — невыгодно. Вот и работают в Ливийской пустыне наши буровики, одетые кто во что горазд, работают добросовестно, побивая все рекорды производительности труда.

Мне кажется, кому-то в Москве должно быть стыдно. Ведь все же кто-то отвечает за экипировку специалиста, кто-то обязан думать о том, чтобы обеспечить его той одеждой, которая соответствовала бы тем условиям, в которых ему предстоит работать!

Прощаюсь с Евгением Трофимовичем Осиповым, этим неторопливым, вдумчивым инженером, вложившим душу, знания и богатый опыт нефтяника-сибиряка в организацию бурового контракта в Ливии. Он снимает очки в роговой оправе, проводит рукой по высокому лбу с залысинами. Я уже заметил, что он делает так, когда сильно волнуется.

— Кто же все-таки нарисовал медведя с балалайкой?

— Да успокойтесь, Евгений Трофимович. Разберемся с балалайкой. Давайте позвоним Мухаммеду и попросим его замазать этого медведя. А потом нарисуем что-нибудь другое.

Осипов быстро соглашается, и мы возвращаемся в его кабинет. Я набираю телефон и, объяснив Мухаммеду ситуацию, договариваюсь с ним о том, что его помощники замажут нейтральной краской и медведя и балалайку. Правда, не бесплатно—за одну русскую поговорку, которую я теперь уже с Евгением Трофимовичем должен записать в его «амбарную» книгу.

Быть в Бенгази и не посетить памятники старины в Киренаике было бы непростительной ошибкой. Историческая область Киренаика названа так по имени города Кирена, основанного греками около 630 года до нашей эры. Сам город сейчас называется Шаххат, а источник под горой—Айн аш-Шаххат. В 1706 году француз Лемер открыл близ источника на высоте 613 метров над уровнем моря развалины храмов, театров и некрополей со множеством великолепных памятников.

К периоду VIII—VI веков до нашей эры относится греческая колонизация бассейна Средиземного моря, причем инициатива исходила от развитых греческих городов Малой Азии, островов Греческого архипелага и балканской Греции. Колонизация шла в трех направлениях: в западном—в Италию и Сицилию, в северо-восточном—в нынешний Крым и побережье Черного моря и в южном—в Северную Африку, включая Египет. Греческая колонизация проходила в ожесточенной борьбе с соперниками. В западной части Сицилии греки встретились с выходцами из Карфагена, который претендовал на эту часть Сицилии. В последующем вся ее территория стала объектом борьбы между Карфагеном и греками, а затем между Карфагеном и Римом. Колонии греков охватывали огромное количество стран и земель, относившихся к бассейну Средиземного моря. Подобно древним финикийцам, греки селились в прибрежных торговых факториях. Греческий берег, по выражению Цицерона, составлял как бы кайму, пришитую к обширной ткани «варварских полей».

Население Киренаики было многонациональным, включая местных ливийцев, греков, египтян, евреев. Последние пришли в Киренаику из Египта. Так, Птолемей I Лагид послал еврейских поселенцев в Кирену и другие города Ливии. Жители этого административного центра, согласно Страбону, в I веке до нашей эры делились на четыре сословия: граждан, арендаторов,

поселенцев и евреев, причем последние, находясь в самом низу социальной лестницы, принимали заметное участие во всех выступлениях против римских властей.

Около 85 года до нашей эры Сулла, тогда еще консул, послал Лукулла в Кирену, чтобы подавить беспорядки местного населения, к которому примкнули еврейские массы. С тем чтобы сбить накал правительства, римляне предоставили еврейским колонистам некоторые льготы, которые, однако, были значительно меньше, чем те права, которые они имели при египетских царях из династии Птолемеев. Большое недовольство киренских евреев своим угнетенным положением было той питательной средой, откуда вырастали мятежи и выступления. Самое крупное восстание было при императоре Траяне в 117 году. Оно было подавлено Марцием Турбоном, причем во время этих событий погибло около 20 тыс. римлян и греков, воевавших против евреев. Можно, конечно, спорить по поводу этой цифры, но известно, что после этого восстания римские императоры были вынуждены приступить к переселению своих подданных в обезлюдевшую Киренаику.

Киренские евреи всегда находились в тесных связях со своими единоверцами в Палестине. Они имели собственную синагогу в Иерусалиме и не случайно являлись участниками всех военных потрясений, случившихся в Палестине, активно отстаивая свои права перед римскими правителями.

Киренаика славилась своими плодородными землями. Отсюда в Грецию вывозились в большом количестве зерно, лошади и сильфий — растение, шедшее на приготовление лекарств. В парижском Кабинете монет выставлено блюдо, которое датируется 560 годом до нашей эры и на котором изображен киренский царь Аркесилай, наблюдавший за взвешиванием и упаковкой сильфия.

Богатство делало Киренаику желанным объектом нападения для внешних врагов. С конца VI века до нашей эры персидская держава Ахеменидов, внушавшая страх и трепет всем народам древнего мира, усиливает давление на Грецию и ее колонии. В 525 году до нашей эры персы захватили Египет и соседнюю с ним Киренаику. Продолжая свое наступление, персидские армии вскоре заняли всю береговую линию от Трапезунда в Азии до залива Большой Сирт в Африке. Греко-персидские войны сместили центры экономической жизни с востока на запад. Персы в конце концов отказались от отдельных территорий на западе, где активизировалась экономическая жизнь, в том числе

торговля, охватившая Сицилию, юг Италии, Испанию и Северную Африку.

Кирена сыграла важную роль в распространении греческой культуры в Северной Африке. На рубеже V—IV веков до нашей эры ее посетил великий греческий философ Платон. А в III веке до нашей эры здесь жил один из первых атеистов—Феодор, отрицавший существование богов и считавший религию обманом. Кирена, как и Карфаген, считалась центром эллинистического мира, не только воспринявшим культуру греков, но и оказавшим влияние на нее. Здесь был обязательный так называемый культурный набор: театр, храмы, посвященные своим и иноземным богам, помещения для собрания стратегов. Кроме Кирены в этой области находились еще три крупных города: Береника, Арсиноя и Птолемаида, названные по именам эллинских правителей Египта. Кстати, в Беренике была тоже большая еврейская колония, которая являлась независимой муниципальной общиной и управлялась собственным архонтом. Евреи пользовались правом гражданства, а их архонты были уважаемыми и влиятельными людьми. Найденная в Беренике греческая надпись, относящаяся к 13 году до нашей эры, приводит имена девяти еврейских архонтов.

...Брожу по уютным развалинам Кирены. Фонтан Аполлона—тонкая струйка воды, сбегаящая в замусоренную чашу выбитого в камне бассейна. Грот Афродиты—небольшая пещера, переходящая в узкую, круто поднимающуюся вверх щель в скале. Амфитеатр—он построен уже в начале нашей эры. У входа в город—небольшой квадратный домик стратегов, где военачальники проводили свои совещания. Недалеко от храма, посвященного греческим богам,—фигура египетской Исиды. Соседний Египет всегда оказывал большое влияние на развитие этой области.

Осматриваю развалины Кирены и удивляюсь, насколько наши представления о величии и масштабности не совпадают с представлениями древних греков.

В 10 километрах от Шаххата на берегу Средиземного моря находится город Аполлония (ныне небольшой городок Сус), основанный в 31 году до нашей эры. В античном мире известно около 30 городов, носивших это имя, что вполне естественно, поскольку Аполлон (Феб), сын Зевса, в греческой мифологии считался богом-целителем, прорицателем и покровителем искусств, богом-охранителем многих городов Древней Греции. Аполлон вошел в римский и греческий пантеон, причем он единственный из богов, который и у римлян, и у греков получил одно и то же имя, в то время как

все остальные боги имели двойные имена: Зевс—Юпитер, Афродита—Венера и т. д. Большинство городов, названных Аполлония, основывались в VII—VI веках до нашей эры, когда греческие мореходы начали активное освоение Средиземноморского побережья.

Аполлония может служить примером древнего порта. В 1958 году он был обследован группой водолазов из Кембриджского университета. Ныне порт разрушен и большей частью лежит на глубине 2,0—2,5 метра от поверхности моря. Рифы на острове из песчаника, находящиеся на расстоянии 200—250 метров от берега, сыграли важную роль в образовании порта. Греческие колонисты связали западную оконечность городской стены с рифами каменной дамбой, построив отдельно стоящие каменные волнорезы и создав искусственный залив, ограниченный с юго-запада и юга сооружениями.

Бухта имеет много береговых построек: складские помещения, конторы, таверны, гостиницы для моряков и т. д. Порт был обнесен массивной стеной из обработанных камней, соединенных свинцовыми шпонками.

У подножия находящегося на суше холма акрополя и прямо возле уходящего в море восточного волнореза водолазы обнаружили хорошо сохранившийся бассейн для рыбы. Он имел размеры 50×20 метров и разделяющие стены, многочисленные каналы и задвижки для контроля притока воды, несколько небольших искусственных островков, которые соединялись с бортами бассейна деревянными мостками. В 1959 году английские археологи нашли погребенную в песке мраморную статую Фавна. Эта находка подтверждает свидетельства литературных источников о том, что бассейны были богато украшены.

К настоящему времени в зоне Средиземного моря обнаружено около 40 таких бассейнов, но, по всей вероятности, их число еще больше.

В 50 километрах от Суса находится город Дерна—центр крупного сельскохозяйственного района восточной части страны. Действительный член Императорского Русского географического общества П. А. Стенин в конце прошлого века писал: «Приморский городок *Дерна*, в древности *Darnis*, красиво выглядит из виноградников, пальмовых рощ и фруктовых садов». В конце прошлого века его население насчитывало 1,5 тыс.¹. Численность населения муниципалитета Дер-

¹ [Стенин П. А.] Восток. Страны Креста и Полумесяца и их обитатели. СПб., 1892, с. 464.

на сегодня составляет 160 тыс. жителей, из которых свыше 50 тыс. проживает в административном центре. Когда-то Дерна была столицей средневекового эмирата, и в ее уютной гавани бросали якорь парусные суда, следовавшие вдоль берега из Египта в Тунис, Алжир и Марокко. Ныне новые современные дома заняли место старых построек, и только кое-где можно увидеть старые стены, которые отгораживали город от внутренних районов и уходили в глубокую долину. Сейчас в этой долине построены две оросительные плотины, которые спасают город от паводков и собирают воду для орошения.

Плотина Абу Мансур в верховьях долины собирает около 1 млн. кубических метров воды. Дорога к этой плотине идет по берегу долины. Пятнадцатиметровый водопад — достопримечательность этих мест. Конечно, его мощность невелика. Но понять гордость ливийцев можно: вода здесь всегда была и остается символом жизни.

— Берега долины сложены из непрочного известняка,— говорит инженер Ибрагим, сопровождающий нас в поездке на одну из плотин.— Мы делаем террасы и засаживаем участки дикой маслиной, тутовым деревом, кипарисом и эвкалиптом.

Действительно, на аккуратно разделенных террасах виднеются небольшие саженцы деревьев. В Ливии ежегодно в начале марта проводится кампания лесопосадок, в которой принимает участие все население страны. Вдоль отличных шоссе дорог видны заросли мимозы и эвкалипта, средиземноморской сосны и кипарисов. Всем этим деревьям не более 15 лет. Иными словами, они были посажены уже после Сентябрьской революции. Среди деревьев есть и фруктовые, которые нехарактерны для Ливии. Так, с помощью болгарских специалистов в горах Джебель-Ахдар, часть которых входит в муниципалитет Дерна, высажены саженцы яблони. Через несколько лет деревья дали невиданный урожай, который не смогли вовремя полностью собрать и который погиб, как говорится, на корню. Сейчас болгарские товарищи оказывают помощь в организации уборки и переработке яблок.

— У нас лучшие в стране сорта винограда и гранатов. Скорее всего вы не пробовали наших фруктов,— смеется Ибрагим.— Все, что здесь производится, потребляется на месте, в провинции Дерна. Ведь мы ориентируемся на достижение максимального уровня самообеспечения.

Мы интересуемся, не удалось ли обнаружить лекарственную траву сильфий, которая в древности составля-

ла важную статью экспорта Киренаики. Эта дикорастущая трава, по свидетельству ботаников, исчезла в первые века нашей эры, и все попытки обнаружить ее не увенчались успехом. В университете Гар-Юнис в Бенгази проходил специальный семинар по этому растению. Ученые приводили много выдержек из трудов древних авторов о лечебных свойствах этой травы, но никто из них собственными глазами ее никогда не видел.

— Дожди здесь идут в основном осенью и зимой, — говорит Ибрагим. — Поэтому основные культуры у нас привязываются к этому сезону. Подпочвенные воды находятся на глубине 180—200 метров и почти не используются для орошения. Мы бережем воду, она у нас очень вкусная.

Это заявление Ибрагима понять можно. Во многих районах Ливии вода присоленная или просто соленая. Особенно это касается прибрежных районов, где преобладают песчаные почвы. Откачка пресной воды приводит к образованию пустот, в которые инфильтруется соленая вода. Особенно это чувствуется в районе Триполи. Местные старожилы отмечают, что раньше, до введения механических насосов, вода в Триполи была слаще, а сейчас, перемешавшись с морской водой и солеными подпочвенными пластами, стала жесткой и присоленной.

Вместе с Ибрагимом едем осматривать парниковое хозяйство. Стекланные домики, занимающие в общем площадь 5 гектаров, раскинулись в восточном пригороде Дерны. Парники построены французской фирмой с применением голландского оборудования и стеклянного покрытия из ГДР. Почва — красный суглинок, насыпанный в валики, на которых растут помидоры, болгарский перец, огурцы и красный жгучий перец — обязательный компонент всех ливийских приправ.

— Сейчас у нас кончились огурцы и растут только помидоры и два вида перца, — говорит бородатый плотный ливиец Фатхи, главный инженер и директор парникового хозяйства. — Два гектара заняты помидорами. Урожай с 1 гектара достигает 140 тонн. Получаем только один урожай помидоров американского сорта; на местный рынок в год идет 280 тонн продукции. Сорт очень урожайный. Посмотрите, какие длинные плети тянутся к потолку, и все они увешаны плодами. С каждого куста собираем 6—7 килограммов, причем многие плоды достигают 0,5 килограмма и более. В общем, у нас есть и свои рекордсмены.

Фатхи справедливо гордится своим хозяйством. Везде чисто, грядки ухожены, растения здоровые, не

побитые болезнью и насекомыми. Вдоль валиков с землей тянется медная трубочка, из которой через отверстия под каждый куст подаются вода и питательный раствор. Обогрев осуществляется специальными автономными установками, работающими на мазуте, что удорожает себестоимость продукции. Парниковое хозяйство обеспечивает только половину потребностей муниципалитета Дерна, и поэтому продукция не вывозится за его пределы.

Руководство страны поставило задачу перевести все муниципалитеты на самообеспечение продуктами питания, и секретарь народного комитета муниципалитета Дерна Мухаммед Бадр, с которым я встретился в городе в его кабинете, с энтузиазмом говорит о том, что в ближайшее время в окрестностях Дерна будут построены новые парники.

Бадру немногим более 30 лет, но он уже почти 15 лет возглавляет народную власть в Дерне. Сначала он был губернатором, а затем, в 1979 году, после введения новой системы административного управления в Ливии, стал первым секретарем народного комитета, который имеет все полномочия законодательной и исполнительной власти.

— Мне было 17 лет, когда я был выбран на эту должность,— говорит Бадр.— Я только закончил среднюю школу, увлекался экономикой и хотел продолжить образование. А тут пришла Сентябрьская революция, и я оказался в гуще политических событий.

— Нет, я просто стараюсь хорошо выполнять свой долг и служить своему народу,— отвечает Бадр на мой вопрос, какими качествами нужно обладать, чтобы так долго находиться на столь высоком и ответственном посту.— У меня хорошие помощники.

Здесь, в кабинете Бадра, присутствуют секретари народного комитета в Дерне: по сельскому хозяйству (с его объектами мы знакомимся сегодня), здравоохранению, коммунальной службе, планированию и др.

— Все мы — местные жители,— продолжает Бадр,— и хотим, чтобы наш город был образцовым во всех отношениях. У нас есть все возможности, чтобы добиться этого, и мы этого добьемся. Все, что мы делаем, мы делаем для народа, и поэтому нас поддерживают. В этом вы убедитесь сами, если поедите по нашей провинции и по всей стране. Ну посудите сами, мы даем каждой крестьянской семье в зависимости от численности от 2 до 5 гектаров земли, готовый дом, трактор, цистерну для воды. К домам подведено электричество, а в некоторых местах дома для страховки оборудованы даже солнечными батареями. Но все это

при одном условии—крестьянин должен по согласованию с местной властью засеять свою землю теми культурами, которые мы ему рекомендуем. Здесь и зерновые, и овощи, и фруктовые деревья. Продукцию он потребляет сам, а излишки сдает на приемные пункты.

— Сейчас мы применяем новый метод, с тем чтобы снять нагрузку с государства и отказаться от импорта продовольствия из-за рубежа,—подключается секретарь по сельскому хозяйству.—Наш лидер Каддафи сказал, что не может быть свободным тот народ, который питается продуктами, произведенными за пределами национальных границ. Около новой тепловой станции мы построили большой инкубатор и раздаем цыплят крестьянам, чтобы они поменьше толкались в городских продовольственных магазинах. Сначала брали неохотно, а сейчас такой метод сотрудничества становится все более популярным.

До выезда из города нас снова сопровождал инженер Ибрагим. Он сорвал пучок полыни и протянул нам:

— Возьмите на память. У нас есть примета—полынь укрепляет дружбу. И еще—отдайте полынь своим женам: они вас будут крепче любить.

Бросаем последний взгляд на Дерну. Современные дома, залитые асфальтом улицы, яркое, неестественно голубое море, высокая ретрансляционная башня местного телевидения. Город, конечно, потерял свои особенности, и его можно спутать с другими ливийскими городами. Хотя нет, не так: теперь у нас в городе друзья. И об этом напоминает пучок серой полыни с горьким ароматом.

Дороги в Ливии прекрасные. Вот и сейчас мы мчимся со скоростью 120 километров в час по отличной автотрассе в сторону Бенгази, через горы Джебель-Ахдар, где находился центр сопротивления итальянским колонизаторам. Склоны долины в некоторых местах изрыты пещерами. Ливийские партизаны прятались в них от итальянских карателей. В каждом ливийском городе есть улица или площадь Омара Мухтара— национального героя, который 13 сентября 1931 года был ранен и попал в плен. 17 сентября он был казнен итальянскими фашистами в возрасте 70 лет.

Вокруг раскинулись зеленые поля, фруктовые сады. Добротные дома стоят рядом с полуразвалившимися строениями итальянских колонизаторов. Ливийцы не соглашались жить в домах своих угнетателей и рядом строили новый дом с хозяйственными службами. В лучшем случае эти итальянские строения использовались под хлев для скота. На некоторых полях тарахтят

тракторы, которые развозят колодезную воду в окрашенных в зеленый цвет цистернах. За рулем сидят мальчишки 10—12 лет, и нет ни одного взрослого тракториста. Ребячья тяга к технике и самостоятельности здесь получила свое применение.

Италия начала экспансию в Северную Африку под барабанный бой апологетов возрождения Римской империи, в которой Средиземное море было бы «*mare nostrum*» («нашим морем»), а его южное побережье — естественной границей империи, существовавшей две тысячи лет назад. В 1912 году Италия вынудила Турцию согласиться на передачу Ливии. Приход к власти в Риме фашистов в 1922 году во главе с Муссолини активизировал экспансионистскую внешнюю политику Италии. В 1935 году Италия бросилась на беззащитную Эфиопию и в течение двух лет захватила всю страну. В апреле 1939 года итальянцы пришли в Албанию. Военные успехи вскружили голову итальянским чернорубашечникам, и 10 июня 1940 года Италия официально вступила во вторую мировую войну на стороне фашистской Германии. Муссолини, признавший главенствующую роль Гитлера в антикоминтерновском пакте, был уверен в победе фашистов и надеялся при дележе добычи получить свою долю.

Но вместе с тем дуче пытался проводить и свою собственную захватническую линию, особенно там, где нельзя было ожидать серьезного сопротивления. Итальянская армия в 1940 году бросилась «помогать» Гитлеру, чтобы оккупировать уже поверженную Францию, но первые столкновения с французскими патриотами отрезвили зарвавшихся фашистов. В сентябре 1940 года маршал Грациани, специалист по африканским делам, начал наступление против англичан, окопавшихся в Египте, а в октябре того же года Муссолини, не поставив гитлеровское командование в известность, напал на Грецию и потерпел поражение. Грациани к декабрю 1940 года дошел до местечка Сиди-Баррани, что в 140 километрах от египетского курорта Мерса-Матрух, и англичане, воспользовавшись отдыхом уставших от длинных переходов по пустыне итальянцев, нанесли им ответный удар. В Северной Африке, как и в Греции, итальянские фашисты откатились назад, и Германии срочно пришлось спасать своего незадачливого союзника, направив войска и в Грецию, и в Северную Африку.

Так, в Северной Африке появился 50-летний Эрвин Роммель со своим танковым экспедиционным корпусом, будущий участник заговора против Гитлера, покончивший жизнь самоубийством. Имя его ненавистно ливий-

ским патриотам. К слову сказать, этот генерал-фельдмаршал был награжден несколькими пышными эпитетами-прозвищами, такими, как Лис пустыни и Роммель Африканский по аналогии с римскими полководцами Сципионами Старшим и Младшим, разгромившими в ходе соответственно Второй и Третьей Пунических войн первый — Ганнибала, второй — Карфаген и получившими за это прозвание Африканский.

В мае 1941 года Роммелю действительно удалось потеснить англичан, которые, оставив в тылу у немцев гарнизон города Тобрука, откатились за ливийско-египетскую границу. В этом городе есть кладбище польских, чешских и словацких солдат, которые вместе с английскими солдатами отбивали атаки немецких и итальянских фашистов. Послы ПНР и ЧССР в Ливии ежегодно возлагают цветы к памятникам своих граждан, погибших в Северной Африке. Но Роммель не смог сломить Тобрук. Фашисты стали выдыхаться и попросили подкрепление, которое гитлеровская ставка не могла выделить: все свои силы нацисты бросили на блицкриг на востоке, на захват Москвы.

Накануне нового, 1942 года англичане предприняли контрнаступление, но не смогли закрепить свой успех. Роммелю удалось собрать все свои резервы и предпринять третье и последнее наступление. 13 июня того же года авангард немецкой механизированной колонны появился в окрестностях Эль-Аламейна, в нескольких десятках километров от Александрии. А Роммель срочно вылетел в Берлин якобы для того, чтобы лично доложить об успехах Гитлеру. На самом деле все было иначе: немецкие танки и бронемшины африканского корпуса оказались без бензина и боеприпасов, и гитлеровская ставка не могла выделить ни солдат, ни боеприпасов. В битве под Сталинградом вермахт выжимал все свои резервы для стабилизации фронта. Для этого пришлось пожертвовать Роммелем, его африканским корпусом и бредовыми идеями выйти на берега Суэцкого канала и далее на Ближний Восток и в Индию.

23 октября 1942 года 8-я армия британского генерала Монтгомери прорвала фронт итало-немецких войск и погнала фашистов к границам Туниса. Министр иностранных дел фашистской Италии Чиано (в 1943 году участвовавший в заговоре против Муссолини и казненный фашистами) в эти дни 1942 года сделал следующие записи в своем дневнике:

«5 ноября. Крушение нашего фронта в Ливии.

8 ноября. В полшестого утра мне позвонил Риббентроп, чтобы сообщить о высадке американцев в портах

Алжира и Марокко. Он был очень нервный и хотел знать, что мы собираемся делать.

12 ноября. В Ливии Роммель бежит сломя голову. Большие трения между немецкими и итальянскими войсками... Дело доходит даже до перестрелок. Немцы забрали для своих нужд все грузовики, чтобы драпать побыстрее, и оставили наши дивизии в пустыне, где масса людей умирает от голода и жажды»².

Под напором английских войск, в составе которых воевали польский и чехословацкий батальоны, один за другим пали ливийские города. 20 ноября 1942 года был взят Бенгази. Немцы и итальянцы бежали вдоль побережья залива Большой Сирт, оставляя раненых и убитых, бросая грузовики, склады боеприпасов и военного снаряжения. Это совпало с высшим напряжением боев на Волге. 19—21 ноября советские войска завершили окружение 330-тысячной армии Паулюса, в декабре блокировали попытку освободить окруженную немецкую группировку и затем приступили к ее ликвидации. В конце января—начале февраля 1943 года остатки армии Паулюса, именем которого была названа одна из центральных улиц ливийской столицы в период фашистского господства, сдались в плен. 22 января 1943 года граф Чиано записывает в своем дневнике: «Прорыв в Сталинграде, отступление почти по всему фронту, неминуемое падение Триполи. Роммель, кажется, вновь повел дело так, чтобы спасти свои силы и оставить на гибель наши. Муссолини взбешен этим и намерен отплатить немцам. Он очень расстроен падением Триполи, но не теряет надежды на возможность контрнаступления из Туниса, чтобы отвоевать город. Так он продолжает тешить себя иллюзиями, закрывая глаза на суровую реальность, которую отныне видят все»³.

В течение трех лет в Северной Африке бушевало пламя войны, оставившее глубокие шрамы на лице Земли. Сотни остовов сгоревших танков и бронемашин, разбитых орудий усеяли обочины дороги Триполи—Бенгази. И везде—горы стреляных гильз, сотни гектаров вырубленных оливковых деревьев и пальмовых рощ, засыпанные колодцы, сотни минных полей и складов с боеприпасами, оставленными итальянцами, немцами и англичанами. Ни на одном театре военных действий за прошедшую войну не было использовано такого огромного количества мин, как в Ливии. Здесь нет природных препятствий, бетонированных укрытий

² За рубежом. 1985, № 27.

³ Там же.

или системы земляных укреплений. Все это заменили мины, которые щедро, без карт и системы, рассеивались вдоль дорог, вокруг стратегических населенных пунктов и укреплений.

Сразу после 1943 года в Ливии были предприняты попытки очистить территорию от следов войны. Спекулянты бросились скупать у англичан превратившиеся в металлолом разбитые танки и миллионы латунных гильз от снарядов. В 1945 году только в порты Киренаики—Тобрук и Бенгази—со сборных пунктов в пустыне грузовики доставляли ежедневно до 150 тыс. килограммов мин и неиспользованных боеприпасов, чтобы сбросить их в море. Примерно такое же количество взрывали в местах, слишком удаленных от моря. В течение двух первых лет после окончания войны ежедневно в Ливии уничтожалось до 1 млн. килограммов боеприпасов. Уничтожались, но, видно, не уничтожены до конца. Поэтому и сейчас, когда уже давно отгремели последние выстрелы последней мировой войны, время от времени в пустыне у забытого колодца или на обочине караванной тропы раздается взрыв: забытая старая мина или снаряд оборвали жизнь еще одного ливийца.

В годы итальянской оккупации (1912—1943) Ливия потеряла 750 тыс. своих жителей—огромное число для страны, население которой сегодня немногим более 3 млн. человек. И все это—результат массовых расстрелов и депортации в Италию, гибели людей в концентрационных лагерях, на минных полях, во время бомбежек и артобстрелов. Правда, размах у дуче был несколько меньше, чем у Гитлера и его сподручных, заливших кровью Европу и Советский Союз. В Триполи создан и работает Центр по изучению борьбы ливийского народа против итальянских оккупантов. Здесь собраны фотографии разрушенных войной городов и сел, массовых казней ливийских патриотов, концентрационных лагерей.

...Уезжаем из Бенгази рано утром. Большой современный город только просыпается. В центре осталось лишь несколько старых зданий да монументальный двухкупольный кафедральный собор, построенный по приказу Муссолини и представляющий собой смесь всех архитектурных стилей. Ведь Бенгази, от которого зависела судьба воюющих армий в Северной Африке, регулярно подвергался бомбардировкам как державами «оси», так и союзниками. Город был превращен в развалины, а порт загроможден затопленными кораблями. Сейчас Бенгази—практически новый город с кварталами современных домов, красивой набережной и

портовым молотом, удобными развязками дорог и целым комплексом университета Гар-Юнис. Небольшой населенный пункт, принадлежащий ранее арабскому племени бенгази, превратился в центр муниципалитета Бенгази, в символ возродившейся Ливии — страны, опаленной зноем пустыни и 30-летней фашистской оккупации.

Отличное шоссе соединяет Бенгази с Триполи. Старая автострада, лихорадочными темпами строившаяся еще итальянцами в 1935—1937 годах, была разбита и разрушена гусеницами танков и артобстрелами. Быстро минуем города Аждабия, Мерса-Брега, Рас-Лануф. К двум последним выходят нефте- и газопроводы от нефтяных полей в Ливийской пустыне. Мерса-Брега — нефтеналивной порт, в Рас-Лануфе недавно построен большой нефтеперегонный завод. Около этих городов полотно дороги расширяется и превращается в посадочную полосу для небольших самолетов, которыми пользуется администрация иностранных нефтяных компаний, порта и нефтеперерабатывающего завода.

В месте, где до Мисураты остается 140 км, от автострады почти под прямым углом отходит отрезок старой дороги. Выхожу из машины. На обочине у поворота лежат покореженные автомашины, не вписавшиеся в него на большой скорости. Внизу, под откосом, — старые, полуразрушенные итальянские казармы, подходящие к дороге. Другие постройки, тоже разрушенные, видны вдалеке, у берега моря. Колючая проволока и спираль Бруно с мелкими в виде топориков ножами, названная по имени итальянского изобретателя времен первой мировой войны, говорят о том, что здесь находился военный пост. Бродя среди построек, оккупированных сегодня голубями и воробьями, нахожу позеленевшую гильзу винтовочного патрона. Затем еще одну — от пистолетного патрона. Видно, здесь шли бои. Кто кого атаковал? Кто прятался за дьявольским изобретением инженера Бруно? Солдаты оккупационной итальянской армии или изнывающие от жары солдаты генерала Роммеля? Строители новой автострады обошли опасный участок и выпрямили трассу. И сейчас этот кусок старой дороги с разрушенными казармами и колючей проволокой остался музеем бессмысленной бойни под африканским небом, кровавой страницей в истории ливийского народа.

БУ-НУГЕЙМ, ИЛИ ЛЮБИТЕЛЬСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

На середине пути от Мисураты до оазиса Джофра находится небольшой оазис Бу-Нугейм (Бу-Иджем) — всего несколько десятков пальм и колодцев, бассейны, представляющие собой зацементированные корыта, куда заливается солоноватая вода для овец и верблюдов. Слева по движению расположены несколько одноэтажных домиков и мечеть с остроконечным минаретом, справа — бензоколонка и ремонтные мастерские. Типичная караванная станция в пустыне. Только теперь верблюдов заменили автомашины, а узкую тропу через устланную камнями пустыню — широкая автострада, построенная западногерманской фирмой «Бельфингер — Бергер».

Скорость движения на дороге ограничена. Зеленые щиты у обочины определяют максимальную скорость для всех видов транспорта: для легковых автомашин — 100 километров в час, автобусов — 80, грузовиков — 60 километров в час. Скоростной ездой в Ливии лучше не увлекаться, ибо все нарушители наказываются большими штрафами или даже подвергаются тюремному заключению. Но борются здесь с превышением скорости не только штрафами и тюрьмой. Весьма красноречивы, например, такие плакаты на ливийских дорогах: «Отец! Не спеши! Я терпеливо жду тебя дома!» или: «Не спеши! Смерть все равно быстрее!»

При выезде из Бу-Нугейма в сторону Джофры стоит развалившийся итальянский форт — сложенное в виде каре сооружение высотой в три человеческих роста с казармой для солдат, кельями для офицеров и с водонапорной башней в центре. У современных решетчатых металлических ворот — серая вывеска: «Форт капитана Мандато, 1929». Кто такой капитан Мандато и почему его именем назван этот форт, находящийся в 200 километрах от побережья? Скорее всего какой-нибудь итальянский вояка, который стоял с гарнизоном в Бу-Нугейме и был сражен во время карательной операции пуль ливийского патриота. 1929 год был как раз временем активной колонизации Ливии итальянскими фашистами.

Брожу по брошенному, полуразрушенному форту. Деревянные двери в комнатах офицеров выбиты. В одной из них сложены мешки с окаменевшим цементом с фабричной маркой «Цементный завод города Хомс, Ливия». Замечаю подновленные ступени лестницы, ведущей к верхним амбразурам. Вот для чего, вероятно, понадобился цемент. Лестница, как и стены форта, сложена из светло-серого и желтого песчаника.

В одном из больших сараев, прямо у входа в него, лежит груда керамических черепков, в том числе горлышки и ручки от сосудов, нижняя массивная часть грубых амфор, похожая на головку большого артиллерийского снаряда. К металлическому шесту прикреплена табличка «Археологическая зона». Неужели осколки от старых амфор дали повод назвать итальянский форт археологической зоной? Я тщательно осматриваю черепки, чтобы найти хоть одну буковку, по которой можно было бы определить их возраст. Но все напрасно. Может быть, вывеска относится к самому форту и керамические обломки представляют собой осколки современных «зиров» — кувшинов для хранения масла и воды?

Теперь я уже заглядываю в каждую комнату, шарю глазами по полу в надежде найти какой-либо интересный предмет. Во многих офицерских кельях и в солдатской казарме — сугробы желтого песка. В центре водонапорной башни — овечий помет; сюда на ночь, видимо, загоняли овец. Кто-то из моих спутников поднимает позеленевшую гильзу от винтовочного патрона и раздавленную пластмассовую пуговицу.

В одной из комнат валяются пустые рваные коробки с надписями по-французски: «Итальянские экспонаты», «Осколки амфор», «Геологические курьезы». Но коробки пусты, в комнате вроде ничего больше нет, кроме кучи песка. Вдруг нахожу кусочек кремня. Может быть, это и есть «геологический курьез», а сваленные в кучу обломки амфор в сарае — те самые амфоры, которые были обнаружены и упакованы в коробки? Но почему надписи на французском языке? И почему содержимого коробок нет, а сами коробки оставлены? У меня такое впечатление, будто школьники со своим учителем собирали экспонаты для краеведческого музея и наиболее интересные из них взяли в школу, а все остальное за ненадобностью бросили в сарае и этой комнате старого итальянского форта, названного именем забытого капитана Мандато.

Новая дорога, идущая от побережья Средиземного моря через оазис Джофра в город Себху, считающийся центром ливийской Сахары, построена вдоль старого

узкого шоссе. Через каждые 50—60 километров у старого шоссе стоит постоянный двор — «хана» — одноэтажное здание в виде буквы «П» с короткими крыльями. Сейчас эти здания почти разрушены, стены исписаны именами и датами: дурная привычка туристов оставлять свои следы докатилась и сюда, до границ великой африканской пустыни.

В Ливии представлены три классических вида пустынь Сахары, которые различаются по рельефу и поверхности и поэтому имеют разные названия. Щебнистые пустыни (о них уже говорилось) — это хамада. На карте страны есть Хамада-эль-Хамра и Хамада-Тингерт. Галечниковые пустыни называются «реги», а глинистые — «серир». Последних особенно много на территории Ливии: Серир-Каланшо на востоке страны, Серир-Киapo на юго-востоке, Серир-Тибести на юге, Серир-эль-Каттуа в центре и др. Возникновение глинистых пустынь не случайно. Примерно 300 млн. лет назад на территории сегодняшней Ливии плескалось Палеосахарское море, в которое впадала нынешняя река Нигер. Его наибольшие глубины приходились на северо-восточные районы страны, а в Джoffre находился один из его мелководных заливов.

В алжирской и ливийской Сахаре пески занимают пятую часть площади. Песчаные массивы в пустынях связаны с понижениями рельефа. Они называются «эрг», и на картах Северной Африки мы встречаем Большой Восточный Эрг (Алжир, Тунис), Большой Западный Эрг (Алжир). Однако в самой Ливии прострaнства, занятые песками, именуются просто «рамлет» — «пески» (например, Рамлет-Каланшо) или «идехан» — «впадина» (например, Идехан-Мурзук и Идехан-Убари).

Слева вдоль дороги бегут две линии электропередачи, а за ними поднимается безымянная гряда барханов чистого темно-желтого песка. Эти барханы высотой около 100 метров, как театральная декорация на заднем плане сцены, служат фоном для пирамидальных ажурных опор электропередачи и отдельных деревьев. За песчаной грядой темнеют горы. Низкие места густо усыпаны щебенкой, как будто недавно прошел каменный дождь. Там, где близко к поверхности подходят соленые подпочвенные воды, зеленеют кустики солянок. Самые смелые растения подбираются к подножию песчаных гор.

Встречные машины попадаются редко, но чувство заброшенности, одиночества совсем не ощущается. Через каждые 17—20 километров стоят ретрансляционные телебашни с двумя антенными дисками и неболь-

шой пристройкой внизу, где находятся дизель-генератор и комната для обслуживающего персонала. На обочину съехало несколько грузовиков с большими прицепами, которые забиты стоящими в них овцами. На высоком бархане замечаю темные вертикальные черточки и не могу не удивиться силе природы, позволившей деревьям вскарабкаться на гребень песчаной горы. Вдруг вижу, что черточки движутся, а внизу зеркальными окнами поблескивает большой туристический автобус.

В оазисе Джофра находятся три населенных пункта: Хун, Сокна и Уаддан, с которыми мы ознакомились за несколько дней, проезжая из города в город. Самый большой из них — Хун. Это административный центр муниципалитета Джофра, и сюда недавно по решению руководства Ливии переведены государственные учреждения. Мы получили представление об этом городке, покрутив по его улицам с небольшими административными зданиями и строящимися домами. Всюду — финиковые пальмы. Прямо за городом разбиты небольшие участки новых посадок этих пальм. Я видел, как на одном из них хлопотал хозяин: с небольшого грузовичка он бережно снимал замотанные в сырую мешковину саженцы и аккуратно опускал их в полуметровую яму. Это было в конце ноября — самое подходящее время для посадок.

В Сокне нас подвезли к небольшому саду, где росли пальмы, апельсиновые и лимонные деревья. Сделанная из тростника и досок беседка на бетонном постаменте была увита душистым арабским жасмином и бугенвиллеей. В Сокне создан крестьянский кооператив, который выращивает салат, картофель, лук, помидоры и другие овощи для местных жителей и работающих здесь иностранцев. А последних здесь немало: югославы тянут линию электропередачи, голландцы строят дороги, болгары и пакистанцы сооружают жилые дома. И кооператив всех снабжает свежими овощами. Лёссовые красноземы довольно плодородны, а пресная вода в 50 пробуренных скважинах находится на глубине 280—350 метров.

Главная проблема здесь — нехватка рабочих рук для обработки земли и сбора урожая. Работа на земле в арабских странах всегда считалась, говоря современным языком, непрестижным занятием по сравнению со службой в армии или торговлей. Ливия в этом отношении не является исключением, и поэтому заставить новое поколение ливийцев работать на земле, особенно в таких отдаленных от больших городов и культурных центров районах, как Джофра, довольно трудно. Тем

более что грамотные люди нужны и в армии, и на современных промышленных предприятиях, и в учреждениях. Вот почему среди крестьян, которых мы увидели в этом саду, было несколько египтян, которые прибыли сюда по контракту. Правда, египтяне собирались уезжать: ливийские власти запретили перевод денег за границу, тем самым лишив иностранных рабочих главного стимула их труда здесь, вдали от родины.

Минуем Хун и выскакиваем на прямую дорогу, ведущую к темнеющим на горизонте горам. Едем по огромной, диаметром 50—60 километров, котловине, которая со всех сторон обрамлена темной рамкой гор. Эта котловина, видимо, была также заливом древнего моря, так как отметки высот здесь небольшие и лишь в долине видны невысокие горы. Но, судя по всему, в формировании рельефа принял участие и древний вулкан.

Город Хун расположен на сбросе. 25—35 млн. лет назад почва опустилась в результате землетрясения, и в образовавшиеся по краям сброса трещины хлынула лава. Но излияния лавы закончились, и многочисленные реки и ручьи завершили формирование рельефа Джофры, заполнив глубокий котлован осадочными породами, глиной и песком.

Действия прежнего вулкана видны повсеместно. Отличная дорога до Себхи, построенная голландской фирмой «Интербетон», втягивается в ущелье, и нашему взору открываются склоны гор, сплошь усыпанные базальтовыми валунами. Пройдя по этому черному плоскогорью, можно четко увидеть, как время и природа раскалывали черный базальтовый панцирь, которым вулкан покрыл окрестные холмы. Вот большая глыба, на две трети сидящая в красной земле, жирно блестит на ярком африканском солнце. Кажется, пройдут еще миллионы лет, а эта глыба твердого базальта с порфировой структурой так и будет сидеть в земле, символизируя извечную силу и прочность камня. Но вот другое поле. Здесь базальтовые плиты пошли трещинами. В некоторые трещины уже нанесло земли, и кое-где торчит сухая былинка. Чуть дальше видны глыбы, распавшиеся на отдельные камни: приютившиеся в них растения, редкие дожди и утренняя роса зимой, перепады температуры с $+50^{\circ}\text{C}$ летом до $-1-2^{\circ}\text{C}$ зимой сделали свое разрушительное дело. На десятки километров от кратера вулкана протянулись лавовые поля, давшие название этим невысоким горам — Джебель-эс-Сода (Черные горы). На редкость унылый вид! И даже небольшой хохлатый жаворонок, смело севший на

капот нашей автомашины, был в черном оперении с двумя белыми отметинами на хвосте и хохолке.

Если есть горы, то должны быть и долины, или сухие русла (вади), наполняемые водой во время дождей. Действительно, с черных холмов открывается вид на долины с наносной, серой от базальта и красной от присутствия окислов железа почвой. Они заросли верблюжьей колючкой, ползучими плетями диких арбузов (колоквинтов) и колючей акацией с парными шипами. По долинам бродят верблюды, обгладывая кусты солянок и оставляя рыжую свалявшуюся шерсть на иголках акации.

Когда идет дождь, вади наполняются водой, которая стоит два-три дня, пока не впитается в почву и не испарится на солнце. Дожди скорые, ливневого характера случаются зимой. Иногда за один-два часа такого ливня может выпасть годовое количество осадков. Тогда дождевые потоки, увлекая огромные камни с гор, бегут по руслу, затопляя низины между гор, размывая дороги и фундаменты строений.

Дождь здесь опасен еще и потому, что в почве много растворенного в присоленной воде гипса, по запасам которого Ливия находится на одном из первых мест в мире. Его разновидности—атласный шпат с шелковистым блеском и снежно-белый алебастр—сверкают на необработанных участках в оазисе Джофра, серой пеной вспучиваются по обочинам дорог, белыми пластами проглядывают на обвалах дренажных каналов, отводящих подпочвенную соленую воду с орошаемых полей.

В Джофре вода залегает в разных горизонтах. В первом горизонте, на глубине 20—30 метров и выше, находится соленая вода с большой примесью кальция; ниже, на уровне 110—250 метров,—прокладка пресной воды, используемой для орошения, и дальше—опять соленая вода. Летом при обильном орошении подпочвенная вода поднимается вверх и засаливает почву, если нет дренажной системы. Один из таких дренажных каналов мы видели около крестьянского кооператива в Сокне. Но вырыть канал и спустить в него воду еще не все. Через год канал даже с соленой водой зарастает таким густым камышом, что зеркала воды совсем не видно. В этих зарослях прячутся прилетающие из наших широт дикие утки. Для очистки каналов пригоняют мощные экскаваторы и канавокопатели, но через год-два такую очистку следует повторить.

Доехав до голубого щита «252 километра до города Себха», разворачиваемся и возвращаемся в оазис Джофра. Серая лента дороги шуршит под колесами,

скорость совсем не чувствуется, и хочется все больше и больше давить на акселератор. Но спешить не следует: 100 километров в час — предел на этой дороге для легковой автомашины, и не следует испытывать судьбу. На обочинах то тут, то там попадаются клочья черных автомобильных покрышек, которые лопнули с пушечным выстрелом, не выдержав скорости, весовой нагрузки и температуры.

Уже перед спуском на равнину замечаю небольшую долину и у самой обочины выложенный камнем сруб колодца. Вокруг него — десяток занесенных песком финиковых пальм, несколько эвкалиптов и три разрушенные крестьянские лачуги. Это вчерашний день ливийского крестьянина. Сейчас он перебрался в Сокну или Хун, где трудится на плодородной земле в кооперативе и живет в построенном за счет государства двухэтажном доме, выполняя пусть не престижную, но очень нужную для страны работу.

В Джофре мы встречались с советскими специалистами и беседовали с представителями местных властей. Последние с искренним сожалением говорили о том, что советские люди и ливийцы мало общаются и поэтому мало знают друг о друге. Уезжал я с подарками. Работавший в Джофре В. В. Бородавченко подарил мне сделанную из белого мелкозернистого гипса головку женщины. Он никогда не занимался скульптурой, но появился под рукой материал, свободное время и желание — и человек раскрылся. В чемодане у меня другой подарок — гипсовый «гриб». В результате испарения насыщенной сульфатами воды в сухих, или аридных, зонах, в которую входит и Джофра, образуется не только волокнистый и кристаллический гипс, но и его натечные формы. Поэтому в некоторых местах здесь можно найти вот такие «грибы» со светлорыжевой ножкой и более темной шляпкой, а также конусы, лепешки со щетиной кристаллов и другие формы гипса.

Увожу с собой также кусок металлической трубы диаметром 50 миллиметров. Почти все ее свободное пространство забито серо-розовой твердой массой с разводами, осталось лишь узенькое отверстие посередине, в которое с трудом можно просунуть обыкновенный карандаш. Это тоже местная достопримечательность, подаренная мне советскими специалистами. Дело в том, что здесь с глубины 1,5 тыс. метров для технических нужд поступает горячая, 65-градусная вода с большим содержанием кальция, который и осаждается на стенках трубы. «Моя» труба была забита всего за два месяца.

Уже сидя в машине—мы едем из Джофры в Мисурату—и перебирая в памяти некоторые факты советско-ливийского сотрудничества, вдруг ловлю себя на мысли о том, что, когда я был в форте Мандато, у меня перед глазами мелькнуло что-то, что не задержало моего внимания. Прошу своих спутников затормозить у форта Мандато. Прохожу через открытые металлические ворота и вновь брожу по комнатам, засыпанным песком. Иду в сарай с керамическими осколками. Нет, не здесь. Рядом с водонапорной башней замечаю невысокую серую колонну, которая при ближайшем рассмотрении оказывается сделанной из низкосортного мрамора и вполне могла бы быть элементом украшения какого-либо древнего сооружения. Нет, не это. Захожу в комнату, где валяются рваные картонные коробки, и останавливаюсь пораженный. Ну да, конечно: на коробках не только надписи, которые я запомнил, но и какие-то цифры, карандашные и чернильные пометки! Лихорадочно сгребаю коробки, читаю на одной из них: «Архив Бу-Нугейм. 1968 год от 1—15, в 24—34» и немного ниже: «Зона И-22». Другая коробка: «Поселение у большой расселины». Еще одна: «Плошка с внутренним рисунком, тонкий верхний слой. Наклон внешний». На всех этих коробках обязательно встречается код И-22, который, видимо, означает район работ. Остальные цифры я не могу расшифровать.

После вторичного осмотра форта моя задача упростилась. Сейчас можно почти с уверенностью сказать, что в 1968 году здесь, в оазисе Бу-Нугейм, работала французская археологическая экспедиция. Обнаруженные предметы складывались в картонные коробки. Попутно собирались находки геологического характера и предметы, относящиеся к недавнему историческому прошлому. Мраморную колонну, как нехарактерную для изучаемого периода, бросили за ненадобностью. На раскопках установили шест с табличкой: «Археологическая зона». Сам форт был немного отремонтирован и превращен в склад найденных предметов. После завершения работ наиболее ценные экспонаты упаковали и отправили для камеральной обработки.

Но сделанное мной открытие требует проверки, и я прошу моих спутников подъехать к большому ангару у бензоколонки, что находится при съезде в Бу-Нугейм. В нем разместился государственный универсальный магазин. Такие магазины, созданные по всей стране, называются «сук шаабий» (народный рынок). Наши специалисты, работающие в Ливии, укоротили неприличное название, превратив его в понятную всем

«шайбу», тем более что здания некоторых магазинов по своей конфигурации напоминают высокую шайбу. Так появились магазины «Шайба на пыли», «Шайба под куполами», «Шайба под флагами» и др.

У входа в магазин на стуле сидит строгий дед в черном пальто. Вокруг толкуются продавцы — ребята 15—16 лет. Покупателей в магазине нет, и лишь один кассир с обреченным видом сидит за кассовым аппаратом, завистливо глядя на своих сверстников.

Кроме продовольственных товаров, предметов повседневного спроса на длинной вешалке висят... белые блейзеры, сшитые в Англии. Зачем они здесь, в пустынном оазисе, где даже в домах постоянная красная пыль? В таком одеянии хорошо «рассекать толпу девушек на танцплощадке», как заметил один мой попутчик.

Разговор со скучающими продавцами завязывается быстро. Да, подтверждают они, это итальянский форт. Да, когда-то давно здесь вели раскопки европейцы, но затем уехали и все забрали с собой. Дед в черном пальто подтверждает все сказанное. На вопрос, где были раскопки, все неопределенно машут в сторону редких пальм, растущих по другую сторону дороги. Нет, в форт ходить нельзя. Они делают круглые глаза и зловещим шепотом рассказывают, что от второй мировой войны там осталось много мин и снарядов и поэтому можно подорваться. По местному телевидению на днях передавали сообщение о том, что в Бенгази на итальянской мине подорвались трое мальчиков. Дикторы предупреждали, чтобы дети не брали в руки неизвестные предметы, не играли в незнакомых и непроверенных местах. Наши собеседники сочли своим долгом предупредить и нас, видимо, в качестве благодарности за то, что мы забрели в их «шайбу» и помогли разговором скрасить длинный день.

В одном из разделов я уже упоминал о том, что ливийский Департамент древностей издает ежегодник «Libya antiqua», в котором на арабском и европейских языках публикуются материалы археологических исследований. Я просмотрел несколько сборников и в одном из них, объединенном номере за 1976—1977 годы, наткнулся на материал о Бу-Нугейме.

Этот город-оазис, лежавший на пути в Феццан (историческая область Ливии), в ходе своего развития неоднократно менял название. Он был то Голайя, то Голас, то Голенсис. Сейчас он именуется Бу-Нугейм, что можно перевести как «место звезды».

Впервые о Бу-Нугейме как археологическом памятнике упоминается в труде английского ученого Р. Гуд-

шильда, опубликованном в 1954 году. В апреле 1967 года здесь начала работать французская археологическая экспедиция. В основе выбора этого места для детальных раскопок были информация Р. Гудшильда, карты аэрофотосъемок, на которых были отлично видны контуры древних сооружений, да несколько римских надписей, осевших в музее города Триполи. Никакими данными о каких-то объектах доримского или послеримского периода ученые не располагали, и поэтому крепость рассматривалась как построенный римскими легионерами военный форт, откуда они уходили в Феццан и куда возвращались на отдых. Вскоре были обнаружены и документальные данные, позволившие, например, назвать точную дату прихода римлян в Бу-Нугейм (примем это современное название для всех исторических периодов) — 24 января 201 года или дату постройки терм — 202-й.

Почему римляне избрали именно эту точку для строительства крепости? По-видимому, важную роль сыграл тот факт, что здесь обитали люди и, следовательно, римляне пришли на обжитое место. На карте римских крепостей в западной части Ливии Бу-Нугейм лежит на одном уровне с крепостями Герия и Кидамус, которые соответствуют нынешним городам Гарьят (южнее Миздры) и Гадамес. Именно эти три города-крепости защищали южную границу римской провинции от нападения местных племен. В 1964 году была обнаружена надпись о том, что крепость Герия, как и Бу-Нугейм, была основана императором Септимием Севером. Стратегические соображения были, видимо, самой существенной причиной выбора этих мест для строительства крепостей.

Вокруг крепости Бу-Нугейм почти не найдено гражданских построек римского периода. А вот в 30 километрах восточнее ее, в местечке Каср-Зерзи, были обнаружены руины самого южного римского города. Причем сейчас эти места — сплошная пустыня, усыпанная мелким щебнем и песком, без единой заметной травинки. Но в I—II веках здесь была другая жизнь, другой растительный и животный мир — полупустынная флора, мелкий рогатый скот и верблюды. Иными словами, здесь существовала экономически развитая цивилизация, которая не могла возникнуть на пустом месте. Она, в свою очередь, выросла из богатого, более древнего слоя. Не случайно главным божеством этого региона был Амон, культ которого был широко распространен от Верхнего Египта до Мавритании. Священным животным Амона считался баран, и он изображался в виде либо человека в короне с двумя высокими

перьями и солнечным диском, либо человека с головой барана. По некоторым источникам, в римский период в Бу-Нугейме был построен храм, посвященный Юпитеру-Амону. Во время раскопок Бу-Нугейма и его окрестностей в 1967 году, особенно тех мест, где проходили старые караванные тропы, было обнаружено много предметов, по времени относящихся к палеолиту. Следовательно, эти районы были уже обитаемы в этот период. И скорее всего Бу-Нугейм служил караванной станцией и местом торговли соседних племен еще до прихода римских легионов.

Материалы упомянутых раскопок позволяют дать беглый набросок повседневной жизни в этом удаленном римском форте. В обнаруженных надписях встречаются имена местных жителей—караванщиков, которые поставляли римлянам зерно и другие продовольственные товары. Это—ливийское имя Ясуктан и пуническое имя Иддибал. Гараманты упоминаются в таком контексте, из которого следует, что это племя в тот период жило в мире с Римской империей. Но население Бу-Нугейма не относилось к гарамантам. Римские легионеры пришли сюда, как уже было упомянуто, 24 января 201 года. Во главе их стоял Юлий Дигн. Оставив на новом месте строительный батальон, они отправились в поход. По прошествии четырех лет, 26 декабря 205 года, легионеры вернулись, о чем свидетельствует благодарственная надпись Юпитеру-Амону. Римляне ремонтировали форт и храм, на стенах которых они делали надписи, рисовали военные упражнения солдат, пальмы и птиц. Из этих надписей и другой информации мы узнаем, что в 225 году был возведен храм, посвященный не главному божеству, а другим богам, что двое солдат посылают в 259 году зерно в Голас, т. е. в Бу-Нугейм, что 25 июля 306 года случилось землетрясение, а 21 июля 365 года—еще одно, более сильное, которое охватило территорию от Восточного Средиземноморья до Нумидии.

Бу-Нугейм продолжал жить и вращаться в орбите римского влияния еще в IV—V столетиях. В это время здесь появляются предметы с христианской символикой, в том числе масляные светильники. Время не отразилось на караванной торговле, которая продолжала процветать. Когда на политической арене Северной Африки появились арабы, Бу-Нугейм почти обезлюдел. Последнее упоминание его относится к 642—643 годам, когда арабы, возглавляемые Бушр бен Аби, обогнули Бу-Нугейм и вышли к городу Уаддан.

С середины XII века до 1819 года Бу-Нугейм был вычеркнут из большой истории. В 1819 году здесь

побывал французский отряд во главе с капитаном Леоном, и Бу-Нугейм стал вновь фигурировать в официальных документах. Старая крепость и храмы лежали в руинах, а в нескольких хижинах, крытых пальмовыми ветвями, обитали нищие караванщики, водившие верблюдов из Фецдана к побережью залива Большой Сирт. И лишь в апреле 1967 года здесь начали работать французские археологи.

Мне симпатичны люди, увлеченные каким-нибудь полезным делом. Сейчас это называется английским словом «хобби» и считается, что каждый человек должен иметь свое хобби. Лично мне больше всего импонирует, когда, скажем, строитель рисует хорошие картины, а художник в свободное время собственноручно мастерит садовый домик. Чем больший диапазон между профессиями, тем сложнее совместить свою специальность и увлечение. Но вместе с тем и интереснее. Такие люди обычно настолько увлечены своим делом, что действуют напористо, бескомпромиссно и нередко наживают себе недоброжелателей даже среди своих сослуживцев и близких друзей. С одним из таких людей я познакомился в уютном поселке советских специалистов, находившемся в 20 километрах от Мисураты. Имя его — Олесь Костенок, по профессии он — повар, а по призванию — археолог.

Во время посещения поселка кто-то сказал мне, что есть у них один чужак, который бродит по пляжу и подбирает разные черепки, зеленые кусочки меди, осколки стекла и все эти предметы называет древними. С этим чужаком, о котором так нелестно отзывались, я поспешил познакомиться и обнаружил в нем, простом парне из Киева, прикоснувшемся к истории во время своего участия в археологических экспедициях, удивительную устремленность что-то познать вот здесь, на месте, в Ливии, что-то открыть, объяснить и еще просветить своих товарищей.

...Сидим с Олесем в его крошечной комнатке, заваленной черепками, осколками масляных ночных светильников и увешанной картонками, на которые приклеены медные гвоздики, осколки тянутого и витого стекла, наверхие бронзового перстня, глиняная печать, подвеска. На столе лежат обливной кирпич — «примфа», кусочки медных монет, бывшие в работе пряслица. Все это собрано Олесем на берегу моря. Он очень гордится почти целым стеклянным пузырьком с темным налетом на донышке, который Олесь собирает-ся исследовать в лаборатории. Скорее всего это какое-то благовоние, по запаху напоминающее мирру.

Такие находки подъемного, как говорят археологи,

материала на побережье Средиземного моря довольно часты и относятся к разным историческим периодам. Финикийцы и древние греки осваивали побережье, приставая к нему на судах, которые передвигались под парусами или шли на веслах, и притом только в светлое время суток. За это время судно проходило 20—25 километров и затем, выбрав удобную гавань, причаливало к берегу для ночлега и отдыха экипажа. Со временем на этом месте оседали люди. Они строили дома, склады, храмы, обводили все это высокой стеной, и получалась транзитная станция-пристань. Именно на побережье, в районе таких станций, можно найти осколки финикийских стеклянных сосудов, горлышки амфор, в которых перевозили зерно, оливковое масло, вино или другие сыпучие и жидкие продукты. Здесь же были и предметы более поздних, римского и мусульманского, периодов. Олесь Костенок просто внимательно смотрел под ноги и поднимал все, что казалось ему интересным. Кстати, такие находки, если, конечно, они не выходят за рамки ординарных, не преследуются законодательством ни одной страны.

Уже будучи в Триполи, я получил из Мисураты письмо от Олесья, которое, как говорят журналисты, позвало меня в дорогу. Его текст, опуская некоторые не относящиеся к делу детали, я привожу ниже:

«Наконец-то дела сдвинулись с мертвой точки... Мы имеем по субботам машину, способную перевезти нашу группу в количестве 10 человек. Сегодня основательно прочесали всю территорию площадки—большое количество подъемного материала... Провели приблизительную съемку местности—привязаться абсолютно не к чему. Разобрали два захоронения: трупоположение восток—запад, они разграблены, костяк нарушен, сохранность ниже средней, находок никаких. Наметился план: начнем со следующей субботы тщательный осмотр одного из 17 домов, который расположен ближе всего к морю. Попытались откопать резную фигурную мраморную колонну диаметром 80 см, углубились на метр—а она все продолжается.

Самое интересное то, что прямо в центре дороги, ведущей к нашей площадке, образовался провал диаметром полтора метра, правильной формы круга. На глубине от поверхности свод округлый, множество лакун с захоронениями детей—костяки визуально просматриваются, но рассыпаются в порошок при прикосновении; вещеположений, по всей видимости, нет. Возле самого провала, в нише, двойное захоронение... Саркофаг сделан из плит песчаника и, что самое потрясающее, сверху был закрыт цельной керамиче-

ской плитой длиной 1,85 м и толщиной 3 см, по краям она тщательно замазана раствором. Плита разбита буквально в мае этого года—в захоронении видны следы лопаты, ножа, молотка, костяк почти полностью уничтожен. Между верхним сводом этого так называемого „некрополя“ и замывами песка—рабочее пространство от 1 м до 30 см. В тупиках везде завалы. Грунт наносный... следов, кроме моих, в глубине нет. По всей видимости, до пола еще около 1—1,5 м, так как ниши и лакуны находятся на разных, хорошо видимых уровнях. Арабы в провал уже сбросили машину мусора, и если так пойдет дальше, то через месяц провала не станет. Усилия обнаружить вход в подземелье успехом не увенчались...

Передаю Вам фрагмент оконного стекла, немного керамики для точного определения времени и обломки монет; к сожалению, только масса обломков на поверхности. Тешу себя мыслью, что все целое и достойное внимания находится в культурном нетронутым слое...».

Уже будучи в Москве и работая над этой книгой, я достал из своего письменного стола небольшой целлофановый пакет с предметами, собранными Олесем на побережье Средиземного моря и подаренными мне. Среди них—два глиняных осколка светильников: на одном изображена гривастая голова льва, на другом—идущая львица или пантера. Это второе изображение на красной обожженной глине очень динамично. У меня такое впечатление, что эти лампы делались поштучно и каждое изображение, будь то лев, пантера или другое животное, исполнялось мастером отдельно.

Среди моей коллекции—пять обточенных рыбьих позвонков, отбеленных морем и солнцем. Они хорошо отполированы и почти невесомы. Скорее всего их использовали в качестве фишек во время какой-нибудь игры вроде современных шашек или нард.

Но больше всего здесь бронзовых предметов: шесть почти целых монет, десять фрагментов монет и кусочек бронзового, небольшого размера кольца. Лучше других сохранилась монета Галлиена, на которой император изображен в характерной для него солнечной короне. На двух других—он же, но в шлеме. Латинские буквы на монетах можно прочитать при достаточном навыке и терпении. Кольцо же интересно прежде всего своей замысловатой квадратной печаткой. Возможно, этим кольцом запечатывались письма или ставилось клеймо, скажем, на каком-нибудь глиняном изделии. Часть этих предметов, которые я получил от Олеса, были найдены им в том самом месте, о котором он писал мне с таким знанием дела.

...Мы с Олесем Костенком выезжаем из Мисураты. Через 40 километров дорога сворачивает к морю, здесь и находится его площадка. Голубой щит указывает, что перед нами — рыболовецкий кооператив Зурейк. Зурейк — небольшая деревня, расположенная на берегу моря. Большое продолговатое помещение капитальной постройки с трубой, несколько домов из кирпича, школа, магазин, как обычно, со скучающим продавцом в дверях — таков сегодня Зурейк. Но мы едем дальше параллельно морю и, миновав несколько домов и зеленых полей, выскакиваем на побережье, замусоренное целлофановыми пакетами и пластмассовыми бутылками из-под жидкого мыла и бытовых химикалий. Выходим из машины, и Олесь с торжественным видом начинает:

— Вот здесь мной открыто несколько ниш с захоронениями, которые мы сейчас и осмотрим.

Спрыгиваем в круглую яму, куда предприимчивый ливиец уже успел сбросить целый самосвал строительного мусора, и Олесь зажигает свечу. В яме в разные стороны расходятся тесные ходы-коридоры. На животе проползаем в наиболее широкий коридор. Олесь показывает могилу, выложенную камнями, и рассказывает, что именно здесь он нашел человеческий скелет, который при прикосновении рассыпался в прах. Никаких украшений или предметов в склепе не обнаружено. Над этой могилой, могилой взрослого человека, находится несколько небольших ячеек, в которых, по словам Олесья, скорее всего были захоронены дети. Ползем дальше, и картина повторяется: склеп взрослого человека, выдолбленный в мягком песчанике, и чуть выше — три-четыре маленькие лакуны (углубления). Олесь утверждает, что это захоронение напоминает захоронения в Киево-Печерской лавре. Я же вспоминаю катакомбы первых христиан в египетской Александрии, хотя маленькие лакуны вокруг могил взрослых вызывают много вопросов.

Выбираемся на чистый воздух и поднимаемся на высокую скалу, обрывающуюся к морю. Скорее всего здесь была одна из стоянок финикийских или греческих мореходов, которая потом была освоена другими поселенцами. Как известно, торговля всегда была двигателем финикийской колонизации. Колонизация развивалась в остром соперничестве не только с греками, но и между самими финикийскими городами на территории Восточного Средиземноморья. Поэтому как в самой Финикии, так и в Северной Африке каждый город представлял собой крепость, причем предпочтение отдавалось морской крепости, построенной на острове

или полуострове, отбитом от материка либо каналом, либо высокой крепостной стеной. В этом отношении образцовым городом считался Тир, основанный на небольшом скалистом острове, который в X столетии до нашей эры усилиями царя Хирама был несколько расширен искусственной насыпью. Тир считался неприступной крепостью. Однако Александр Македонский в 332 году до нашей эры захватил Тир, лишив его единственного преимущества перед большой сухопутной армией: солдаты Александра насыпали дамбу и, соединив остров с сушей, взяли его приступом.

Финикийцы при выборе колоний и строительстве в них крепостей строго следовали принципам сооружения своих основных городов, таких, как Библ, Тир и Сидон. На островках, например, располагались колония Мотия в Сицилии и город Гадир (Гадес) в Испании. На африканском берегу Столпов Мелькарта (финикийское название Гибралтарского пролива, имеющего еще греческое имя—Столпы Геракла и латинское—Геркулесовы Столпы) финикийцы построили город Абила. Следы финикийских сооружений найдены и на марокканском острове Магадор. В этом отношении выбор местоположения Карфагена был весьма удачным: он лежал в углу большого залива и фактически находился на полуострове.

Осмотр городов ливийского побережья подтверждает, что финикийцы и здесь при строительстве своих укреплений соблюдали все необходимые меры предосторожности. Например, Зурейк расположен на высокой скале, три склона которой круто обрываются в море и лишь один, восточный, полого спускается к песчаному пляжу. Здесь, на этом пологом склоне, также находились захоронения.

У финикийцев и у их наследников—карфагенян существовало два вида погребения: сожжение трупов и предание тела земле. Поэтому в финикийских и карфагенских некрополях находят и урны с пеплом, и саркофаги со скелетами, рассыпающимися в прах от прикосновения. До наступления нашей эры был распространен обычай трупосожжения, что связывают с греческим влиянием, а затем, после появления и укрепления христианства в Африке, особенно во II веке, преобладающим стало телозахоронение. Некрополь в Зурейке, по-моему, дает пример того, как постепенно его обитатели переходили от одного вида захоронения к другому.

Традиция захоронения в саркофагах была древнейшей в Финикии и отсюда перешла в финикийские колонии Северной Африки. Финикия славилась своим

лесом — знаменитыми кедрами — важным предметом экспорта в безлесный Египет. Из этого же дерева делались и саркофаги, которые, разумеется, с учетом социального положения покойника покрывались искусной резьбой, приемы которой были перенесены и на камень. У простого финикийца это был просто прямоугольный ящик с крышкой, забитой гвоздями, с ручками из бронзы или железа. Может быть, именно поэтому здесь, в Зурейке, к наиболее частым находкам из бронзы относились разного размера кованые бронзовые гвозди. Ведь некрополь — кладбище, а саркофаг — тот же гроб, на изготовление которого и идут эти гвозди.

Олесь мечтал найти в Зурейке какую-нибудь статуэтку, которая сразу дала бы возможность датировать время захоронения. Но ему не повезло. Его увлечение археологией, чудачество этого повара, к сожалению, не нашло понимания. Сначала у него отняли предоставленную было автомашину, затем ему запретили подбирать черепки, чтобы «не осложнять отношений с ливийскими властями», потом выходить за пределы поселка. А жаль! Мне всегда казалось, что доброжелательное, уважительное отношение к увлеченному человеку, пусть нам непонятному, должно всегда преобладать в нашем обществе. Ведь это те самые чудаки, которые украшают мир!

КАРТИННАЯ ГАЛЕРЕЯ ВАДИ БАРДЖУЖ

Ранним мартовским утром мы выехали из Триполи в большое путешествие по Сахаре. Преодолев почти тысячу километров и проехав через несколько крупных городов, в том числе и Себху, уже под вечер мы прибыли в город Джерму.

От Себхи наша машина шла вдоль вади Хайят. Слева от дороги поднимаются невысокие черные скалы, иногда вплотную приближающиеся к шоссе. Справа, за финиковыми пальмами, в зыбком мареве видны светло-желтые холмы дюн песчаного массива. Это — уже упоминавшаяся «идехан». На языке туарегов «идей ен», от которого произошло арабское «идехан», означает «песчаная пустыня». Между скалами и песками не только проходит хорошая асфальтированная дорога, но и кипит жизнь, которую, находясь в Триполи, трудно было себе представить. Обработанная земля, разбитая на квадраты, обрамленные невысокими бордюрами, засажена кукурузой, африканским просом, овощами. По полям деловито снуют важные голуби, черные скворцы, серые воробьи. В отдельных местах скалы отступают от дороги, и взору открывается высокая стена эвкалиптов, акации и других деревьев. За этой живой стеной на поливных землях раскинулись поля пшеницы и кукурузы. Все это говорит о том, что в наше представление о нынешней Сахаре следует внести серьезные поправки.

Не доехав 5 километров до Джермы, мы остановились на отдых. Желание сфотографироваться на фоне дюн, подходящих здесь близко к шоссе, было так велико, что, загребая буквально килограммы чистого сахарского песка в башмаки, мы пошли искать наиболее удачную точку. Рядом было чье-то поле, где работал дизельный насос, подающий воду для орошения. Стук насоса и птичий гам, шедший из зарослей эвкалипта и пальм, слились в общий шум, далеко разносившийся вокруг. Возвращаясь назад, мы натолкнулись на полуразвалившийся колодец. Дно его было засыпано песком, завалено пустыми пакетами из-под молока и другим мусором.

Значит, до того как были пробурены артезианские скважины, здесь существовали колодцы, которые не только давали воду многочисленным караванам, но и позволяли заниматься земледелием. Наше немудреное предположение позднее подтвердили ливийцы в Триполи, которые сказали, что вади Хайят и следующее за ним вади Ираван были оживленными караванными тропами, известными еще в глубокой древности, причем на всем протяжении многокилометровой дороги были прорыты колодцы.

Еще 15 минут пути—и мы в Джерме. Рабочие турецкой строительной компании завершали дорогу, которая ведет к центру муниципалитета Убари. Мы остановились на территории, где расположилась болгарская организация «Булгаргеомин», которая ведет поиски воды в этом районе Сахары. Чувствуется, что эти люди знают, где искать. В центре небольшого лагеря сооружен плавательный бассейн с пресной водой, вокруг лагеря растут эвкалипты, мимозы, в цветах прячутся небольшие домики. И это в Сахаре!

В этих местах мы оказались не случайно. Интерес к древней цивилизации Африки невольно вызывает в памяти имя древнего народа—гарамантов. Помните описание их у Геродота?

В Национальном атласе Ливии, изданном в 1978 году в Триполи, помещена карта, составленная на основе древнеегипетских документов и посвященная периоду правления основателя XXII (Ливийской) династии, фараона Шешонка I (950—929 годы до нашей эры). В ней названы ливийские племена, жившие к западу от Нила, в том числе мишвиш, занимавшие побережье залива Большой Сирт, а также гараманты, обитавшие к югу от мишвиш.

Кстати, указанное на этой карте место обитания гарамантов совпадает с соответствующим описанием у Геродота. Напомним, что «отец истории» четко относил гарамантов к ливийским племенам.

По мере усыхания Великой пустыни, что связано с отступлением ледников на север к VI тысячелетию до нашей эры, древний человек двинулся в долину Нила. Первым пунктом на этом пути был оазис Эль-Файюм, расположенный в 30 километрах от Нила и 100 километрах на юго-запад от Каира. Уже в период древнего царства здесь появился человек, освоивший плодородную местность. Оазис Эль-Файюм, возможно, явился плацдармом для заселения долины Нила, и около V тысячелетия до нашей эры пришедшие из Сахары люди создали здесь первое государственное образование. Многие ученые идут дальше и считают, что

выходцы из Сахары прошли в Финикию и Месопотамию.

Хотя против этой теории приводится много серьезных аргументов, однако есть факты, свидетельствующие в пользу этого предположения. Например, до сих пор считается, что письменность на нашей планете зародилась в конце IV—начале III тысячелетия до нашей эры в Месопотамии и Египте, причем древнеегипетская письменность появилась на пять веков позже, а еще позднее, в середине II тысячелетия до нашей эры, возникло китайское иероглифическое письмо. Согласно предположению ученых Республики Кот-д'Ивуар (Берег Слоновой Кости), начало письменности положили африканцы около семи тысячелетий назад. В то время африканские племена жили на территории теперешней пустыни Сахары, покрытой густыми тропическими лесами. Проведя сравнительный анализ древнего египетского письма и памятников африканской письменности, сохранившихся на скалах в Сахаре, ученые пришли к выводу, что свою форму записи египтяне заимствовали у африканцев, а не наоборот, как считалось до сих пор.

Многие факты свидетельствуют о тесных связях Сахары и долины Нила в глубокой древности. В Фецане найдены мумии более древние, чем в Египте, а древнеегипетский бог Амон, культ которого был перенесен в долину Нила, родом был из оазиса Сива в Ливийской пустыне. Впоследствии население долины Нила сделало рывок вперед в развитии материальной культуры, а Сахара, иссушаемая безжалостным солнцем, стала объектом культурной экспансии долины Нила. Однако египтяне были скупы на сведения о своих соседях. Больше всего обнаружено упоминаний о Ливии. Первое из них датируется III тысячелетием до нашей эры. А в XV веке до нашей эры, во времена фараона Тутмоса III, говорится об оазисах Ливийской пустыни, жители которых платили дань египетским фараонам. Так, оазисы Харга и Дахла поставляли ко двору фараонов пшеницу, оазис Сива — финики, а вади Натрун — соль.

Отношения Древнего Египта со своими соседями складывались не всегда мирно. Ливийцы нередко нападали на богатую земледельческую долину. Нам известно, что в борьбе с египтянами ливийские племена объединялись с «народом моря». Так египтяне называли племена, которые с материковой Греции и островов Эгейского моря напали на Финикию и Египет. Египетские хроники отмечают, что в военных действиях пришельцы использовали двухколесные боевые повозки. Именно они принесли с собой лошадь и колесницу,

которые впоследствии проникли в глубь Сахары и были изображены на наскальных рисунках Тассили (Тассилин-Аджер)—алжирского плато в центре Великой пустыни. Исследователь этих рисунков Анри Лот отмечает, что изображение лошади появилось около 1200 года до нашей эры. Именно в этот период фараон Рамсес III укрепил египетскую державу и отбросил от своих границ ливийцев и их союзников.

Любопытно отметить, что на рисунках в Тассили лошади, запряженные в боевые колесницы, идут таким шагом, которого в природе нет: они выбрасывают вперед передние ноги, в то время как задние еще не подобраны к брюху. Любопытно и другое—такой неестественный галоп лошадей изображен и на рисунках, найденных на острове Крит.

Подобное совпадение дает повод еще раз упомянуть о прямой связи «народов моря» или одного из племен, входивших в это объединение, с ливийским племенем гарамантов. Аполлоний Родосский в IV песне своей «Аргонавтики» сообщает, что дева Акааллида, дочь критского царя Миноса, носившая в себе плод бога Феба и поселенная отцом в Ливии, родила «славного сына,—все именуют его Гарамантом и Амфитемисом»¹. Именно этот Гарамант—легендарный предок гарамантов—бежал после поражения в битве с египтянами в пустыню и осел в Феццане, дав свое имя уже сложившемуся богатому оазису. Естественно, он принес с собой искусство разведения лошадей и научил использовать этих животных в охоте и боевых действиях.

Уже на карте, относящейся к концу III века до нашей эры и составленной по произведениям древнегреческих историков Диодора Сицилийского и Страбона, в центре территории, населенной гарамантами, обозначена точка—город Гарама. Отсюда на юг, север и восток шли караванные дороги, которые контролировались гарамантами. Древняя Гарама это и есть современная Джерма, где мы и находимся с единственной целью—прикоснуться к цивилизации народа, о котором писал Геродот.

Наскальные рисунки в Сахаре были впервые обнаружены в 1847 году французскими офицерами на алжирском плоскогорье массива Джебель-Ксур. Возле оазиса Туат, на красных скалах песчаника, они увидели изображения охотников с луками и стрелами и зверей, которых в этих местах никто не видел. В Европе никто не обратил внимания на это открытие, и имена этих

¹ Аполлоний Родосский. Аргонавтика. Пер. [с греч.], введ. и примеч. Г. Ф. Церетели. Тб., 1964, с. 285—287.

офицеров — участников военной экспедиции против местного племени — остались неизвестны. Спустя десять лет немецкий историк, филолог, географ-путешественник Генрих Барт увидел наскальные рисунки в одной из долин Феццана. В 1869 году другой немецкий путешественник, Густав Нахтигаль, обнаружил рисунки на скалах нагорья Тибести (на границе Ливии и Чада), а с начала нашего века наскальные рисунки были открыты на плато Тассили, нагорье Ахаггар (Алжир), в Ливийской пустыне и других местах. В известной степени все они были однотипны, изображая, в частности, буйволов, антилоп, охотников, воинов со щитами.

В 1933 году лейтенант французской армии Бренан во время разведывательного похода по вади Джерат и плато Тассили открыл целую галерею в скалистом ущелье. Здесь были слоны, гиппопотамы, носороги и жирафы. Спустя немногим более 20 лет, в 1956 году, Бренан в составе экспедиции Анри Лота отыскал это вади и прошел его насквозь, обнаружив не только целую галерею рисунков, но и забытый мир с финиковыми пальмами и озером, кишевшим рыбой.

Эти находки вызвали сенсацию. Европейцы не предполагали, что скалы враждебной жаркой Сахары испещрены рисунками животных саванны. Гипотеза о том, что Сахара в древности не была пустыней, а имела богатую флору и фауну, получила новое подтверждение. В Ахаггаре была обследована цветочная пыльца, которую искали в различных почвенных слоях. Самый нижний слой (возраст — 8—15 тыс. лет) содержал пыльцу лип и дубов, а в самом верхнем слое (5 тыс. лет) обнаружена пыльца оливковых деревьев и кипарисов.

Экспедиция Лота, самая богатая по количеству обнаруженных памятников — 1934 единицы, датировала рисунки Тамрита на плато Тассили периодом раннего неолита, т. е. 8000—6000 годами до нашей эры. Этот период Лот назвал «периодом охотников» или «периодом буйволов», а следующий за этим отрезок времени (6000—1200 годы до нашей эры) — «скотоводческим», где любимым объектом изображения был бык, а также целые стада с пастухами. Первобытные художники с большим мастерством выписывали рога, уши, копыта и хвосты быка, которого использовали даже для верховой езды, причем женщины ездили, занимая место сзади мужчины. На рисунках изображены и некоторые бытовые детали: конусообразная хижина, женщина, растирающая зерно на каменной зернотерке, и др. Особенно поразило Лота различие физических типов,

среди которых были негроиды и европеиды, а также разнообразие одежды.

Все рисунки Тассили, положившие начало серьезному исследованию наскальных надписей Сахары, были нанесены на пористой скальной породе красящей пастой, в которую добавлялись молоко и растительный клей. Краска становилась водонепроницаемой, и ее можно было освежить мокрой губкой, не опасаясь испортить картину, написанную много тысяч лет назад.

В Западной Европе, США и у нас изданы красочные альбомы и фундаментальные работы по наскальным рисункам Сахары. Но когда нам предложили посмотреть подобные рисунки в вади Барджуж — они открыты лишь в 1975 году, и самые старые из них датируются IX веком до нашей эры, — я был просто счастлив.

Вади Барджуж находится в 35 километрах на юго-восток от Джермы. Однако проехать туда на обычных автомашинах невозможно, а идти пешком под солнцем в течение дня нам не советуют. Да и наши провожатые не знают туда пешей дороги, однако они берутся в течение дня доставить нас на подходящем транспорте туда и обратно. Мы соглашаемся и отправляемся в путь.

Два японских вездехода стоят перед конторой «Булгаргеомина», и главный инженер болгарской фирмы Рони уверенно берет в свои руки руководство нашей маленькой экспедицией. Он здесь работает несколько лет, руководит буровыми работами и по долгу службы объездил всю округу. Он знает дорогу к галерее наскальных рисунков и даже находится в дружеских отношениях с полицейскими, которые несут службу в небольшом вагончике недалеко от вади. В этом районе, по-видимому, когда-то был населенный пункт, поскольку это место кроме вади Барджуж имеет еще и другое название — город Мутхандуш, который, естественно, охраняется государством. Но полицейский пост с радиофицированными автомашинами поставлен здесь не столько охранять древности, сколько оказывать помощь заблудившимся людям. Раньше, когда люди передвигались на верблюдах и делали дневные переходы по проторенным тропам, уход и приход каждого каравана был, как говорится, на виду. Сейчас люди стали самонадеянны и нередко, вскочив в автомашину, едут на прогулку по Сахаре или на пикник. Машины ломаются, вязнут в песке, и туристы, отправившиеся, можно сказать, куда глаза глядят и часто подальше от таких же, как и они, любителей, остаются одни в пустыне — без воды, пищи и средств связи. И тогда начинаются поиски этих горе-путешественников с по-

мощью самолетов и вертолетов, которые, обнаружив их, сообщают об этом на ближайший полицейский пост. Иными словами, ливийские полицейские, с которыми нам предстоит познакомиться, охраняют пустыню и работают спасателями.

Отличное шоссе ведет в сторону государственной фермы Магнуса. Здесь специалисты США, а после их ухода канадцы выращивают на поливных землях пшеницу. Обработанные площади разбиты на огромные круги. В центре каждого из них пробурена скважина, и к ней прикреплен поливной агрегат, который, перемещаясь по часовой стрелке, поливает высаженные растения. Интересно видеть огромные зеленые круги и радугу, образующуюся от брызг поливной установки. Хозяйство ведется на современном уровне. На полосе грунтового аэродрома стоит небольшой самолет, который обрабатывает поля химикалиями. Ферма Магнуса считается одним из ведущих государственных хозяйств. Всего в Фецане на конец 70-х годов осваивалось 3,7 тыс. гектаров. В 1986 году было решено задействовать только на этой ферме 2,7 тыс. гектаров. Большие запасы подземных вод делают эти планы реальностью.

Рони отлично знает ситуацию в районе. По его словам, вода находится неглубоко. Есть древние колодцы, которыми пользовались бедуины, глубиной 30—50 или 70 метров. Но лучшую воду берут сегодня с глубины 150, 200 или 600—700 метров. Я вспоминаю, что в центре Сахары находится крупнейший на земном шаре артезианский бассейн. Фецанской чашей именуют другой артезианский бассейн—с тремя горизонтами, причем уровень залегания этих вод в районе городов Убари и Себха составляет 100—200 метров. Мне приходит на память информация из ливийских органов печати о восточной части Сахары. Отсюда планируется перебрасывать по искусственному водоводу диаметром 4 метра на побережье залива Большой Сирт пресную воду для растущих городов и для орошения. Так что Сахара не так уж безводна, как мы себе ее представляем. Правда, добыть эту воду довольно трудно, но с развитием техники эта проблема вполне разрешима.

Проехав километров тридцать, упираемся в небольшой вагончик полицейских. Возле него стоят два мощных легковых вездехода тоже японского производства, с длинными, десятиметровыми антеннами. Здесь же находятся большая, снятая с автомашины цистерна для питьевой воды, огромный шпиль антенны стационарной станции и несколько овец в небольшом загоне. Ставим в известность полицейских о нашей поездке в

вади Барджуж и договариваемся, что, если мы не проскочим мимо их домика в 15.00, они дадут сигнал тревоги и начнут нас искать. Все обговорено, и мы едем дальше.

Проскакиваем мимо больших масляных пятен, брошенных пустых бочек и рваных покрышек от грузовых автомобилей. Это одна из пробуренных и законсервированных скважин на воду. Болгарская и другие компании по указанию ливийских организаций бурят скважины и, дойдя до обильного водного горизонта, консервируют их до лучших времен. Таких скважин в Сахаре много, и при необходимости они могут стать основой развития сельскохозяйственного производства.

На горизонте показывается высокий песчаный откос. Разогнавшись, пытаемся взять этот подъем. Одна машина удачно проскакивает, вторая же останавливается посередине и затем съезжает задом вниз, чтобы попытаться счастье по другой колее. Я сижу в первой машине. Выскочив наверх, мы останавливаемся, чтобы подождать отстающих. Я выбираюсь из автомашины и замираю, пораженный великолепием Великой пустыни. Впереди до самого горизонта раскинулась ровная, как стол, поверхность: ни камня или скалы, ни кустика или дерева. Все пространство—это мелкая красноватая галька на плотном слое крупного золотисто-желтого песка. Песок здесь слежался настолько, что даже сильный ветер не может поднять с поверхности ни одной пылинки. Солнце уже накалило каменистую поверхность, и где-то у горизонта плывет легкий мираж. В небе—ни одной птицы, на земле—ни одной букашечки. Голая, мертвая, прекрасная в своем неповторимом облике галечная пустыня, бывшая несколько миллионов лет назад дном Палеосахарского моря.

Едем еще километров тридцать по этой галечной равнине. Легкий шлейф пыли от взрытой новыми покрышками японского вездехода почвы сильный ветер сносит в сторону так круто, что идущая метрах в двадцати за нами вторая автомашина не попадает в поднятую нами пылевую завесу. Порывы ветра иногда так сильны, что машину сильно кренит в сторону, как будто кто-то сильно бьет в бок кузова.

Как говорят о Сахаре, ветер здесь встает и ложится вместе с солнцем. Это действительно так, и за все время нашего путешествия он сопровождал нас, ибо в Сахаре в каждые сто дней только шесть безветренны. Сильный ветер, неся песок и мелкие частицы гальки, шлифует скалы, придавая им грибовидные или столообразные формы либо превращая их в какие-то фантастические фигуры. Ветер зимой дует в сторону моря и

уносит сахарскую пыль на тысячи километров. Сахарский песок, вынесенный ветром, обнаруживали не только в Италии, но и в Дании, на Островах Зеленого Мыса и острове Барбадос.

Сворачиваем направо и минуем прикрепленную к палке облезлую табличку «Мутхандуш, археологический объект». И тут начинается самая тяжелая часть дороги — по черному вулканическому полю. Здесь некогда действовал вулкан, и лава, выплеснувшаяся из недр земли, залила большое пространство. Под влиянием температурных перепадов сплошная корка лопнула и превратила поле как бы в черную булыжную мостовую, по которой, переваливаясь с бока на бок и скрипя всеми тягами и болтами, наш вездеход медленно движется вперед, к вади Барджуж. Рядом с дорогой, по которой мы едем, вьется пешеходная тропа, и по ней, пожалуй, можно быстрее добраться до цели, чем на транспорте. Скорее всего по этой тропе ходят небольшие караваны верблюдов, поскольку вряд ли кому-либо придет в голову бродить пешком по пустыне почти в 100 километрах от ближайшего населенного пункта.

Черное поле относительно невелико. Примерно в середине его находится небольшая песчаная площадка, свободная от камней. Булыжники же сложены кучками. Мы заспорили об их назначении. Одни считали, что это заслоны от ветра, за которые прячутся бедуины, другие увидели в этих грудах камней что-то вроде могильных памятников. Я склоняюсь ко второму мнению, так как здесь не видно ни следов очага — а какой же бедуин на привале не пьет чай! — ни бытового мусора, верного признака стоянки. Да и пейзаж, мрачный, навевающий тоску и скорбь, вряд ли мог соблазнить бедуинов.

Вади Барджуж открывается внезапно. Пологий склон сбегает вниз в неширокую долину, засыпанную песком. Второй берег вади поднимается отвесной стеной, и, хотя редкие деревья закрывают известняковый пятиметровый склон, под косыми лучами солнца уже просматриваются какие-то рисунки и таинственные знаки. Вот мы и достигли цели нашего путешествия.

Стоянки древнего человека обнаружены в Ливии во многих местах. Среди наиболее известных можно назвать возвышенный берег вади Мардуния (или Бир-Дофан), что находится к востоку от Триполи, и район Ткара на северо-восточном склоне Джебель-эль-Ахдара, расположенный в 60 километрах от Бенгази. Найденные здесь орудия труда относят к наиболее примитивной «культуре голышей или булыжников». Древний человек брал обкатанные рекой голыши и, ударяя их

друг о друга, придавал им форму самого примитивного орудия. Этот период именуется ранним палеолитом. В соседних с Ливией странах—Алжире и Марокко—также открыты стоянки древнего человека, и все предметы обнаружены примерно в одном культурном слое. Иными словами, человек обитал на побережье Северной Африки и в Сахаре более миллиона лет назад.

Начало неолита совпало по времени с приручением животных. Может быть, поэтому основные неолитические стоянки древнего человека отмечены наскальными изображениями, которых особенно много в Фецане и к западу от него, в горных массивах, расположенных близ границы с Алжиром. Во всех этих районах древний художник изобразил предметы своей охоты и окружающую среду обитания. А какие же рисунки меня ждут в вади Барджуж?

Иду вдоль вади, начиная с его верховья. На первой картине вижу реалистическое изображение страуса, рядом—какая-то большая птица, похожая тоже на страуса, а ниже нарисованы две дрофы. Под этими дрофами вижу еще двух страусов, которые вычищены уже после того, как были нанесены рисунки. Дело в том, что все картины наносились в виде контура на известняковой стене вади скорее всего осколком более прочного камня. Бороздки контура имеют разную глубину, но в целом довольно хорошо проработаны. Два страуса первой картины вычищены, вероятно, совсем недавно, с тем чтобы получить четкое изображение на фотографиях. Другие рисунки покрыты пыльным загаром и не тронуты.

Меня все время интересовал вопрос, каким орудием наносил этот контурный рисунок древний художник. В Южном Йемене я посетил город Мукейрас и расположенные по соседству развалины древнего города. Среди огромных плит были и такие, на которых были нанесены крупные буквы хемьяритского алфавита. Эти надписи делались другой, более твердой породой—диоритом, который при расколе дает раковистый излом. Когда каменный резец тупится, его просто выбрасывают, и со временем он превращается в обыкновенный камень. Таким резцом древнего художника в вади Барджуж вполне могли быть черные камни-булыжники с лавового поля. Предположить, что древний художник таскал с собой на перегруженных верблюдах специальные рубила, вряд ли возможно.

Прыгая с камня на камень, я двигаюсь вдоль галереи, протянувшейся почти на 500 метров. Вот изображение быка или буйвола, рядом вижу схематическое изображение человека, ниже—козьи и овечьи. Дру-

гая картина—зебу с горбом на шее и холке и с огромными крутыми рогами. Может быть, этих животных имел в виду Геродот, говоря, что они ходят задом, чтобы не упираться в землю закрученными вперед рогами. На этой же картине помещен большой слон, конец хобота которого отколот явно совсем недавно, и около скола хобота—длинношейий жираф, тело которого разрисовано квадратами.

Таким образом, среди наиболее частых персонажей галерей фигурируют представители африканской фауны—дикой и домашней. К первой можно отнести слонов, жирафов, носорогов, крокодилов, страусов, дроф, ко второй—зебу, овец, коз, ослов. Картины идут вперемежку, на разной высоте, без видимого порядка вплоть до небольшой расселины, которая разделяет вади на две части, причем нижняя часть вади не имеет рисунков, хотя плоских участков стены здесь не меньше, чем в верхней части. Я пытаюсь все-таки понять, почему галерея разместилась только в одной части вади. И вдруг понимаю, что именно там, где растет десяток невысоких деревьев, было самое удобное место для отдыха каравана—людей и верблюдов. И пока с животных снимали поклажу, разводили костры и готовили чай, один из караванщиков, взяв в руки черный камень, царапал на мягком известняке или контур слона либо домашнего животного, или же какие-то знаки.

Дело в том, что некоторые картины сопровождаются непонятными на первый взгляд знаками, которые при ближайшем рассмотрении оказываются буквами туарегского геометрического алфавита тифинаг. Точки, как бы служащие контуром различных фигур, квадрат, треугольник, окружности с точкой в середине и без нее, знак плюс, крест, параллельные линии и др.—все эти знаки в привязке к изображениям, видимо, несут какую-то информацию, интересную или важную для других караванщиков, идущих в том же или противоположном направлении.

Осмотр картинной галереи окончен. Обратный путь домой, как обычно, занимает меньше времени. Мы едем другой дорогой, вдоль линии высоковольтных передач. У первой опоры встречаем полицейского, который мягко, больше для порядка, отчитывает нас за задержку, и мчимся дальше, поднимая клубы пыли, к шоссейной дороге. И вдруг Рони, наш караван-баши, предлагает посмотреть окаменелые деревья. Спускаемся с полотна дороги и упираемся в черный скалистый холм, в расщелинах которого лежит огромный, разбитый на куски ствол ископаемого дерева. На кусках

видна фактура древесины, но это — камни, куски известковых соединений, крепкие, звенящие от удара друг о друга.

Как объясняют геологи, во влажный период, когда Сахара была покрыта лесами, эти деревья падали в вади или мелководные заливы моря и соленых озер и, пропитываясь перенасыщенными известковыми соединениями, превращались в каменные глыбы. Болгарские специалисты говорили, что в Сахаре, в некоторых вади и прилегающих к ним низких участках, они находили целые завалы таких окаменелых деревьев. Куски таких деревьев считаются самым желанным сахарским сувениром, однако их запрещают вывозить из Ливии.

К СОЛЕНОМУ ОЗЕРУ МАНДАРА

Короткое путешествие в вади Барджуж по каменистой и галечной пустыне и черным камням я не посчитал поездкой по Сахаре. В глазах европейца пустыня—это прежде всего желтый песок, дюны, пальмы, т. е. все то, что входит в его представление о пустыне. Наши болгарские друзья согласились удовлетворить мое желание увидеть ту Сахару, которая вызывает у меня жгучее любопытство. На этот раз в нашем распоряжении три вездехода, которые повезут нас к трем соленым озерам.

Со слов арабов я знал, что в пустыне, в районе города Убари, находятся три соленых озера и там живут люди, питающиеся красными рачками, вылавливаемыми из этих озер. Мой интерес к этому сообщению подогревается информацией немецкого журналиста Клауса Полькена, который писал: «До сих пор ничего не известно о происхождении народности дауда, насчитывающей несколько сот человек, живущих на берегах трех маленьких соленых озер на краю эрга Убари. Они подразделены на кланы, другой социальной дифференциации у них не существует. Обычай и нравы дауда сильно отличаются от обычаев и нравов их соседей. Так, наиболее предпочтительная форма брака у дауда — женитьба между детьми братьев. Дауда оседлы, выращивают в небольшом количестве пальмы, разводят скот, однако питаются в основном рачками, которых женщины вылавливают в соленых озерах. Предполагают, что дауда — бывшие рабы, которые здесь осели и в соответствии с местными условиями создали свой собственный жизненный уклад»¹.

Все сходится: три соленых озера в пустыне, красные рачки, которыми питаются жители, Идехан-Убари. Ведь мы — в муниципалитете Убари, и административный центр того же названия находится в 15 минутах езды по дороге, ведущей в город Гат. Более того, палестинец, который работает переводчиком у болгарских специалистов, подтверждает, что жители района озер питаются красными рачками. Правда, форма брака

¹ Полькен К. В плену Сахары. М., 1973, с. 247—248.

меня не удивляет. Это обычный тип кузенного брака (в данном случае, если верить словам К. Полькена,— ортокузенный), характерный для мусульман всех стран.

Выезжаем из Джермы и вновь, как и во время поездки в вади Барджуж, останавливаемся у полицейского поста. Рони заходит к полицейским, объясняет им, куда мы едем и когда следует нас искать. На этот раз контрольное время нашего возвращения—12.00. Стало быть, дорога до трех озер не очень долгая.

Перед нами раскинулся огромный, до полнеба, холм девственно чистого золотистого песка. Прежде чем начать подъем, Рони приказывает уменьшить давление в шинах до 1,5 атмосферы, чтобы машины не зарывались в песок. Пока водители заняты подготовкой автомобилей, я обхожу наш караван и заглядываю через стекло в салоны «джипов», где вижу лишь большие термосы с холодной водой. И никаких припасов! Это уже второе точное свидетельство того, что мы к обеду вернемся на базу.

Пустыня производит на людей разное впечатление—все зависит от характера человека, его настроения, времени года и дня. Но все едины в том, что впечатление от обаяния этого огромного простора остается на всю жизнь как соприкосновение с чем-то бесконечным во времени и пространстве. Русский врач и путешественник А. В. Елисеев—о нем уже неоднократно говорилось в начале книги—считал, что пустыня самое большое впечатление производит на того, кто проведет «в ней лунную ночь, от заката солнца до утренней зари не смыкая очей... Чувство бесконечного охватит его полнее и сильнее, когда он всмотрится яркою лунною ночью в то беспредельное пространство, где утопают горизонты пустыни, озаренные серебристым светом, в ту трепещущую дымку лунного сияния, которым тогда пронизывается все вокруг. Прозрачный, как эфир, как самый свет, чистый воздух пустыни не загрязняется примесями, присущими атмосфере других пространств на земле; он стоит неподвижно, насквозь пронизанный сиянием, и придает блестящий колорит и безжизненным камням, и песку, и всей выжженной поверхности пустыни. Глаз уносится в беспредельную даль, в те светлые сферы, за которыми, кажется, нет ничего, кроме света, а за ним вольною птицею несется и сама мысль, не связанная представлениями о времени и пространстве»².

Путешествовать ночью по Сахаре нельзя, и все мысли о пустыне и ее безбрежных просторах Елисееву

² [Елисеев А. В.] По белу свету. [Т. 3]. СПб., 1896, с. 197—198.

приходили на привалах. Нам же выбирать не приходится. Современные темпы жизни диктуют нам свои условия, к которым мы вынуждены подстраиваться.

И вот мы в пустыне. Каждая машина идет по своей колее. После ночи и слабой росы песок покрыт тонкой плотной корочкой, которая лопается под колесами, и если ехать друг за другом по одной и той же колее, то больше шансов застрять. Поэтому, развернувшись по фронту тремя машинами, мы идем на штурм Сахары. Едем быстро и, перевалив за первый гребень дюны, попадаем в песчаное море, которое гонит свои гигантские волны нам навстречу. От ощущения бескрайнего простора, белого солнца, блеклого, линялого неба захватывает дух. Но на эмоции нет времени, и, выйдя из машины на минутку полюбоваться видом Сахары, мы вновь устремляемся вперед.

По распадкам между песчаными дюнами мы разгоняемся для очередного рывка вперед. Один из таких рывков чуть не оканчивается катастрофой. Первая машина выскочила с разгону на гребень, который круто обрывается вниз. Если бы водитель не затормозил вовремя, машина определенно завалилась бы вниз, а вытащить ее оттуда практически невозможно. Мы сверху смотрим на дно зажатого высокими, почти отвесными стенами песчаного котлована, из которого трудно выбраться по сыпучему песку даже человеку, не говоря уже об автомашине.

Этот эпизод несколько сбивает лихачество наших водителей, и теперь они более осторожно выбирают дорогу между дюнами. Через полчаса быстрой езды на горизонте показались две одинокие пальмы и утоптанная автомашинами и людьми площадка. Скорее всего это небольшая станция для отдыха караванов. Живая пальма свидетельствует о том, что вода близка от поверхности. Наши водители заметно веселеют: значит, едем правильно и скоро будем на месте. Их настроение передается и всем остальным.

Переваливаем через очередной песчаный холм. Перед нами открывается уютный оазис, разумеется, с финиковыми пальмами. Еще несколько минут — и мы въезжаем в центр оазиса. Вокруг крошечной площади стоит несколько домов — школа, магазин и небольшая кофейня, где собираются местные жители.

Селение называется Мандара. Здесь, вокруг мелководного соленого озера, живет около 400 человек. Его зеркало свинцово блестит в нескольких десятках метров от нас, и мне не терпится увидеть этих красных рачков, которыми питаются местные жители.

В деревенской школе учатся 60 мальчиков и дево-

чек. Дети — светлокожие, без примеси негроидной крови. Они аккуратно одеты. На них — платья, брюки, рубашки, в руках тяжелые сумки. Ребята с любопытством смотрят на иностранцев и своего учителя, который отвечает на наши вопросы. Вряд ли это потомки рабов, осевших в этом оазисе и создавших свой собственный уклад жизни. Учитель, он же директор школы, Али Мухаммед аль-Азхари рассказывает, что сейчас питьевая вода поступает из артезианской скважины, а раньше ее брали из колодцев. Нам обещают их показать. Над некоторыми домами видны телевизионные антенны, и Али подтверждает наше предположение: в деревне есть дизельный движок, который дает электричество по вечерам, а это позволяет смотреть телепередачи из Триполи и Алжира, причем из Алжира эти передачи принимаются лучше, чем из столицы страны.

Идем к озеру Мандара. Оно небольшое, круглое, примерно 500 метров в диаметре. На берегу, заросшем травой, замечаю несколько деревянных форм для изготовления кирпичей. Большинство домов в оазисе сложено из этих кирпичей, в состав которых входит серый озерный ил с переливающимися на солнце соляными кристаллами. Геродот, рассказывая о жителях внутренних районов Ливии, отмечает, что в холмистой песчаной пустыне через каждые десять дней пути встречаются соляные копи и возле них людские поселения. «Жилища всех этих людей строятся из глыб каменной соли. Эта часть Ливии совершенно не орошается дождями, а в случае дождя ведь стены [хижин] из соли не могли бы выдержать. Добываемая там [из земли] соль с виду белого и пурпурного цвета»³. Речь, конечно, идет о кирпичях, которые изготавливались именно в таких формах из озерного ила с большой примесью соли.

Мы спрашиваем, есть ли в озере рыба. Нет, рыбы нет. А водятся красные рачки? Да, водятся, и не колеблясь Али лезет в воду в своих желтых полуботинках. Он стоит к нам спиной, и нам не видно, кого он ловит. Затем Али подходит к нам и, разжимая ладонь, показывает раздавленного красного мотыля. Так вот он, красный рачок. Других здесь не водится. У меня не поворачивается язык спросить, едят ли его местные жители, и так все ясно — не едят. Еще одна легенда про Сахару умирает на наших глазах от соприкосновения с реальностью.

Али ведет нас дальше, к источнику. Проходим мимо крепких финиковых пальм. Мелкие красно-черные пло-

³ Геродот. История в девяти книгах. Л., 1972, с. 234.

ды собраны в кучки. Эти финики идут на корм скоту, а люди их едят если только от голода. Участки обработанной земли отгорожены друг от друга пальмовыми плетнями. Где-то блеют овцы, видны крошечные участки, засаженные клевером, ячменем, кукурузой. Вот и источник. Яма глубиной 5 метров сходит вниз на конус. Внизу кое-где блестит замусоренное финиками и палками зеркало воды. Примерно в 100 метрах отсюда находится второй источник. Есть еще и третий. Сейчас вода из этих источников идет только на орошение.

Скважина за пределами оазиса—мы проезжали мимо бетонной будки, закрывающей скважину,—полностью обеспечивает жителей оазиса хорошей питьевой водой.

Али говорит, что в 2 километрах отсюда расположено другое озеро, более глубокое и красивое. Называют его Умульма (Мать воды). В подтверждение своих слов он рассказал, что несколько лет назад здесь побывала группа французских туристов. Один из них, самый предприимчивый, сделал фотографии, которые продавал как видовые открытки в гостиницах Триполи. От Али мы узнали, что третье озеро тоже существует, но находится далеко, примерно в 40 километрах отсюда.

Озеро Умульма имеет продолговатую форму и высокие берега. В некоторых местах прямо у воды растут пальмы. Стального цвета вода непосредственно переходит в желтый песок пустыни. Создается впечатление какого-то фантастического, инопланетного пейзажа. Жителей вокруг озера нет, и поэтому его берега чисты и не тронуты приметами цивилизации.

Несколько раз в год сюда из Мандары приезжают собрать урожай фиников и обработать новые саженцы. Пресная вода близко, всего в полуметре от поверхности земли. Али подводит нас к саженцам пальм, почти засыпанным песком. Учитель встает на колени перед какой-то ямой глубиной около 70 сантиметров и, выбросив из нее десяток «бадрана» (скарабеев), руками начинает быстро-быстро рыть песок. После нескольких горстей мы видим невероятное: песок прямо на глазах набухает, темнеет, и вода скапливается в небольшом углублении. Я приседаю и, окунув палец в воду, облизываю его, чтобы убедиться, что она пресная, не из соседнего озера.

Этот эпизод, поразивший нас, тем не менее оказался не столь уж необычным. Тот же Елисеев рассказывает, что во время путешествия в Гадамес его караван остановился в котловине Айн-Тайба, около грязного озера, где плавало несколько трупов животных, распространявших вокруг тяжелое зловоние. Однако,

отойдя на несколько десятков метров от этого озерка, трое проводников своими длинными ножами выкопали небольшую ямку, и скоро в нее набралась вода. Профильтрованная через почву, она была приятна на вкус, хотя и имела легкий запах сероводорода⁴.

Видимо, отсутствие людей сделало этот уголок прибежищем для немногочисленных обитателей пустыни. Среди зарослей серыми стрелками мелькают ящерицы, которых здесь называют «сахлия». Большой черный ворон кругами парит над нашими машинами. Али говорит, что к озеру приходят шакалы и пустынные лисы (фенек), а иногда и газели.

Уезжать с озера Умульма, этой сказки наяву, совершенно не хочется. Но наши болгарские проводники нас торопят: к полудню в Сахаре поднимается ветер, метет песчаная поземка, небо затягивается серой пыльной пеленой, скрывающей солнце, и рисковать не стоит.

Святой обычай гостеприимства требует визита в дом учителя. Его небольшая хижина сплетена из пальмовых ветвей и обмазана серым озерным илом. В центре двора, также обнесенного пальмовыми ветвями, стоят хозяйственные постройки. Через небольшое окно со ставнями открывается вид на крутой склон дюны с остовом застрявшей в песке автомашины. Видно, какой-то смельчак пытался съехать к озеру по этому склону и застрял намертво.

Прямо на пол брошено несколько тюфяков, служащих постелью. Здесь же стоят небольшой японский телевизор, радиоприемник и холодильник. Судя по всему, Али холост и женщина не убирает его скромную обитель. Пытаясь хоть как-то навести порядок, он неистово бьет ладонями по матрацам, поднимая тучи красной пыли, которая толстым слоем покрывает его постель. Запыхавшийся парень приносит целый ящик пепси-колы и других напитков. Нам не очень удобно пить эту воду, которая привезена издалека и поэтому стоит, наверно, очень дорого. Али настаивает и побеждает в этом коротком споре:

— Когда я приеду в Джерму или Триполи и приду к вам в гости, то не дотронусь ни до еды, которую вы мне предложите, ни до чая, который вы мне нальете.

Открываем бутылки и пьем прямо из горлышка теплую сладкую воду. Улыбка расплзается на потном лице Али, и мы видим перед собой молодого белозубого парня, весьма довольного встречей, скрасившей его унылое существование в заброшенном сахарском оази-

⁴ [Елисеев А. В.] По белу свету, с. 200.

се. Он сбрасывает пиджак и подсаживается к нам, готовый рассказать о своем житье-бытье здесь, у озера Мандара, в Великой пустыне.

Али работает в деревне уже четыре года. Один раз в год он выезжает в Триполи, два-три раза — в Себху и гораздо чаще — в Джерму. Поездки эти носят деловой характер: то речь идет о бурении артезианской скважины в оазисе, то о присылке учебников для школы, то об устройстве в больницу заболевших жителей и многом-многом другом. Хотя Али формально является только директором школы, он единственный в Мандаре по-настоящему грамотный человек, который и взвалил на свои плечи заботы по разным, далеким от школьных дел проблемам.

Али отшучивается при наших вопросах по поводу его женитьбы. Мы понимаем, что он — туарег и назначен сюда из города Убари и что поэтому найти девушку, которая бы отправилась с ним в Сахару, трудно, а из местных невест в оазисе, по-видимому, в силу племенных традиций и существующих на этот счет предписаний он вряд ли может подобрать себе невесту. Так и остается учитель Али одиноким в своем доме на берегу озера Мандара. Правда, он собирается приехать в Советский Союз: а вдруг ему повезет и он у нас найдет себе невесту? По его словам, у него есть друг, ливийский военный служащий, который после учебы в СССР вернулся на родину с русской женой.

Приближается полдень, и резкий, порывистый ветер с грохотом гоняет по двору пустую консервную банку. Выходим из дома и видим, что песок на дюнной горе, где застряла автомашина, начинает опасно завихряться. Наши провожатые уже волнуются: обратную дорогу будет трудно найти, так как песок занесет огромные «восьмерки», которые мы рисовали автомашинами на ровных пространствах по дороге к озерам. Али тоже смотрит на небо, умиряет консервную банку и даже не уговаривает нас остаться. Всем ясно, что нужно спешить и, если мы не тронемся в обратный путь в ближайшие полчаса, нам придется оставаться до следующего утра.

Наши «джипы» пробиваются назад, в Джерму, сквозь песчаную пургу. «Восьмерки» уже занесены, но водители угадывают путь по каким-то неведомым мне приметам. Видимость очень низкая. (Вспоминаю, что во время пыльной бури в апреле 1979 года в прибрежном районе Мерса-эль-Брега видимость, по данным наших специалистов, составляла всего 50 метров.) Только сейчас, оказавшись в закрытом металлическом кузове японского вездехода, едущего по пустыне, я вдруг

понял, какое значение имеет закрепление движущихся песков, которые наступают на плодородные земли (Северной Африки и ежегодно отбирают у человека тысячи гектаров плодородных земель.

Борьба с этим национальным бедствием ведется в разных странах различными способами. В Ливии предпринимались попытки закрепления песков путем разбрызгивания нефти и ее отходов, однако эти меры не получили широкого развития в силу опасности нарушения экологического равновесия и токсичности нефти. Собственно говоря, закрепление песков осуществляется только на побережье Ливии. Делать это в Сахаре безнадежно.

Как мне стало известно уже в Триполи, для закрепления песков используются псаммофиты (греч. psámmos — «песок», phytón — «растение»), приспособленные к жизни на подвижных песках. Густая сеть полос псаммофитов укрепляет рельеф, задерживает передвижение песка и выдувание почвы. Однако эти заградители эффективны лишь в течение 10—12 лет. Наиболее прочное закрепление песчаных дюн обеспечивается благодаря посадкам различных видов акаций, эвкалиптов и касторового дерева (*Ricinus communis*). В Ливии можно наблюдать, как весной проводится кампания посадок деревьев по всей стране, в которой принимает участие все население. А если попробовать это сделать в Сахаре? Правда, какие-то шаги в этом направлении уже предприняты. Даже ферму Магнуса можно при определенной натяжке рассматривать как шаг к освоению пустыни и задержанию передвижения песков. Все эти мероприятия дóроги, но следует иметь в виду, что здесь есть пресная вода, а это уже многое значит в условиях жаркого климата.

Дорога в Джерму явно затягивается. Один подъем берем с третьего раза, изрядно намучившись с машиной, которая, выскочив на гребень, легла на него брюхом и повисла всеми четырьмя колесами в воздухе. Желтый песок забивает нос, рот, глаза, а мы с остервенением пытаемся поставить злополучный вездеход на колеса. Едем дальше. Вскоре на горизонте появляется темная полоска гор, протянувшихся вдоль шоссейной дороги в Джерму, потом стали различимы опоры электропередачи и финиковые пальмы. Еще несколько минут — теперь мы уже подкачиваем спущенные в начале пути шины.

В предпоследний день пребывания в Джерме нам предстоит посетить по меньшей мере еще три исторических объекта: музей Джермы, некрополь и раскопки цитадели.

Музей расположен в небольшом одноэтажном здании между бензоколонкой и лагерем болгарской фирмы. У входа нас встречает дед в длинном бурнусе. У него седая борода и огромные грубые руки. Пожав протянутую им руку, я чувствую, что этому человеку чаще приходилось держать мотыгу, чем баранку автомобиля или карандаш конторского служащего.

Здание музея имеет вид буквы «Г». В его короткой части собраны предметы, найденные здесь, в районе Джермы, во время раскопок: каменные наконечники стрел и копий, керамические сосуды. В углу строения находится макет круглой могилы с человеческим скелетом. В могиле — несколько глиняных горшков и масляная лампа, которые необходимы были покойнику для путешествия в загробный мир, а также три глиняные амфоры, миски и каменный поднос с четырьмя углублениями для пищи. В длинной части строения на стенах висит несколько картин на исторические темы, под стеклом выставлены наборы средневековых арабских монет. В общем это обыкновенный музей небольшого провинциального арабского городка. Дед еще работает киоскером и продает различные выпуски издаваемой в Триполи «*Libiya antiqua*».

Осматриваем некрополь, где погребены цари и знатные гараманты. Круглые неглубокие ямы некрополя, выложенные камнем, по-видимому, имели такие же примитивные каменные надгробия. Судя по музею и погребению, уровень материальной культуры гарамантов был чрезвычайно низок.

Исследования ученых в последнее время выявили много общего в погребальных обычаях у различных древних ливийских племен. Напомню, что, по свидетельству Геродота, насамоны хоронили умерших в сидячем положении. Когда они давали клятву, упоминая самых доблестных мужей древности, они возлагали руки на их могилы. Они спали на могилах, когда хотели услышать пророчество. По данным итальянского африканиста Аттилио Гаудио, перечисленные выше обычаи сохраняются и у нынешних туарегов: «Их женщины в праздничных одеяниях отправляются к древним „могилам великанов“, молятся определенным духам, а затем ложатся спать, чтобы „узнать во сне о судьбе своих близких“... Оставшийся в пути туарег ложится спать у одной из таких могил и „видит“ во сне, где находятся его товарищи. Другие молятся и спят в круге из камней овальной формы, достигающем 25—45 м в диаметре и окруженном невысокими холмиками из камней»⁵.

⁵ Гаудио А. Цивилизации Сахары. Десять тысячелетий истории, культуры и торговли. 2-е изд. Пер. с франц. М., 1985, с. 26.

Я вспоминаю свою поездку в вади Барджуж и круглую площадку у пешеходной тропы через лавовое море, очищенную от острых черных камней. Ведь все эти камни сложены холмиками. Наверно, это и есть тот самый круг, в котором молятся туареги. К тому же его диаметр, как я себе сейчас представляю, составляет не менее 20 метров.

Могилы гарамантов в районе Джермы содержались чрезвычайно бедно. Однако это племя имело свою аристократию, которая владела драгоценностями. Так, в октябре 1929 года на вершине холма в Уаддане (оазис Джофра) был найден золотой клад весом 3 килограмма: кольца, пряжки, браслеты и маленькие идолы. Некоторые из идолов походили на бородатых божков, которые почитались в странах Средиземноморья около 1000 года до нашей эры. Этот клад показал, что обитатели Сахары имели постоянные контакты с побережьем, откуда к ним поступали не только утварь и оружие, но и дорогие украшения.

Реконструировать повседневную жизнь гарамантов в общих чертах не представляет большого труда благодаря фундаментальным работам, таким, например, как «Туареги Ахаггара» уже знакомого читателю Анри Лота⁶, а также материалам раскопок. Гараманты были известны как грабители. Они совершали набеги в глубь Африки для захвата рабов и на побережье, где грабили финикийские, а затем римские фактории и караваны. У них существовало право политического убежища, и все дезертиры из армий Карфагена и Рима могли найти пристанище в земле этого гостеприимного племени. Правда, среди беглецов встречались и преступники, скрывавшиеся в Сахаре от правосудия. Контролируя караванные пути в Великой пустыне, гараманты по договоренности брали на себя охрану караванов и их владельцев. Некоторые ученые попытались по местонахождению наскальных рисунков обозначить на карте Сахары внутренние пути гарамантов. Например, А. Лот реконструировал дороги гарамантов, которые и сегодня связывают сахарскую глубинку с побережьем Средиземного моря, а также внутренние районы пустыни между собой. По ним и сейчас идут караваны.

Люди этого племени вели полукочевой образ жизни, занимались разведением крупного рогатого скота и овец. Их хижины делались из шкур и быстро разбирались в случае опасности. Единственным видом ремесла у гарамантов было гончарное производство, которым занимались женщины. Сторонники гипотезы о том, что

⁶ Lhote H. Les Touareg du Hoggar. P., 1955.

гараманты были связаны с «народами моря», получили солидную поддержку. Дело в том, что по форме и орнаменту черные и красные сосуды гарамантов сходны с сосудами, известными по раскопкам на островах Крит, Мальта, Сицилия и Сардиния и относящимися к бронзовому веку.

Нравы у гарамантов были весьма свободными. Их женщины пользовались большим уважением. В среде сегодняшних туарегов женщин тоже почитают. Гараманты носили красный плащ с бахромой из козьей кожи, удерживаемый металлической застежкой на левом плече, и чрезвычайно любили украшения из слоновой кости, меди, панциря черепахи и перьев. Сегодняшние туареги, включая мужчин, испытывают безудержную страсть к различным украшениям: серьги, браслеты, различные амулеты в кожаных мешочках или в серебряных пеналах носят как женщины, так и мужчины⁷.

Раскопки в Джерме итальянцы начали вести в 1932 году. Они расчистили могильники и крепость, в центре которой стоял квадратный монумент. Его называют могилой принцессы Луциллы, хотя, по другой версии, это — место захоронения римских купцов, пришедших вместе с легионерами в I веке для завоевания Африки. Дело в том, что монументальность и тяжелые формы дали повод некоторым ученым говорить о том, что памятник несет на себе следы римского влияния.

Римляне в I веке сломали сопротивление гарамантов, которым пришлось принять у себя римских купцов и легионеров. Именно их могилы были обнаружены во время раскопок в Джерме. Гараманты, соприкоснувшись с римской цивилизацией, постепенно перенимали ее достижения. Они стали неплохими строителями, и все их сооружения возводились примерно по одной схеме: фундамент — из обтесанных камней, стены — из глинобитных кирпичей.

Мы убедились в этом, посетив джермскую цитадель. Крепость — небольшая, округлой формы, диаметром примерно 50 метров. 10—12-метровой высоты стены сделаны из сырцового кирпича или утрамбованной глины. На солнце эти стены становятся очень твердыми и при отсутствии дождей сохраняются весьма долго. (Во время поездок по окрестностям Джермы нам не раз показывали такие глинобитные сооружения, подчеркивая, что они очень древние и построены гарамантами.) Перекрытия в крепости были изготовлены из стволов

⁷ Гаудио А. Цивилизации Сахары, с. 28.

пустынной акации. Небольшие сторожевые башни, маленькая площадь, крошечные каморки для обитателей, конюшня на пять-шесть лошадей— вот и весь замок праингеля гарамантов. Вокруг цитадели— кучи серой земли, меж которых поднимаются финиковые пальмы. Часть пальм обуглена, вероятно, от недавнего пожара. Со сторожевой башни видны рельсы, по которым шлозили землю итальянцы во время раскопок.

Появление арабов в Великой пустыне в период мусульманских завоеваний привело к вовлечению Гарамы в орбиту политических связей мусульманского мира. В 665 году завоеватели под командованием Окбы бен Нафи заняли Гараму и обложили ее жителей данью. Любопытно, что арабы брали дань не деньгами или товарами, а чернокожими рабами. Гарамы превращается в Джерму, а ее жители принимают ислам и различные имена: таварга, хэввара, тарака, тарга. Со временем эти названия племен и приняли форму «тарги» (мн. ч. «тавариг») — «туареги». Иными словами, древние гараманты постепенно превратились в современных туарегов Джермы.

Территория, которую занимали древние гараманты и родственные им племена, и территория туарегов в целом совпадают. Лишь небольшие вынужденные изменения произошли в период средних веков: некоторые племена переместились на юг, к Нигеру, другие — на запад Сахары. В XIII веке Джерма, потерявшая уже большую часть своих жителей, подверглась нападению племени тиббу, и потомки гарамантов были вынуждены прибегнуть к помощи марокканского шерифа. Марокканцы оказали помощь и затем основали здесь свою династию. Потомки новых правителей Джермы оставили город и перебрались в Мурзук. В 30-х годах нашего века Джерма влачила жалкое существование. Настолько жалкое, что итальянцы не могли найти рабочих для проведения археологических раскопок.

Однако идея об исторической преемственности гарамантов и туарегов от этого не пострадала. Археологические раскопки и письменные источники приносят все больше фактов о том, что современные туареги являются потомками гарамантов. Правда, есть один факт, который противоречит подобной точке зрения. Туарегов называют «людьми под покрывалом». На это покрывало белого или синего цвета, которое туарег не снимает ни во время еды, ни во время сна, идет полтора метра ткани. Древний же гарамант был одет лишь в короткую тунику из шкуры козы или антилопы и не носил никакого головного убора, хотя и украшал голову страусовыми перьями. Ни финикийцы, ни егип-

тяне, ни римляне не упоминают об этом покрывале или о чем-то подобном, говоря о сахарских племенах. Об этом сообщают лишь арабские завоеватели. Вероятно, это покрывало появилось уже в более позднее время, когда гараманты превратились в туарегов. Некоторые ученые высказывают предположение, что покрывало, хотя и хорошо защищает от солнечных лучей и песка, связано с каким-то магическим обрядом, касающимся рта и сегодня уже забытым. Возможно, этот обычай был каким-то запрещением, табу и не был известен древним гарамантам.

Прежде чем уехать из Джермы, нам предстоит нанести визит мэру города Убари, туарегу по происхождению. Он принимает нас у себя дома без белой чалмы и широкого туарегского плаща — в цивильном платье. Это вполне современный человек, говорящий на хорошем французском языке. У него маленькая бородка и крепкие белые зубы. Сидим в гостевой комнате на полу, и хозяин потчует нас отварной курицей с рисом и бараниной. Все это запивается крепким зеленым чаем, который подают, как и везде в Ливии, в маленьких стаканчиках. Его 14-летний сын иногда выскакивает к женщинам на кухню, чтобы принести нам угощения, чай, холодную воду. Мэр рассказывает об успехах муниципалитета Убари.

Собственно, в этом убеждать нас и не следует. Мы видели великолепные поля зерновых, ухоженные пальмы, десятки скважин на воду, высоковольтные линии электропередачи, отличные дороги и аэродромы.

Сахара, слушаем мы, усилиями ливийского народа втягивается в современную жизнь и хозяйственную деятельность. И вместе с тем туареги стараются сохранять свои уникальные традиции и ремесла. В подтверждение своих слов мэр дарит мне переметную сумку для седла верблюда из раскрашенной кожи, которую сделали туарегские женщины, и зеркальный гарнитур, украшенный разноцветными нитями.

Уже в Москве я разложил свои сахарские трофеи, пытаюсь восстановить картины путешествий в вадии Барджуж и к соленым озерам и даже ощутить те чувства, что я испытывал в то время. Горсть красноватой кремневой гальки завернута в лист бумаги с пометкой «Камни плато Барджуж». Это то самое плато, на которое мы попали после полицейского поста и перед выездом на лавовое поле. Все камни хорошо обкатаны в отличие от камней другой коллекции, завернутой в лист с пометкой «Линия электропередачи плюс вторая остановка». Эти камни взяты на обратном пути, когда мы возвращались в Джерму дальней доро-

гой вдоль линии электропередачи. Это тоже кремни, но не так хорошо обкатанные, имеющие наросты другой породы. Из этих камней хорошо, видимо, делать двухцветные камеи и печати.

Вторая коллекция вызывает у меня в памяти рассказ Рони о туарегах, которые поселились около линии электропередачи и шоссе на Мурзук. Лагерь туарегов — несколько десятков палаток из тряпок, шкур и картона, просвечивающих на солнце, — расположен в 50 метрах от дороги. У некоторых палаток стоят привязанные верблюды или японские вездеходы разного размера. В 200 метрах от лагеря пустует новый поселок одноэтажных домиков из сборного железобетона, построенный местными властями и переданный безвозмездно этой группе туарегов. По словам Рони, они отказываются жить в этих домах, предпочитая свои рваные палатки. Правда, они согласились, чтобы власти провели им водопровод от артезианской скважины, пробуренной в поселке. Вспоминаю туарегских женщин, идущих за водой к водопроводному крану, установленному в центре палаточного лагеря, и тревожный шепот Рони, предупреждающий о том, что пользоваться фотоаппаратом нельзя — могут быть неприятности.

Извлекаю из своей коллекции большой кусок кремня, помеченный буквами «В. Б. 19.3.86». Это значит, что он подобран в вади Барджуж 19 марта 1986 года. Мне кажется, он напоминает какой-то древний скребок, явно бывший в употреблении. Острые углы его затуплены, но он очень удобно укладывается в моей руке, и мне почему-то делается тепло на сердце от сознания, что, так же как и я, этот камень мог держать сахарский гарамант или насамон несколько тысячелетий тому назад.

А вот еще два кремневых осколка и два кусочка черной и красной керамики. Где я их подобрал, у меня не помечено, но привезены они из Джермы, это я знаю точно.

Среди бумаг с путевыми заметками нахожу программу поездки в Джерму, которую составили болгарские специалисты по указанию своего посла Филиппа Ишпекова, моего большого друга. Эта программа, написанная на машинке, помогает мне уточнить расстояния до тех объектов, которые мы посещали. Например, запись № 1: «Скальные рисунки находятся в 4 часах пути от Джермы»; запись № 2: «Соленые озера находятся в 2 часах пути от Джермы». В программе предусматривалось осмотреть «находки гипсовых и соляных кристаллов», а также крепости в Джерме, Мурзуке и Гате.

Программа была выполнена не полностью: в город Гат мы так и не попали из-за недостатка времени.

Но самые большие и дорогие сувениры хранятся у меня в большом целлофановом пакете. Это — подаренные мэром гарнитур из семи зеркал, которые собирались в гармошку, как вертикальный складень, и переметная сумка из разноцветной тонкой кожи, длиной полтора метра, которую туареги цепляют на седло верблюда в дни праздников. Одно большое зеркало расположено вверху, в первом ряду, затем идут три зеркала (большое в центре и два небольших по бокам), и в последнем ряду, внизу, находятся еще три небольших зеркала; от них спускаются кисти из ниток красного, зеленого, желтого, черного, фиолетового, коричневого и бордового цвета. Раньше нитки, конечно, были шерстяные, а сейчас — из искусственного волокна, окрашенного анилиновыми красителями. Все зеркала вправлены в рамки, сделанные тоже из разноцветных ниток. Этот складной гарнитур из семи зеркал очень удобен в пути. Мне кажется, что и сейчас в палатках туарегов висят такие.

Кожаная переметная сумка зеленого и желтого цвета с одной стороны обшита разноцветными полосками кожи, заканчивающимися бахромой. Сами полоски кожи закрыты двумя рядами пластинок, тоже из кожи. Эти пластинки сплошь покрыты геометрическим орнаментом, который наносится тиснением и вышивкой. Цвета орнамента — желтый, красный, зеленый, черный, а также его фигуры — ромбы, квадраты и треугольники — создают впечатление продуманной стройной композиции. О смысле этой композиции можно только гадать. Но сводить все лишь к желанию в день праздника украсить своего верблюда, по-моему, неправильно. Мне кажется, здесь есть какие-то магические символы и знаки, призванные оберегать наездника и его верблюда от напастей, приносить ему удачу и победу.

Туарегские зеркальный гарнитур и переметная сумка, незамысловатые черепки из Джермы и камушки с дороги в вади Барджуж, пузырек с золотым сахарским песком из озера Мандара, фотографии наскальных рисунков и соленых озер — все эти сувениры и трофеи, привезенные из Великой пустыни, только раздражили мое любопытство. Как мало мы знаем о Сахаре и как важно сегодня знать больше о Великой пустыне, населенной гордыми и смелыми людьми!

В МУРЗУК—ЦЕНТР ФЕЦЦАНА

21 марта мы покидаем Джерму и едем в Себху, чтобы оттуда лететь в Триполи. Мы как будто чувствовали, что оставаться здесь, в Сахаре, при всей ее экзотике и массе еще не осмотренных достопримечательностей нам никак нельзя. И действительно, через четыре дня, 25 марта 1986 года, американские самолеты, поднятые с борта авианосцев 6-го флота ВМС США в Средиземном море, обстреляли из ракет ливийские военные объекты в городе Сирт. Это была разминка перед налетом американской авиации на Триполи и Бенгази 14 апреля того же года.

Учитывая, что до вылета нашего самолета остается четыре часа, решаем добираться до центра ливийской Сахары через Мурзук. Тем более что отличные дороги и опытные проводники, возглавляемые Рони Роневым, обещают нам показать по дороге «находище» гипсовых песчаных (сахарских) роз—выше я упоминал о них несколько.

Однако настроение у меня паршивое. С каждым километром мы все дальше от города Гат и гор Аккакус, на отрогах которых находятся самые богатые наскальные рисунки в Ливии. Повседневная суэта часто не дает возможности ознакомиться с уникальными памятниками истории в стране, где ты работаешь, памятниками, ради которых люди в прошлом рисковали жизнью, да и сегодня тратят время и большие деньги, чтобы их осмотреть.

От Джермы следуем по новой дороге, минуя ферму Магнуса. Через полчаса езды нас по договоренности встречает другая автомашина болгарских специалистов, осваивающих в этих местах небольшое, открытое ими нефтяное месторождение. Они взялись показать нам это «находище». Спускаемся с обочины и начинаем петлять по белесой пустыне, разыскивая то место, где упавшие редкие капли дождя и роса приводят к образованию кристаллов гипса, вырастающих в течение многих лет в причудливые бутоны. К середине дня ветер в Сахаре усиливается. Он бросает в лицо горсти песка, и темные очки лишь немного защищают глаза от песка. Тем не менее с помощью наших болгарских

друзей нам удастся найти удивительное место — питомник гипсовых сахарских роз.

Гипсовые розы засыпаны песком, и только специалисты, бывавшие здесь в хорошую погоду, могут найти место их «произрастания». Стоя на коленях и роня пальцы об острые камни, раскапываем хрупкие розовые цветы с тонкими, усыпанными кристалликами гипса перемычками, соединяющими бутоны. Они действительно похожи на соцветия розы или других цветов. В аэропорту Триполи под пластмассовые колпаки помещены отобранные у пассажиров, выезжающих за пределы Ливии, сахарские розы, купленные или вырытые тайком в пустыне.

Мурзук открывается внезапно железобетонными коробками новых домов. Кое-где сохранились старые постройки, сложенные из узкого мелкого кирпича и обломков камней. Где-то здесь находятся пирамиды, которые считаются древнее египетских.

Генрих Барт, немецкий ученый, упоминавшийся выше в связи с наскальными рисунками и обследовавший также каменные изваяния в окрестностях Мурзука, писал: «...здесь жили люди достаточно образованные, чтобы по достоинству оценить такие произведения, и способные наслаждаться ими. Туземцы рассматривают эти доисторические памятники как изображение идолов. Я и сам, взирая на эти совершенные, отмеченные печатью гения монументы, устремленные ввысь, невольно поддался какому-то мистическому чувству»¹.

Однако искать этих идолов и пирамиды нам, к сожалению, некогда. Покрутив по улицам нового, чистого и довольно уютного города, мы неожиданно утыкаемся в холм в центре Мурзука, на котором, как шапка на лысой голове, — средневековая крепость. У его подножия — небольшая, тоже старая мечеть с остроконечным минаретом. Взойдя по пологой дороге к воротам крепости, я оборачиваюсь, и в глаза бросается удивительное несоответствие: вокруг старой, чуть подновленной голубой краской мечети расставлено множество современных и самых разных цветов автомобилей, доставивших сюда верующих на пятничную молитву.

Из Мурзука едем к востоку, в сторону города Трагана, и затем прямо на север, к Себхе. В аэропорту нам сообщают, что вылет отменяется из-за плохой погоды. Это заявление кажется нам нелепым, так как солнце ослепительно сияет и на голубом небе не видно ни одной тучки.

Песчаные бури тоже не предвидятся. Однако авиа-

¹ Цит. по: *Полькен К.* В плену Сахары. М., 1973, с. 75.

диспетчеры неумолимы и не оставляют никаких надежд на возможность улететь в Триполи. Тогда мы вновь садимся в машину и едем в сторону Триполи. Наш маршрут от Себхи таков: Сокна—Хун—Уаддан—оазис Бу-Нугейм—Абу-Грейн—Мисурата—Триполи. Пройхать более тысячи километров по пустыне, к тому же ночью,—дело довольно сложное не только для водителя, но и для автомашины, как бы хорошо она ни была подготовлена.

Предупреждения синоптиков не лишены оснований: не доезжая до города Хун, попадаем в сильнейшую грозу. Яркие молнии расчерчивают черное сахарское небо, вырывая из мрака стоящие на обочине километровые столбы. Дорога превращается в ручей, а наш тяжелый автомобиль БМВ-735 от порывов бокового ветра раскачивается, как утлая лодочка. Но самое страшное начинается после Абу-Грейна, на низменном участке дороги, ведущей к городу Таварга. Полотно дороги залито водой, в темноте не видно колеи, и мы ежеминутно можем вылететь на обочину, засесть в размытом грунте и просидеть до утра. Но наш водитель и наша автомашина выдержали все испытания, которые послала на нас Великая пустыня.

До своей поездки в Сахару я представлял себе пустыню сухой зоной, где выпадают редкие капли дождя. Однако оказалось, что в Сахаре дожди не так уж редки, и притом столь обильны, что всегда вызывают неожиданные и поэтому разрушительные наводнения.

Среднегодовое количество осадков в центральной Сахаре составляет 50 миллиметров. На протяжении нескольких лет может не выпасть ни одной капли дождя. Тем не менее историки и путешественники отмечали мощные наводнения в алжирской Сахаре 21 октября 1904 года (утонуло 25 человек) и 17 января 1922 года (когда в вади Таманрассет утонуло 22 человека), а также в Западной Сахаре (вади Сегьет-эль-Хамра) в 1957 году и в алжирском оазисе Лагуат в декабре 1967 года. Степень заполнения вади зависит от мощности дождя и от прилегающих к нему поверхностей (песчаных, глинистых или щебнистых). Некоторые реки наполняются в течение часа, другие—в течение суток. Самое большое вади Сахары—Игхархар (Игаргар)—имеет длину 1300 километров.

Ливийский писатель Ибрагим аль-Куни, имя которого не раз встречалось на страницах этой книги, написал рассказ «Внеочередная молитва» о наводнении, вызванном обильным дождем в пустыне: «Когда соберутся на небе тучи и вдруг хлынет ливень, ребяташки нагишом

выбегают на открытое место и хором кричат: „Лей, лей поильней! Будут финики вкусней! Были б финики вкусны, косточки нам не нужны! Что ж вода твоя, ей-богу, впрямь забыла к нам дорогу?!“» Такой дождь в пустыне приятен и доставляет удовольствие. Но случается и грозный поток, который все сметает на своем пути. Как говорил шейх, «каждый раз этот поток для нас — благодеяние и проклятие аллаха... без него — зло... И в нем — зло». Герой рассказа Дамуми бросается спасать девушку Тамиму, которая оказалась одна на холме, стоящем среди вади, мгновенно затопленного дождевой водой. С шестом, фонарем и веревкой он отправился в рискованный путь, сопровождаемый причитаниями женщин и молчаливым сочувствием мужчин. «Поток зверел, подбираясь все выше. Вода стала заливать фонарь. Впервые в жизни Дамуми охватило отчаяние. Он сделал шаг, еще один. Фонарь потух — ничего! Еще шаг, еще... Дамуми угодил в яму. Прежде чем вода успела накрыть его с головой, он закричал, собрав последние силы... и погрузился в воду... И вдруг — шипы!.. Дамуми вынырнул, вцепился в ветви дерева, поднатужился что было мочи и встал на ноги»².

Эта драматическая сцена происходила в пустыне Сахара, на одной трети которой образуются временные водотоки. Так что в Великой пустыне вполне можно не только погибнуть от жажды, но и утонуть в бурном дождевом потоке.

Вопрос о том, каким был климат Сахары, продолжает обсуждаться среди ученых и сегодня, хотя в настоящее время уже не осталось сомнений, что он был более благоприятным: Великую пустыню покрывала богатая растительность, орошали реки, в ней водилось много зверей. Спор идет лишь о деталях. Наскальные рисунки, открытые в Сахаре, имели, судя по всему, различное предназначение. Крупные, высотой в несколько метров, рисунки дикого буйвола, слона, жирафа или льва украшали места капищ, где первобытные люди праздновали удачную охоту или, наоборот, перед охотой «заколдовывали» свою будущую добычу. Любопытно, что все это — животные африканской саванны. Скорее всего изменение влажного климата произошло в V тысячелетии до нашей эры, после чего на рисунках стал изображаться в основном крупный рогатый скот.

В условиях саванны, характеризующейся редко растущими деревьями и кустарниками, длительное путешествие можно было совершить и без вьючных живот-

² Барабаны пустыни. Современная ливийская новелла. Пер. с араб. М., 1985, с. 96—97, 91, 103—104.

ных, пешком. Сейчас же Сахару невозможно представить без верблюдов. Первое упоминание о вьючных животных мы встречаем в записках о войнах Гая Юлия Цезаря. Он сообщает о захвате в качестве добычи 22 верблюдов у мавританского царя Юбы I.

Известно, что в Сахаре, и в частности в Фецане, со времен глубокой древности имеется несколько видов колодцев и источников. Естественный источник называется «айн» (букв. «глаз») и представляет собой, по сути дела, обычный родник, где вода бьет ключом. Другой тип источника — колодец, откуда вода извлекается с помощью ведер, сделанных из кожи, и веревок, перекинутых через систему деревянных блоков. Сейчас у многих колодцев уже стучат дизельные или бензиновые движки, качающие воду на поля и огороды. Третий вид колодцев не отличается от второго, но сооружается на старых, сухих руслах рек, где подпочвенные воды находятся часто ближе к поверхности, чем в других местах; одновременно здесь же делаются земляные дамбы, которые задерживают паводковые воды и пускают воду на поля через систему небольших каналов, закрываемых деревянной заслонкой или просто комками грунта.

В Сахаре, правда за пределами Ливии, встречаются «фоггары» — так называются искусственные подземные штольни, которые ведут воду от водоносного слоя на большие расстояния. Эти искусственные водоводные каналы были известны еще древним персам, ассирийцам и финикийцам. Они представляли собой колодцы, вырытые на расстоянии 15—20 метров друг от друга и соединенные подземным коридором. Глубина их достигала 10—12 метров. Их строительство и содержание обходились очень дорого, но иногда это было единственным способом доставки драгоценной воды.

Меня не оставляют мысли о Сахаре и о том впечатлении, которое она производит на путешественника. Сейчас тысячи людей пересекают границу других государств, чтобы ознакомиться с памятниками истории и культуры других народов. Основные потоки туристов, главным образом из США, циркулируют по Европе и Японии. Развивающиеся страны Азии, Африки и Латинской Америки пока задворки туристического бизнеса, хотя, на мой взгляд, именно здесь находятся очаги человеческой цивилизации.

В мире ничто не проходит бесследно. Какой-либо обычай древних египтян или жителей Карфагена, который в изложении современного автора проходит как экзотическая приправа к его рассуждениям о стрессовых ситуациях человека XX века, вдруг пробуждается

в нашем сознании как уже знакомое нам явление, на самом деле всегда оказывающее влияние на нас, на наше настроение, поступки. В этой связи мне всегда интересно узнать и понять мироощущение наших русских писателей и путешественников. Так, Андрей Белый в 1910—1911 годах вместе с женой совершил поездку по Италии и Северной Африке. Хотя во время путешествия он побывал не только в Африке, но и в Палестине и в Турции, он назвал книгу своих путевых очерков «Африканский дневник». Это не просто путевые заметки писателя. В книге много исторических параллелей и сопоставлений, размышлений на философские темы, рассуждений о семи культурах. Но больше всего мне импонирует его стремление познать эту неведомую Африку, с которой всех нас связывают тысячи нитей. Андрей Белый писал в своем «Африканском дневнике»:

«Обсуждали, что делать; и чувствовался во мне странный зуд: доходить до всего; изученье Тунисии, нравы, история, быт развернувшейся Африки будит во мне вовсе новую жилку: предпринимателя, авантюриста; я чувствовал то, вероятно, что чувствовали Пржевальский, Миклухо-Маклай, Елисеев пред тем, как им стать на их путь; я приехал в Тунис отдохнуть, переждать холода и с весенними первыми днями вернуться обратно в Европу; нас ждали: Мессина, Катанья, Помпея, Неаполь, Равенна, Ассизи, Флоренция, Рим, галереи, музеи; а мы—засмотрелись куда-то в обратную сторону; юг и восток призывали; и голос Сахары раздался.

Два месяца жили мы в тихом арабском селе; все забыв, я бродил по полям и базарам, сидел по ночам над историей, картой Тунисии, в ней ощущал я сплетение артерий и вен, приносящих ей соки из Тлемсена, Феца, Ергá, Тимбукту; и я цепко хватался за ту или иную черту, для чего-то мне нужную в быте, в зигзаге орнамента; чувствовал тайную связь мелочей, переключку эпох, мне доселе чужих и неизвестных; какая-то мысль о народностях Африки, точно личинка, во мне—развивалась; какая-то бабочка новых узваний пыталась прорезаться в ней; словом, был во мне миг, когда я, перестав быть туристом, мог стать путешественником; а Тунисию чувствовал базой, откуда бы мог я нырять в необъятную Африку, как водолаз, прикрепленный канатом к судну...»³.

³ «Африка ждет меня...» (Из «Африканского дневника» Андрея Белого). Публ. С. Д. Воронина.—Встречи с прошлым. Сборник материалов ЦГАЛИ СССР. Вып. 5. М., 1984, с. 154.

«Цель этой книги,— читаем в предисловии Белого к этой публикации,— дать несколько картинок из жизни и быта огромного африканского континента, которого жизнь я подслушал из всего двух-трех пунктов; и, как мне кажется, все же подслушал я кое-что»⁴.

Интерес русских к Африке начинает просматриваться с XV столетия, когда в ее северо-восточной части побывали русские купцы, паломники и лица духовного звания. Первыми путешественниками, ступившими на эту землю, считаются священник Варсонофий и купец Василий, которые по дороге в Иерусалим примерно месяц прожили в Египте. Они оставили письменные свидетельства, поэтому даты их пребывания точно известны. Так, Варсонофий был в Иерусалиме в 1456 году и затем в 1461—1462 годах, а «хождения» торгового гостя Василия относятся к 1465—1466 годам. Оба они описывают Каир, причем Варсонофий, естественно, больше внимания уделяет церквям города, а Василий — развитию торговли в Египте.

Путь к святым местам в Палестине в средние века лежал через Египет — наиболее развитую страну, связующую надежными в понимании того времени коммуникациями с Палестиной и Восточной Африкой. Еще в начале XII века в Иерусалиме побывал игумен Даниил, однако из его описаний неясно, был ли он в Египте. Во второй половине XIV века архимандрит Грефений (или Агрефений) и в начале XV века инок Зосима тоже совершили поездку к святым местам. В своих записках они лишь упоминают о Египте, но вопрос о том, были ли они сами в Египте, также остается открытым.

Тверской купец, русский путешественник Афанасий Никитин на обратном пути из Индии в 1474 году тоже побывал в Африке, правда вопреки своему желанию. Его корабль был прибит к сомалийскому побережью, что он аккуратно и отметил: «...в той же земли Гифоньской бых 5 дни».

Из африканских стран Египет привлекал наибольшее внимание русских людей — как официальных лиц, так и торговых гостей. В конце XV века Михаил Григорьев, казначей великого московского князя Ивана III, съездил в Египет, где прожил более месяца. В 1558—1561 годах сюда же прибыл смоленский купец Василий Позняков, отправленный в составе посольства в Египет, Палестину и Османскую империю. Спустя 20 лет после путешествия Познякова его «хождение» с незначительными исправлениями было приписано Трифону Коробейникову, который действительно побывал

⁴ Там же, с. 153.

в Иерусалиме в 1593 году, но не оставил описания своего путешествия. В Египет в 1634 году прибыл казанский купец Василий Гагара (он оставил подробное описание искусственного выведения цыплят египтянами), а в 1651 году — строитель Богоявленского монастыря Арсений Суханов, специально посланный на Восток для изучения церковных обрядов. Его внимание привлекли сооружения для искусственного орошения полей и строительная техника, а также общий вид деревень.

Первым русским, кто посетил Тунис и Алжир, был морской офицер Матвей Григорьевич Коковцов. Корабль, на котором он плывал, входил в состав флотилии русских военных судов, крейсировавших в Средиземном море в 1776—1777 годах. Коковцов оставил двухтомное описание своих наблюдений, в котором показал себя вдумчивым этнографом, уважительно относящимся к обычаям и религиям других народов. Все побережье Северной Африки именовалось в русской литературе того времени Варварийским берегом, а население — варварийцами. «Везде варварийцев почитают за народ жестокосердый, бесчеловечный, беззаконный и злонравием превосходящий самых диких американских жителей, — писал Коковцов. — Толь гнусные о варварийцах мнения вкоренились в европейцах от недостатка справедливых известий... Некоторые европейцы думают еще и так, что, если кто в Варварии родился, тот не одарен разумом и чувствами. Такое ложное мнение происходит от неведения их законов правления и обычаев; ибо все те европейцы, кои видели сей народ и имели с ним порядочное обращение, единогласно утверждают тому противное...»⁵.

В этой связи уместно привести совершенно иное высказывание английских мореплавателей, окрашенное явной неприязнью к тем же жителям Северной Африки. Оно взято из «Лоции Гибралтарского пролива и Средиземного моря...», составленной гидрографом английского флота Джоном Парди, переведенной с английского лейтенантом П. Шестаковым и изданной в Николаеве в 1846 году. Вот отрывок из нее: «Важнейшее торговое место по берегу — Триполи, за ним следует Бенгази и, наконец, Дерна. Приморские жители жили до сих пор торговлею и морскими разбоями, а обитатели внутренних провинций — грабежом и воровством; теперь хищничество тех и других несколько ограничено, но все

⁵ Цит. по: Райт М. В. Русские путешественники и ученые в Африке (15—начало 20 вв.). — Вестник истории мировой культуры. [М.], 1960, 2 (20), с. 100.

кунцы и путешественники подвергаются опасности. Селения весьма бедны, развалины древних городов большею частью совершенно исчезли; в оставшихся поселились рыбаки, жгут известку или приготавливают погань». Другой фрагмент: «Пьянство в Триполи более пагубно, нежели в Англии. При дверях шинков Мавры распивают вино без зазрения совести; на *Салдана* или гаугтвахтах вечная попойка. В лучшем обществе вино также в большом употреблении, особенно уважается ликер *розолля*, от рома также не отказываются. Бесчестных женщин множество; уличенные в развратной жизни должны жить в особом квартале *Занга-Тель-Гааб* под присмотром нарочно назначаемого чиновника».

Императорское Русское географическое общество (РГО) выступило организатором поездок русских путешественников в отдаленные районы не только Азии, но и Африки. В 1846 году в Египет была послана медицинская миссия во главе с А. А. Рафаловичем для изучения эпидемии чумы и методов по обезвреживанию пораженных вещей. Рафалович по пути на родину побывал в Тунисе и Алжире. В Петербурге на общем собрании РГО он сделал доклад о нубийцах. Ботаник Л. С. Ценковский по заданию РГО и Императорской Санкт-Петербургской Академии наук в начале 1848 года совершил поездку по восточному Судану, а годом раньше действительный член РГО Э. И. Эйхвальд проехал через горы Малый Атлас. Среди русских путешественников, побывавших в Северной Африке в 50—70-х годах XIX века, можно назвать также географа, профессора Академии Генерального штаба А. И. Макшевца; доктора медицины, зоолога А. А. Штрауха; географа, этнографа и врача-антрополога В. В. Юнкера; в то время еще капитана Генерального штаба А. Н. Куропаткина и, наконец, известного путешественника П. А. Чихачева.

Здесь мне хочется вновь вспомнить поездки по «белу свету» А. В. Елисеева, который отдал изучению Африканского континента 14 лет. Выйдя из Триполи с караваном, он пересек пустыню Хамада-эль-Хамра и углубился в Сахару, но был вынужден отправиться в Тунис. Оттуда он добрался до «жемчужины Сахары» — Гадамеса. Однако центра Феццана, каковым является город Мурзук, — главной цели своего путешествия — он так и не достиг. Именно того Феццана, или Феззана, по которому мы сейчас, можно сказать, имеем счастье путешествовать.

Ливия, в частности Феццан, была местом обитания древнего человека времен палеолита. Почти половина

из всех 34 исследованных стоянок обнаружена в районе Киренаики (на побережье и в горах Джебель-эль-Ахдар) и в пустынных районах Феццана.

Анализ материалов, найденных на этих стоянках, позволил сделать довольно любопытные обобщения о жизни древнего человека. Так, в нижнем палеолите древнему человеку, чтобы изготовить из камня продолговатое рубило с одним концом и утолщенной рукояткой, необходимо было сделать 25 ударов и сколов. Это было примитивное орудие первобытного охотника, не требовавшее для изготовления большой усидчивости. Следующим этапом было изготовление орудия для охоты. Оно имело ту же форму, но было более совершенным, поскольку для его производства требовалось уже 65 ударов и сколов.

Неандерталец, живший на границе нижнего и среднего палеолита, изготовил кремневое рубило миндалевидной формы, которое потребовало от него 112 ударов и сколов. В верхнем палеолите первобытный человек изобрел продолговатое рубило, в процессе изготовления которого он произвел уже 251 удар. Причем сколы делались для того, чтобы не только заострить режущую часть орудия, но и притупить острые заусеницы на конце орудия, которое зажималось в руке. Иными словами, приобретя определенные, отработанные навыки для изготовления орудия охоты, человек получил больше свободного времени и возможность затрачивать его на производство орудий труда. Все это дало основание назвать человека верхнего палеолита, пришедшего на смену неандертальцу, «человеком разумным».

В Ливии, в горах Джебель-эль-Ахдар, была открыта даббская культура, названная так по месту стоянки в пещере ад-Дабба. Она относится к верхнему палеолиту и совпадает по своим характеристикам с омранской культурой в Иордании, Палестине и Ливане.

Начало неолита совпало с периодом отхода ледников и наступлением сухого периода. Пустыня наступала на побережье. Именно в этот период человек постепенно начал заниматься сельским хозяйством, научился хранить собранный урожай, строить жилища и дороги, хоронить умерших родственников. В могилы помещались различные предметы, подтверждающие появление религиозных представлений и веру в божества. Иными словами, ухудшение условий существования вынудило «человека разумного» перейти к более активным действиям, с тем чтобы выжить. Это, в свою очередь, дало толчок к дальнейшему развитию его способностей, накоплению знаний и опыта. К этому периоду относит-

ся приручение животных, первым из которых была собака. Кстати, считается, что инициатива первого общения с человеком исходила от собаки, которая приходила на постоянные места обитания человека. Затем в Африке были одомашнены овцы и козы, началось производство гончарной посуды. Мужчины и женщины стали носить одежду из шкур или из растений, а также украшать себя. Женщины, например, повесили себе на шею ожерелья из зубов диких животных и мелких костей. Они начали уделять больше времени воспитанию детей. Коллективная охота и воспитание детей требовали выработки системы общественной коммуникации, или, другими словами, языка, который бы служил средством общения в коллективе. И такой язык появился. Сначала это был кинетический язык, т. е. язык жестов, телодвижений, мимики и отдельных восклицаний. По мере развития он сменился звуковой речью.

Самые явные и полные следы первобытного человека на территории Ливии были обнаружены в результате раскопок пещеры Хауа Фтеах в Киренаике в начале 50-х годов нашего столетия. Эта огромная пещера (ширина входа — 80 метров, высота от поверхности земли до скального навеса — 20 метров) расположена недалеко от побережья — несколько сот метров разделяют их, в плодородной долине, контролирующей дорогу из Египта в западные районы страны и далее до Марокко.

В самом древнем культурном слое, который находится на глубине 14 метров от нынешнего уровня, обнаружены каменные орудия, которые относятся к нижнему палеолиту.

Следующий слой «жилого мусора» интересен не только своими каменными орудиями, но и находкой челюсти неанцертальца. Любопытно отметить, что эта челюсть похожа на останки человека, обнаруженного во время раскопок в Сирии и Палестине, и определенно свидетельствует о едином происхождении их владельцев.

В третьем культурном слое пещеры Хауа Фтеах были обнаружены резцы, ножевые пластины со спинкой и с подточенным лезвием, скребки и другие предметы. Здесь представлены в основном каменные орудия верхнего палеолита, подобные предметам из упомянутой пещеры ад-Дабба. Более того, по своему характеру эти орудия напоминают предметы того же периода и той же культуры, обнаруженной во время раскопок в Иордании, Ливане и Палестине.

Четвертый культурный слой имеет предметы, относящиеся к вахравской культуре, названной по имени

местечка Вахран в Алжире и распространенной в Северной Африке — от гор Джебель-эль-Ахдар на востоке Ливии до Марокко. Это свидетельствует о том, что более 20 тыс. лет назад на побережье обитали люди одного уровня развития и была, по-видимому, проложена дорога, которая активно использовалась древним человеком для сухопутных сообщений.

В пятом культурном слое этой пещеры уже встречаются более совершенные орудия, такие, как микропластины с выпуклым лезвием, буры, верхние и нижние части зернотерок.

Шестой слой «жилых отходов» относится к неолиту. Он характеризуется первыми попытками приручения диких животных и появлением элементов организованности первобытного человека.

Последние следы пребывания человека в пещере Хауа Фтеах датируются VI веком до нашей эры, когда здесь побывали первые греческие колонисты и стали селиться ливийские племена.

Ко времени возникновения оседлых поселений в VI тысячелетии до нашей эры человек от собирательства и охоты переходил к производственной форме хозяйства, к оседлости и земледелию. Он начинал новую жизнь с немалым багажом: уже существовало оружие — дротик, копье и метательная палица, разделение труда по возрасту и полу, появилось гончарное производство; звуковая речь сменила кинетическую; зародились элементы общественного сознания, когда люди начали почитать источники воды; закреплялось верование в потустороннее существование; совершенствовались человеческие отношения; групповой брак принял новую форму материнского рода. Оседлый образ жизни, рост производительности труда, появление избытка продуктов и, возможно, извечная охота к перемене мест — все это заставило нашего любознательного и активного предка поинтересоваться тем, что же находится за горизонтом, кто живет по соседству с его оазисом, долиной или лесом.

Геродот сообщает об отважных молодых насамонах, представителях народа, жившего в районе залива Большой Сирт, которые отправились в «путешествие по Ливийской пустыне с целью проникнуть дальше и увидеть больше всех тех, кто раньше побывал в самых отдаленных ее частях». Насамоны оказались в долине, где росли плодовые деревья. Здесь на них напали маленькие (ниже среднего роста) темнокожие люди, схватили их и увели с собой. Они вели чужеземных юношей через болота, прежде чем доставили в город. «Мимо этого города протекает большая река... и в ней

были видны крокодилы». Но все закончилось благополучно: насамоны вернулись к себе, на побережье Средиземного моря⁶.

Как считают современные ученые, отправной точкой экспедиции молодых насамонов, действия которых расценивались как «сумасшедшая затея», был оазис Джало, в древности называемый Авгилы. Шли они на юго-восток, в центр пустыни Сахара, и здесь, по-видимому, наткнулись на вади, которое наполняется водой в период дождей. Это вади сегодня называется Шотт-эш-Шерги, т. е. Восточная река, причем в ее бассейне имеется солончаковое болото. Население Феццана в то время по своему происхождению было довольно пестрым. Здесь были предки современных гиббу, живущих в нагорье Тибести, гараманты, египтяне и др. Естественно, чернокожие жители составляли здесь большинство, что прежде всего и бросилось в глаза молодым насамонам. Упоминание крокодилов в реке дало повод полагать, что юные путешественники достигли реки Нигер, где и видели этих рептилий.

Однако уже сейчас можно достоверно утверждать, что в Сахаре водились... крокодилы, которые сохранились с тех времен, когда пустыня не была пустыней. Во времена мавританского царя Юбы II крокодилы обитали в реках, ныне засыпанных песками. В 1910 году французский калитан Ньеже убил крокодила в вади Михеро в Тассили. Здесь, посреди сухого русла, находилось небольшое мелкое озеро, называемое «гельта». Гельты имеются еще в нагорьях Тибести и Ахаггар, там, где вода не может просочиться в почву и где из-за высоких скал испарение значительно меньше, чем в других местах. В том же вади в 1924 году был убит второй крокодил. В 1929 году в Мавритании, у озера Джалула, один немецкий ученый также убил крокодила.

Если в начале нашего века в Сахаре находили крокодилов, то, видимо, во времена Геродота фауна Сахары была значительно богаче. Ведь путешествие насамонов можно отнести к началу V века до нашей эры, так как Геродот закончил свой труд к 445 году до нашей эры. Более того, сведения о подвиге насамонов Геродоту сообщили киренцы, которые узнали об этом от жителей оазиса Амона (ныне — египетский оазис Сива).

Пятьсот лет спустя в Феццане во главе уже военной экспедиции побывал проконсул Африки Корнелий Бальб. Если насамоны были движимы любопытством,

⁶ Геродот. История в девяти книгах. Л., 1972, с. 89—90.

то Бальб отправился против гарамантов с завоевательными целями. Поход расценивался как великий подвиг, и 27 марта 19 года до нашей эры в честь Бальба было устроено триумфальное шествие. Вергилий в своих стихах выражает радость по поводу того, что империя Августа вскоре подчинит себе «гарамантов и индийцев».

О трудностях похода Бальба пишет Плиний Старший: «По ту сторону [выжженных солнцем гор] находятся пустыни, а дальше Талги — местность, где жили гараманты, Дебрис с источником, в котором с полудня до полуночи вода горячая, а с полуночи до полудня столько же часов — холодная, а также Гарамы, знаменитая столица гарамантов. Все эти местности были покорены римским оружием. Это была заслуга Корнелия Бальба, единственного иностранца, который удостоился чести триумфальной колесницы и присуждения полного права римского гражданства. Он был родом из Гадеса... Дорога к гарамантам прежде была трудна, так как разбойники этого племени имели обыкновение засыпать песком колодцы, которые находились, впрочем, на небольшой глубине. Лишь во времена последней войны, которую в начале царствования императора Веспасиана вели с осенсами, нашли путь, который был на 4 дня короче»⁷.

Любопытно отметить ряд географических особенностей, которые приводит Плиний, в том числе наличие воды на небольшой глубине. Ведь мы сами совсем недавно убедились в этом, побывав в районе соленых озер.

Примерно в 100 году походы на юг от побережья Средиземного моря стали более частыми. Об этом пишет Птолемей, пересказывая сведения о путешествиях-походах римлян Юлия Матерна и Септимия Флакка. Юлий Матерн вместе с вождем гарамантов пошел против эфиопов и после четырех с половиной месяцев пути прибыл в эфиопскую землю Агисимба, «где собираются носороги». Матерн шел, видимо, от Лептис-Магны, так как от этого торгового города велся отсчет пути до Агисимбы, которая «захватывает южную часть Ливии». Агисимба, по-видимому, район озера Чад, ибо только здесь, в местности, богатой водоемами и растительностью, могли водиться носороги. Некоторые ученые считают Агисимбу северным Суданом, который

⁷ Цит. по: Хенниг Р. Неведомые земли. Пер. с нем. Т. 1. М., 1961, с. 317. Сам Рихард Хенниг так определяет местонахождение гарамантов (при этом он ссылается на Г. Барта): «Руины „знаменитой столицы“ Гарамы найдены к северо-востоку от города Мурзук, у Джермы».

назывался «нильской Эфиопией». Во всяком случае, по мнению одного французского историка, Агисимба — это «самый южный пункт, до которого когда-либо ходили древние в Центральной Африке». Что касается Флакка, то он, как сообщает Птолемей, также шел из Гарамы и через три месяца пути к югу от страны гарамантов пришел к эфиопам. За указанное время Флакк мог прибыть либо в Кордофан, либо в Дарфур, что уже может считаться большим географическим достижением, хотя в основе его похода лежали военные мотивы.

Личность Флакка, как и Юлия Матерна, истории неизвестна. Например, существовал К. Суэллиий Флакк, римский наместник Нумидии, воевавший в 85 или 86 году против насамонов, которые жили севернее гарамантов. Некоторые ученые считают, что Юлия Матерна также можно отождествить с наместником Нумидии; по мнению других, он был купцом. Его достижения более значительны, поскольку в союзе с гарамантами римляне в течение четырех с половиной месяцев «исколесили вдоль и поперек всю область пустынь и добрались до страны Агисимба, вытянутой в длину, гористой и кипящей зверями»⁸.

Активные связи между населением Сахары и жителями побережья Средиземного моря дополнялись и обогащались контактами последних с другими районами земного шара. Специальные исследования 1970—1974 годов, посвященные проблеме происхождения производительных форм хозяйства в Африке, показали, что проникновение в V тысячелетии до нашей эры в долину Нила азиатских продовольственных культур и домашних животных явилось следствием установившихся регулярных сношений Северной Африки с Восточным Средиземноморьем. «Рост городской цивилизации, появление классовых различий, письма, ремесла и монументальной архитектуры [в Египте] можно рассматривать как следствие усилившихся регулярных связей с Месопотамией и Левантом посредством торговли, переселений ремесленников и в особенности обмена знаниями и идеями политического и социального развития»⁹, — пишет профессор Калифорнийского университета Дж. Д. Кларк.

Существует гипотеза, что быстрое распространение «неолитических» культур в районе Эгейского моря и по

⁸ Там же, с. 418—420.

⁹ Кларк Дж. Д. Доисторическая Африка. Пер. с англ. М., 1977, с. 185. В данной книге описываются материальная культура и образ жизни первобытного человека, останки которого найдены в Африке, за период от двух миллионов лет назад до начала нашей эры.

северным берегам Средиземного моря относится к середине V тысячелетия до нашей эры. В это время были заселены Италия и Мальта и, возможно, доставлен одомашненный рогатый скот в северо-восточную часть Туниса, откуда он проник в Сахару. Во всяком случае, в Сахаре в рассматриваемое время отмечается появление свиньи и овцы, которые в диком виде в Африке неизвестны и являются автохтонами Юго-Западной Азии.

Раскопки в пещере Хауа Фтеах в Киренаике свидетельствуют о том, что уже в V тысячелетии 80 процентов потребляемого обитателями этой пещеры мяса давали одомашненные овцы и козы, причем эти животные появлялись как бы внезапно, без постепенных этапов одомашнивания или приручения. Это можно расценивать как доказательство того, что они были доставлены сюда из Азии либо сухопутным путем — через Эль-Файюм, либо на морских судах — с Мальты и затем через Тунис. Факты столь активных контактов между странами древнего мира нас не должны удивлять. Начавшийся торговый обмен между Ближним Востоком и Северной Африкой прекрасно иллюстрируется, например, развитием торговли обсидианом, который добывался в каменоломнях на полуострове Малая Азия. Масштабы этой торговли поистине поражают: анатolianский обсидиан находят в Северной Африке, Месопотамии и Египте.

Соседство Египта и воинственных ливийских племен не всегда было мирным. В храмах Среднего и Нового царства имеется немало фресок, где египетские фараоны прославляют свои победы над голубоглазыми ливийцами, изображавшимися с более светлой кожей, чем негры. Но египетские фараоны нанимали ливийцев в свои войска, посылали в военные экспедиции против соседних народов, поручали охранять свои укрепленные пункты и города. В 950 году до нашей эры уже упоминавшийся Шешонк основал XXII династию фараонов, названную Ливийской, и объединил под своей властью Нижний и Верхний Египет.

Феццан лежал несколько в стороне от магистральных дорог древнего мира, однако его удобное географическое положение позволило ему сохранить видное место в торговом обмене между странами Средиземноморского побережья и странами южнее Сахары.

...Шоссе, по которому мы едем, довольно оживленно. Через каждые две-три минуты мимо с большой скоростью проносятся огромные грузовики американской фирмы «Мак», везущие в глубь Сахары трубы и оборудование для бурения на нефть и воду, бензовозы

и трейлеры с 20-тонными морскими контейнерами. Все современные шоссе в Сахаре проложены по старым караванным тропам. Правда, раньше караваны ходили и за пределы Ливии, однако государственные границы с учетом не всегда дружественных отношений между соседними странами обычно ограничивают перемещение грузового транспорта пределами только Ливии.

По сложившемуся в течение веков в Сахаре уставу караванной торговли караваны выходили из городов и оазисов в определенное время и во главе с караванбашни, приказы которого были обязательны для всех торговцев и путешественников с караваном. Каждый верблюд нес на себе две сумки по 75—80 килограммов и был привязан к хвосту идущего впереди верблюда. Путь по основным дорогам Сахары—от одного оазиса к другому, от одного колодца к другому—занимал два-три месяца. Но были и короткие переходы по дорогам местного значения—между близлежащими оазисами, занимавшие несколько дней.

Три основные караванные дороги в Ливии связали побережье с районами Центральной Африки. Одной из них пользовались в основном жители города Гадамес. Они спускались на юг до Гата, далее шли до Аира и Зиндера и затем, минуя земли племен азкар, хаккар и туарегов, прибывали в Кано. Другой путь: Мурзук—Теджерхи—Бильма—озеро Чад. Караваны проходили этот более короткий и легкий путь за шесть месяцев туда и обратно. Третий маршрут начинался в Бенгази, затем шел по территории оазиса Куфра и кончался в нагорье Тибести. Эта дорога в зависимости от сезона занимала восемь-десять месяцев в оба конца.

Перечисленные караванные пути были известны всем, но каждое племя или жители того или иного города имели и свои, знакомые только им караванные тропы. Среди торговцев самой большой известностью, как считалось раньше, пользовались жители Гадамеса. Город лежал на бойком месте, и его купцы водили караваны не только на юг, в Нигер и Чад, но и на восток и север—в города и деревни нынешних Алжира и Туниса.

По этому поводу в конце XIX века у них были постоянные столкновения с французскими властями, которые пытались оградить финансовые интересы своих подданных и оказавшихся под их политическим контролем алжирских и тунисских купцов от посягательств купцов Гадамеса—подданных турецкого султана. И вот посылались письма и подарки в Триполи и Стамбул с просьбой заступиться за ливийских караван-

щиков, с подробным перечнем козней, которые позволяли себе французы.

В раннем средневековье самыми известными караванщиками в восточных районах Ливии были люди из племени маджбара, проживавшего на плато Барка в Киренаике. Следует подчеркнуть, что караваны не только развозили по оазисам Сахары и Ливийской пустыни товары. Через караванщиков жители пустыни знакомились с достижениями мусульманской культуры, арабским языком и законами ислама. Именно благодаря караванной торговле в центральных районах Африки проросли корни ислама, распространились арабский язык и арабская культура.

В 1551 году, в период царствования султана Сулеймана I Кануни (в европейской литературе — Сулейман Великолепный), турки-османы окончательно изгнали из Ливии на Мальту европейцев и установили над Триполи полное господство. Их заботило лишь укрепление ливийского побережья, поэтому глубинные районы страны, такие, как Фецдан или оазисы Западной Сахары и Ливийской пустыни, пока оставались вне их интересов. А уже в 1638 году турецкий военачальник Мухаммед-паша Саказлы захватил в оазисе Ауджила (древний оазис Аугилы) среди прочей добычи 12 верблюдов, нагруженных золотом. Этот факт не остался незамеченным, хотя сведения о размерах золотого трофея, приводимые в арабской исторической литературе, скорее всего несколько преувеличены.

Военная экспедиция в оазис Ауджила была организована турками для того, чтобы взять под контроль важную караванную дорогу в другие оазисы, где купцы из Центральной Африки обменивали золотой песок на ткани, стеклянную посуду, оружие, доставленные с побережья. Мухаммед-паша, который уже сам стал владельцем больших караванов, переплавлял золотой песок в слитки и сбывал их в европейские страны. Пришедший ему на смену Осман-паша Саказлы монополизировал всю караванную торговлю, и напуганные купцы бежали со своих насиженных мест, боясь конкуренции всемогущего паши.

В 1714 году к власти в Триполи пришла династия Караманлы, правившая до 1835 года. Ее основатель Ахмед Караманлы заманил около 400 османских офицеров в замок, перебил их и провозгласил себя правителем Триполи. Ему удалось смягчить гнев слабого султана Ахмеда III, который даже признал его наследственным пашой. Все Караманлы интересовались торговлей больше, чем кто-либо из предыдущих правителей. Торговлей занимались даже женщины правящей

фамилии, которым удавалось заключать очень выгодные сделки.

Во время правления Юсефа Караманлы торговля в Ливии еще более оживилась. Триполи и Феццан стали посредниками между Тунисом, Египтом и Суданом. Особенно процветал Феццан. Его правитель преподнес триполийскому паше подарок, цена которого составляла 15 тыс. долларов по курсу того времени, что свидетельствует о значительных доходах этой области. Основную прибыль Феццану приносила работорговля: 15 тыс. рабов, ежегодно переправлявшихся через территорию Феццана, как и прочий товар — ячмень, пшеница или страусовые перья, облагались налогом. Отдельные пиастры складывались в огромные суммы и оседали в руках местной знати, купцов и турецких военачальников.

Юсеф-паша не был похож на восточного деспота, грубо обиравшего купцов. Понимая значение караванной торговли для своего обогащения, он решительно боролся против разбойников и грабителей — строил укрепления, замки и гостиницы, где могли укрыться пострадавшие непогодой караванщики. Особенно много постоянных дворов было в Триполи. Здесь собирались торговцы не только со всей страны, но и из Судана, Туниса, Чада и Египта. Немецкий путешественник Д. Рольфс, посетивший Триполи в 1864 году, писал под впечатлением увиденного следующее: «Кто хочет править Суданом, Нигером и Чадом, должен стать хозяином в Триполи». Рольфс в 1869 году вторично посетил Триполи, а в 1878-м — в третий раз; проехав из Триполи через плато Барка в Киренаике, он был первым европейцем, ступившим на землю оазиса Куфра.

Ливийские купцы не могли предложить достаточное количество товаров, которое могло бы заинтересовать жителей соседних стран. Поэтому они были в полном смысле слова посредниками, доставляя с побережья Средиземного моря европейские ткани, одежду, ружья, стеклянную и металлическую посуду, зеркала, бумагу, полудрагоценные камни, жемчуг, янтарь, гончарные изделия, благовония. Центром меновой торговли был Мурзук.

Здесь привезенные с побережья товары обменивались на золотой песок, кассию, страусовые перья, корицу, красное дерево, слоновую кость и рабов. Купцы из Феццана редко ограничивались доставкой триполийских товаров лишь в Мурзук. Они двигались дальше, в Судан и к озеру Чад, привозя сюда шелковые ткани и одежды, платки, зеркала, длинные мечи, ружья и пистолеты. Из местных ливийских товаров спросом

пользовались только ковры из Мисураты и окрестностей Триполи.

Ливийские купцы, оказавшись посредниками между Тунисом и Египтом, занимались сбытом также и товаров, произведенных не только в этих странах, но и в районах южнее Сахары. Египет предлагал знаменитую ткань, называемую «махмуди», и благовония, Тунис — пальмовые циновки с острова Джерба, ткань для тюбанов («шашия»).

Паломники, возвращавшиеся из Мекки и Медины, привозили на рынки Триполи и Мурзука ладан, мирру, кофе, полудрагоценные камни.

Некоторые товары реализовались не только на местном рынке или рынках соседних стран. Так, страусовые перья, бывшие в большой моде в Европе в конце прошлого — начале нынешнего века, почти полностью вывозились в Париж. В 1873—1881 годах из Ливии было отправлено страусовых перьев на сумму 30 млн. франков, а в 1893—1901 годах — на 14,5 млн. Козьи шкуры попадали еще дальше, за океан — в Нью-Йорк и Филадельфию.

Значение караванной торговли для Ливии стало падать с конца прошлого века. Были открыты новые, более дешевые пути по африканским рекам, Атлантическому океану и Средиземному морю. На Венском конгрессе в 1815 году было принято решение о запрещении работорговли, но только 15 августа 1863 года Алибей, управляющий уездом (каза) Гадамес, направил письмо наместнику султана в Триполи Махмуду Надимпаше, в котором подтверждал получение султанского фирмана о запрещении работорговли.

...Из окна автомашины видна светло-красная пустыня, убегающая к горизонту. Унылый пейзаж не прерывается ни единым холмом, деревцем или строением. Мне вспоминаются рассказы ливийцев о том, что сюда наместники османского султана ссылали мусульманских богословов, которые своими речами будоражили население на многочисленных базарах Триполи и других городов побережья. Из земляных тюремных ям или отдаленных оазисов Фецдана бежать было практически невозможно.

4 июля 1911 года начальник округа (санджака) Фецдан направил отчет об экономическом положении области наместнику султана в Триполи. По его словам, число жителей составляло 100 тыс. человек, в оазисах произрастало около 1 млн. финиковых пальм, однако «следы былого времени показывают, что их, пальм, было гораздо больше и их численность приближалась к нескольким миллионам». Эти пальмы составляли един-

ственное богатство района, хотя в некоторых местах и были обнаружены остатки обширных плантаций оливковых деревьев. Дождей в Феццане почти не выпадало, и земледелие было возможно только при искусственном орошении.

В Феццане выращивали ячмень, пшеницу и кукурузу, причем с очень плодородных земель получали на каждую посеянную меру пшеницы 100 мер даже в очень жаркое время. В городе Сокна производили лучшие плащи из шерсти. В Феццане нет лесов, хотя в некоторых местах много окаменевших деревьев. (Начальник округа был человеком определенно наблюдательным, если заметил такой факт, как окаменевшие деревья.)

Говоря далее о богатствах Феццана, он отметил наличие натруна, т. е. карбоната натрия (кальцинированной соды), и природных красок, которые добывают в долинах. Кроме того, здесь было много верблюдов, овец, лошадей и ослов, однако точное число животных назвать трудно, так как на всей территории их никто не считал.

Феццан делился на четыре района, причем расстояние измерялось в часах перехода. Так, от Мурзука до Сокны было 105 часов ходу (575 километров), до Гага — 130 часов (650 километров). Следовательно, скорость перехода Мурзук—Гат составляла 5 километров в час, а Мурзук—Сокна немногим больше¹⁰.

Одним из главных товаров, который поставлялся на побережье Средиземного моря из внутренних районов Африки, были рабы. Только что цитируемый ливийский ученый Ахмед Саид аль-Фитури приводит сведения о том, что лишь за октябрь и ноябрь 1852 года через таможенную Мурзука в Триполи проследовало 379 рабов, из которых 138 принадлежало купцам Феццана. В том же году и через ту же таможенную в Бенгази было вывезено 120 рабов, большая часть которых принадлежала купцам племени маджбара¹¹.

Феццан, отдаленный от более цивилизованного побережья примерно тысячью километров, долго оставался загадочным и таинственным. Европейские путешественники туда не попадали, и отрывочные сведения об этой области, просачивавшиеся в Европу, обрастали фантастическими подробностями. Надо сказать, что эти сведения циркулировали еще в конце прошлого века, т. е. в то время, когда географические открытия уже

¹⁰ Аль-Фитури А.-С. Ливия и караванная торговля. Триполи, 1972, с. 30 (на араб. яз.).

¹¹ Там же, с. 55.

меняли общие представления о земном шаре и его обитателях.

Неоднократно упоминавшийся на страницах этой книги П. А. Стенин в 1892 году составил историко-географическое и этнографическое обозрение Леванта, в которое попали три исторические провинции Ливии: Триполитания, Киренаика и Феццан.

«Фессан (4,700 кв. миль с 150,000 жителей по одним, по другим только с 50,000 жителей) состоит из архипелага оазисов, в которых жители развели финиковую пальму, пшеницу, маис, гранаты, винные ягоды, миндаль, ячмень, виноград, курно (красивейшее дерево страны), камедную акацию, подсолнечник и колоквинт, который охотно едят страусы. Вокруг, насколько можно окинуть взором, расстилается песчаная бесплодная пустыня. Климат Фессана нездоровый; летом чрезвычайно жарко (43° Ц не редкость), и сухой ветер пустыни невыносим даже для фессанцев; зато зимой дуют холодные северные ветры. Дождь идет в Фессане редко. Из домашних животных здесь разводят лошадей, верблюдов, овец, коз, ослов и буйволов. Страусов тоже делают ручными и собирают их перья по 3 раза в 2 года.

В озерах Фессана живет небольшой красный червь дуд, которого фессанцы употребляют в пищу с тестом из фиников. Это кушанье имеет вкус селедки. Из минералов в Фессане встречаются соль, алаун, сода, сера и селитра. Караванная торговля с Суданом чрезвычайно значительна. Жители Фессана туареги или берберы пустыни, теббу или теда, арабы, негры и потомки различных племен; несколько белых семейств (турок и потомков ренегатов) составляют аристократию страны. Туареги или имошары встречаются уже в древней истории под названием ливийцев, нумидийцев, мавританцев. Все сословные средневековые различия, повсеместно исчезнувшие в Европе, находятся здесь в полной силе. Характеристично для туарегов покрывало, которым они закрывают лицо (литам или тессильгемист). Теббу — гараманты древних, темного цвета, но отличаются от негров не столь толстыми губами. Все фессанцы мусульмане»¹².

Вот такими сведениями располагали наши соотечественники в конце прошлого века. Здесь, конечно, есть и наивные вещи вроде красного червя «дуд» (от араб. «дуд» — «червь») со вкусом селедки, и точные данные о племенах.

¹² [Стенин П. А.] Восток. Страны Креста и Полумесяца и их обитатели. СПб., 1892, с. 459—461.

Феццан при всех успехах в развитии караванной торговли и поливного земледелия в оазисах был бедным краем с невежественным населением. В Сахаре большое распространение получило учение религиозного братства сенусия. Кочевникам и забытым крестьянам импонировали призывы сенуситов к простой жизни, отказу от роскоши, к священной войне против прагов ислама. Последнее воспринималось в народе как призыв к священной войне против османского и любого другого иностранного господства и даже как отказ от уплаты налогов и просроченных платежей ростовщикам: ведь ростовничество запрещено исламом.

Братство сенусия названо по имени Мухаммеда ибн Али ас-Сенуси, мусульманского аскета и богослова, родившегося в 1787 году в городе Мостаганем (Алжир). Он изучал каноны ислама в центрах мусульманской учености в Алжире и Тунисе, совершил паломничество в Мекку и путешествия в Египет и Ливию, сошелся со сторонниками местных дервишских орденов кадирия и рихмания и стал суфием, т. е. мистиком ортодоксального ислама. Проповеди Мухаммеда ас-Сенуси во имя прославления ислама и его распространения среди иначников, к которым они относили в основном коренное население Северной Африки, простота его взглядов, понятная широкому населению, особенно кочевникам Сахары и немногочисленному населению ее редких оазисов, способствовали быстрому росту его авторитета. Скоро вокруг него объединилась группа сторонников, которые беспрекословно подчинялись своему вождю, почитая это за высшую добродетель.

В 1837 году в пригороде Мекки Мухаммед ас-Сенуси основал религиозно-административный центр своего братства — «завию», т. е. «обитель». Братство сенуситов росло и крепло, и в 1843 году в городе Эль-Бейда (Киренаика) была основана первая завия на североафриканской земле.

Простая и понятная простому люду идеология сенуситов, авторитет бескорыстного основателя братства привели к тому, что число завий росло не только в Ливии, но и в других странах Северной Африки. Завии сенуситов появились в Каире, Александрии, Хартуме и других городах. Но больше всего их было, разумеется, в Ливии. По свидетельству советского историка Н. И. Прошина, к концу XIX века только в Киренаике насчитывалось 45 завий, в Триполитании — 28, в Феццане и оазисе Куфра — 21 завия¹³. Самое большое число

¹³ Прошин Н. И. История Ливии (конец XIX в.—1969 г.). М., 1975, с. 42.

обитателей было в пустынных районах, где они создавались по инициативе шейхов племен и самого населения, и особенно в тех местах, где часто случались столкновения и междоусобицы, причем именно завии и их руководители брали на себя роль миротворцев. Часто обитатели возникали в оазисах и на пересечении караванных троп: именно здесь, где встречались кочевники и торговцы, нередко требовалось вмешательство авторитетного мусульманского богослова, чтобы погасить возникшую ссору либо скрепить достигнутую договоренность или сделку.

В Мурзуке, у подножия холма, на котором стоит средневековая крепость, мы встретили группу ливийцев, выходявших из мечети после пятничной молитвы. Пока мы заливали воду в радиатор перегретого мотора из предусмотрительно захваченной канистры, около нас остановилось несколько ливийцев. Слово за слово, и скоро мне удалось завести разговор на религиозную тему и о завии сенуситов, хотя от беседы о самом братстве они уклонились. И это вполне понятно. Ведь в в сегодняшней Ливии братство сенусия запрещено, и их святыни в оазисе Джагбуб на востоке страны разрушены.

Центром каждой завии была мечеть и кораническая школа при ней с одним-двумя учителями. Часто учителем являлся сам настоятель мечети—шейх или его заместитель. Национальный герой Ливии Омар Мухтар был настоятелем мечети в завии. В обязательном порядке обитатели имели комнаты для приезжих и бедных паломников. Впоследствии, по мере развития завий, они обрастали хозяйственными службами: складами провианта, конюшнями, лавками. Нередко главы местных племен, желая подчеркнуть свое благочестие, а иногда и заручиться поддержкой влиятельных богословов, строили при завии свои дома или передавали в ее пользование участок территории своего племени. Завия и все ее строения, включая колодцы и цистерны для воды, как бы далеко они ни находились, считались священным местом, где нельзя было применять оружие, затевать ссоры, совершать непристойные поступки, противоречащие канонам ислама и заветам пророка.

Орден сенусия удачно использовал уже сложившуюся в Северной Африке религиозную ситуацию. В этих районах глубокие корни пустил культ марабутов, прославившихся благочестивыми делами и приписывавших себе происхождение от какого-либо святого. Слово «марабут» происходит от «рибат» («крепость», «обитель»). Поэтому марабутом вначале называли воина-монаха, воителя за идеи ислама. Со временем марабуты

объединялись в группы, сливались с местными племенами или селились на их территории, оказывая им услуги, защищая их караваны и колодцы. Среди марабутов были выдающиеся богословы и проповедники. Их могилы в оазисах, около колодцев и караванных троп с купольными гробницами были приспособлены к нуждам сенуситов. В отличие от официального ислама, относившегося с ревностью, а иногда и с явной неприязнью к этому противоречащему единобожию культу марабутов, сенуситы выступили проповедниками их идей, став их духовными наследниками и последователями. Этому способствовало и то обстоятельство, что два видных богослова в Киренаике — Ахмед Сакури и Мартади Фиркаш — марабуты «биль барака», т. е. «носители власти с благословения Аллаха», поддерживали Мухаммеда ас-Сенуси. Впоследствии марабуты были включены в состав братства сенусия, которое удачно соединило влияние марабутов и авторитет Мухаммеда ас-Сенуси.

Таким образом, в XIX веке на территории Ливии, особенно в ее южных районах, включая Феццан, появилась могучая религиозно-светская организация.

Такая ситуация привела к тому, что количество марабутов, т. е. лиц, считавших своим долгом и основным занятием защищать ислам и его последователей, было довольно большим по отношению к остальному населению. В начале XX века в Триполитании и Феццане из 0,5 млн. жителей насчитывалось 114 тыс. марабутов. В самом Феццане, по данным на 1950 год, большая часть населения племен причисляла себя к марабутам. Так, в племени мегара, насчитывавшем 2600 человек, 1690 были марабутами, а из 2350 человек племени хасна 1665 составляли марабуты. При этом высокий процент марабутов был характерен не только для арабских племен Феццана, но и для туарегов: туарегское племя ораген (1050 человек) включало 800 марабутов, а 450 человек племени имангассатен — 210 марабутов. Стоит ли тогда удивляться тому, что влияние ислама и его предписания столь глубоко проникли в народные массы, а его каноны сегодня, как правило, отождествляются с племенными традициями местного населения?!

В СТОЛИЦЕ ТУНИСА

В городе Тунис мы оказались в феврале, преодолев 700 километров от ливийской столицы до тунисской. Мы добирались почти целый день с заездом на остров Джерба. Я не ставил себе задачу специально собирать информацию по этнографическим проблемам арабских народов. Но это случилось, именно случилось ненароком, в пути, в процессе бесед с крестьянами и ремесленниками, забегавшими выпить чашечку кофе или бутылку кока-колы в придорожные ресторанчики, с владельцами небольших лавчонок, где мы делали кое-какие покупки, со сторожами и добровольными гидами римских и арабских памятников на острове Джерба, в Тубурбо-Майусе, Эль-Джеме, Кайруане, Загуане и других городах и поселках.

Мне хотелось бы отметить удивительную коммуни-кабельность тунисцев. Вступить в контакт с иностранцем, оказать ему небольшую услугу, ответить на вопросы, касающиеся истории страны, национального костюма или обрядов,— все это рассматривалось ими как акт гостеприимства и дружбы. Возможно, мне помогало и то, что я говорил по-арабски, интересовался, например, названиями предметов на арабском языке и тем самым автоматически выходил за рамки обычного туриста, падкого на броскую, бьющую в глаза экзотику, но упускающего за этой внешней формой нечто важное для национального чувства тунисца. Поэтому моя непродолжительная поездка по стране, к которой я тщательно и долго готовился, оказалась довольно успешной и результативной.

Небольшая, уютная столица Туниса производит на меня впечатление провинциального города где-то на юге Франции. В центре Туниса— добротные многоэтажные дома с магазинами и ресторанами, занимающими первый этаж, пробки автомашин европейских марок перед светофорами, назойливая реклама. Слышна французская речь. Но это все же арабский город. Арабской вязью выписаны названия улиц и некоторых магазинов, уличные торговцы толкают перед собой тяжелые тележки, заваленные апельсинами, баклажанами, виноградом и перцем. Голосистые продавцы цветов и прохлади-

тельных напитков своей гортанной арабской речью убедительно напоминают вам о том, что вы все же в арабском городе, а не на юге Европы.

Только что прошли Рождество и Новый год, и приметы этих ушедших праздников остались в рекламных объявлениях о распродаже залежалых товаров и несколько нервной суете, которой всё еще охвачены жители. Это дает мне возможность поговорить о том, как туниисцы встречали Новый год раньше и сегодня.

Новый год в Тунисе, в стране, которая в большей степени, чем другие арабские страны, приобщилась к европейской цивилизации, отмечается 1 мухаррама довольно широко. Еще во времена монархии туниисский бей принимал в своем дворце поздравления от высокопоставленных чиновников государства и устраивал фейерверк. Эта традиция в несколько измененном виде сохранилась и до нынешних дней. Сегодня поздравления с Новым годом принимает президент Туниисской Республики в своем дворце от членов правительства и глав дипломатических миссий.

Ниже я расскажу об этом празднике и следующем за ним через девять (или десять) дней скорбном дне, называемом у мусульман «ашура». Несмотря на то что Новый год и ашура в Тунисе уже не отмечают в том объеме, в каком это происходило прежде, тем не менее в разных районах страны и в различных социальных группах еще сохранились и соблюдаются связанные с этими торжествами обычаи. К тому же время не стоит на месте: оно идет вперед, но порой и назад, и особенно это касается возрождения забытых обрядов. Подобный процесс характерен для тех стран, где действуют многочисленные фольклорные объединения и общества, ориентирующиеся именно на эти благородные цели. В этом отношении Тунис не исключение. Кроме того, кто знает, может быть, уже через несколько лет те обряды и обычаи, которые ушли в прошлое, вновь станут реальностью и приметам повседневной жизни.

На народном уровне Новый год всегда отмечается особенно торжественно, вероятно, оттого, что этот праздник в представлении туниисцев связывается с религиозной церемонией ашура, приходящейся на 10-е число месяца мухаррама по мусульманскому календарю.

В своей основе ашура является днем страстей по имаму Хусейну, сыну четвертого халифа Али, и Фатимы, дочери пророка Мухаммеда. Хусейн был убит в 680 году под иракским городом Кербелой, и его сторонники, которые создали самостоятельное направление в

исламе — шиизм (от арабского слова «шиа» — «сторонники»), и сегодня отмечают этот день как день траура и скорби. Налет траура и скорби также ощущается в Тунисе, хотя его мусульманское население с XII века принадлежит к другому, суннитскому направлению ислама. Но поскольку, по мусульманскому преданию, 10 мухаррама является днем смерти имама Хусейна, прямого потомка основателя ислама Мухаммеда, и Фатима, дочь пророка, в этот день ходила на кладбище оплакивать гибель своего сына, то тунисцы в ашура посещают могилы своих усопших родственников.

Мухаррам в целом считается скорбным месяцем. Это пошло еще с X века, когда в Тунисе к власти пришла на два с половиной столетия шиитская династия Фатимидов. С тех пор и по сию пору в этот месяц не играют свадеб, не заключают помолвок и не празднуют рождение ребенка. Женщины не используют хну для того, чтобы разукрасить свои ладони и ступни ног, не позволяют себе выкрики, которые обычно сопровождают любое радостное семейное торжество. Сунниты, однако, считая такой фанатизм излишним, ввели в практику обычай подкрашивать сурьмой веки во время ашура, с тем чтобы «скрыть следы слез и выглядеть веселыми».

Отказ большинства тунисцев от посещения кладбища 10 мухаррама не мешает им называть ашура «нхар фадыль» — «благословенным днем». На этот счет есть даже своя легенда, истоки которой сунниты возводят еще к доисламским временам и против которой шииты, разумеется, категорически возражают. Согласно этой легенде, пророк Мухаммед, переселившийся в 622 году из Мекки в Медину, обнаружил, что еврейское население Медины отмечало в день, совпадающий с 10 мухаррама, годовщину перехода бежавших из египетского плена евреев через Красное море. Тогда Мухаммед решил выделить этот день и у арабов и рекомендовал мусульманам 10 мухаррама воздерживаться от пищи, раздавать милостыню и пожертвования, более ревностно молиться и разрешать назревшие семейные неурядицы. Большая часть тунисцев старается выполнять эти предписания пророка, постясь целый день и только вечером, как в месяц рамадан, принимая пищу. Наиболее религиозные из них, загадав желание, читают суру Корана «Очищение (веры)», что помогает скорейшему исполнению задуманного. 10 мухаррама — самый подходящий день, чтобы «погладить по головке сироту», т. е. оказать сиротам какую-то материальную помощь в порядке благотворительности, чтобы посетить своих родителей, если они живут отдельно, и

какого-либо мусульманского богослова, который в силу своего положения ближе к Аллаху, чем простой смертный.

В Коране, где говорится о большинстве религиозных праздников мусульман, об ашура ничего не сказано, и 10 мухаррама следует рассматривать не как религиозный, а скорее как традиционный народный праздник. Может быть, поэтому в день 10 мухаррама в Тунисе можно увидеть кроме описанных выше сцен такие картины, которые никак не связаны с религиозными представлениями фанатичных шиитов и более веротерпимых суннитов. Так, 10 мухаррама ребятишки устраивают на улицах костры и прыгают через огонь. Они бегают по улицам и, увидев прохожих, просят «флюс аль-газ лиль авляд», т. е. просят денег на керосин. И прохожие дают им мелкие монеты, на которые покупается керосин, чтобы вечером запалить собранные в округе старые доски от ящиков и другой горючий хлам.

Этот обычай зажигать костры и прыгать через огонь довольно распространен среди многих народов. По своему происхождению он связан также с началом Нового года и другими торжествами этого праздника, ибо огонь всегда символизирует радость и веселье: ведь ашура приходит всего через девять дней после начала мусульманского Нового года.

Эту связь ашура и Нового года подтверждает и тот факт, что 10 мухаррама дети наряжаются в одежду взрослых и устраивают уличные процессии, заходя по пути в гости. Этот обычай, так же как и все маскарадные шествия, в том числе и в масках, которые имеют место в некоторых городах Туниса, восходит к глубокой древности. Маски и переодетые люди, по представлениям древних, означали умерших родственников, которые появляются раз в год на земле, чтобы содействовать процветанию и плодородию земли, а также поинтересоваться делами своих живых сородичей.

10 мухаррама улицы городов необыкновенно оживленны. Коробейники на деревянных тележках распродают игрушки для детей, барабаны, дудки, петарды, различные ружья и пистолеты. Купленный товар тут же пускается в дело и создает невыразимый шум и грохот. Некоторые тунисцы говорят, что такое шумовое оформление создается специально и как бы символизирует тот шум и грохот, который был в бою под Кербелой. Такое объяснение должно польстить шиитам.

Перед входом на кладбище тоже толпятся торговцы. На их тележках — пышные булки и хлеб, зерна пшеницы и ячменя, зеленые и черные оливки. Посети-

тели кладбища покупают хлеб и оливки и тут же все раздают толпящимся нищим. Истоки этой традиции, конечно же, следует искать в глубокой древности. Хлеб—это дар божий, его так и называют—«наамат рабби». А оливки—дар неба. Эта скромная еда—хлеб и оливки—всегда была символом благочестия, мира и счастья. Принявший милостыню обычно произносит: «Пусть падет на него милость Аллаха», имея в виду похороненного на кладбище.

Купленные зерна пшеницы, ячменя и проса насыпают на могилы, предназначая их для голубей и других птиц. Ведь то же самое делают и на наших кладбищах. Птицы считаются посланцами из рая, они доставляют радость покойнику и скрашивают его одиночество. Некоторые семьи приносят на кладбище воду и заполняют ею небольшое углубление в могильной плите. Иногда сюда же кладут сухие финики, инжир, изюм, фисташки, миндаль. Всем этим запасаются накануне в городских лавках, расположенных на небольшой улице около Большой мечети. Фрукты и орехи также щедро раздают своим детям и нищим на кладбище. Во всяком случае, 10 мухаррама, по некоторым оценкам, тунисцы покупают и поглощают огромное количество этих вкусностей.

В день ашура особое внимание уделяют приготовлению пищи, которая в этот день более обильна и более тщательно приготовлена. Традиционным блюдом являются жареные цыплята и пирожки из пресного теста с куриным мясом. На этот счет существует даже поговорка: «Десятого мухаррама следует завтракать тем, что летает». Поэтому тунисцы в этот день не скупятся на большие расходы, даже влезают в долги, чтобы закупить цыплят. Подобное пристрастие к дичи также объясняется рекомендациями пророка Мухаммеда. В некоторых семьях готовят пирожки с начинкой из крема, который так и называется—«ашура». Это блюдо считается турецким по происхождению; как утверждают очевидцы, и сейчас в Турции есть кондитерские изделия, именуемые «ашура».

10 мухаррама—день больших расходов не только на продукты. Деньги идут на приобретение подарков и на раздачу членам семьи, особенно детям. Ведь в этот день все должны быть довольны и счастливы.

Ашура имеет и социальное значение. Женщины и девушки, идущие на кладбище, надевают самые лучшие одежды. Члены одной семьи, в основном женщины и дети, собираются вокруг могилы своего усопшего родственника. Здесь прощаются все обиды, даются обязательства жить в мире и согласии. Каждый должен

пыт. великодушным, продемонстрировать свое благожелательство и, разумеется, не углублять разногласия или раздражать склоки. По представлениям тунисцев, именно в этот день мертвецы просыпаются и до захода солнца внимательно слушают собравшихся у могил родственников, обсуждающих свои семейные проблемы.

Новый год в сегодняшнем Тунисе отмечается в течение трех дней, и для каждого из них предназначено специальное блюдо. Если первый день Нового года приходится на пятницу, то накануне в горшке, именуемом «макфуль», готовят особого вида рис «кускус» с сухой бараниной («кадид»). Кадид готовят из правой лопатки овцы, которую режут во время праздника разговенья. Этот праздник по мусульманскому лунному календарю наступает за 20 дней до Нового года и следует сразу за рамаданом — месяцем поста. Кусок баранины солят, сдабривают специями и подвешивают для просушки. Сухое мясо и сухие бобы, которые идут на приготовление этого блюда, символизируют окончание прошлогодних запасов.

В первый день Нового года обязательно (во всяком случае, прежде) готовят «млюхия» — приправу зеленого цвета из сорго, символизирующую начало Нового года. Вареные куриные яйца окрашиваются в желтый цвет — цвет плодородия. В некоторых семьях, для того чтобы наступивший год был удачным, считается необходимым «прикоснуться к золоту». Для этого хозяйка дома утром, когда просыпаются все домочадцы, пускает по рукам одну-две золотые монеты или какие-нибудь свои золотые украшения.

Сейчас многие обычаи забываются. Так, 10 мухаррима — рабочий день, и нет уже громких процессий и костров, дети спешат в школы, и лишь женщины гинутся на кладбище, к могилам родственников.

Кулинарные традиции тоже уходят в прошлое: сухие сладости уже не поглощаются в больших количествах, и лишь жареная курица продолжает украшать стол большинства тунисских семей.

Новогодние торжества дают возможность женской половине тунисских семей продемонстрировать свои наряды. Традиционный женский костюм здесь представляет собой кусок ткани, в который заворачиваются женщины. Поэтому пояс «хзам» — обязательный элемент этой одежды. В отличие от других арабских стран при изготовлении пояса тунисские женщины используют только нитки — шерстяные, шелковые или хлопчатобумажные, причем пояса бывают плетеные и тканые.

Современная мода властно вторгается в повседневную жизнь тунисцев. Ее влияние больше чувствуется,

разумеется, в столице и больших городах. Но в деревнях и небольших поселках основной продолжает оставаться традиционная одежда. И я с большим интересом собирал информацию о поясах женского традиционного костюма.

На побережье, от Бизерты до Махдии, тунисские женщины используют тканые пояса. В других районах, кроме Сфакса, островов Керкена и Джерба, распространены плетеные пояса; это объясняется тем, что коренное население здесь по преимуществу представлено потомками кочевых племен.

Для изготовления плетеных поясов шерстяные нитки обычного, белого цвета отбеливаются. Делают это по способу, известному еще в античности: на верх похожего на клетку сооружения, называемого «саххан» или «гфас», накладывают влажную шерсть или уже готовую пряжу, а под ним жгут серу, дым которой и отбеливает шерсть. Пояса делают из ниток одного цвета, в которые вплетают нитки другого цвета. Это действие имеет различную терминологию в разных районах Туниса: «такбис», «тагбид» или «тармиль». Все эти арабские слова означают действие — «скреплять», «связывать», «заматывать». Тармиль служит не только для того, чтобы сплести пояс, но и для того, чтобы сделать его более нарядным: ведь для скрепления параллельных белых нитей берутся нити других, ярких цветов, причем иногда шелковые.

Существует и иная техника изготовления поясов. Ремесленники делают это вручную, и тоже из шерстяных ниток. Размеры петель в таком поясе разные, отсюда и разные названия поясов. Так, пояс с петлями в полсантиметра называется «хзем мраер», а пояс, где петли в два раза больше, — «хзем грод». Иногда петлю делают удлиненной, называя ее и пояс с такими петлями «гарн газель», что буквально означает «рог газели»; длина пояса с такими петлями достигает 4—5 метров.

Женщины раньше сами красили шерсть, используя для этого различные натуральные красители. Цвета были прочные и живые, и пояса красиво оттеняли платье, особенно из темной ткани. Сейчас используют химические красители или покупаются на рынке уже окрашенные нитки. В окраске поясов преобладают оттенки красного цвета. Женщины из состоятельных семей носят пояса, богато отделанные серебряными или золотыми нитями. Для бедных такие пояса составляют важную деталь лишь праздничного костюма.

Тканые пояса также называются по-разному. Самым распространенным является «текка», изготавли-

смый из шерсти, шелка или хлопчатобумажных ниток. Он служит для того, чтобы поддерживать мужские панталоны. Пояс, которым подвязывают кусок ткани, в которую женщина заворачивается, называется «шем-ла». Его ширина—40 сантиметров, длина—3,5 метра. Сырую шерсть в провинции (вилайте) прядут сами женщины. Но ткачеством они не занимаются и передают пряжу ремесленникам, которые работают на горизонтальном станке—«нуль», имеющем четыре рейки, называемые «нират». Рейки служат для того, чтобы менять уровень основы—«мхаттем». Как правило, пояс ткется в полоску, причем, например, зеленый цвет, как правило, сочетается с белым, а красный—с черным. Пояса делают длинными, и женщина может обернуть его вокруг своей талии три раза и даже оставить кусочек, который кокетливо свешивается слева.

Женщины носят и шелковые пояса. В Тунисе натуральный шелк не производится и поэтому всегда ценился высоко. Сейчас искусственный шелк поставляется в мотках, но окрашивается на месте ремесленниками-специалистами. Нитка, скрученная из четырех волокон, идет на изготовление платков, платьев и юбок, нитка из шести волокон—на пояса, а из восьми волокон—на изготовление сутажа. Шелковые пояса могут быть самых разных цветов—красного, оранжевого, белого, черного, зеленого, а также коричневого и фиолетового; последние два называются «збиби» и «хезама». Длина поясов—3,5—4 метра, ширина—25—30 сантиметров.

Обычай носить пояс обуславливается особенностью женского костюма и исторической традицией, восходящей к античности; причем он был характерен для женщин всех стран Средиземноморья. На пунических стелах, обнаруженных в Тунисе, изображены женщины, задрапированные в свободного покроя платья с поясами.

С поясом связано несколько интересных церемоний, которые и сейчас соблюдаются в Тунисе. В первые два дня, на четвертый и на шестой день после свадьбы молодая женщина не носит пояса, так как он, по представлениям тунисцев, мешает зачатию ребенка. На третий, пятый и седьмой день приходится «тахзим»—так называется церемония «перепоясывания», совершаемая обязательно в присутствии маленького мальчика. Пояс, надеваемый на молодую женщину, означает, что она, как создатель новой семьи, берет на себя определенные обязанности. Этот же пояс еще раз используется во время родов. Одним концом его привязывают к

крюку, вбитому в стенку или потолок, а второй конец женщина берет в руки и тянет на себя, чтобы быстрее родить. Мусульманские богословы попытались дать свое объяснение и этому обычаю: в данном случае пояс символизирует связь роженицы с Фатимой, дочерью пророка.

В тунисском, как и в каждом мусульманском, обществе рождение ребенка — символ благоволения Аллаха. Ведь дать жизнь еще одному мусульманину есть выполнение религиозного долга — «зияда филь уммат Мухаммед», т. е. «увеличить число последователей Мухаммеда». Иметь много детей престижно. «Аль-маль валь банин зинат аль-хайят» («Богатство и дети суть украшения жизни») — эта фраза приписывается Мухаммеду, и ее смыслу должен следовать любой истинный мусульманин, если, конечно, у него это получается.

Ожидание ребенка — всегда радость. Когда молодая женщина сообщает мужу о своей беременности, эта новость воспринимается с большим удовлетворением: опасение, что жена бесплодна, всегда подспудно беспокоит его и его семью. Молодая семья, разумеется, желает иметь сына. Сын — наследник имени, будущий хозяин дома и опора старых родителей. Женщина, которая родила сына, более уважаема и любима мужем и его родителями. Девочка в традиционном мусульманском обществе всегда рассматривается как товар, не имеющий цены: она все равно покинет дом. Правда, полученные за нее деньги в виде выкупа от семьи будущего мужа могут послужить росту благосостояния ее родителей.

Сейчас отношение к женщине меняется, хотя все зависит от социального положения ее родителей и условий, в которых она живет. Ниже я поделюсь некоторыми сведениями об обычаях, связанных с рождением ребенка в провинциальной тунисской семье среднего достатка, жившей несколько десятков лет тому назад. Как и всякие обычаи, частично они ушли в прошлое, а частично соблюдаются и сегодня.

Когда время родов приближается, молодая женщина раскрашивает хной ладони рук и ступни ног и отправляется в баню, где хорошо прогревается. Считается, что это должно облегчить роды. Она собирает детское приданое, причем пеленки по традиции доставляют родители молодой. Все близкие родственники в ожидании этого радостного события собираются в ее доме, попутно осматривая и давая оценку и присланным пеленкам, и другим детским вещам.

Детское приданое складывается в сундучок. Причем в это приданое входят и вещи, которые потребуются

ребенку до двухлетнего возраста. Все рубашечки с тесемками на правой стороне называются «седрия». Так же именуют мужскую жилетку в арабских странах. Тем же словом называют детскую вышитую распашонку, в комплекте с которой идет вышитый тем же рисунком и сделанный из той же ткани чепчик — «тартур».

На седьмой после рождения день ребенка одевают особенно тщательно. Чепчик сменяется шапочкой «такния», распашонка — шелковой рубашкой «сурия». В этот день молодая мама встает с постели, готовит обед для всей семьи, а ребенок получает имя, которое повторяет имя деда или покойного дяди. Имя, если это мальчик, выбирают среди 99 имен Аллаха — «асма алла аль-хосна». Для девочки наиболее предпочтительны имена дочерей Мухаммеда.

По религиозной традиции следует остричь ребенку волосики, взвесить их и раздать милостыню неимущим. Размер подаяния должен соответствовать весу этих волосиков в пересчете на золото. Предусмотрена и другая церемония — «акика»: родители молодой женщины дарят барана, которого режут, а мясо раздают также неимущим соседям и родственникам.

На седьмой день ребенка впервые купают. В сосуд, где вода греется, бросают серебряную монету или серебряный браслет. Эта церемония купания младенца, на которую собирается вся семья, называется «тасхи-ма».

В церемониях седьмого дня участвует кроме родственников также «кабла» (акушерка), которая приняла ребенка. Как правило, это пожилая женщина, получившая свою профессию по наследству от матери или от свекрови. Кабла можно легко узнать по одежде даже на улице: она носит длинное зеленого цвета платье — «джебба», а ее лицо закрывает темная шелковая вуаль — «саба». Как правило, все акушерки принадлежат к обители какого-либо святого, причем занимают там главенствующую среди женщин роль. Поэтому к ее имени добавляют слово «нкиба», т. е. «главная», «уважаемая».

Часто кабла совмещает свою профессию с другой: она оmyвает покойников, что, впрочем, несколько не умаляет ее достоинства и не снижает уважения к ней.

Кабла появляется по первому зову в доме роженицы. Она приходит вместе со своей помощницей («садда-да») и специальным креслом-стулом, на котором арабки, да и не только арабки, рожают в домашних условиях. Этот стул высотой 65—70 сантиметров и

шириной 45 сантиметров имеет обитое материей сиденье, в котором сделано овальное отверстие. Стул окрашен в зеленый цвет. Вместе со стулом кабла приносит жаровню («канун») и курильницу для благовоний — небольшой глиняный сосуд («даггар»), куда на горящие угли бросают сухую лаванду. Пахучий дым должен отгонять злых духов и облегчать роды. Кабла устраивается на небольшой скамеечке лицом к роженице, которая рождает в кресле и крепко удерживается саддадой за плечи. Ребенка кабла принимает на руки, затем перерезает ему пуповину перочинным ножом, который приносит с собой в сумке, и перевязывает ее шелковой ниткой красного цвета.

Роды проходят в присутствии женщин, поэтому кабла первым делом показывает им ребенка, объявляя, кто родился. Если мальчик — женщины трижды испускают приветственные крики и одна из них выскакивает за дверь, чтобы сообщить «бшара» (радостную весть) отцу или деду.

Кабла делает и первый туалет ребенку. Она протирает тело младенца теплой салфеткой, подогретой на принесенной жаровне, массирует череп, чтобы придать ему круглую форму, и натирает тельце маслом. Затем пеленает дитя, а головку заматывает шелковой лентой, называемой «асаба». Веки ребенка кабла подкрашивает порошком сурьмы («кохль»), чтобы «усилить его зрение», а своим указательным пальцем, смоченным в смеси соленого масла и меда, называемой «лаик», она дотрагивается до неба, чтобы «развязать язык». После всех этих церемоний акушерка пеленает ребенка, и присутствующие женщины под собственные причитания передают его из рук в руки.

Однако роженица тоже нуждается в заботе, и ее осторожно укладывают в кровать. Ей готовят специальный гоголь-моголь, куда кроме яичного желтка и меда добавляют топленое масло. Эта питательная смесь называется «хлитин». Роженица облачается в новую красивую рубашку, часто из шелка, расшитую золотыми или серебряными нитями, ее волосы убирают под широкую ленту, на которой вышито изречение из Корана. Если рождается мальчик, на лбу молодой матери делают точку из благовонной смолы, называемую «вашка махтума». Приготавливая смолу, читают Коран.

Вообще каждая семья в Тунисе имеет небольшой сундучок, в который складываются вещи, нуждающиеся в благословении Аллаха. Этот сундучок обычно относят в мечеть или обитель марабута, где над ним читается Коран; тем самым все предметы становятся

освященными. В содержимое такого сундучка входят одежда, бутылки с водой, хлеб и другие предметы.

Мать роженицы скромно пристраивается у ног своей дочери на кровати, к которой привязывается кусок ткани; в нем — скорлупа яйца, зубчик чеснока, сушеный стручок красного перца и кусочек древесного угля. Все это должно уберечь молодую маму от сглаза и злых духов. Некоторые семьи соблюдают такой обычай: мать роженицы прикрепляет специальные амулеты на грудь своей дочери, чтобы было много молока, а к кровати подвешивает разрисованное куриное яйцо. Мне показали в Тунисе такое яйцо на базаре, где их раньше продавали в большом количестве. Яйцо было забрано в козух в виде перекрестных кожаных полосок и разрисовано полумесяцами, рыбками и ладонями. Сегодня такой амулет стал заурядным сувениром.

Все родственники оберегают и роженицу и ребенка от сглаза, злых духов и недобрых людей. Дед ребенка, особенно если родился мальчик, дарит своему внуку самый дорогой во всех смыслах (и по цене, и по содержанию) подарок, называемый «таклид». Это — золотая или серебряная цепочка с большим набором различных амулетов. Я видел на тунисском рынке такое ожерелье. Центральное место в нем занимает «базванк». Этим турецким словом именуют сделанный из серебра небольшой пенал, в который вложена записка с именами сподвижников пророка Мухаммеда, принимавших участие в битве при Бадре — «источнике пресной воды и рыночном пункте, расположенном в том месте, где дорога в Медину соединялась с главным караванным путем». Эта битва, происшедшая в 624 году между мусульманами во главе с Мухаммедом и его противниками из Мекки, окончилась победой мусульман и явилась важным моментом, способствовавшим росту авторитета последователей новой религии. Сам список имен последователей пророка, вложенный в пенал, так и называется — «ахль Бадр», т. е. «люди Бадра». На цепочку навешиваются и другие амулеты. На одном таклид я насчитал 13 предметов, включая серебряный пенал со списком. Здесь были ключ, рыба, пистолет, ящерица, сабля, колокольчик, замок, небольшой круглый сосуд с благовонием, топорик, ладонь с глазом и полумесяцем, круглая полированная бляшка из серебра и кусочек красного коралла. Все эти предметы не случайно навешиваются на ребенка. Сейчас уже нет людей, которые могли бы точно объяснить назначение каждого из них. Об этом можно лишь догадываться, хотя, без сомнения, каждый амулет в представлении тунисцев чрезвычайно важен и несет

определенную функциональную нагрузку в борьбе со злом.

Сразу после рождения ребенка мать или свекровь готовит «ашида», жидкую кашу из пшеничной муки, приправленную маслом и медом. Эта традиция характерна для всех тунисских семей, богатых и бедных, и связана с обычаем готовить это же блюдо в праздник дня рождения пророка Мухаммеда. Ашида раздается всем родственникам, соседям и знакомым и символизирует появление нового члена общества. «Я не пробовал у него ашида»,— говорит тунисец, чтобы дать понять, что не знает о рождении у кого-либо ребенка.

Все, кто приходит поздравить свою родню с рождением ребенка, разумеется, вручают подарки и новорожденному, и молодой матери. Самый ценный подарок, как упоминалось, дарит дед. Другие родственники приносят украшения из золота или серебра (в зависимости от их благосостояния) и очень редко деньги. Всех угощают пирогом с сухими фруктами, фисташками и медом. Это чисто тунисское кушанье готовят только по случаю рождения ребенка и посылают всем родственникам и друзьям.

В лавках тунисских торговцев сувенирами я видел много предметов, связанных с совершением некоторых традиционных обрядов. Но сейчас этих предметов становится все меньше: их вытесняют дешевые кожаные поделки, глиняные изделия, ковры и коврики, цветастые рубахи с арабским орнаментом и броскими названиями на европейских языках различных тунисских городов. И все равно визит на восточный базар всегда заманчив, ибо там можно неожиданно найти такие вещи, которые вызовут массу приятных воспоминаний и реминисценций.

Меня интересуют монеты. Товар в общем-то неходовой для тунисцев, скорее специфический, на любителя, не массового спроса. Поэтому у меня была некоторая доля уверенности в том, что здесь, в Тунисе, еще не налажено серийное производство фальшивых монет, и если тебе повезет, то можно приобрести настоящую римскую монету, чеканенную в одном из 27 монетных дворов Римской империи, или-ее «варварское» подражание, которое легко угадать по более грубому деградированному стилю. Кстати говоря, обладать фальшивой монетой, например так называемым «падуанцем», тоже можно считать большим везением. Резчик монетных штемпелей итальянского города Падуя Джованни Кавино, живший в XVI веке, изготавливал копии и подделки римских бронзовых монет, которые могут отличить от настоящего античного оригинала только специалисты.

Этим же делом промышлял и другой фальшивомонетчик — Беккер, умерший в 1830 году в Германии. Он вырезал 662 штампа, которыми чеканил подделки римских серебряных денариев и золотых ауреусов (1 ауреус = 25 денариям). Вряд ли стоит строго судить этих искусных мастеров своего дела, если даже известный греческий философ Диоген Синопский (ок. 400—325 годы до нашей эры) в молодости вместе со своим отцом Икесием занимался ремеслом фальшивомонетчика. Диоген вошел в историю философии как гражданин мира — «космополит», практиковавший крайний аскетизм и живший в двухметровом глиняном пифосе (бочке) из-под вина. Его участие в изготовлении фальшивых синопских драхм, на мой взгляд, не менее интересный факт его биографии.

На центральной улице тунисского рынка немало лавок, где среди цветастых керамических тарелок и кожаных сумок можно увидеть глиняные миски, куда без разбору свалены античные и средневековые монеты, которые находят крестьяне на своих полях, при тайных раскопках древних развалин или при разборке античных построек. Жизнь в древние времена была очень беспокойна, и, чтобы уберечь свои капиталы, человек при приближении врагов или отъезде в дальний город чаще всего доверял свои сбережения земле. Хозяин закопанного клада нередко погибал, и деньги оставались в земле до тех пор, пока кто-нибудь через несколько веков, а то и тысячелетий не находил их в развалинах или на пшеничном поле, бывшем некогда усадьбой свободного римского горожанина или вольноотпущенника либо местом очередного сражения. Наемные солдаты Карфагена и Римской империи прятали получаемые за службу деньги в поясах под латами или колпаках под шлемами. Вдали от родных мест, в тяжелых походах или сражениях, наемники погибали, и нередко их предавали земле вместе с их жалким снаряжением и имуществом. Вот почему в Тунисе, Ливии и других странах южного побережья Средиземного моря находят небольшие клады, состоящие из пяти-десяти серебряных и медных монет.

Но встречаются и крупные монетные клады. Мне говорили, что в Ливии, в районе города Мисурата, во время строительства дороги в 1984 году бульдозерист вывернул из песка амфору, полную золотых римских монет, еще не бывших в обращении: поле монеты, изображение и легенда на лицевой и оборотной сторонах были совершенно не стертые. Предполагают, что в эту амфору во время очередного политического осложнения было спрятано жалование солдат римской когор-

ты, стоящей в этом городе. Возможное время этих событий— III век.

На развалинах любых античных памятников мальчишки и солидные торговцы предложат вам старые монеты. То же можно сказать и о Тубурбо-Майусе, богатом городе, основанном берберами в центре плодородной равнины. Он был захвачен римским полководцем Сципионом Младшим во время последней, Третьей Пунической войны (149—146 годы до нашей эры), но в отличие от Карфагена оставлен целым, а в 27 году до нашей эры был избран местом для устройства колонии солдат-ветеранов императора Октавиана. Она просуществовала до конца VI века, когда эта *Republica Felix*, т. е. Счастливая Республика, пережившая несколько периодов упадка и подъема, была разрушена вандалами.

В другом городе, Эль-Джем, вокруг амфитеатра, шестого по величине в мире и лучше сохранившегося, чем римский Колизей, расположено несколько лавчонок для туристов с обязательным набором современных тунисских керамических изделий и фигурок, сработанных под древность местными мастерами. В одной из лавок я купил несколько монет, из которых одна бронзовая монетка с профилем императора Максимиана (235—238 годы правления) оказалась настоящей.

Уроженец Фракии, горный пастух, человек гигантской силы и исключительной храбрости, завербованный в войско Септимия Севера, Максимиан от простого солдата дослужился до командующего армией. Возглавив заговор против Александра Севера и убив его, стал императором, правда никогда не посетившим в этом качестве Рима. Он выступил во главе армии против германских племен, угрожавших римским границам, и нанес им поражение. Тем не менее римская знать, а также провинциальные крупные рабовладельцы были недовольны господством в империи «фракийского варвара». Это недовольство усилилось налоговой политикой Максимиана, заботившегося только о нуждах воинов. Так, в 238 году против Максимиана Фракийца поднялось население римской провинции Африка и именно в Эль-Джеме императором был провозглашен местный проконсул, богатый землевладелец, 80-летний Марк Антоний Гордиан Семпрониан. Соправителем Гордиана I стал его сын Гордиан II. Однако наместник Максимиана в Нумидии Капеллиан без труда подавил восстание. При столкновении с верными Максимиану войсками Гордиан II был убит, а его отец Гордиан I в Карфагене покончил жизнь самоубийством. В том же, 238 году римский сенат провозгласил императорами

двух сенаторов — Пупиена и Бальбина. Получив известие о восстании в Риме, Максимин двинулся в Италию. Города закрывали перед ним ворота. В армии начался голод. Воины, недовольные лишениями, расправились с Максиминим и его сыном. Но гибель императора не принесла спокойствия. В Риме по требованию войск и плебса императором стал 14-летний внук Гордиана I — Гордиан III, который правил шесть лет и даже успел принять участие в роковом для него походе против персов. Его соперники Пупиен и Бальбин были убиты преторианцами.

При таких напряженных событиях, часть которых разворачивалась вокруг Эль-Джема с его амфитеатром, вмещающим 30 тыс. зрителей, вполне возможно предположить, что местные жители, да и сами правители прятали деньги в самом надежном в то время месте — в земле.

К возникновению кладов были причастны и рабочие монетных дворов в Римской империи, состоящие из рабов и вольноотпущенников. В период выступлений против негодных императоров, естественно, с монетных дворов исчезали большие суммы, которые либо оседали в руках восставших, либо опять же прятались в землю до лучших времен. О таком самом крупном восстании в Риме — оно пришлось на годы правления императора Аврелиана (270—275) — рассказывает римский историк IV века Аврелий Виктор — автор книги «О цезарях». По его словам, 7 тыс. римских солдат погибло при штурме монетного двора, расположенного на холме, где укрепились восставшие «монетарии»¹. Да и в древнем Карфагене — он находился в 10 километрах от современной столицы Туниса, — где был монетный двор, наверняка тоже происходили волнения и хищения монет.

Мой поход на тунисский рынок оказался довольно удачным. Среди десятка покрытых черно-зеленой патиной монет я обнаружил несколько монет Галлиена (годы правления: 253—268), который был, пожалуй, одной из колоритнейших фигур среди римских императоров III века.

Для Римской империи III столетие было временем тяжелых гражданских войн и внешних кампаний, поразительным смешением роскоши и нищеты, сильных и жестоких личностей, искавших и не находивших выхода из судорожной агонии рабовладельческого общества. В этот бурный век императоры менялись очень часто: в

¹ Цит. по: *Казаманова Л. Н.* Введение в античную нумизматику. [М.], 1969, с. 52—53.

Риме и его провинциях сменилось 50 императоров, в то время как в первые два столетия новой эры было 22 императора.

Кровопролитная борьба претендентов на власть, бывшая на виду у всех, сопровождалась наступлением христианства на официальную религию Рима, на культ римских богов и императора. Римский юрист и философ Тертуллиан, родившийся около 160 года в семье римского офицера, прожил долгие годы в Карфагене и в 195 году принял христианство. Будучи активным защитником новой религии, пресвитер карфагенской общины Тертуллиан свидетельствовал о большом влиянии христиан в Карфагене в III веке. В период кризиса Римской империи в середине III века начались серьезные гонения на христиан. В 250 году император Деций (249—251) потребовал поголовной присяги, что выражалось в участии в императорском культе. Тот, кто приносил установленное жертвоприношение перед статуей императора, получал особое свидетельство. Тот же, кто отказывался от этой процедуры, рассматривался как враг империи. Многие христиане были брошены в тюрьмы или казнены².

В 257 году император Валериан начал новое гонение на христиан, во время которого погиб один из крупнейших христианских деятелей того времени — епископ карфагенской общины Киприан. Кстати, тот же Киприан, не только религиозный деятель, но и автор ряда книг, характеризуя обстановку в середине III столетия, писал, что «дороги сделались опасны от бесчинства разбойников, моря захвачены пиратами и весь мир, как бы разделенный на два противоположных лагеря, залит кровью»³.

В Северной Африке в течение всего III века шло глухое брожение в среде крестьянства. Наибольших волнений оно достигло в 238 и 291 годах, а в начале IV столетия вылилось в широкое движение циркумцеллионов. Под религиозными лозунгами христианской секты донатистов, основанной епископом Карфагена Донатом, это движение носило ярко выраженный характер социального протеста. «Странствующие толпы нищих бедняков, бродившие вокруг жилищ» — так переводится понятие «циркумцеллионы»; сами же они называли себя «святыми» или «борцами божьими», выступая в качестве мстителей за угнетенных и против-

² История Древнего Рима. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1982, с. 291—292.

³ Цит. по: Машкин Н. А. История Древнего Рима. М., 1947, с. 537.

ников общественного неравенства. Циркумцеллионы ос-
нобождали рабов и колонов, заставляли рабовладельцев
бежать за повозкой, прислуживать своим бывшим
рабам. Это движение поддерживали кочевые берберы.
(Оно приняло хроническую форму и длилось на протя-
жении IV—V веков⁴.

Портрет сына и соправителя Валериана, императора
Галлиена (который, кстати говоря, прекратил преследо-
вания христиан), довольно известен по его скульптур-
ным изображениям, хранящимся в музеях Италии,
Берлина, Парижа и Копенгагена. Один из скульптур-
ных портретов Галлиена в мраморе находится в ленин-
градском Эрмитаже. Небольшой, всего 22 сантиметра
высотой, он отличается от других его изображений
резко повернутой головой и решительным взглядом
запавших глаз из-под нависших надбровных дуг. Автор
очень четко уловил характер императора — храброго и
удачливого полководца, любившего подчеркивать свое
спокойствие и равнодушие к ударам судьбы. Так, когда
ему сообщили о том, что от Римской империи отпал
Египет, он сказал: «Ну что ж? Разве мы не можем
существовать без египетского полотна?» Когда Галлиен
узнал, что в Малой Азии произошло крупное землетря-
сение и скифы напали на римские гарнизоны, он
произнес: «Ну что ж? Разве я не могу жить без
пирожных?» После потери Галлии Галлиен, засмеяв-
шись, воскликнул: «Неужели безопасность государства
обеспечивается атрабатскими плащами?»⁵ Из Малой
Азии в Рим поступали мед и фисташки, которые шли на
изготовление пирожных, а шерстяные плащи, произво-
димые в Галлии и называемые по имени города атрабат-
скими, были широко распространенной одеждой.

Я внимательно рассматриваю лицевую сторону мо-
неты с портретным изображением императора в луче-
вой короне. Да, на монете точно изображен Галлиен.
(Об этом свидетельствует надпись: «Gallienus Avg».

На некоторых монетах имя выбито не полностью,
края неровные — оборваны, со щербинками. Такое впе-
чатление, что монеты были забракованы, а затем
кто-то все же пустил их в обращение. Во всяком
случае, монеты — новые, изображение на лицевой
стороне в основном четкое. Портретное сходство всех
монет довольно полное. Особенно поражает одна повто-

⁴ Кантерева Т. П. Искусство стран Магриба. Древний мир. М., 1980, с. 256—257.

⁵ Цит по: Соколов Г. И. Римский скульптурный портрет III века и художественная культура того времени. М., 1983, с. 134—135 («Из истории мирового искусства»).

ряющаяся деталь — курчавая борода императора. Галлиен носил довольно своеобразную бороду, которая располагалась на нижней части подбородка, заходя на шею, а на щеках переходила в бакенбарды, соединяющие бороду с волосами на голове. На всех монетах изображение бороды соответствует скульптурным изображениям в музеях. Именно эта деталь портрета и дает основание утверждать, что на монетах выбит именно император Галлиен, которому посвящено немало восторженных слов и хулы.

Римский историк Требеллий Поллион (один из шести авторов сборника «*Scriptores historiae Augustae*» — «Писатели истории Августов», посвященного биографиям императоров от Адриана до Нумериана) пишет о недолго царствовавшем в Галлии императоре Марии (который произнес обвинительную речь против Галлиена), ставшем единоличным правителем Рима после пленения персами его отца в 260 году. Осуждая Галлиена за его пристрастие к вину, роскоши и женщинам, Марий, бывший кузнец, говорил: «Хотел бы я всегда заниматься железом, а не погибать от вина, цветов, бабенок, трактиров, как это делает Галлиен, недостойный своего отца и своего знатного рода»⁶.

Положение на границах Римской империи в период правления Валериана и Галлиена было очень сложным. Два крупных племенных союза германских племен — франки и алеманны — перешли Рейн; готы непрерывно вторгались из-за Дуная в провинции империи, жестоко опустошая их, набеги кочевников Мавритании угрожали римским провинциям в Северной Африке, в частности неоднократно прорывая Триполитанский вал, построенный императором Августом для защиты Великого Лептиса, Эа и Сабраты; персидский царь Шапур занял Месопотамию. Валериан, оставив своего сына управлять западной частью империи, отправился на Восток. Он вытеснил персов из Сирии, но в 260 году в бою с персами, осаждавшими город Эдесса в Западной Месопотамии, попал в плен, а его армия была уничтожена. Валериан умер в плену, и его сын и соправитель Галлиен стал полноправным императором Рима. Когда ему доложили о пленении и смерти отца, Галлиен, любивший подражать философам Эллады, перефразировал слова «лучшего из философов», сказавшего о сыне: «Я знал, что родил смертного», таким образом: «Я знал, что мой отец — смертный»⁷.

Одно за другим вспыхивали восстания. Власть Гал-

⁶ Там же, с. 133.

⁷ Там же, с. 135.

лисна фактически признавалась только в Риме и Италии. В Египте, Галлии и других провинциях военачальники провозглашали себя императорами. Алеманны угрожали самому Риму. В 263—264 годах в Сицилии посстали рабы. В Средиземном море появились морские разбойники. В завершение ко всему в Италии разразилась эпидемия чумы, а в Малой Азии произошло сильное землетрясение. Подземные толчки были и в Италии и в Северной Африке, в частности в Ливии.

Политическая анархия в Римской империи усилилась. Пустая казна покрывалась с помощью чеканки неполноценной монеты. Деньги настолько обесценились, что торговый обмен стал чисто натуральным. Натурой собирали налоги, натуральными продуктами выплачивали жалованье чиновникам и воинам.

Но все это сухая, учебная история.

Галлиен же, изображенный на купленных в тунисской лавке монетах, был оригинальной личностью, причем его экстравагантность не сводилась только к бороде, по которой его можно легко узнать спустя и 17 столетий. Выходец из сенатской знати, он был сторонником греческих культурных традиций и вынашивал утопическую идею вернуть благополучие Римской империи с помощью гармонических форм искусства. Недаром его попытки возродить искусство древних греков историки называют «галлиеновским ренессансом». Они же отмечают приверженность императора к изобразительному искусству, его покровительство художникам, поэтам, философам. Сам Галлиен был незаурядным поэтом. Когда он женил своих племянников, все сто приглашенных греческих и римских поэтов читали в течение многих дней эпиграмм, посвященные новобрачным. В заключение праздника Галлиен, держа руки новобрачных, сказал следующие стихи, которые были признаны самыми удачными⁸.

ЭПИГРАММЫ

...Радуйтесь, о молодые! равно соревнуйтесь всей силой
Мышц меж собой: да дивятся—ропотам вашим голубки,
Вашим объятиям—плющ, створки раковин—вашим лобзаньям,
Вволю резвитесь! но бдящих лампад не гасите: лампы
Все по ночам следят, ничего наутро не помнят...

Галлиен устраивал спальни из роз, строил укрепления из фруктов, виноградные гроздья сохранял по три года, а в разгар зимы у него к столу подавались свежие дыни. Столы при нем всегда покрывались золотыми

⁸ Поздняя латинская поэзия. Пер. с лат. М., 1982, с. 455 («Библиотека античной литературы»).

скатертями. Пил он только из золотых бокалов «и не признавал стеклянных, говоря, что нет ничего более пошлого». Галлиен следил за своей прической, придавая волосам светло-русую окраску и посыпая их золотым порошком. Император носил пурпурную хламиду с застежками, украшенными драгоценными камнями. Ремни на его обуви были также осыпаны драгоценными камнями.

Особенную фантазию Галлиен проявлял в организации различных шествий и торжеств. Наиболее впечатляющими были торжества по поводу победы над персами в 262 году, вторгшимися в Сирию и Каппадокию. Галлиен отправился на Капитолий, окруженный сенаторами, жрецами и всем сословием всадников. Огромная процессия включала: воинов в белых одеждах и народ; рабов и женщин с восковыми свечами и светильниками; 200 белых быков с золотыми перевязями на рогах и 400 белых овец, блиставших разноцветными шелковыми покрывалами; 10 слонов; 1200 пышно разодетых гладиаторов с прирученными дикими животными, богато украшенными; крытые повозки с актерами и мимами; кулачных бойцов, бившихся между собой «не по-настоящему». На всех улицах стоял шум от игр, криков, рукоплесканий. Сам Галлиен был в украшенной вышивками тоге и тунике, расшитой пальмовыми ветвями. По обе стороны от него несли по 500 золоченых копий, по 100 знамен, «драконов, значки храмов и всех легионов». Шествие замыкали переодетые люди, изображавшие разные племена — готов, сарматов, франков, а также персов, и «в каждой группе было их не меньше двухсот».

В тот беспокойный век лишь человек деятельный и решительный, предприимчивый и энергичный, обладавший волевыми качествами и даже жестокостью, пользовался уважением современников. Заговоры против Галлиена были весьма частыми. Однажды, находясь в войсках и будучи не в состоянии успокоить солдат и привлечь их на свою сторону, «Галлиен по своему обыкновению убил их всех», пишет Поллион. Человеку, занимавшему самый высокий пост в государстве и не обладавшему достаточной жестокостью, трудно было даже просто выжить, и такой мягкосердечный правитель в сознании людей III века автоматически определялся как «пропащий негодяй», который не заботится о государстве и интересах своих граждан. Вот почему биограф Галлиена с уважением говорит о том, что, «доведенный до крайности... [император] становился стремительным, храбрым, энергичным и жестоким». Именно используя вспышку безрассудной храбрости

Галлиена, противники хитростью убили его в 268 году в возрасте 50 лет.

Упреки Галлиену в его бездеятельности в основном исходили от его противников. Императору все же удалось укрепить положение на Рейне и Дунае, подавить восстание в Паннонии и в Мезии, разбить персов и местных узурпаторов в Сирии. По поводу этой победы Галлиен «предался разврату и удовольствиям. Он устроил цирковые игры, театральные представления, гимнастические игры, а также зрелища, охоты и гладиаторские игры и призывал народ веселиться и рукоплескать, словно в дни побед»⁹.

Галлиен предпринял исключительный по смелости и мудрости политический шаг, когда согласился передать часть власти правителю Пальмиры — Оденату. Он оказал Галлиену большую услугу, разгромив персов в Северной Месопотамии, захватил города, лежащие в 50 километрах южнее Эдессы, где был пленен отец Галлиена, спустился до Ктесифона, столицы Сасанидов, и изгнал персидского царя Шапура I. За свои военные победы Оденат, остававшийся всегда лояльным по отношению к Галлиену, получил от него титул *Dux Orientis*, т. е. «вождь Востока», затем титул императора и командование над всеми римскими легионами, стоявшими в Сирии и Месопотамии. По указанию Галлиена в римском монетном дворе была выбита монета с изображением Одената, ведущего за собой пленных персов. После смерти пальмирского царя его жена Зенобия, отличавшаяся большой энергией и предприимчивостью, захватила Египет и большую часть римских владений на Востоке. «Она правила долго, не по-женски... — пишет Поллион, — но тверже и искуснее не только Галлиена (лучше которого могла бы править любая девушка), но и многих других императоров»¹⁰.

Приобретение монеты Галлиена на тунисском базаре побудило меня вспомнить историю жизни этого незаурядного римского правителя. А сколько еще монет продается на этом рынке и сколько интересных историй можно рассказать о Древнем Риме и его политике в Северной Африке!

⁹ Цит по: Соколов Г. И. Римский скульптурный портрет III в. н. э., с. 134—135.

¹⁰ Там же, с. 133 и 134.

ПЯТОЕ ВРЕМЯ ГОДА

Небольшой, чистый, уютный городок Хомт-Сук, центр острова Джерба, переполнен лавками и магазинами, выходящими прямо на улицу и забитыми керамическими изделиями, коврами местного производства, поделками из кожи и пальмовых листьев. В городе, разумеется, есть несколько банков и меняльных контор, открытых кафе и ресторанчиков, живописный крытый рынок, десятки больших и маленьких гостиниц, пансионатов и кемпингов.

Часть туристов приезжает сюда на машинах. В центре города, прямо у городского телеграфа и муниципалитета, устроена большая стоянка для автомашин. Она — платная, и водители должны опустить монетку в похожие на тарелку счетчики, стоящие на трубе как часовые. Высокий тунисец в длинном, до пят, полосатом бурнусе ходит среди автомобилей, смотрит на циферблат счетчиков и иногда останавливается у какой-нибудь «провинившейся» машины. Его подручный притаскивает тяжелый капкан, который прикрепляется на переднее колесо таким образом, что водитель не может уехать и даже не может его снять, поскольку для этого необходим специальный гаечный ключ. Мне кажется, что этого сурового, заковывающего машины в кандалы человека, хотя он и занят нужным делом, никто не любит. Поэтому он такой молчаливый, не отвечает на шутки и веселые приветствия сидящих за кофейными столиками пестро одетых туристов.

Климат Джербы давно занимал ученых и стал главным фактором, привлекающим сюда из Европы многочисленных туристов среднего достатка. Метеорологическая станция в Хомт-Сукке, работающая с 1903 года, дает фактические данные для оценки этого природного феномена, в формировании которого принимают участие Средиземное море и знойные пустыни материка. Самый жаркий месяц на острове — август (средняя температура $+29^{\circ}\text{C}$), а самый холодный — январь ($+12^{\circ}\text{C}$). Средний перепад температур самого холодного и самого жаркого месяца равен 15° , тогда как в материковых точках, например в тунисских городках Меденина и Кебиля, лежащих на той же

широте, что и остров Джерба, этот показатель составляет соответственно 18° и 22° .

Подобная термическая стабильность приводит к тому, что зима и весна на Джербе имеют несравненное очарование. Уже начиная с декабря безлистные миндалевые деревья покрываются пышными белофиолетовыми цветами, а вечнозеленые апельсиновые и лимонные деревья стоят в золотых и желтых плодах. Все это создает впечатление нереальности, сказки. Температура от $+13^{\circ}$ до $+15^{\circ}$ держится до апреля и затем постепенно начинает подниматься.

Чтобы лучше понять, почему европейцы именно в эти четыре месяца отправляются на остров Джерба, достаточно напомнить, что теплые дни с указанной только что температурой обычно наступают в Лиссабоне в марте, в Марселе — в апреле, в Берлине и Париже — в мае, в Дублине — только в августе. Не случайно в январе 1984 года на Джербе побывало 39,6 тыс. туристов, а ровно через год их насчитывалось уже 48,5 тыс.

Жаркое лето подкрадывается незаметно. В апреле — мае еще стоит теплая погода ($+18^{\circ}$ — 21°), и только с июня начинается постепенное увеличение температуры на два-три градуса в каждом месяце. В самом жарком месяце — августе — среднемесячная температура составляет $+27,5^{\circ}$, после чего так же медленно, как и весной, она начинает снижаться. Море снимает остроту температурных перепадов, что особенно заметно при сравнении с материковыми городами.

Особенности данного климата не остались незамеченными не только европейскими туристами. Французский путешественник Е. Гревен в своей книге, опубликованной в 1937 году, писал: «В Сфаксе вас уже покинула зима, в Габесе вы найдете весну, а в Тозере — лето. А на острове Джерба вы откроете пятый сезон, да-да, пятый сезон; здесь особый климат, несколько необычный, с большой сухостью воздуха, морским бризом, свежестью и ночными розами, рациональный и выдержанный во всем».

В 1942 году тунисский ученый С. Тлатли опубликовал книгу «Остров Джерба и его обитатели», в которой попытался выяснить причины этого удивительного климатического феномена и рассказать о его жителях, их берберском происхождении, религии и богатом прошлом. Об острове Джерба писали раньше, пишут и сейчас. Французский писатель Гюстав Флобер, собиравший материал для романа «Саламбо» о борьбе Древнего Рима с Карфагеном, посетил Тунис. Большой патриот Джербы, д-р С. Тлатли утверждает, что Флобер именно

этому острову посвятил следующие восторженные строки: «...покрыт золотой пылью, зеленью и птицами, где лимонные деревья высоки, как кедры... где воздух так сладок, что не дает умереть...»

До того как я посетил Тунис, мне рассказывали, что на острове Джерба изготавливают особые тканые шерстяные ковры, которые пользуются большим спросом. Хозяин гостиницы, где мы остановились, знакомит нас с человеком, который может отвести в ковровую мастерскую. Несколько минут езды на автомашине — и мы у дверей одноэтажного дома. Нас встречает хозяин мастерской, и мы сразу же идем на склад. Здесь повторяется виденная много раз в Каире, Багдаде или Тегеране сцена. Мальчишки и другие работники склада снуют как муравьи, доставая с полок и из потайных углов шелковые и шерстяные ковры всевозможных цветов и размеров. Они разворачивают перед нами пять, десять, пятнадцать ковров! Я останавливаю это представление и говорю, что меня интересуют не эти замечательные ковры — они ручной работы, чисто шерстяные или из натурального китайского шелка, с орнаментом средневековой Персии или тунисского Кайруана, — мне нужны ковры, которые ткутся на горизонтальных станках и называются «клим». Но хозяин неумолим. Он перечисляет достоинства своих ковров, обещает отправить их в любую европейскую страну за небольшую дополнительную плату и для пущей важности добавляет, что вместе с братом имеет в ФРГ еще один магазин, в котором покупатели не переводятся.

Да, от опытного хозяина отвязаться трудно, и я иду на запрещенный прием, спрашивая, сколько стоит самый маленький из брошенных под ноги ковров. Он называет цену, и мы, переглянувшись между собой, говорим, что, к сожалению, такой суммой не располагаем. Интерес хозяина к нам сразу падает, и он устремляется к другой группе туристов. А мы неторопливо направляемся к выходу. Нас ведет мальчишка лет десяти, слышавший весь разговор с хозяином, ведет другой дорогой — через мастерскую. У металлических вертикальных рам, затянутых в паутину хлопчатобумажной основы, сидят женщины — старые, молодые и совсем девочки — и, проворно перебирая пальцами, продергивают цветные нитки. Перед каждой бригадой в три-пять человек, работающей над одним ковром, прямо к нитяной основе прикреплен сделанный на миллиметровке рисунок будущего ковра. Всего в этой мастерской трудится около 50 мастериц.

Шустрый мальчонка — его зовут Зейд — повел нас через мастерскую, явно не спросив на это разрешения

хозяина. Я спрашиваю нашего симпатичного юного друга, как он попал сюда и почему не учится.

— У меня здесь работает мать,— отвечает парнишка.— Отец уехал за границу на заработки. Когда же мне учиться, если я должен помогать матери кормить своих младших сестер и братьев.

Мы прощаемся, и, когда уже садимся в машину, мальчик кричит нам вслед:

— На центральной улице у мебельного магазина есть мастерская. Там делают нужные вам ковры. Работника зовут Мунджи. Он добрый и все вам покажет.

Действительно, у небольшого магазина с витриной, заставленной мебелью, производимой на фабрике города Сфакс, стоит обитый гофрированным железом высокий сарай. На створках открытых настежь дверей висят ковры, сделанные из толстых некрашенных шерстяных ниток белого, черного и коричневого цвета. Орнаменты—разные. Вот на белом фоне изображена виноградная гроздь, но если перевернуть ковер-клим, то этот рисунок видится уже деревом. Узор другого клима представляет собой ломаные линии, идущие по краям ковра. Третий ковер—просто белый, и лишь широкая коричневая кайма оттеняет его белое поле.

В сарае стоит несколько горизонтальных двухъярусных станков, называемых «нуль араби». Именно на них—с помощью челнока и толстой нитки из натуральной овечьей шерсти—и ткется интересующий нас ковер. Его именуют словом «килим», а в Тунисе и Ливии, опуская первую гласную,—«клим».

Мунджи, молодой парень лет 25, оказался на месте и, встав из-за станка, согласился быть нашим гидом. Вот что мы узнали.

Для работы используется овечья шерсть—«суффаллюш», где «аллюш» означает «овца», «ягненок». На станке натягивается в два уровня «фарраша» (основа) из суровых хлопчатобумажных ниток. Для работы используется несколько ручных челноков—«назек», в каждый из которых вкладывается «фара» (моток нужных ниток). Мунджи показывает отполированный до блеска с открытым верхом деревянный челнок длиной около 40 сантиметров с утонченными концами, в которые для утяжеления вделано шесть свинцовых бляшек. Уровни в станке меняются ногами с помощью «герс» (педалей), подвязанных через систему блоков к раме с натянутой основой. Колесики в этой системе, сделанные из дерева, называются «бакра». Во всю длину станка идет штанга—«деф», на которую руками опирается ткач, когда меняет ногами высоту уровней основы.

Каждый ковер размером 1,5×1 м изготавливается на станке одним мастером за четыре дня и затем расчесывается металлической щеткой — «гурдам». Один клим стоит 15—20 тунисских динаров. Для сравнения можно сказать, что в первой мастерской ковры с персидским орнаментом, взятым со старых ковров, привезенных во времена турецкого господства из Ирана, стоят в 100—150 раз дороже.

Мунджи действительно оказался любезным и знающим мастером. Когда я, например, не мог понять слово «аллюш», он принес из угла старую овчину и, потрясая ею перед моим носом, терпеливо объяснил, что здесь, на острове Джерба, да и в Тунисе вообще, овца называется «аллюш». В углу мы заметили человека. В темноте сарая он показался молодым, но, когда встал и подошел к нам, мы увидели очень старого и очень худого мужчину. Он сидел в углу и сучил шерстяные нитки с помощью «нданам» — вертикального колеса с ручкой.

Из восьми станков в мастерской используются только два. Нет спроса, хотя ковры, изготовленные Мунджи, совсем недорогие. Лавка и мастерская принадлежат другому человеку, хозяину, а он, Мунджи, работает здесь вместе с этим почти высохшим стариком. Им платят сдельно, с каждого ковра, поэтому, естественно, они заинтересованы в увеличении продажи.

Уходим от Мунджи, нагруженные его изделиями, которые издают специфический запах овечьей шерсти. Несколько климов я подарил своим московским приятелям.

На крытом рынке в центре Хомт-Сука среди ковров, керамических изделий, поделок из кожи и пальмовых циновок можно встретить изделия ремесленников из золота и серебра. Золотых дел мастера работают прямо в своих лавках, изготавливая брошки, тяжелые и легкие ручные и ножные браслеты. Мастера по серебру свое искусство не любят демонстрировать и работают в отдельных помещениях, часто на дому, передавая свои секреты из поколения в поколение. Среди джербинских ювелиров 99% составляют лица еврейского происхождения, которые первыми переселились сюда 2,5 тыс. лет назад. В деревне Гриба находится одна из древнейших синагог, построенная в 588 году группой переселенцев из Византии. Если вам доведется с кем-нибудь беседовать об искусстве еврейских мастеров на острове Джерба, то вы обязательно услышите имя мастера Немни, который жил в начале XX века. Его вещи, особенно браслеты и массивные застёжки, были изго-

товлены из особо обработанных серебряных пластин, и никто из последующих мастеров не смог повторить его изделия.

История возникновения украшений из драгоценных металлов и камней и других более простых и доступных предметов уходит в глубокую древность. Наши далекие предки—как мужчины, так и женщины—носили ожерелья из зубов диких животных или обработанных цветных камней. А на храбром воине-наемнике карфагенской армии Мато, ливийце огромного роста с черными курчавыми волосами из романа Флобера «Саламбо», было почетное ожерелье из серебряных полумесяцев.

Любое украшение, по сути дела, несет определенную социальную нагрузку. Люди хотят подчеркнуть свое положение в обществе, свой достаток либо продемонстрировать свой вкус. Свидетельством благосостояния в традиционном представлении тунисцев кроме владения землей и домом являются еще и личные драгоценности женской половины семьи. О богатстве той или иной джербинской семьи судят по тому, как много золотых украшений имеют женщины, а не по тому, есть ли у семьи счет в банке либо акции каких-нибудь компаний. Кстати, приобрести золотые украшения—значит удачно поместить свободные деньги. Это делает, например, невеста, получающая от жениха в качестве подарка некоторую сумму перед свадьбой. В случае крайних финансовых затруднений тунисец может сдать, скажем, два браслета в государственный ломбард, где сразу получит 60% их номинальной стоимости. Подобная практика распространена повсюду в Тунисе, а на острове Джерба в особенности.

Самая большая проблема для джербинских ювелиров сегодня сводится к тому, чтобы добыть сырье, поскольку золота в свободной продаже нет. Государство выделяет некоторое количество драгоценного металла лишь тем ювелирам, которые сдали экзамен и получили специальный сертификат, свидетельствующий об их квалификации. Поэтому мастера изыскивают средства, чтобы приобрести старые золотые изделия или монеты, которые они переплавляют. Иногда эти старые украшения, идущие в переплавку, нередко сами по себе представляют ценность, но, если они не отвечают современным вкусам джербинцев, их без сожаления отправляют в тигель. Что касается серебра, то оно имеется в свободной продаже и мастера вполне могут приобретать его для изготовления украшений.

Золото и серебро почти всегда сочетаются с полудрагоценными камнями, а также с жемчугом. Джербинские мастера широко используют ляпис-лазурь, счита-

ющийся «живым камнем», агат, нефрит и особенно коралл, который добывают в Средиземном море и обрабатывают в тунисском городе Табарка. В джербинских традиционных украшениях отсутствуют из-за своей дороговизны такие драгоценные камни, как бриллиант, изумруд, рубин или сапфир: ведь традиционные украшения делаются в основном для людей среднего достатка, а богачи, если уж им очень захочется, могут купить украшения с драгоценным камнем и за границей.

Техника изготовления большинства украшений, и прежде всего кольца и браслетов,— филигрань, заимствованная, как считается, из испанской Андалусии. В качестве доказательства такого заимствования приводят многочисленные факты обнаружения филигранных изделий во время раскопок в районе испанского города Гранада. Из золота и серебра изготавливаются обязательные здесь серьги. Они имеют вид треугольника с подвесками. Традицию изготовления таких украшений следует искать уже в Древнем Египте. Среди ювелирных изделий немало предметов с крупными, в форме кабошона, полудрагоценными камнями. От времен колонизаторов остался обычай делать кольца или ожерелье из золотых английских гиней, серебряных долларов, золотых турецких лир и других монет.

Амулеты и талисманы, призванные уберечь от сглаза и принести удачу их обладателю, можно рассматривать как традиционные украшения джербинской женщины.

Здесь главное значение имеет символ изображения, а не материал или манера исполнения. Среди талисманов наибольшей популярностью пользуется изображение «хута», т. е. «рыбы». Еще в античные времена в Карфагене изображение рыбы ассоциировалось с пунической богиней Танит. Флоберовская Саламбо, дочь карфагенского полководца Гамилькара Барки и старшая сестра десятилетнего Ганнибала, стенала по поводу гибели рыб, пасть которых была украшена драгоценными камнями. «Происходили эти рыбы от первобытных налимов, породивших мистическое яйцо, в котором таилась богиня» Танит. Кстати, иногда Саламбо надевала янтарное ожерелье с дельфиновыми клыками, которое рассеивало страхи. Первые христиане, подвергавшиеся гонениям со стороны римских властей, сделали изображение рыбы символом Иисуса Христа, а иудеи считали такой оберег самым действенным средством против сглаза. Так уж, видимо, исторически сложилось, что на острове Джерба смешались представления старых и новых религиозных воззрений, согласно которым изображение рыбы считалось самым

надежным средством против жизненных напастей и невзгод.

Следующим после рыбы предпочтительным амулетом является оберег с изображением открытой ладони правой руки, называемой на Джербе «хамса». Европейцы именуют эту руку «ладонью Фатимы», ошибочно полагая, что пять пальцев руки символизируют пять столпов ислама (исповедание веры, молитва, пост, узаконенная милостыня и паломничество). Что касается самого имени Фатима, принадлежащего дочери пророка Мухаммеда, то европейские колонизаторы так называли всех арабских женщин. Тунисские этнографы полагают, что амулет «ладонь Фатимы» получил распространение лишь в конце прошлого века в связи с появлением в Тунисе французских колонизаторов. А на мой взгляд, это произошло значительно раньше: ведь в X—XII столетиях здесь правила династия Фатимидов, позволившая свое происхождение от дочери Мухаммеда. В любом случае в магии финикийцев и древних египтян цифра пять считалась приносящей счастье, а открытая человеческая ладонь, да еще с глазом, перечеркнутой стрелой, была охранительным символом-амулетом.

Амулет с изображением полумесяца называется «хиляль». Так же как и рыба, полумесяц был символом карфагенской Танит, богини Луны. Та же Саламбо, стоя на краю террасы дворца в Карфагене и созерцая луну, шептала, обращаясь к богине и примешивая к словам отрывки из гимнов: «Как легко ты кружишься, поддерживаемая невесомым эфиром!.. По мере того как ты нарастаешь или убываешь, удлиняются или суживаются глаза у кошек и пятна пантер. Жены с воплем называют твое имя среди мук деторождения!.. И все зародыши, о богиня, исходят из тьмы твоих влажных глубин... Куда ты идешь? Зачем постоянно меняешь свой образ? То, изогнутая и тонкая, ты скользишь в пространстве, точно галера без снастей, то кажешься среди звезд пастухом, стерегущим стадо...»

Среди амулетов часто встречается изображение головки змеи, тоже восходящее к традициям Древнего Египта. Самым распространенным был оберег с коброй, символизирующей божественное предопределение и царскую власть. Фигурка кобры с раздутым капюшоном, называемая «урей» (знак священной змеи Урей был символом фараона), служила обязательной деталью высокой короны фараона и царского платка — «клафта», спускающегося тремя концами на плечи и спину. Урей украшал также корону жен фараонов, а голову древнеегипетской богини Исиды венчала корона

из уреев. (Бронзовая фигурка шествующей Исиды с венцом из уреев находится в Государственном музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина.) Исида сумела сохранить свое влияние именно как покровительница семейной жизни, как символ верной жены и любящей матери. Ее культ получил особенное распространение в I тысячелетии до нашей эры не только в Египте, но и за пределами долины Нила. Поэтому стоит ли удивляться, что джербинская женщина носит амулеты с изображением змейки или браслет, оба конца которого имеют вид головок двух кобр с раздувшимися капюшонами.

Культ Исиды распространился в Риме во время Второй Пунической войны и впоследствии настолько захватил римлян, что сенат был вынужден на протяжении десяти лет четыре раза принимать закон о его запрещении (в 58, 53, 50 и 48 годах до нашей эры). О шумных мистериях Исиды пишет Апулей в своей книге «Золотой осел». Отмечавшийся в Риме праздник Навирум Исиднас (Ладья Исиды) был праздником весны.

Поклонники Исиды не перевелись и в новое время. В 1875 году в Нью-Йорке русская эмигрантка Елена Блаватская, принявшая американское гражданство, основала Теософическое общество и опубликовала несколько своих книг, в том числе «Исиду без вуали». Блаватская была двоюродной сестрой виднейшего государственного деятеля дореволюционной России графа С. Ю. Витте, который посвятил ей несколько страниц своих воспоминаний¹.

Известно, что в начале нашего века последователи Исиды тайно, по ночам собирались близ Парижа в Медонских лесах, в местечке Шен-де-Миссион. За несколько лет до начала второй мировой войны вновь назначенный в этом местечке священник приказал удалить из церкви изображение женщины в длинном, до пят, зеленом платье с египетским знаком «анх» на шее, в короне с крохотным изображением змеи. Оказалось, что эту фигуру все местные добропорядочные католики считали девой Марией и усердно ей молились, пока не прибыл новый, более грамотный священник.

Во всех арабских странах женщины носят на груди небольшие цилиндрики из золота и серебра. На острове Джерба их называют «харз». Сами по себе они еще не являются оберегом. В харз следует вложить записку со стихами из Корана, или текст какой-либо охранительной грамоты, или начертанные на клочке бумаги маги-

¹ Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 1. М., 1960, с. 6—12.

ческие слова и цифры. Выйдя замуж, женщина может туда положить и копию свадебного контракта.

Лучшие свои драгоценности девушка, разумеется, надевает во время свадьбы, самого памятного для нее события. Среди них драгоценности, купленные ее родителями, и те, что подарили ей муж и его семья.

Сидящая на подушках джербинская невеста сверкает, как украшенный золотом и серебром иконостас или языческий идол. Лоб девушки украшает тонкая диадема — «вишвиш», сделанная из круглых золотых медалей или монет. Золотым водопадом на грудь спускаются длинные височные, прикрепляемые к головному убору серьги, называемые «риханат» и «мухбуб». Они составлены из нескольких рядов золотых цепочек, на которые нанизаны золотые пластинки, полумесяцы, монеты и пр. Как правило, височные серьги не имеют никаких камней. Уши невесты оттягивают большие круглые серьги — «алляга», которые могут быть украшены полудрагоценными камнями или эмалью. В течение первого года жизни всем девочкам на острове прокалывают мочки ушей. Иногда ушные серьги столь массивны, что мочки ушей у женщин сильно вытягиваются или даже разрываются.

В день своей свадьбы девушка иногда надевает до 15 разных коле и ожерелий. Здесь и золотые мониста, называемые «шерка», и коле из полудрагоценных камней, вделанных в золото или серебро, и жемчужное ожерелье, и золотые цепочки разного калибра, и ожерелье из амулетов, и бусы из сандалового дерева. Порой женщины пристраивают среди этого изобилия золотых и серебряных украшений еще застежку (типа фибулы) в виде полумесяца, к которой цепляются всевозможные цепочки. Такая же застежка удерживает кусок ткани, в который драпируется женщина. Сегодня определенно считают, что лучшие фибулы — из массивного литого серебра — делают берберские мастера.

Запястья девушки украшают браслеты различных стилей и образцов. Они могут быть из массивного золота или серебра и выполнены в технике филиграни, или с чеканкой, или наборные из золотых монет, или литые, или гладкие, или полые, или литые. Некоторые браслеты имеют небольшой разрыв. Тогда на концах изделия делаются утолщения в виде, как уже упоминалось, змеиных головок.

Как правило, ладони невесты (а иногда и тыльная часть) окрашиваются хной. Почти каждый палец руки украшает кольцо с полудрагоценным камнем. Разнообразие здесь меньше, чем в браслетах или ожерельях. Обручальные кольца — результат европейского вли-

яния, и притом только в последнее время, хотя джербинские женщины из еврейской колонии такие кольца носили.

На ногах у невесты — ножные браслеты «халькаль», которые бывают из золота или серебра, сплошные или с разрывом, полые или литые. Раньше ножные браслеты носили только замужние женщины.

Все эти традиционные украшения сегодня, как и везде в других странах, постепенно исчезают, переплавляются, сдаются скупщикам или перепродаются иностранным туристам. Джербинская женщина все больше ориентируется на европейскую моду, в которой почти нет места тяжелым, массивным и в общем-то дорогим изделиям. В небольшом зале маленького краеведческого музея Джербы собраны традиционные женские украшения. И все же, для того чтобы, как говорят на острове, «порадовать глаза», лучше просто пройтись по крытому рынку, где, подтверждая слова о нынешней непопулярности традиционных украшений, почти в каждой лавке свалены уникальные по своему исполнению тяжелые серебряные ножные и ручные браслеты и ожерелья с цветными полудрагоценными камнями и кораллами.

Когда я начал описывать все эти бесчисленные украшения, помогающие представить себе внешний облик молодой туниски, мне снова вспомнилась благочестивая красавица карфагенянка Саламбо. Вероятно, мне не следовало братья за это — достаточно было привести один абзац Флобера: «Волосы ее, посыпанные фиолетовым порошком, по обычаю дев Ханаана, были уложены наподобие башни... Сплетенные нити жемчуга прикреплены были к ее вискам и спускались к углам рта, розового, как полуоткрытый плод граната. На груди сверкало множество камней, пестрых, как чешуя мурены. Руки, покрытые драгоценными камнями, были обнажены до плеч, туника расшита красными цветами по черному фону; щиколотки соединены золотой цепочкой, чтобы походка была ровной, и широкий плащ темного пурпурового цвета, скроенный из неведомой ткани, тянулся следом, образуя при каждом ее шаге как бы широкую волну».

В старом порту города Хомт-Сук находится небольшой рыбный ресторан «Принцесса Харун». В объявлении, помещенном в местной газете, отмечалось, что повара ресторана международного класса готовят блюда тунисской и французской кухни. К тому же с террасы ресторанчика открывается прекрасный вид на море. После такой рекламы не отведать рыбной кухни было бы непростительно, и в один из вечеров мы

отправились по набережной, засаженной высокими эвкалиптами, мимо гостиниц «Фаиз» и «Лотос» в старый порт.

Ресторан — единственное в округе двухэтажное здание с террасой — виден издалека. У входа стоит опутанная снастями и старой сетью большая рыбацкая лодка. Рядом — фонтан из нескольких, поставленных боком друг к другу больших глиняных горшков, в которых и сейчас тунисцы хранят воду, вино, зерно и оливковое масло. Вода, бьющая из скрытой трубы, переливаясь через край вертикально поставленного горшка, постепенно переходит в другие и сбегает в небольшой бассейн.

Фонтан по джербинским условиям — большая роскошь. Воды на острове не хватает, и в каждом гостиничном номере к стене прикреплено отпечатанное типографским способом на французском, английском и немецком языках объявление: «Пожалуйста, экономьте воду».

Почему Средиземное море не богато рыбой? Причин много. По-видимому, самая важная из них — загрязненность разными ядовитыми отходами, сбрасываемыми промышленно развитыми странами Европы. В некоторых местах европейского побережья Средиземного моря даже запрещено купаться. А все ливийское побережье усеяно черными нефтяными шариками и нашлапками, и после прогулки по пляжу нужно отмывать подошвы жидким мылом.

Тем не менее выбор продуктов моря в ресторанчике неплохой: «коктейль» из креветок, жареные кальмары, приготовленные разными способами ставрида, кефаль, палтус, камбала, морской окунь. Рыба в ресторан поступает с рынка. Необычен для нас так называемый тунисский салат, где мелко порубленные овощи подают с одной сардинкой и ломтиком апельсина.

Помня красочные рыбные рынки портов Красного моря и Аденского залива, я увлекаю своих спутников снова в центр города, где рядом с мясными лавками тянется длинный прилавок рыбного ряда. Но живописной картины здесь мы не увидели. На мраморном прилавке стоит несколько ящиков с серебристыми сардинками или серо-зелеными морскими окунями. Вся рыба удивительно скромных размеров. Наше любопытство вознаграждается знакомством с Масмудом, пожилым рыбаком, коротавшим время за чашкой кофе в ожидании своих товарищей, вышедших в море. На нем — европейские брюки и мятая цвета хаки рубаха.

— Вы пришли слишком поздно, — говорит Масмуд. — Рыба бывает рано утром. Ее везут в корзинах на

велосипедах, мотоциклах или просто на тачках. Главное — побыстрее добраться до рынка. Сразу после приезда на рынок весь улов предъясняется муниципальному финансовому инспектору. Он взвешивает рыбу и взимает налоги. Затем товар поступает к двум работникам рынка. Они сортируют рыбу и насаживают ее на веревочки, сплетенные из пальмовых листьев. Каждая связка должна весить 0,5—1 килограмм. Она называется «шук», а рабочие, которые ее делают, — «шеккак».

Пока Масмуд отвлекается на беседу с другим рыбаком, я вспоминаю, что одно из значений арабского глагола «шакка» — «колоть», «прокалывать». Отсюда — слово «шаккак»; так называют человека, который что-то насаживает или прокалывает. Однако термин «шук» в значении «связка» я встречаю впервые.

— В связках рыба взвешивается еще раз и поступает к работнику рынка, которого мы называем «далляль», — продолжает Масмуд. — Он продает рыбу с аукциона. Вот он, видите, сидит на высокой табуретке и держит в руках связку рыбы. На рынке четыре таких крикуна.

Действительно, на высоком табурете за прилавком сидит довольно молодой парень и выкрикивает какие-то слова. Я различаю выражение «бабалла, гидеш, гидеш». Значение первого слова разобрать трудно, зато второе ясно: «гидеш» на диалекте означает «сколько», «почем». Видим, как он передает связку покупателю и тот выплачивает ему деньги. Слева от аукциона находится небольшой прилавок, где продаются крупная рыба и королевские креветки по твердым ценам. Этот прилавок принадлежит Национальному управлению рыболовства Туниса, и здесь приобретают рыбу солидные покупатели, которым неудобно толкаться за мелочью в толпе и торговаться с продавцами-крикунами.

Знакомство с Масмудом и его друзьями позволило узнать много интересного о трудной профессии рыбаков острова Джерба. Хотя в целом запасы рыбы в Средиземном море убывают, акватория вокруг Джербы является одним из важных центров воспроизводства рыбных богатств и рыболовства, который по своему значению выходит за национальные рамки Туниса. Береговая линия острова протянулась на 130 километров. Море у северного побережья, где расположены Хомт-Сук, Бордж-Джилли, Тургенес и другие городки и поселки, усеяно коралловыми рифами, которые разбиваются волнами, накатываемыми северным ветром — «баррани». Здесь обитают морской окунь, карась, кефаль, ставрида. Море у южного побережья более мелко, здесь больше песчаных отмелей, которые облю-

ловали донные рыбы, такие, как камбала и палтус. Промыслу на этом побережье, где расположены поселки Аджим, Галлала, Агир и другие, мешает сильный южный ветер — «гибли», который дует из Сахары и приносит мелкую пыль, высокую температуру и резкие перепады давления. Восточное и западное побережья усеяны рифами и менее посещаемы джербинскими рыбаками из-за своей удаленности от основных поселков и, следовательно, центров потребления.

В 1953 году было закончено строительство через узкую протоку в районе города Кантара семикилометровой дамбы, которая связала остров с материком. Но дамба перекрыла путь для миграции рыбы от ливийского побережья в сторону лагуны Бу-Грара, где она набирала вес. Ущерб, нанесенный рыбным богатствам этим сооружением, был настолько очевидным, что в 1960 году на дамбе возвели мост, под пролетами которого вновь стала циркулировать вода, а рыба — соответственно мигрировать.

Однако количество рыбы, обитающей близ Джербы, не было восстановлено, и, более того, оно постоянно уменьшается. Причины разные: и хищнический лов с применением запрещенных снастей, и загрязнение вод многочисленными отелями, построенными на побережье, и увлечение туристов морской охотой, и болезни рыб и морских организмов. Тем не менее корпорация джербинских рыбаков существует, хотя добывать рыбу дедовскими способами становится все труднее.

Ловля на крючок на Джербе, как и везде, считается занятием для любителей, а не для профессионалов. Джербинский рыбак, для которого море и его богатство являются источником существования его семьи, возьмет удочку с одним большим крючком лишь для того, чтобы поймать крупного, 8—10-килограммового морского окуня или кефаль, хотя каждый рыбак на острове знает как снаряжать различные снасти: из двух, трех крючков и более; донки, которые ставятся на ночь; для лова с идущей парусной лодки на живца; перемет.

Джербинский перемет, называемый «брэнгали», имеет длину от 1 до 3 километров. На толстую нейлоновую веревку через каждые 80—100 сантиметров привязывают «брадсоли» — короткие веревки с крючками и наживкой, которых насчитывается несколько сотен. Чтобы перенести к месту лова такую снасть, готовят специальную широкую конусообразную корзину, называемую «кунта». На ее дно укладывают веревку перемета, а в края корзины загоняют крючки. В таком виде перемет переносится в лодку вместе с двумя-тремя булыжниками, которые привязываются по концам пере-

мета и служат грузилами. К концам также прикрепляются буйки—обычно куски белого пенопласта. Лов на перемет—сугубо профессиональное занятие, и рыбак, который этим занимается со своим «бахри» (помощником-гребцом), именуется «кунтзит». Если это слово арабского происхождения, то в основе его скорее всего лежит корень «канаса», т. е. «ловить на охоте», «охотиться». На острове Джерба переметом ловят рыбу с февраля по май, причем ежедневно каждый перемет может дать до 20 килограммов рыбы. Перемет—вещь дорогая и в зависимости от размера стоит от 50 до 70 тунисских динаров, хотя и служит всего пять-восемь лет.

Джербинские рыбаки работают и с сетями, но для этого нужна группа опытных людей. Группа таких рыбаков на острове называется «рбаа» или—на искаженный французский манер—«кумпания». Сети бывают разные: вертикальные бредни, кошельковые и др. Способы их использования здесь в целом не отличаются от лова сетью в других странах. Пожалуй, самое интересное—это дележ улова между членами рбаа. Во главе группы из 15—17 рыбаков стоит «раис» (капитан), который часто является также наиболее крупным акционером: ему обычно принадлежат сеть и одна или несколько из задействованных лодок. Полученный улов—за один раз в лучшем случае вылавливают до 80—100 килограммов рыбы—в тот же день продается, и выручка делится из расчета: половина суммы тому или тем, кому принадлежит сеть, половина—участникам лова и... лодкам, причем одна лодка приравнивается к одному человеку. Раис за руководство группой дополнительной платы не получает.

Рыбаки Джербы широко используют также систему верш и стационарных загоронок из пальмовых листьев. Система состоит из небольшого мешка из сети и соединенного с ним конуса из черенков пальмовых листьев. Конус имеет два отверстия, через которые рыба попадает в сеть. Это сооружение называется «дринна». Загородка из листьев пальмы—нередко очень больших размеров—строится на мелководье. Так, стенка для загона рыбы имеет длину от 80 до 100 метров, от нее отходят два коридора-рукава по 30—40 метров, которые ведут в квадратные камеры площадью около 4 квадратных метров. Рыба попадает в эти камеры и оттуда через отверстие—«горджума»—вытаскивается рыбаками в вершу, которая называется «зриба» или «зерба». Пойманную рыбу извлекают два человека, причем один вытаскивает полную вершу, а второй пустой вершей закрывает отверстие в камере.

Этот способ лова ежедневно приносит от 10 до 40 килограммов рыбы и называется здесь «дринна бта триба». Иногда в этот загон для рыбы попадают дельфины или морские черепахи. Рыбаки рассказывали случай, о котором до сих пор вспоминают на Джербе, как в пальмовый загон для рыбы в один и тот же день буквально влетели три дельфина. После их «прогулки» все это хрупкое сооружение пришлось основательно отремонтировать.

За разговором с Масмудом мы и не заметили, как подошло время обеда. Появляется вторая смена рыбаков. На рынок поступил свежий улов. Быстро мелькают руки шаккака, фасующего рыбу, на высокий стул изгромождается другой парень и начинает скороговоркой повторять фразу о ценах на каждую связку рыбы. Один из рыбаков приносит небольшого осьминога. Освободившийся от работы Масмуд оживает и рассказывает старинную легенду об изобретении на Джербе своеобразного способа лова осьминогов. Вот эта легенда.

Однажды в древние времена из порта Галлалы вышло тяжелое трехмачтовое судно с грузом глиняной посуды. Была непогода, и волны, налетавшие на судно, побили много горшков. Матросы без сожаления выбрасывали эти битые горшки за борт.

Через некоторое время рыбак из города Аджим забросил свою сеть в прибрежные воды и вытащил вместе с рыбой один горшок, в котором с удивлением обнаружил карликового осьминога Бумсику. (Это название состоит из двух укороченных слов: «бу» от «abu» — «отец» и «мсика» от «масак» — «хватать», «брать».) Как всякий уважающий себя рыбак, он выбросил карлика в воду. И вдруг тот заговорил:

— Ты был великодушным ко мне и совершил хороший поступок, друг-рыбак. Но ты будешь еще более великодушным, если отдашь мне эту никчемную глиняную посудину, которая тебе не пригодится, а мне послужит домом.

— Ну уж нет,— ответил рыбак.— Этих горшков на дне так много, что я рискую каждый раз разорвать свою сеть. Зачем же мне добавлять туда еще один горшок, когда их там и так много.

— Отдай горшок, я тебя очень прошу,— взмолился Бумсика.— Это всего лишь один ненужный тебе горшок, а здесь, на дне, их лежат сотни. А ты бы поднял и поинтересовался, что в них находится.

При этих словах Бумсика камнем пошел на дно.

Заинтригованный словами осьминога, рыбак вернулся домой и все рассказал жене.

— Какой же ты недогадливый,— сказала жена.— Ведь ты же знаешь, что Бумсика, карликовый осьминог, очень страдает от несправедливости Гермита, гигантского осьминога. И если хитрый Бумсика все тебе рассказал так, как ты передал мне, значит, он задумал отомстить Гермиуту. Отправляйся завтра и посмотри, что в этих горшках, которые мешают тебе рыбачить.

На следующий день, едва занялась заря, рыбак был уже на берегу...

В полдень он возвращался. Его лодка была завалена осьминогами, которых он вытаскивал из каждого поднятого со дна горшка.

Целых три дня вся деревня ела осьминогов. Чтобы они были мягче, их отбивали на камне, ударяя по сто раз. С тех пор дети рыбаков стали тем же способом ловить осьминогов, что и их отцы, а затем они научили своих детей. Таким образом, все рыбаки владели секретом лова гигантского осьминога.

Но Гермит в конце концов узнал, что Бумсика его предал, и стал его преследовать везде, где только можно, и с такой злостью и яростью, что Бумсика не выдержал и убежал из моря. Сейчас он живет в мелких лагунах, которые лишь во время прилива заполняются водой. Иногда он лежит, съезжившись и зарывшись в песок, в небольшой лужице, где вода такая же горькая и соленая, как слезы.

Масмуд, рассказавший эту легенду, утверждает, что сейчас именно таким образом рыбаки Джербы добывают осьминогов с октября по декабрь. Осьминоги действительно не любят яркий свет и стараются прятать свое голое и неприятное для взгляда тело, снабженное щупальцами с присосками, в какую-нибудь ямку или расселину. Но, укрывшись от света и других обитателей моря, осьминог готовится к атаке, которая всегда бывает быстрой и беспощадной. Вот почему, когда в воду выбрасываются бракованные горшки, осьминоги спешат занять удобные «квартиры». Причем усаживаются там настолько прочно, что можно передвигать горшок, поднимать его со дна—осьминог сидит, не проявляя никакого беспокойства.

Самым лучшим убежищем для осьминога служит полуметровый горшок с широким горлом, который называется «джадва». Такие горшки в большом количестве производят в деревне (некогда городе) Галлала, и именно здесь рыбаки покупают бракованные изделия, добавляя к ним те, которые им за ненадобностью отдают крестьяне. Затем у горшка отбивают ручки вместе с горлышком, чтобы осьминог мог легко проб-

раться в свою квартиру. Сбоку внизу делается небольшая дырочка, за которую цепляют специальным крючком и вытаскивают на поверхность горшок с его обитателем.

Обычно рыбак отправляется на лов, имея на борту 40—50 джадв. Он погружает их в воду, устанавливая в горизонтальном положении. Через несколько дней урожай готов. С помощью длинного шеста с металлическим крючком рыбак поднимает горшки в лодку. Пустые посудины возвращаются в воду. Уже на берегу рыбак извлекает свою добычу и на следующий день вновь расставляет под водой свои оригинальные ловушки.

С мясом осьминогов готовят очень много блюд, которые пользуются большим спросом у европейцев и местных жителей. Когда же предложение превышает спрос, осьминогов вытаскивают на солнце и сушат в течение дня, пока он не станет твердым как камень. Затем его разделяют и продают в лавках, причем сухое мясо осьминога стоит дороже свежего. Если нужно приготовить высушенного осьминога, его бросают в чашку с водой, и он, вбирая в себя воду, раздувается почти до прежних размеров. Европейцы в отличие от джербинцев предпочитают мясо свежего осьминога с пикантным соусом и рисом, поскольку сушеный осьминог сильно отдает мускусом. Но, как говорится, о вкусах не спорят.

Наше пребывание на Джербе подходит к концу. В заключение мы совершаем поездку вокруг острова, наблюдая какое-то смещение сезонов. На каждом шагу встречаются стройные финиковые пальмы. Буйно цветут абрикосовые деревья, а виноградные лозы уже выбросили по нескольку листочков. Однако яблони уже отцвели, и на ветках видны маленькие завязи.

В глубине острова в полном разгаре идет весенняя обработка полей и сельскохозяйственных угодий. Женщины, замотанные в пятиметровые куски цветастой материи, с концом ткани, наброшенным на голову и закрепленным широкополой соломенной шляпой, выпалывают поля пшеницы и ячменя от красных маков. Мужчины обрезают оливковые деревья, собирают сучья в кучи. Участки отгорожены друг от друга невысокими глиняными дувалами, которые засажены колючими опунциями и агавами. Дома разные, но в большинстве своем одноэтажные, с разноцветными ставнями, с окнами, забранными в ажурные металлические решетки. Не нужно быть особенно наблюдательным, чтобы понять, что остров страдает от недостатка воды. Почти в каждом доме сделана зацементированная площадка с отверстием в середине, через которое вода

редких в этих местах дождей стекает в подземный резервуар. Правда, колодцы тоже попадаются. Колодец представляет собой два выложенных из камня столба с горизонтальным металлическим стержнем, на который насажено колесо с перекинутой веревкой. Вода в колодцах присоленная и годится только для технических нужд. В гостиницах и ресторанах на Джербе для питья подают литровые бутылки с родниковой водой, которая называется минеральной, т. е. натуральной.

Вдоль берега тянутся большие отели, которые предлагают туристу всевозможные удобства и развлечения. Вам могут предоставить и хижину из пальмовых листьев, дать лошадь, верблюда, ослика или велосипед для путешествия по острову. Разумеется, за дополнительную плату.

При своих небольших размерах остров Джерба не обойден вниманием ни тунисского правительства, ни иностранных фирм. Аэропорт международного класса связывает остров прямыми рейсами с рядом западноевропейских столиц. С 1976 года действует школа по подготовке персонала для гостиниц, которую ежегодно оканчивают 100—150 человек. Правда, сетуют местные власти, среди обучающихся еще не очень много местных жителей, и в результате лишь 10% выпускников остается на острове. Сейчас в программу обучения вводятся новые предметы. Выпускники школы включаются в работу в новых отелях и туристических комплексах. На острове работают отделения многих местных и международных туристических агентств. В январе 1985 года, когда я был на острове, местная газета «Аль-Джазира» («Остров»), выходящая уже четыре года, сообщала об открытии на острове отделения туристической фирмы «Путешествия 2000», о съемках документального фильма испанским телевидением, о спортивном фестивале, о католической Пасхе в апреле 1985 года и о приезде манекенщиц и фотографов французского модного журнала «Мари Клер», избравших остров в качестве фона для демонстрации летних моделей одежды.

На Джербе находится одно из трех государственных региональных агентств, которое занимается организацией экскурсий по южным районам Туниса и посредничеством между владельцами гостиниц и туристическими бюро. В интервью, данном директором этого агентства Скандером бен Али газете «Аль-Джазира», затрагиваются проблемы, которые мешают развитию туризма в южном Тунисе, в частности на острове Джерба. Дороговизна поездок (особенно по районам нетрадиционного туризма, таким, как пустыня Сахара) из-за высокой

стоимости автомашин и их эксплуатации, нехватка квалифицированных гидов, знающих редкие языки, недостатки коммунального обслуживания, в том числе перебои в подаче воды и электричества, плохая реклама на международной арене — все эти и некоторые другие проблемы не обескураживают руководителя туристического агентства на острове, и он с оптимизмом смотрит в будущее.

У КОЧЕВНИКОВ ЮЖНОГО ТУНИСА

Нам пора уезжать с острова Джерба. Переправившись на материк через дамбу, мы попали в город Зарзис (Джарджис). Теперь наш путь лежит на юг Туниса. Если хватит времени и упорства, может быть, доберемся до Гадамеса, хотя переправиться на ливийскую территорию скорее всего нам не удастся. Как нередко случается между соседями, отношения между Ливией и Тунисом в настоящий момент обострены до крайности, и мы, не желая испытывать судьбу, видимо, не будем забираться далеко на юг. А ближайшая наша цель — тунисские города Меденин и Татуан.

Зарзис лежит на небольшом полупустынном полуострове (ближе к материку), где до 1950 года обитали только кочевники. Однако усилиями французской колониальной администрации здесь удалось создать несколько оливковых ферм и заселить их теми же кочевниками. Вопреки ожиданиям маслины прижились и стали приносить хороший урожай. Ныне это небольшой провинциальный городок с невзрачными двухэтажными домиками, мастерскими и магазинчиками. Все гостиницы и виллы, сдаваемые туристам, стоят на берегу моря. Зарзис не является центром курортного района, поэтому отели здесь довольно скромны и цены недорогие. В центре города находится большая мечеть. До 1978 года на этом месте стоял турецкий форт, но его специально разрушили, чтобы построить мечеть. Как и всякий город на побережье, Зарзис был создан на месте римского поселения Гергиз. Римские памятники находятся в окрестностях нынешнего Зарзиса. Во-первых, это сам Гергиз, а также находящиеся поблизости Нуара и Зита.

Дорога из Зарзиса вливается в шоссе, по которому мы прибыли в Тунис из Ливии, и, продолжаясь строго на запад, постепенно переходит на равнину Джеффара и холмы, где стоит город Меденин. Эти холмы с востока на запад разрезает вади, причем город расположен на обоих берегах сухого русла.

Более старые кварталы Меденина находятся в его северной части. Улицы взбираются вверх, петляя меж-

ду белыми домами с открытыми террасами. Собственно говоря, слово «меденин» в переводе с арабского означает «два города». Сегодня—это административный центр самого большого вилайета Туниса и ворота в тунисскую Сахару. Не случайно лучший отель в городе называется «Сахара»; около него стоит столб с выбитой на нем надписью: «До Каира 2606 километров». Во время второй мировой войны, в 1943 году, здесь был пункт сосредоточения 8-й английской армии, воевавшей с корпусом Роммеля и его итальянскими союзниками. Английские авторы описывают Меденин как небольшую деревушку, населенную нищими кочевниками и караванщиками.

В Меденине впервые путешественник может познакомиться с характерными для тунисской Сахары постройками, называемыми «горфа». Буквальный перевод «горфа» — «комната», но в Тунисе этим словом называют сооружения, построенные из камня и глины в виде сводчатых помещений, которые используются кочевниками для хранения продуктов или в качестве жилья. Горфа издавна напоминают пчелиные соты. Они, как правило, строятся до шести этажей, хотя в Меденине горфа—трехэтажные, причем каждая комната имеет около 9 метров в длину, 2,5 метра в ширину и 2 метра в высоту. Попастъ в верхние этажи этого улья можно либо по пандусу или лестнице, идущей по внешней стене, либо через специальные отверстия в потолке. Скопление на каком-либо возвышенном месте обнесенных стеной белоснежных горфа, на которые больно смотреть без темных очков, называют «ксар» (мн. ч. «ксур»). В классическом арабском языке словом «каср» именуют дворец или замок правителя. В окрестностях Меденина есть Ксар Хаддада и Ксар Улед Дебаб, в которых устроены гостиницы для любящих экзотику туристов.

В районе Меденина, как и Татуана, кочевники обитают не только зимой, но и летом. Они выращивают зерновые культуры и овощи, прячутся от солнца в пещерах и расщелинах скал. Здесь легче найти воду для скота. Правда, нередко стада овец, коз и верблюдов бродят по пустыне под присмотром пастухов, а женщины и дети остаются близ своих ксуров. Мужчины одной семьи сбивают свой скот в одно стадо. Все верблюды помечены клеймом, называемым «шима». В случае потери или воровства верблюда наличие этого клейма служит весомым доказательством принадлежности животного тому или иному хозяину.

Сегодня в Тунисе практически нет кочевников в буквальном смысле этого слова. Весной, когда пустыня

покрывается свежей зеленью, скотоводы оставляют «дар аш-шита», т. е. «зимний лагерь», который устраивается у подножия холма, где находится ксур, и перебираются в «дар аррбиа» — «летний лагерь». Специального гонца посылают на разведку. Он ищет удобное для стоянки место, хотя ныне соответствующие территории в Сахаре уже давно поделены между племенами местных кочевников. Переезд на новое место, в том числе перегон скота, занимает два-три этапа. В летнем лагере палатки ставятся не столь тесно, как в зимнем, а на некотором расстоянии друг от друга, но в то же время достаточно близко, чтобы пожелать соседу доброго здоровья и богатства. Особым поводом для подобных пожеланий служит, например, тот факт, что женщины за три зимних месяца смогли выткать новый полог для палатки.

«Мабрука даркум», — говорит один сосед другому. Это нужно понимать как «Да благословит Аллах твой дом». «Ибарек фик» (т. е. «Аллах вернет тебе свое благословение»), — отвечает тот. Или другая присказка: «Инша алла дар ждида ва ар-рокба шадида». Это можно перевести как «Дай Бог, чтобы с новым домом пришла и новая сила». «Рокба» дословно означает «колени». В представлении бедуина иметь слабые колени — значит быть слабым в ходьбе, скованным в движениях. А что может быть хуже для кочевника, чем немощь при перемещении в пустыне со скотом?!

Сахарское лето наступает в середине мая. Пустыня высыхает, и кочевники ищут новые места для водопоя и укрытия от палящего солнца. Это могут быть скалы или кустарник «ртем», растущий по склонам вади. Как только место для летнего лагеря выбрано, женщины принимаются строить легкий шалаш из хвороста и травы — «хосс». Палатку на лето сворачивают, а все имущество переносят в шалаш. Кстати, крыша хосса — неплотная, и его обитатели ночью могут любоваться крупными сахарскими звездами. Рядом с шалашом из прочных ветвей делают «седда» — небольшое возвышение на двух камнях, на которое укладывают свернутую палатку. Находясь на возвышении, она не заносится песком и в то же время не лежит на земле.

К лету кочевники совмещают свое основное занятие с выращиванием зерновых культур в небольших, перегороденных запрудами вади. Эти запруды называются «джусур», т. е. «мосты». Мужчины уходят к далеким колодцам, чтобы сделать легкий навес для скота, который туда перегоняется, собрать сухую кормовую траву. Женщины хлопот по хозяйству, пекут лепешки, прядут шерсть, готовят кускус впрок, на зиму.

Истухи в течение нескольких месяцев питаются в основном верблюжьим и козьим молоком и овечьим сыром. Хорошая верблюдица дает до 10 литров молока в день. Из верблюжьей и козьей шерсти делают прочную нить — «телла», которая идет на изготовление на горизонтальных ткацких станках длинных полотен («трига») для тента палатки, мешков для зерна, подпруг для верблюжьего седла и других вещей.

Сейчас кочевников даже в пустынных южных районах Туниса почти не стало. Они прибывают к большим городам, а не найдя там работы, часто отправляются в нефтедобывающие арабские страны. Только в соседней Ливии тунисских чернорабочих было более 100 тыс. В это число вошли только те, кто официально въехал в страну. На самом же деле их гораздо больше.

О повседневной жизни бедуинов я узнал из беседы с одним тунисцем, который сообщил мне такие подробности, которые не почерпнешь ни из книг, ни из статей. Эти рассказы — своего рода полевой материал этнографа, в котором отражаются представления народа или отдельных социальных групп.

Небольшое кафе в Меденине. Вокруг столов с металлической столешницей расставлены сваренные из металлических трубок стулья. Мой собеседник — Хмиси, человек средних лет, заросший седой щетиной. Его карие глаза внимательно всматриваются в собеседника. У него неторопливые жесты. Он делает небольшие паузы перед ответом на вопрос. Понимаешь, что перед тобой человек солидный, основательный, знающий предмет, о котором говорит, и не бросающий слов на ветер. Правда, он несколько смущается, но свое обещание рассказать о своих соплеменниках выполняет честно.

Хмиси происходит из конфедерации племен вергамма, в которую входит его племя джелида. Сам факт создания этой конфедерации по-своему интересен, хотя Хмиси и знает эту историю отрывочно, применительно только к своему племени. А история эта довольно любопытна.

В конце XV века шериф Муса бен Абдалла прибыл в Ксар Хамдун в сопровождении шести своих сподвижников, которые поклялись друг другу в вечной дружбе и братстве. Все они были берберами по происхождению, хотя аборигены и называли их арабами. Цель у них была одна — попытаться вновь приобщить к исламу племена, которые обитали в этом районе. Вначале все шло удачно, и берберы, жившие в ямах и пещерах, стали первыми и наиболее преданными адептами подза-

бытой религии. Но вскоре разразилась ссора: те, кто принял религию, отказываться от своих прав в пользу новых пришельцев были не намерены. В дело вмешался местный марабут Си Муса, который восстановил мир и согласие, а также способствовал распространению арабского языка. Вскоре непокорные берберы были полностью арабизированы. Но после смерти Си Мусы распри вспыхнули вновь, и шесть так называемых братьев были вынуждены покинуть обжитые места. Они и дали название шести племенам, которые входят в конфедерацию вергамма.

Первый брат отказался было покинуть обжитое место. Желая подчеркнуть свой отказ переселиться в другое место, он покрыл голову полой своей одежды — «нгам раси». Тогда все его последователи стали называться «гомрасен». Сейчас они живут вокруг городка того же названия, расположенного в нескольких километрах на северо-западе от Татуана. Второй брат был обижен, обобран и изгнан. Убегая, он произнес «тархуни», т. е. «меня обобрали». Отсюда пошло название племени тархуна, которое живет не только в южном Тунисе, но и в Ливии, в окрестностях живописного города Тархуна. С третьим братом поступили так же. Его изгнали на юг, к берберам, живущим в горах. Покидая насиженное место, он в сердцах воскликнул: «вдерруни бель джеббли!» — «Меня заставили блуждать в горах!». Вот почему потомки третьего брата стали называться «вадерна». Это племя слилось с арабским племенем улед дебаб, которое имеет свой ксар около Татуана, и поселилось в районе равнины Джеффара. Четвертый брат тоже бежал от своих преследователей, оставив все свои пожитки и даже одежду. Он прикрыл свою наготу козлиной шкурой и поэтому получил прозвище Бу Джлида, т. е. «одетый в кожу». Он и его потомки добрались до Татуана, соединились здесь с вадерна и образовали племя джелида.

Хмиси знает грустную историю Бу Джлиды, его дружбу с племенем третьего брата, хотя и утверждает, что в его племя в свое время влилось арабское племя улед шахида, пришедшее с Аравийского полуострова. Что же, как говорится, Хмиси виднее.

Пятый брат, родоначальник племени туазин, обосновался к югу от города Меденин. Собственно говоря, здесь обитало арабское племя хазем, которое и построило ксар, ставший впоследствии называться Меденин. Этот брат и его потомки были наиболее активными: они поглотили часть земли племени нуаль, жившего и в Триполитании, а для защиты своих владений основали в середине XVII века ксар Бен Гардан. Последний брат,

по имени Хзури, обосновался в вади Даммер. После смерти Хзури пять его сыновей разделили между собой владения и имущество отца, причем младшему, естественно, досталась самая малость — верблюжье седло, называемое «хавайа». Отсюда и пошло племя хаувайа, которое вместе с племенем хзур обитает в вади Даммер.

В одной из западных газет весной 1988 года я прочитал сообщение о том, что у английских женщин входит в моду... татуировка на теле, которую делают в специальных салонах, причем эта экстравагантная мода распространяется как среди молодых женщин и девушек, так и среди дам английского света. Салоны появились в разных городах и районах. Поскольку накальваются не только рисунки, но и слова, то именно по их написанию и количеству орфографических ошибок можно определить, кто и где исполнил эту татуировку.

Я вспоминаю эту информацию во время разговора с Хмиси, и у меня возникает много новых вопросов к нему. Ответы Хмиси в сжатом виде сводятся к следующему.

Во время поездки в город или любой другой населенный пункт, где имеется «хаммам» (баня), мужчина обязательно посетит ее и совершит «большой туалет». В противном случае он моется внутри палатки теплой водой. Банный день завершается надеванием чистой одежды. Существует еще обязательное омовение перед молитвой, причем оно может совершаться не только водой, но и песком, а то и несколькими камнями. «Чистота — половина веры» — так, согласно священному преданию, сказал Мухаммед. Бедуин, например, после полового сношения становится «нечистым» и должен совершить полное омовение, чтобы очиститься от «джнаба» (загрязнения).

Бедуины всегда возят с собой «мус аль-хааджама» (бритву) и «шебха» (ножницы), чтобы приводить в порядок волосы, бороду и усы, причем делают это они довольно часто. В начале века мужчины обычно голову брили, оставляя впереди небольшую прядь волос, называемую «готтайя». Этим делом занимались мужчины. Намывив голову клиента, «цирюльник» приступал к работе после того, как направлял бритву на специальном бруске или камне — «милег». Особую заботу мужчина уделяет своим усам. Он не доверяет никому стричь или подбривать их. Ведь это символ его мужественности и мужского достоинства. Когда состригают ногти, то все обрезки собирают и выбрасывают подальше от палатки. То же делают и с волосами, ибо ногти и

волосы используются в черной магии для того, чтобы околдовать их владельца и причинить ему зло.

Тяжелые условия жизни в пустыне не мешают женщине тщательно следить за своим телом. Бедуинка не посещает баню, но тщательно моется в палатке, используя для этого любое свободное время, т. е. время, когда мужчина отсутствует. Вездесущие мальчишки становятся своеобразными стражами, усаживаясь вокруг палатки на некотором отдалении. Раньше вместо мыла использовали специальную глину. В Туни-се мне показали квадратный кусок зеленого мыла, по размеру напоминающий кубик Рубика. Продавец в лавке утверждал, что бедуины предпочитают именно это мыло, отдающее запахом земли, а зеленым оно сделано именно потому, что ранее употребляемая для мытья глина была преимущественно зеленого цвета. Купание в палатке женщина использует для того, чтобы удалить на теле все волосы. Средством для этого со старых времен служит — современные косметические средства бедуинкам недоступны — серая зола, которую собирают в жаровне и очищают от кусочков угля и другого мусора. Если женщина хочет быть «мягкой и чистой», такую операцию следует повторять один раз в два месяца.

Бедуинка, как правило, сама готовит туалетную воду, пудру, специальную помаду и пахучие пластинки. Перед приходом мужа бедуинка иногда бросает в жаровню щепотку сухой лаванды или «уд аль-бухур» (букв. «пахучий сандал») и распахивает над благовонным дымом свои одежды, чтобы ее платье и тело хорошо пахли. На этот счет есть даже поговорка, которая звучит на южнотунисском диалекте так: «алли ма мталлем би бхур, тетхарек ахвайджах» — «Кто не умеет пользоваться бухуром, тот сожжет свои одежды». Иногда вместо слова «ахвайджах» (одежды) употребляют «торметка» (подол, шлейф). В таком случае речь идет о неосторожной женщине, которая, желая угодить мужу и подходя к жаровне спиной и даже приседая перед ней, чтобы не упустить ни одной струйки душистого дыма, может сжечь подол своего платья.

Специальную помаду изготавливают в Гадамесе или в странах южнее Сахары. Она называется «таабаа» и продается на рынках сахарских городов в виде небольших, величиной с маленькую еловую шишку, конусов с дыркой посередине. Помаду делают из ладана, душистых смол, мускуса, квасцов. Эту смесь измельчают. К этим компонентам могут быть добавлены и другие пахучие вещества. Часто женщина, растворив помаду в

воде, наносит этим составом на своем теле несколько точек, а сухой конус всегда носит с собой, искусно вплетая его в прическу с помощью тесемок, называемых «свалэф».

Бедуины южного Туниса говорят, что пригожая, опрятная женщина благоухает и этот приятный запах чувствуют люди, находящиеся в 200 шагах от нее. При этом, разумеется, они добавляют, что духи, благовония и т. п. раньше были и крепче и лучше, чем сегодня. Тем не менее и сейчас в некоторых бедуинских семьях хранится небольшой глиняный горшок — «куз», содержащий «шнуда» — сильно пахучее вещество, которое женщины используют для придания запаха волосам на голове и изготовления пластинок, помещаемых под мышку и на низ живота. Обычно компонентами этого благовония являются лаванда, сандаловое дерево, пахучие смолы и многое другое. Каждая женщина хочет иметь свой запах, поэтому способ приготовления шнуда — ее тайна.

Все путешественники всегда обращают внимание на подведенные глаза бедуинок. Как и женщины других стран, они делают это черным веществом — «кохль», приготавливаемым из кусочков растолченной в очень тонкий порошок сурьмы. Каждая женщина имеет свой сосудик с кохлем. В Тунисе он называется «махфдат аль-кохель». Бедуинка не только себе подкрашивает глаза, чтобы «оживить свой взгляд», но и наносит кохль новорожденному младенцу сразу же после того, как обрезается пуповина. Это делается для того, чтобы вместе с пуповиной ушло все плохое, что набралось в ребенке за время его жизни в утробе матери, и для того, чтобы уберечь его от сглаза. Кстати, в прежние времена девушки южного Туниса никогда не употребляли кохль до свадьбы. В виде исключения это разрешалось им делать во время скорбного праздника ашура.

Тот, кто регулярно подводит глаза кохлем, редко заболевает трахомой. Изобретение этого порошка и его применение связывают с библейским Ноем, который после потопа по указанию Бога подкрасил глаза себе и своим домочадцам, и все сразу «увидели свет».

Можно еще многое рассказать и об использовании хны, которая идет на окраску волос, разрисовку рук и ног у бедуинов и также считается целебной, что подтверждается последними исследованиями медиков. Но изложение всех случаев, когда и как используется этот зеленый порошок, который продается практически во всех странах, заняло бы много места. Меня же интересует татуировка, которая считается «постоянным амулетом». Иногда татуировку бедуины называют «лег-

кой одеждой, которую покупают один раз и навсегда». Сейчас мужчины считают татуировку недостойным занятием, а женщины, правда в меньшей степени, чем раньше, продолжают разукрашивать свое тело голубым орнаментом, терпя при этом немалую боль и неудобства.

Татуировка, или «вашма», сначала была распространена среди оседлых берберов. У них, например, девушку не брали замуж, если она не имела вашму. Поэтому месяцев за шесть до свадьбы ее специально разукрашивали, чтобы она выглядела более привлекательной. Кочевники приняли обычай татуировки, стали широко практиковать его и даже сделали его темой своих народных песен:

О колодец! Газель не пришла на водопой—
Девушка с черными глазами и голубой вашмой!

Или другая:

Вашма на ее груди—о, как она голубеет!
Она сожгла мое сердце еще до того, как в нее влюбился!

Татуировка наносилась посредством точечных уколов иглой или разрезов, которые позволяли втереть в кожу сажу и сделать несмываемый рисунок, который через некоторое время приобретает голубовато-зеленый оттенок. В набор татуировщика входят несколько разновеликих игл, собранная с наружных стенок горшков сажа и шерстяная тряпочка. На кожу наносится рисунок, тряпкой промокается кровь, и в надрезы или наколки втирается сажа. Эти небольшие ранки, обычно воспаляющиеся, тщательно протирают оливковым маслом, листьями перца и винограда. Через несколько дней они затягиваются, подсыхают, и рисунок отчетливо проявляется.

Татуировка у бедуинов носит ритуальный характер, и нередко к ней прибегает мать, если она желает оградить свое чадо, особенно девочку, от злого глаза. Такая татуировка, называемая «айша» (та, которая дает возможность выжить), не отличается особым изяществом и делается на руке, на щеках или на лбу. Мать как бы невзначай делает небольшую ранку на теле ребенка и пальцем, измазанным в саже, проводит по этой открытой ранке. Считается хорошим признаком, если из ранки идет кровь. «Саль ад-дамм, фат аль-хамм» — «Потекла кровь, и ушло несчастье».

Такие примитивные татуировки, имеющие роль охранительных знаков, практически может делать любая женщина. Однако в период достижения половой зрелости, т. е. примерно в 13 лет, девушки и парни, которые желают быть замеченными, обращаются к професси-

ональным татуировщикам. Девушек обслуживают женщины, действующие в основном иглами, а ребят — мужчины, которые кроме игл используют острые бритвы и ножи для нанесения полосных ранок. Все эти операции довольно болезненны, но обычай и желание не отстать от других толкают молодых людей, особенно девушек, прибегать к услугам татуировщиков.

Передать все рисунки, которые наносятся бедуинами южного Туниса, практически невозможно. Прежде всего это геометрический орнамент, а также изображения пальмы, кривой сабли, палатки, скорпиона, пистолета, змеи, человека с саблей в руке и др. Геометрический орнамент в татуировке напоминает таковой на глиняной посуде или ковровых изделиях. Орнамент и рисунки идут попеременно. Каждая «картинка» имеет свое название. Так, на лбу, от границы волос до переносицы, наносится «сайяла», похожая на елочку или пальму. Этот знак носит индивидуальный характер у той или иной женщины. На подбородке делается «фула» — треугольник, начинающийся от нижней губы, а на щеках — небольшие крестики — «деггага». Татуировка наносится и на другие части женского тела: руки, бедра, щиколотки, грудь. Однако особенно тщательно рисунок подбирается для лица, и это вполне понятно. У мужчин же лишь на лбу, а иногда и на запястьях вытатуированы небольшие охранительные изображения, которые сделала в детстве мать.

Может быть, богатая фантазия девушек, тщательно выбирающих рисунки для татуировки лица и тела, разжигает любопытство и страсть мужчин, подталкивая их на сочинительство любовных сонетов с обязательным упоминанием татуировки. Это довольно интересная часть бедуинского фольклора в южном Тунисе, о котором следует рассказать подробнее:

Твоя сайяла, о моя милочка,
Меж твоих бровей — моя отметина.
Делая ее, я получил свое удовольствие.
Я буду украшать еще больше твою вашму.
При виде ее я проливаю слезы,
И моя страсть еще больше крепнет.

Например, на икры ног наносится татуировка «джрида». Этим словом называется пальмовая ветвь, и сам рисунок тоже похож или на одну такую ветку, или на несколько веточек. При ходьбе платье девушки нередко приподнимается, и ее джрида хорошо видна мужчинам, которые не скупятся на комплименты:

Вашма обрамляет твои икры,
Они похожи на розовые щеки.

Я с ума схожу от любви...
Мое сердце мечтает найти тебя...
Слезы текут из моих глаз
При воспоминании о вашей на твоих ногах.

...К нам за столик подсаживается молодой парень с усиками и живыми карими глазами. Он только что прыгнул с серого дребезжащего грузовичка «Пежо», прибывшего из столицы. Судя по потертому пиджаку и брюкам, он либо мелкий государственный чиновник, либо небогатый торговец. Последнее оказалось верным. Мой новый знакомый Салех служит в лавке своего родственника. Он приехал из провинции, учился в школе и считает себя достаточно грамотным, чтобы побеседовать с заезжим иностранцем на любую интересующую его тему. Скорее всего небольшая лавка далекого родственника в столице служит лишь подготовительным этапом к выезду на работу за рубеж, где уже находится несколько сотен тысяч тунищев.

Салех порывается поделиться со мной своими столичными наблюдениями, но меня не интересуют тунисские горожане, которые в большей степени, чем сельские жители, восприимчивы к веяниям современной цивилизации. Их обряды в повседневной жизни в основном вписываются в представления, характерные для мусульманского городского общества. Поэтому я пытаюсь подтолкнуть Салеха к разговору о повседневной жизни его соплеменников. Немного поговорив о том о сем, мы наконец выходим на тему о врачевании разных болезней, которые практикуют и сегодня — правда, в меньшей степени, чем раньше, — бедуины в южных районах Туниса. Салех, как горожанин, толкует об этих вещах с некоторым оттенком снисходительности к своим темным, необразованным соплеменникам, которые еще не доросли до понимания важности соблюдения гигиены и обращения к достижениям современной медицины.

В каждом бедуинском племени есть мужчина и женщина, которые берут на себя роль врачей. Обычно это люди пожилые, уважаемые, поскольку умение облегчить страдания человека всегда связано не только с определенным запасом специальных познаний, но и с большим жизненным опытом и практикой. У бедуинов существует несколько групп заболеваний. Самая большая из них именуется «эль-хамма» (лихорадка), к которой условно относятся все болезни, вызывающие повышение температуры. Лечение ранений, вывихов и переломов тоже, естественно, известно бедуинам. Среди лекарственных препаратов Салех назвал несколько растений, из которых на оливковом масле

готовят различные компрессы и примочки, но отсутствие у меня специальных знаний не дало возможности детально развить эту тему. Однако мы подробно побеседовали о двух распространенных и сегодня способах лечения: кровопускании и прижигании.

Среди племен южного Туниса существует обычай «отворять дурную кровь» весной каждого года. Он практикуется и у горожан, где этот способ врачевания обычно осуществляет цирюльник. В племенах этим занимаются, по сути дела, те же цирюльники. Салех назвал их «специальными людьми, которые имеют некоторые медицинские познания». Последнее особенно нужно, когда «отворяют кровь», вскрывая вену, и кровь бьет фонтаном, повергая пациента в ужас.

Менее опасное и потому чаще практикуемое кровопускание делается небольшой раковиной, которую концом вставляют в одну из ноздрей и слегка поворачивают. Кровь течет прямо в раковину, и, когда она заполняется, ноздрю затыкают кусочком тряпочки, смоченной в уксусе.

Более сложной, но менее опасной является другая операция, к которой прибегают как мужчины, так и женщины. У мужчины, например, на затылочной части головы выбривают волосы и к этому месту приставляют небольшую металлическую банку — «мгайас». Она напоминает небольшую кастрюльку, в которой готовится турецкий кофе и которую в этих районах Туниса называют «зазва». Прежде чем банку приложить к затылку, ее разогревают с помощью подожженной внутри бумажки. Через две-три минуты на соответствующем месте головы появляется красное пятно. Это место надрезают опасной бритвой и стекающую кровь собирают в мгайас. Если кровь темно-красного, т. е. «черного», цвета, банку заполняют три раза подряд. В противном случае достаточно и одной банки.

Операции по «отворению дурной крови» некоторые бедуины осуществляют не только весной, но и чаще. Вообще этот обычай связан с наступлением весны и убеждением бедуинов в необходимости сбросить дурную, черную кровь из пережившего тяжелую зиму организма. Можно, конечно, спорить о целесообразности с точки зрения современной медицины такой операции. Что касается бедуинов, то, по утверждению Салеха, они практикуют это довольно часто и в настоящее время. При всем своем столичном скепсисе парень тоже считает, что такая операция уж точно не вредит организму человека.

Но бедуины идут не только на кровопускание, чтобы принести облегчение своему организму. При

сильной головной боли, в частности от солнечного удара, на лбу делают три насечки, называемые «теш-лит». Они наносятся лезвием безопасной бритвы.

Каждая рана после той или иной операции обычно замазывается специальной массой, в состав которой входят истолченные корни, листья и семена лекарственных растений. Основой приготовления этих снадобий всегда служат чистое оливковое масло, яичный белок и пчелиный мед. Для вязкости добавляется пшеничная мука. Некоторые лекарственные травы вываривают в оливковом масле и полученным составом смачивают специальные полоски хлопчатобумажной ткани.

Салех в этой беседе на медицинские темы очень возбудился и с большим знанием дела стал перечислять названия местных трав и растений, из которых готовят снадобья для лечения от укусов змей и скорпионов, открытых ран и переломов, кашля и ревматизма и других болезней. Все перечисленные Салехом лекарственные травы (ших, клиль, зрига, араp, гордаб и другие местные названия) я не смог перевести на русский язык, чтобы найти им аналоги в ботанической литературе. Салех, отчаявшись что-либо мне объяснить, сорвал веточку какого-то серенького, невзрачного растения, растер ее в пальцах и сунул мне под нос понюхать. Мне показалось, что это был запах обыкновенной полыни. Отвар из этого растения — «тигофета» — используется внутрь при укусе змей и скорпионов. Пострадавшему дают в большом количестве этот отвар, а также топленое масло и сырые куриные яйца. Если есть возможность, режут курицу и еще не остывшую куриную тушку накладывают на ранки, чтобы «оттянуть яд». Тушку этой курицы в пищу не употребляют и даже не дают собакам, ибо ее мясо отравлено — «впитало яд».

В ходе беседы мы выяснили, что кроме скорпионов, которые опасны особенно весной и летом, следует особенно опасаться змей, местное название которой «таабан». По описаниям Салеха, длина ее достигает примерно метра, прячется она в пещерах, среди камней и в ксурах и при нападении поднимает над землей свою головку примерно на 30—40 сантиметров. Может быть, это какая-то разновидность кобры, так как ее укус смертелен для человека и такого крупного и важного животного, как верблюд. Салех, сославшись на рассказы стариков, сообщил, что эта змея сама нередко становится жертвой варана, называемого здесь «угель». Варан глушит змею ударом хвоста, перегрызает ей шею и пожирает. Когда змее удастся укубить угеля, он оставляет свою добычу и начинает есть листья тигофе-

та, после чего, если змея не успела скрыться, вновь бросается в бой. Этот рассказ о схватке варана и змеи, которую наблюдали, видимо, не один раз местные бедуины, и подсказал им идею использовать отвар гигофета при лечении от укуса змеи.

Меня же рассказ еще раз убедил в необычайной наблюдательности бедуинов и их удивительной способности использовать полученные знания в своей повседневной жизни. «*Quae medicamenta non sanant, Ea ferrum sanat; quae ferrum non sanat, Ea ignis sanat*» — «То, что не могут вылечить лекарства, может вылечить железо; то, что не может вылечить железо, вылечит огонь». Кочевникам южного Туниса, разумеется, неизвестно это латинское изречение, но они хорошо знают его смысл. Об этом свидетельствует хотя бы местная поговорка: «ахер два эль-кай» — «Последнее лекарство — прижигание».

Прижигание с медицинской целью делается металлическими прутьями, которые раскаляются докрасна в очагах и прикладываются к коже пациента на уровне предполагаемого больного органа. Наиболее часто практикуют способ врачевания при хроническом заболевании легких и различных невралгических болях, особенно при воспалении седалищного нерва. Точечные прижигания может делать практически любой, кто хоть раз был свидетелем этих манипуляций. Но бедуины предпочитают обращаться к человеку, имеющему репутацию высокого религиозного деятеля или происходящему из семьи известного марабута. По-видимому, в этом ритуале — прижигании каленым железом — есть какое-то религиозное таинство, и исполнение его, естественно, лучше поручить духовному лицу.

Вряд ли уместно обсуждать, насколько оба вида лечения — прижигание и кровопускание — способствуют выздоровлению больного человека. Во всяком случае, Салех, да и все его соплеменники до сих пор верят в магическую силу раскаленного железа и «отворения дурной крови».

«КАРФАГЕН ДОЛЖЕН БЫТЬ РАЗРУШЕН»

В начале июля 1985 года мировая печать сообщила новость: между Римом и Карфагеном спустя 2131 год со дня последней битвы в 146 году до нашей эры в Третьей Пунической войне, закончившейся поражением и разрушением Карфагена, подписан мирный договор. Документ подписали мэр Рима Уго Ветере и мэр Карфагена Шадли Клиби. Конечно, мирное соглашение между потомками заклятых врагов спустя более чем две тысячи лет, предусматривающее также культурное сотрудничество двух сторон, рассматривается не только как символический акт, но и как одно из средств укрепления связей между государствами. «Карфаген должен быть сохранен, а не разрушен!» — сказал Шадли Клиби на церемонии подписания договора.

Мне этот факт напомнил многие события блестящей истории древнего Карфагена и сегодняшней столицы Туниса, в которой квартал, именуемый Карфаген, является всего лишь фешенебельным пригородом.

Карфаген основан в IX веке до нашей эры финикийцами, выходцами с восточного побережья Средиземноморья, которое называли Левантом и которое объединяло земли, ныне находящиеся на территории Сирии, Ливана и Израиля. Восточное Средиземноморье в силу плодородия земель, обилия воды, леса и рыбы было обитаемо еще в палеолите. Трудно судить о том, кто жил в этом благодатном крае. Раскопки показывают совпадение физического облика и орудий производства человека, обитавшего на территории современных Ливии и Туниса и в районе Сирии, Палестины и Ливана. Может ли быть это случайным? Скорее всего цивилизация в Северной Африке и на восточном побережье Средиземного моря развивалась параллельно, и неандерталец, общий тип человека для палеолита, населял эти районы Средиземноморья.

Около 50 тыс. лет до нашей эры неандерталец уступил место современному человеку — homo sapiens, который располагал более совершенными орудиями производства и был знаком с начатками общественной жизни. Следы неандертальца потерялись, и многие

ученые склонны считать, что более развитой homo sapiens физически уничтожил неандертальца. Апологеты войны пытались доказать, что еще на заре человечества происходили войны и сражения, в которых более сильные и выносливые, вооруженные более совершенными орудиями одерживали верх над слабыми народами. Сейчас эта идея отвергается как научно не обоснованная, ибо раскопки не подтверждают фактов вооруженной борьбы между представителями разных видов человека. Скорее всего неандерталец ассимилировался с более организованным homo sapiens, восприняв его производственные навыки и культуру.

Ко времени, когда следы неандертальца окончательно потерялись в истории, в Ливии и Тунисе обитало долихокефальное, т. е. длинноголовое, население (правда, с некоторой негроидной примесью), которое антропологи твердо относят к средиземноморской расе.

Уже 100 тыс. лет назад обитавший в Средиземноморье человек умел обращаться с огнем, делать удобные каменные орудия. В период 80—10 тыс. лет до нашей эры он научился строить жилища, делать примитивную мельницу для растирания зерна, добился большего совершенства в изготовлении различной утвари и орудий производства. В VI—V тысячелетиях до нашей эры появляются зачатки культурного земледелия и человек в Восточном Средиземноморье спускается с гор в долины, где имеются ровные площадки для полей. В конце V тысячелетия до нашей эры в древней Месопотамии зарождается гончарное производство, которое постепенно становится достоянием всех людей. Сами финикийцы считаются изобретателями стекла, причем это изобретение, как гласит легенда, было ими сделано совершенно случайно. Финикийский корабль, оказавшийся на берегу реки, сгорел дотла, и на месте пожарища матросы обнаружили прозрачные глыбы стекла.

Начало бронзового века связано с первыми, более достоверными данными об истории этого района. Около 3,5 тыс. лет до нашей эры с Аравийского полуострова, родины всех семитских народов, вырвалась волна переселенцев, гонимых голодом и жаждой. Такие выбросы населения были вполне естественными для избавления от избыточного населения, не могущего найти себе пропитания на скудных землях Аравии и Сирии. Северное крыло переселенцев-семитов захватило Восточное Средиземноморье, но из-за своей малочисленности они быстро ассимилировались с местным населением. Их присутствие обнаруживают в Леванте по привезенной ими цветной и полированной керамике, особой форме

захоронения в больших глиняных пифосах и употреблению меди.

В этот же период на восточном побережье Средиземноморья стал развиваться город Библ. Кедр и сосны, растущие в горах, отправлялись из Библа в безлесный Египет. Отношения между Библом и Древним Египтом были настолько прочными, что Библ стал фигурировать в египетской мифологии.

В 2900—2800 годах до нашей эры из Аравии вырвалась вторая волна семитов, которая осела на территории нынешних Сирии и Ливана. Спустя три века здесь появились пришедшие из Малой Азии арменоидные хурриты, которых английский археолог Л. Вуллей, раскопавший в Месопотамии город Ур, называет ранними хеттами. Однако волны семитов продолжали более регулярно накатывать на эти земли, что привело к тому, что семитский элемент вскоре стал здесь господствующим.

Часть семитских племен, которая осела на восточном побережье Средиземного моря, получила название финикийцев, а территория, ими населяемая, стала именоваться Финикией. Таким образом, финикийцы не являются автохтонами, т. е. коренными жителями, восточного побережья Средиземного моря, где они появились в начале III тысячелетия до нашей эры и смешались с местным населением. Большинство ученых считают, что финикийцы были семитским народом и пришли в Восточное Средиземноморье с Аравийского полуострова.

У Геродота читаем, что «финикияне... прибыли от так называемого Красного моря к Нашему морю и поселились в стране, где и теперь еще живут», т. е. речь идет о том, что финикийцы пришли с восточноаравийского побережья Персидского залива на побережье Средиземного моря.

Историк Юстин пишет, что финикийский народ состоит из людей, которые покинули свои родные места после землетрясения. Сначала они осели на берегах озера Ашура, затем перебрались на побережье Средиземного моря. Здесь они построили город, который называли Сайда по причине изобилия рыбы, поскольку она по-финикийски называется «сайд». Действительно, на арабском языке, который считается ведущим в семитской языковой семье, к которой принадлежит и финикийский, существительное «сайда» означает «улов». Город Сайда существует и сегодня и находится в Ливане. Раньше он назывался Сидон и под этим именем вошел в историю Средиземноморья.

Финикийские народные предания также утвержда-

ют, что финикийцы пришли к Средиземному морю с берегов Эритрейского моря (греч. «erythrós» — «красный») после разрушительного землетрясения. По мнению ряда ученых, Красным морем того времени следует считать Персидский залив или даже Индийский океан.

Во II тысячелетии до нашей эры в историю Финикии вмешались жители полуострова Пелопоннес. Эгейцы, или «народы моря», в начале этого тысячелетия под давлением других греческих племен были вынуждены искать себе новые места обитания. Одна группа эгейцев высадилась на восточном берегу полуострова Малая Азия и, двинувшись на юг вдоль побережья, дошла до севера Финикии. Другая группа пыталась захватить Египет, но была отброшена фараоном Рамсесом III в битве при Пелусии в 1149 году до нашей эры. Но эгейцы дошли до юга Финикии и слились впоследствии с местным населением. Таким образом, к 1100 году до нашей эры финикийцы, принявшие группу эгейцев, образовали новый народ, в основе которого лежат два основных элемента: семиты — хананеи и индоевропейцы — эгейцы.

Финикия в целом редко была свободной. Основная причина такой политической неустроенности заключалась в раздробленности территории, на которой возникали города-государства, чеканившие свои монеты, имевшие своих союзников и врагов и нередко приглашавшие иноземцев для помощи в борьбе со своими соперниками. Поэтому в исторической литературе мы нередко встречаем название не страны, а жителей отдельных городов: тирцы, сидонцы и т. д., что подчеркивает их политическую самостоятельность. Другой причиной политической неустроенности Финикии следует считать ее важное стратегическое и географическое положение: более сильные соседи всегда стремились захватить страну и сделать ее население своим данниками.

В течение примерно трех веков после 1150 года до нашей эры Финикия все же была относительно свободной. Это дало большой толчок развитию в ней сельского хозяйства, рыболовства, мореплавания. Было заложено много новых городов, но самыми главными оставались древнейшие Тир и Сидон. Тир (совр. Сур в Ливане) был основан жителями Сидона. По некоторым данным, он был лишь восстановлен сидонцами после разрушения его «народом моря». Жрецы храма бога Мелькарта в Тире, которые вели летосчисление со времени основания города, говорили Геродоту, что Тир был основан более чем за 2 тыс. лет до его посещения.

Значение Тира в торговле древнего мира было очень велико. Его царь Хирам поставлял Давиду и Соломону кедр и кипарис для постройки храма в Иерусалиме. Жители Тира и Сидона вели обширную торговлю, снаряжали корабли, которые доходили до юга Красного моря и западного побережья Средиземного моря.

Именно в этот период в Финикии оформились религиозные представления, отголоски которых мы находим сегодня в иудаизме, христианстве и мусульманстве. Верховным богом, владыкой вселенной был Эл и его супруга Элат. Другие боги именовались Малк (царь) или Баал (хозяин). В Библии последнее имя передается как Ваал. Каждый город имел своего бога-покровителя. Так, хозяином Сидона был Эшмун, т. е. «обладатель имени», которого древние греки отождествляли с богом врачевания Асклепием. Город Берит (нынешний Бейрут) имел «Великую хозяйку Берита», Библ — Аштар, богиню любви и плодородия, она же Иштар или Астарт, аналог греческой Афродиты и римской Венеры. Покровителем Тира был Мелькарт (букв. «царь города»), которому везде возводили храмы. Но были и злые боги, такие, как бог смерти Мут, принимавший вид яркого иссушающего солнца, грозная воительница Анат и др.

Влияние финикийских представлений на формирование мифологии греков и других народов было довольно заметным. Финикийская легенда об Адонисе («адон», «адун» — по-финикийски «господь», «господин»), который вырос из пшеничного зерна, умер, попал в подземное царство и оттуда с помощью богини плодородия вернулся на землю, оказала огромное влияние на формирование религиозных представлений о вечном круговороте жизни, о поклонении великому женскому божеству плодородия. Финикийцы имели в египетском Мемфисе свое поселение с храмом богини Иштар. В Сирии, на острове Кипр, в континентальной Греции финикийцы сооружали храмы Астарты-Афродиты. В Коринфе, например, в этих храмах проходили оргии и честь Адониса и Афродиты, сопровождавшиеся «священной проституцией».

Однако при всем совпадении религиозных представлений отношения Финикии с Грецией, как свидетельствуют историки, никогда не были благополучными. Согласно легенде, финикийцы, прибыв в Аргос, коварно захватили греческую принцессу Ио, дочь аргосского царя Инаха, возлюбленную Зевса, которая пришла на финикийский корабль за покупками. Финикийцы же, со своей стороны, утверждают, что легкомысленная Ио

бежала с финикийским капитаном и они не могут нести ответственность за ее поведение.

К этому можно добавить факт более позднего времени. В 333 году до нашей эры Александр Македонский подошел к Тиру и попросил, чтобы его пустили помолиться Мелькарту, который отождествлялся греками с Гераклом, считавшимся предком Александра. Ему было в этом отказано. Тогда македонский царь приказал засыпать пролив, отделявший остров от берега, где был расположен Тир, взял город и 30 тыс. человек продал в рабство.

Финикийцы строили храмы на высоких местах. В центре храма они помещали камень или делали комнату, которую называли «бетель» (от «бет» — «дом» и «эл» — «бог») и куда приносили богам подарки («минха») или подношения («ола»), а также специальные жертвы («шеломим») в знак благодарности богу за его труды.

Среди страшных обычаев финикийцев, о которых упоминают почти все историки, следует назвать принесение в жертву людей, в том числе младенцев. Этот обычай восходит также к древнесемитским обычаям. Принести в жертву богу младенца, а еще лучше первенца, т. е. самое дорогое, что есть у человека, — значит показать ему свою преданность, и бог, конечно, такой жертвы не забудет. Вспомните Авраама, который по указанию Яхве готов был принести в жертву своего сына Исаака.

Активные торговые связи финикийских городов привели к тому, что мореплаватели, которые из-за несовершенства своих кораблей ходили только вдоль берегов, стали основывать торговые фактории по всему побережью Средиземного моря. Кроме причины, связанной со стремлением укрепиться на морских путях, по-видимому, было еще и желание удалить из городов-метрополий взрывоопасный элемент. Советский исследователь И. Ш. Шифман приводит слова древнеримского историка Саллюстия Криспа о том, что «финикияне, одни ради уменьшения населения на родине, а другие из жажды власти, возбудив плебс и прочих жадных до новшеств, основали на морском побережье Африки Гиппон, Хадрумет, Лептис и другие города».

Первая финикийская колония на Африканском континенте была основана за Гибралтаром, в долине реки Лукус, вблизи современного марокканского населенного пункта Эль-Ариш. На Средиземноморском побережье, севернее нынешней столицы Туниса, жители Тира в самом начале XII века до нашей эры основали город-колонию Утика. Через сто лет после этого Утика, куда тирские правители охотно ссылали бунту-

ющую молодежь, уже попыталась отделиться от метрополии. Три названных Саллюстием города—Гиппон, Хадрумет и Лептис—возникли на рубеже XII—XI веков до нашей эры на территории приморской равнины Сахель в Тунисе. Хадрумет был основан Тиром южнее нынешней столицы Туниса, а Лептис—сидонцами (изгнанными за смуту из родного города) близ нынешнего тунисского города Сус. Однако самым знаменитым городом, который под своей властью объединил все финикийские поселения, был Карфаген.

Время основания Карфагена известно с точностью до нескольких лет. Так, римские авторы Юстин и Сервий Грамматик сообщают, что он был заложен за 70—72 года до основания Рима, т. е. между 826 и 824 годами до нашей эры. Греки ведут отсчет от первой Олимпиады, считая, что Карфаген был основан за 38 лет до этого события, т. е. в 814 году до нашей эры. По-видимому, будет правильным утверждать, что Карфаген был заложен финикийцами в первой четверти IX века до нашей эры на холме Бирса (в черте нынешней тунисской столицы) и получил название Карт Хадаш—Новый город в отличие от старого города Тир.

Кто же его первые жители? На этот счет существует красивая легенда, в основе которой лежат карфагенские и римские источники и которая несет в себе отпечаток действительных событий. Город был основан тирской царевной Дидоной, которую по-финикийски звали Элиссой. Она была женой жреца Акербаса (по-финикийски Ахерба) и в борьбе за власть со своим братом Пигмалионом потерпела поражение. Пигмалион убил ее мужа, захватил его богатства, и Дидона бежала из страны. Поскольку финикийцы уже проторили дорогу в Северную Африку, Дидона с помощью киприотов добралась до территории нынешнего Туниса.

Есть и другая версия, которую приводит в своей книге «Финикия и финикийцы» профессор археологии и куратор музея Американского университета в Бейруте Д. Барамки. Суть ее сводится к следующему. Матан, внук сидонского царя Итобаля, занял трон в 850 году до нашей эры. Он оставил после себя дочь Элиссу и сына Пигмалиона. Ряд видных горожан настаивал на том, чтобы Элисса вышла замуж за своего дядю Закарбаала, верховного жреца бога Мелькарта, покровителя Тира. Пигмалион убил Закарбаала, Элисса бежала на Кипр, а оттуда в Северную Африку.

Для нас, по-видимому, важен тот факт, что Дидона-Элисса, бежавшая из Финикии, прибыла в Северную Африку и купила холм Бирса у берберского царя Ярба. Хитрый бербер предложил «ей взять земли

столько, сколько может покрыть одна бычья шкура». Элисса разрезала шкуру на тонкие полоски и окружила этой веревкой целый холм, своей изобретательностью повергнув в изумление туземного владыку. Римские авторы сообщают, что при закладке цитадели на Бирсе финикийцы обнаружили две головы — коня и быка, что предвещало новому городу большое богатство и военную мощь. Туземный владыка пожелал сделать Дидону своей женой. Чтобы не осложнять отношений с местным населением, она согласилась, но попросила развести большой костер, дабы очиститься перед вступлением в брак. Когда костер достаточно разгорелся, она бросилась в огонь и погибла.

Кстати, «вирса» — по-гречески «выделанная шкура», что, по-видимому, отражает указанный факт легендарной истории. Холм под тем же названием (Бирса) существует в тунисской столице и сегодня.

С 1923 года в районе Бирсы вели раскопки американские и французские археологи. Они обнаружили стену из крупных каменных блоков, а между восточной гаванью и холмом открыли храм Танит — богини-девы. В районе храма были найдены урны с пеплом, остатки захоронений детей и мелких животных. Можно предположить, что именно здесь приносились жертвы, в том числе и человеческие.

Карфаген со временем становится одним из крупнейших торгово-промышленных центров древнего мира. Другие финикийские города добровольно или под угрозой оружия принимают его покровительство. Если финикийцы создавали только колонии и жили относительно мирно с местным населением, то Карфаген уже пытается подчинить местные племена, которые назывались одним словом — ливийцы. Последние служили в армии Карфагена в качестве наемников, а иногда даже выступали против него.

К первой половине V века до нашей эры карфагенская держава включала западную часть Сицилии, южную оконечность Пиренейского полуострова, Балеарские острова, остров Сардиния и часть острова Корсика, а на материке — огромную территорию от Столпов Мелькарта (Гибралтарского пролива) до Филеновых алтарей (жертвенников) в центре залива Большой Сирт, где в 516 году до нашей эры была установлена граница между финикийской Триполитанией и греческой Киреной. Влияние эллинов, которые были конкурентами финикийцев, в Восточном Средиземноморье возрастало. Так, сидонцы официально считались эллинами и в этом качестве допускались к участию в общегреческих Немейских играх. Население Карфагена вобрало в себя

финикийских поселенцев, ливийские племена, лиц от смешанных браков, а также прибывших из отдаленных владений иберов, сардов, элинов и др. Древние римляне называли пестрое население Карфагена пунийцами (лат. Puni или Poeni).

В Карфаген и в другие пунические города продолжало прибывать население и из далекой метрополии. Волна переселенцев была особенно большой, когда в Финикии появлялись новые завоеватели. В этой связи мореплавание оставалось предметом особых забот карфагенских правителей. Они не только бдительно охраняли свои периферийные владения, но и пытались основывать новые колонии. Все это требовало совершенствования конструкций судов и их оснастки. Водоизмещение карфагенских, а затем и римских судов определялось количеством амфор, которые они могут перевезти за один раз. Суда, вмещавшие до 300 амфор, считались небольшими, и их владельцы занимались лишь каботажным плаванием вдоль южного побережья Средиземного моря.

Мореходство начало развиваться у финикийцев в XV веке до нашей эры. Египетский фараон Тутмос III пытался привлечь их для переправы своего войска через море. Однако финикийцы с этим заданием не справились (в то время они пускались в большие путешествия только по острой необходимости), хотя и считались после заката морского владычества Крита лучшими моряками.

В конце I тысячелетия до нашей эры финикийцы более удачно начали осуществлять долгие морские переходы. Царь Тира Хирам вступил в союз с иудеями, чтобы совершить большое плавание на юг и добыть золото. «Царь Соломон... сделал корабль в Ецион-Гавере, что при Елафе, на берегу Чермного моря, в земле Идумейской. И послал Хирам на корабле своих подданных корабельщиков, знающих море, с подданными Соломоновыми; и отправились они в Офир, и взяли оттуда золота четыреста двадцать талантов, и привезли царю Соломону... И корабль Хирамов, который привозил золото из Офира, привез из Офира великое множество красного дерева и драгоценных камней... у царя [Соломона] был на море Фарсисский корабль с кораблем Хирамовым; в три года раз приходил Фарсисский корабль, привозивший золото и серебро, и слоновую кость, и обезьян, и павлинов». Эти цитаты взяты из Библии, из «Третьей книги Царств» (гл. 9, ст. 26—28; гл. 10, ст. 11 и 22).

На протяжении веков многие ученые пытались разгадать, где находится Офир, откуда было привезено

столь большое количество золота—примерно 20 тонн. Большая часть ученых склонна считать, что Офир мог быть только африканской страной и, наиболее вероятно, расположен в юго-восточной части Африки, в районе реки Замбези.

Путешествие финикийцев вместе с израильтянами в Офир скорее всего было пиратским набегом. Финикийцы, видимо, использовали гавань Ецион-Гавер для снаряжения судов и взяли с собой израильтян в поход, рассматривая их участие в этой экспедиции как плату за гавань. Интерес царя Соломона к этому предприятию объясняется еще и тем, что царь Соломон, по некоторым предположениям, попал в финансовые затруднения в связи с многолетним строительством дворца и роскошного храма в Иерусалиме и даже был вынужден отдать Хираму в качестве платы города в Галилее. В той же библейской «Третьей книге Царств» (гл. 9, ст. 10—11) читаем: «По окончании двадцати лет, в которые Соломон построил два дома,—дом Господень и дом царский,—на что Хирам, царь Тирский, доставлял Соломону деревья кедровые и деревья кипарисовые и золото, по его желанию,—царь Соломон дал Хираму двадцать городов в земле Галилейской».

Иными словами, финикийцы, хорошие мореплаватели, знающие местонахождение страны Офир, помогли Соломону добыть 20 тонн золота в течение трех лет, причем послали в экспедицию один свой корабль, а второй, построенный Соломоном, повели с собой. Сегодня возникает вопрос: почему этот удачный поход впоследствии не был повторен? Скорее всего деятельность финикийцев в Офире была недолгой и прекратилась в конце VII или начале VI века до нашей эры. Пророк Иезекииль среди областей, с которыми вел торговлю Тир, не назвал Офир. Правда, Гомер намекает на плавание финикийцев по морю, которое птицы не могут перелететь за год, но предполагать, что это был Индийский океан, у нас нет достаточных оснований.

Диодор Сицилийский (I век до нашей эры) в своей «Исторической библиотеке» отмечает, что финикийцы, обследовавшие побережье «по ту сторону Столпов», т. е. за Гибралтарским проливом, были отнесены в океан и после многих дней блужданий приплыли к большому острову. Этот остров и другие осколки суши в Атлантическом океане сегодня называют Канарскими островами и архипелагом Мадейра. Теперь уже нет сомнений в том, что финикийцы достигли именно этих островов, а их потомки-карфагеняне проследовали тем же путем. Визит финикийцев на Канарские острова связывают не только с неумением управлять парусами в

бурном море. На этих островах пришельцы обнаружили в больших количествах лишайник орсель (*Roccella tinctoria*), который давал устойчивый пурпуровый краситель. Ведь жители Тира производили пурпуровые ткани, которые высоко ценились в древнем мире, и, на мой взгляд, правы те ученые, которые видят в этом походе на Канарские острова обычную экспедицию любознательных и удачливых мореплавателей и торговцев.

Пурпуровые ткани окрашивались красителем, получаемым из раковины пурпурицы (*Purpura haemastoma*), однако этого красителя было явно недостаточно, чтобы обеспечить потребности древнего мира. Краситель из лишайника, даже в средние века именовавшегося «травой оризелло», мог служить добавкой к красителю, получаемому из раковин. Плиний писал, что нумидийский царь Юба II незадолго до начала нашей эры основал на Канарских островах пурпурокрасильню, а сами эти острова получили название Пурпурных островов. Есть предположение и о том, что финикийцы кроме орселя получали с Канарских островов и другой краситель, так называемую драконову кровь, т. е. смолу драконова дерева (*Dracaena draco*), которое растет на острове Сокотра и в горах Восточной Африки.

Финикийские мореплаватели не только на свой страх и риск пускались в опасные путешествия, но и выполняли поручения других, более могущественных соседей. О неудачной попытке Тутмоса III использовать финикийские корабли, чтобы перебраться через море, мы уже говорили, но египетские фараоны часто привлекали финикийцев для выполнения и других поручений. Об этом как раз и сообщает Геродот: «После прекращения строительства канала из Нила в Аравийский залив царь послал финикийян на кораблях. Обратный путь он приказал им держать через Геракловы Столпы, пока не достигнут Северного моря и таким образом не возвратятся в Египет. Финикийяне вышли из Красного моря и затем поплыли по Южному. Осенью они приставали к берегу, и в какое бы место в Ливии ни попадали, всюду обрабатывали землю; затем дожидались жатвы, а после сбора урожая плыли дальше. Через два года на третий финикийяне обогнули Геракловы Столпы и прибыли в Египет. По их рассказам (я-то этому не верю, пусть верит, кто хочет), во время плавания вокруг Ливии солнце оказывалось у них на правой стороне»¹.

Как известно, Геродот делил весь мир на Азию,

¹ Геродот. История в девяти книгах. М., 1972, с. 197.

Европу и Ливию, т. е. Африку, и перед только что приведенным отрывком осторожно говорит, что «Ливия же, по-видимому, окружена морем, кроме того места, где она примыкает к Азии; это, насколько мне известно, первым доказал Неко, царь Египта». Некоторые ученые считают рассказ Геродота о путешествии финикийцев правдоподобным. Среди них можно назвать, например, немецкого ученого и путешественника Александра Гумбольда и советского востоковеда академика В. В. Струве. Но есть и сомневающиеся; они ссылаются на то, что, мол, Геродот умолчал об африканской природе, больших реках и многом другом, что снижает достоверность приводимых великим греком сведений. Однако позитивных свидетельств гораздо больше. И особенно сильный аргумент — солнце с правой стороны, что у Геродота вызывает сомнение, но что стало доказательством правдивости его сообщения.

Скорее всего события развивались следующим образом. Финикийцы вышли в Красное море в июне-июле, обогнули мыс Гвардафуй при северо-восточном муссоне в октябре и переждали зимние месяцы на юго-восточном побережье Африки. Обратным путем они вернуться не смогли, так как им пришлось бы плыть против сильного мозамбикского течения, и поэтому, идя вдоль африканского побережья, они по приказанию египетского фараона Нехо (Неко) обогнули континент и вышли через Гибралтар в Средиземное море. Как пишет комментатор Геродота Г. А. Стратановский, «по приказанию египетского царя Неко (609—593 гг.) финикийцы обогнули мыс Доброй Надежды, при этом солнце было у них на правой стороне. На третий год они достигли Гибралтара и снова вошли в Средиземное море»².

Экспедиция финикийцев, сомнения в которой почти не осталось в свете новых данных по истории мореплавания в Индийском, Тихом и Атлантическом океанах, была выдающимся достижением. Это достижение смогли повторить средневековые мореходы лишь через две тысячи лет.

Спустя 70 лет, т. е. около 525 года до нашей эры, карфагенский суфет Ганнон отправился в плавание за Столпы Геракла, чтобы основать новые поселения. У него было 60 пятидесятивесельных кораблей с 30 тыс. мужчин и женщин. Численность колонистов явно завышена: античные суда даже в военное время брали на борт, по данным Геродота, около 80 человек. А колонисты ехали явно не с пустыми руками. Скорее всего речь идет о 3 тыс. мужчин и женщин, что уже

² Там же, с. 520.

достаточно много. Сам Ганнон составил сухой отчет о своей экспедиции, который был нанесен на стену храма в Карфагене и оттуда скопирован Полибием, свидетелем разрушения великого города римлянами в 146 году до нашей эры. Об этом путешествии пишут древнегреческий историк Арриан, Плиний Старший, Помпоний Мела и другие древние авторы.

Арриан сообщает, что Ганнон «плыл по направлению к востоку 35 дней. Когда он повернул к югу, то встретился с большими трудностями: с недостатком воды, с палящей жарой, с потоками огня, вливающимися в море»³. Арриан вряд ли мог присочинить лишнее о путешествии Ганнона и придумать такие четкие географические факты, как направление и время плавания, извержение вулкана и т. п. Если учесть, что действующего вулкана в Западной Африке, кроме горы Камерун, нет, значит, Ганнон достиг Камеруна. (В наше время извержение этого вулкана происходило в 1909, 1922 и 1925 годах, причем в 1922 году раскаленная лава потоками стекала в сторону моря.) Иными словами, карфагенский мореплаватель Ганнон почти достиг экватора.

Примерно в том же, 525 году до нашей эры другой карфагенский мореплаватель, Гимилькон, совершил не менее выдающееся путешествие. Немецкий историк Рихард Хенниг приводит выдержку из стихотворного произведения географического характера, принадлежащего поздне римскому автору Авиену, жившему около 400 года нашей эры. В его «Морских берегах» говорится о том, как «поселенцы Карфагена и народ, который жил у Геркулесовых Столбов, не раз в моря езжали эти. Пуниец Гимилькон, который сообщает, что сам он на себе все это испытал на деле, с трудом доплыв сюда (к Эстремнидам, как в древности, очевидно, назывался полуостров Бретань.—Р. Х.), говорит, что сделать такой путь возможно только в четыре месяца...»⁴.

Экспедиция Гимилькона была осуществлена по указанию правителей Карфагена и преследовала цель обеспечить этому городу-государству поставку олова с Оловянных островов, как в то время именовались Британские острова. Олово было важным компонентом для получения бронзы.

Классическая пропорция бронзы в древности (90% меди +10% олова) была открыта, как считают ученые, на Иберийском полуострове. Олово добывалось в Асту-

³ Цит. по: Хенниг Р. Неведомые земли. Пер. с нем. Т. 1. М., 1961, с. 111.

⁴ Там же, с. 118.

рии, в реках Тахо, Дуэро, Миньо, Силье, в истоках Гвадалквивира и других местах, но в чистом виде оно не вывозилось, с тем чтобы уберечь секрет изготовления бронзы от чужеземцев. Когда эти месторождения иссякли, древние иберийцы начали искать этот редкий металл и обнаружили его в соседней Франции и на Британских островах.

Город Тартес(с) на побережье Испании (в области совр. Кадиса) был монополистом по торговле оловом и главным поставщиком олова и бронзы в страны Средиземноморья. Карфаген подчинил себе Тартес около 530 года до нашей эры, потом, видимо, разрушил его как своего конкурента и попытался разведать путь к Оловянным островам. Плиний пишет, что Гимилькон был послан «исследовать внешние границы Европы».

Гимилькон достиг Южной Англии и Ирландии. Он, по-видимому, как и Ганнон, подготовил отчет — «перипл» (плавание). Его описание дошло до нас в изложении Авиена, т. е. спустя 900 лет после этого путешествия, хотя есть предположение, что Плиний видел отчет Гимилькона и что греческий мореплавателю Пифей, побывавший в стране олова между 350 и 320 годами до нашей эры, пользовался материалами Гимилькона.

Авиен, пересказывающий отчет выдающегося мореплавателя, говорит, что карфагеняне во время плавания подвергались большим опасностям из-за мелководья, стай морских зверей, чудищ, ныряющих среди медленно двигающихся кораблей, тумана и сумрачных туч. Хитрые карфагенские купцы сознательно сбивали с толку своих конкурентов описанием трудностей четырехмесячного путешествия, доказывая невозможность плавания в западных морях. Эта пущенная в оборот карфагенянами версия была заимствована Платоном, который писал в своем рассказе об Атлантиде о несудоходности западной части Океана, и рядом других древних авторов (таких, например, как Гай Юлий Солин, римский писатель III века), рассуждавших о «застывшем море». Однако фактические результаты экспедиции Гимилькона по сравнению с путешествием Ганнона были удовлетворительными, и карфагеняне вплоть до окончательного разрушения своей столицы во II веке до нашей эры продолжали плавать к британскому полуострову Корнуолл за грузом олова.

В конце III века до нашей эры Рим, продолжая свою экспансию на юг Апеннинского полуострова, усилил давление на греческие города Тарент, Кротон, Регий, Локры и др. В 275 году до нашей эры римляне наконец разбили эпирского царя Пирра; в 272-м, полу-

чив известие о смерти Пирра, погибшего в уличном бою в греческом городе Аргос, оставленный им гарнизон сдал римлянам Тарент; в 270-м пали Кротон, Регий и другие торговые города, а в следующем, 269 году до нашей эры весь Апеннинский полуостров к югу от «вечного города» был в руках Рима. Это повлекло за собой введение новой единой монеты — денария, усиление морского флота и, как следствие, обострение отношений с Карфагеном.

Риму пришлось столкнуться с Карфагеном еще в 348 году до нашей эры, когда римляне захватили этрусский город Цере. Этруски давно враждовали с карфагенянами за господство в Тирренском море, и римляне, покорив упомянутый город Цере в 348 году до нашей эры, продолжали — теперь уже в качестве наследников внешней политики этрусков — соперничать с Карфагеном. Торговый договор 349 года до нашей эры между Римом и Карфагеном, разграничивший сферы влияния между ними, был возобновлен в 306 году до нашей эры. Третий договор от 280 года до нашей эры касался не только торговых, но и политических отношений этих государств.

В это время в Риме должность цензора занимал Аппий Клавдий, который выражал интересы торговой партии, стремившейся не только укрепить свои позиции внутри страны за счет патрициев-землевладельцев, но и расширить римские владения за пределами Апеннинского полуострова. Наибольшие вождедения вызывала Сицилия, на которую претендовал и Карфаген. Римляне, воспользовавшись предложением Мессаны (Мессины) о помощи в местной войне этого города с Сиракузами, переправились на Сицилию и захватили Мессану, тем самым дав непосредственный повод к Первой Пунической войне, продолжавшейся с 264 по 241 год до нашей эры.

Для успешного ведения военных действий Риму был необходим сильный флот, способный противостоять карфагенскому. Создав его, римляне даже осуществили вылазку в Африку, но этот бросок к стенам Карфагена закончился неудачей. Долгое время война шла с переменным успехом. Обе стороны были измучены войной. Часть римского флота была уничтожена противником, часть — жестокой морской бурей. Тем не менее положение римлян было несколько лучшим, хотя бы потому, что им принадлежала большая часть Сицилии. Однако без флота победить противника было невозможно. А денег на сооружение кораблей в римской казне не было. Полибий отмечает, что флот — 200 пятипалубных кораблей — был построен на средства наиболее состо-

ятельных граждан. Исход войны был решен в ожесточенном сражении при Эгатских островах в 241 году до нашей эры. Римский флот наголову разбил карфагенскую эскадру. Условия мира были чрезвычайно тяжелыми для Карфагена: римляне получили все сицилийские владения Карфагена, огромную контрибуцию (3,2 тыс. талантов, т. е. около 84 тонн серебра), и им были выданы все римские пленные без выкупа. Через три года, в 239 году, воспользовавшись восстанием наемников в Карфагене, римляне захватили острова Сардиния и Корсика.

Но Карфаген еще не был окончательно повержен. Обострение внутривосточной борьбы в Риме дало возможность ему усилить свои военные позиции. Выдающийся карфагенский полководец Гамилькар Барка, долгое время сопротивлявшийся римлянам в Сицилии, в 237 году до нашей эры отправился в Иберию и захватил южную часть Иберийского полуострова. Погибшего во время войны с иберами Гамилькара заменил его зять Гасдрубал. Карфагеняне построили на иберийском побережье сильную крепость Новый Карфаген, которая существует и сегодня под названием Картагена. Римляне, занятые своими внутренними делами, спокойно реагировали на усиление соперника и даже подписали в 226 году до нашей эры с Гасдрубалом договор, по которому оставляли карфагенянам район к югу от реки Ибер (совр. Эбро), т. е. почти весь Иберийский полуостров.

После гибели Гасдрубала во главе карфагенского войска встал старший сын Гамилькара — Ганнибал. В 219 году до нашей эры он осадил и взял сильно укрепленный город Сагунт, расположенный на восточном побережье Иберии. Карфаген, в котором главную роль играл род Барка, настолько себя уверенно чувствовал, что оставил без внимания протест Рима по поводу захвата союзного ему Сагунта и отказался вести переговоры с прибывшим посольством из Рима.

История Второй Пунической войны (218—202 годы до нашей эры), впрочем, как и первой, изучалась в средней школе и хорошо известна. Ганнибал, поставленный во главе карфагенского войска, перешел через реку Ибер, прошел по побережью нынешнего Лионского залива, перешел через Альпы и появился в Северной Италии со своими слонами — ударной силой его армии. Эти слоны специально вооружались для битвы, и карфагеняне, казалось, проявили всю свою изобретательность, чтобы превратить этих животных в изощренных убийц. Бивни слонов удлинялись специальными наконечниками с острыми копьями, нагрудники снабжа-

лись рогатинами, бронзовые бляхи закрывали бока, в наколенники помещалась дюжина кинжалов, а в кожаные кольца, охватывавшие хобот, продевались рукоятки тесаков. На спине слона возвышалась башня, где скрывались один-два солдата, метавшие копья и зажигательные стрелы. Слоны, пускавшиеся впереди войска, врзались в ряды противников, рогатины нагрудника, как плуги, пробивали траншеи в человеческой массе, копья клыков резали и рубили вражеских солдат, хоботы косили их направо и налево.

Ганнибал нанес поражение римским консулам Сципиону и Семпронию и занял северную Италию. Затем он двинулся к Риму. Война, в исходе которой были заинтересованы все слои римского населения, приняла оборонительный характер. Во главе войск был поставлен новый консул—Гай Фламиний. В 217 году до нашей эры при Тразименском озере он проиграл битву Ганнибалу и погиб в бою. В следующем году в известном сражении при Каннах Ганнибал одержал решительную победу и овладел большей частью южной Италии, кроме некоторых греческих островов, которые из чувства традиционного соперничества с Карфагеном сохранили верность Риму.

Однако Ганнибалу не удалось закрепить свои успехи. В 207 году до нашей эры римляне разбили карфагенскую армию, которой командовал брат Ганнибала—Гасдрубал, шедший к нему на помощь из Испании. Римский полководец Публий Корнелий Сципион в 204 году до нашей эры перенес войну в Африку, на территорию самого Карфагена, с тем чтобы Ганнибалу пришлось вернуться в родные края. В 203 году до нашей эры Сципион разгромил карфагенское войско, а в следующем году в битве при Заме он встретился с непобедимым Ганнибалом. Карфаген это сражение проиграл.

Вторая Пуническая, или Ганнибалова, война была окончена, и торгово-ростовщические круги, бывшие ее инициаторами и оказывавшие материальную помощь и поддержку в ее ведении, с вожделием ожидали дележа добычи. Но представители старых патрицианских родов не хотели отдавать победу в руки враждебных сил и настаивали на сохранении Карфагена как вассального государства. Семья Сципионов, в том числе победитель при Заме Публий Сципион Африканский Старший, смотрела на Испанию и на Карфаген как на свою личную вотчину, которую они отняли у рода Барка во время битв. Эту войну они вели на свой страх и риск при материальной поддержке ростовщиков и торговцев и не были намерены выпускать добычу и

рук. Вот почему Сципион Африканский, несмотря на протесты и возмущение представителей торговцев, продиктовал умеренные условия мира: Карфаген утрачивал все внешние владения, но сохранял свою территорию в Африке. Карфаген признал независимость Нумидии, обязался не вести войн вне Африки, а в Африке — лишь с ведома и согласия Рима, выдал всех своих боевых слонов и флот, за исключением десяти судов, и должен был выплачивать контрибуцию в течение 50 лет в размере 10 тыс. талантов. Сципион утвердил и провел этот договор через римский сенат и даже добился признания Карфагена в качестве союзной державы.

Наиболее значительным политическим результатом Второй Пунической войны было образование в восточной части современного Алжира Нумидийского царства во главе с Масиниссой. Одновременно Рим разжигал территориальные притязания Нумидии на земли, захваченные Карфагеном, который должен был вместе с другими территориями передать ему часть покоренных ранее областей. Эта договоренность намеренно не была облечена в официальную форму, четко было сказано лишь о том, что Карфаген не имеет права вести войны против Масиниссы без ведома Рима.

В течение последующих 50 лет Масинисса, обладая недюжинным умом и смелостью, сделал все возможное для того, чтобы создать объединенное царство от Марокко до Киренаики. Масинисса, государственный деятель и воин, по словам Страбона, превратил кочевников в фермеров и объединил их в единое государство, причем его успеху во многом способствовало распространение финикийских методов ведения сельского хозяйства и государственной политики. Но факт существования Карфагена раздражал нумидийского царя, и он начал посягать на территории, оставленные договором о мире Карфагену. Все спорные вопросы с Карфагеном Рим решал в пользу царя.

В 60-х годах II века до нашей эры Масинисса под предлогом розыска преступника, убежавшего в Киренаику, попросил у Карфагена разрешение пересечь Триполитанию, но получил отказ. Несмотря на это, царь пересек границу и был захвачен карфагенянами. Последние были вынуждены под давлением Рима отпустить Масиниссу. Тогда они послали своих представителей в Рим с просьбой создать комиссию по расследованию карфагено-нумидийских дел, но и на этот раз Рим встал на сторону своего союзника. Более того, Карфаген должен был выплатить Масиниссе 500 талантов серебра за якобы необоснованное содержание его под стражей и передать Нумидии часть своих земель.

Однако Карфаген, хотя военное могущество его было подорвано, продолжал оставаться экономически сильным государством, и провокации Масиниссы вызывали раздражение и обиды. В то же время сам факт существования Карфагена с его огромным политическим авторитетом был главным препятствием для господства Рима в Средиземноморье, и влиятельная партия в римском сенате во главе с Катон Старшим (234—149 годы до нашей эры) требовала полного уничтожения Карфагена. По свидетельствам Цицерона, Тита Ливия и Плутарха, Катон каждую свою речь в сенате заканчивал словами: «Carthagem esse delendam» — «Карфаген должен быть разрушен».

Фактически войны между Карфагеном и Нумидией начались еще тогда, когда в Риме в сенате разбирались их многочисленные конфликты. Так, в 149 году до нашей эры Масинисса вновь спровоцировал карфагенян на военные действия. Рим не замедлил направить своему союзнику подкрепление, и огромная армия римлян высадилась у города Утика. Так началась Третья Пуническая война. Когда Карфаген запросил мира, Рим согласился его даровать при условии выполнения ряда требований. Пунийцы выдали 300 молодых заложников из семей Магона, Ганнона, Барки и других знатных родов, передали свое оружие, а также корабли, которые римляне сожгли у них на глазах. Но этого римлянам показалось мало, и последовало новое требование — оставить город и переселиться в глубь страны. На это пунийцы уже не могли согласиться. Первая атака римлян была отбита. Началась двухлетняя осада городской крепости и его портовых сооружений. Обороняющаяся сторона проявляла огромную изобретательность, находчивость и необычайный героизм при защите буквально каждого дома своего города. Но силы были явно неравны, и в 146 году до нашей эры Карфаген был сожжен и разрушен, а его территория была объявлена римской провинцией Африка. На этот раз римским полководцем был Сципион Эмилиан Младший, также получивший прозвание Африканский.

Захватив Карфаген, римляне стали более внимательно изучать доставшееся им наследство. Они обнаружили, что пунийцы были не только ловкими политиками и торговцами, но и любознательными людьми. Купец-карфагенянин, отправлявшийся со своим товаром в далекие края часто с риском для жизни, в большей степени был путешественником и землепроходцем, чем барышником. А вспомним нашего тверского гостя Афанасия Никитина и его «хождение за три моря». В отличие от карфагенян римляне без особой нужды

никогда не пускались в большие путешествия. Их знания об Африке в середине II века до нашей эры, когда они захватили и разрушили Карфаген, были гораздо примитивнее, чем знания финикийцев, греков и карфагенян. Только падение своего врага подтолкнуло их на то, чтобы поинтересоваться странами, которые находились в торговых и политических связях с Карфагеном. Древнегреческий историк Полибий, автор истории Греции, Македонии, Малой Азии, Рима и других стран от 220 до 146 года до нашей эры, по указанию победителя Карфагена, своего друга Сципиона Эмилиана Младшего, пустился в плавание, для того чтобы обследовать африканское побережье от Карфагена на запад, а также Атлантическое побережье Африки. Любопытно отметить, что именно Полибий в карфагенском храме скопировал отчет Ганнона о его морском путешествии и сделал его достоянием истории. Может быть, именно это открытие в храме подтолкнуло римлян повторить сразу после разрушения Карфагена подвиг Ганнона. Однако даже тех скурых сведений, которые приводит Плиний о путешествии Полибия, достаточно, чтобы утверждать, что результаты этой морской экспедиции римлян, в которой участвовали, по-видимому, и карфагенские лоцманы, были весьма скромные. Самая южная точка, которой достиг Полибий или направленные им мореходы, определяется где-то на уровне устья реки Сенегал. Но не будем строги к римским морским путешественникам. Ведь европейские мореплаватели добрались до этой точки только в середине XV века нашей эры.

Изучение культурного наследия финикийцев и Карфагена с каждым годом набирает силу. У нас, в СССР, и за рубежом издается немало книг, которые приводят рассказы о путешествиях финикийцев и карфагенян, об их материальной культуре и духовном наследии. Пересказывать их было бы неуместно. Мне не хочется испытывать терпение читателей, и я приведу лишь одну историю, которая уже несколько веков волнует тех, кто интересуется культурой Северной Африки, и в частности Карфагена. Она изложена уже неоднократно упоминавшимся немецким ученым Рихардом Хеннигом.

В ноябре 1749 года на острове Корву, одном из Азорских островов, в фундаменте разрушенного здания, подмытого штормом, был обнаружен глиняный горшок с древними монетами. Девять из них попали в Мадрид: две золотые карфагенские, пять медных карфагенских и две медные монеты из города Кирены (на востоке современной Ливии). Об этом факте сообщил шведский ученый Иоганн Подолин, посетивший Мадрид

в 1761 году и узнавший о находке от патера Энрике Флореса, известного ученого-нумизмата, который даже подарил ему эти монеты, осевшие, вероятно, в одной из частных нумизматических коллекций.

Азорские острова были вторично открыты португальцами во времена Альфонса V (1432—1481). Этот португальский король, захвативший в Африке Танжер, Касабланку и другие города, получил прозвище Африканский. Он поощрял морские экспедиции, и не случайно Азорские острова были захвачены португальцами в период его правления. Острова были необитаемы, хотя в средние века их посещали норманны и арабы. Именно это дало повод предположить вначале, что кто-то завез эти монеты на уже известные Азорские острова и спрятал их в фундаменте здания. По другой версии, монеты были украдены из какой-то коллекции и затем подарены Энрике Флоресу, которому рассказали легенду об их случайном обнаружении. Большинство ученых считают, что монеты были завезены карфагенянами, возможно, даже одним из кораблей экспедиции Ганнона. Ведь обнаруженные монеты датируются 330—320 годами до нашей эры, а немецкий нумизмат Бернхардт подтвердил подлинность монет и невозможностью в 1760 году «правильно подобрать столь прекрасную серию карфагенских монет, относящихся к такому ограниченному периоду... Если бы кто-нибудь и захотел тогда заняться таким мошенничеством, то в лучшем случае он скопил бы всевозможные монеты разных веков, ибо в то время никто не заметил бы обмана»⁵.

Иоганн Подолин в своей информации о находке монет на острове Корву высказывает мысль о том, что один из кораблей Ганнона мог быть отнесен постоянным восточным ветром к острову, поскольку корабли, как он утверждает, вряд ли попали туда преднамеренно. Подолин в своем отчете поместил схематическое изображение этих девяти монет и отметил, что они не являются особо редкими, за исключением двух золотых карфагенских монет.

После этой информации я, естественно, не смог удержаться, чтобы не попытаться расшифровать изображения этих монет.

Маленькая золотая монета Карфагена имеет на лицевой стороне изображение пунической богини Танит, на оборотной стороне — лошадь, смотрящую назад. На второй золотой монетке, которую тоже относит Подолин к редким (по-видимому, со слов Флореса), изображена финиковая пальма, а на реверсе — голова

⁵ Там же, с. 165.

лошади. Другие карфагенские монеты имеют на лицевой стороне профиль пунической богини Танит, иногда в венке из колосьев пшеницы, а на реверсе — обязательная лошадь, смотрящая вперед или назад. Последняя карфагенская монета, которая идет в списке Подолина под № 7, изображает богиню Танит с венком из колосьев, ожерельем и серьгой в виде капли, а на ее реверсе — рисунок стоящей лошади. Такая золотая монетка достоинством в $\frac{1}{6}$ статера и весом 2,06 грамма, а не медная, как указывает Подолин, в последнем каталоге английской фирмы Сиби помечена словом «уникальная». Все карфагенские монеты, золотые или из электрона — сплава золота и серебра, бронзовые или медные, довольно редки, встречаются в одном или нескольких экземплярах и ценятся очень высоко.

В каталоге греческих монет я нашел и одну киренскую монету, которая идет у Подолина под № 8. На лицевой стороне помещено изображение Зевса-Амона, а на оборотной — пальма с финиками и выбитыми на поле латинскими буквами К—У/Р—А. Стоимость таких монет довольно скромная, по-видимому, по причине их большого количества.

После такого домашнего анализа я бросился изучать монеты, которые купил на базаре в Тунисе. Но, увы, среди них не было ни одной, которая хотя бы приблизительно походила на карфагенские и киренские монеты, найденные на острове Корву.

СОДЕРЖАНИЕ

ЖЕМЧУЖИНА СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ	3
ПО СЛЕДАМ МАЛЬТИЙСКИХ РЫЦАРЕЙ	19
ПО УЛИЦАМ И ПЛОЩАДЯМ ЛИВИЙСКОЙ СТОЛИЦЫ	33
ТРИПОЛИ МУСУЛЬМАНСКИЙ	47
ЩЕДРОЕ СЕРДЦЕ САХАРЫ	61
ВЕЛИКИЙ ЛЕПТИС	87
МЛАДШИЙ БРАТ ВЕЛИКОГО ЛЕПТИСА	105
ВСТРЕЧА С СОВРЕМЕННЫМИ «ТРОГЛОДИТАМИ»	118
ПОЕЗДКА В БЕНГАЗИ	134
БУ-НУГЕЙМ, ИЛИ ЛЮБИТЕЛЬСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ	157
КАРТИННАЯ ГАЛЕРЕЯ ВАДИ БАРДЖУЖ	174
К СОЛЕННОМУ ОЗЕРУ МАНДАРА	186
В МУРЗУК — ЦЕНТР ФЕЩАНА	201
В СТОЛИЦЕ ТУНИСА	226
ПЯТОЕ ВРЕМЯ ГОДА	248
У КОЧЕВНИКОВ ЮЖНОГО ТУНИСА	268
-КАРФАГЕН ДОЛЖЕН БЫТЬ РАЗРУШЕН-	282

Литературно-художественное издание

Герасимов Олег Герасимович

ПЯТОЕ ВРЕМЯ ГОДА

Редактор А.А.Кожуховская. Младший редактор Н.Н.Комарова. Художник Б.Г.Дударев. Художественный редактор Э.Л.Эрман. Технический редактор В.П.Стуковнина. Корректор А.В.Шандер.

ИБ № 16597

Сдано в набор 02.08.89. Подписано к печати 10.08.90. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага офсетная № 1. Гарнитура обыкновенная новая. Печать офсетная. Усл. п. л. 15,96+0,84 вкладка на мелованной бумаге. Усл. кр.-отт. 17,12. Уч.-изд. л. 18,98. Тираж 6000 экз. Изд. № 6809. Зак. № 281. Цена 2 р. 50 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство "Наука". Главная редакция восточной литературы. 103051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21

Набрано в МПО "Первая Образцовая типография" Государственного комитета СССР по печати. 113054, Москва, Валуевая, 28.

Отпечатано с диапозитивов в 3-й типографии издательства "Наука" 107143, Москва Б-143, Открытое шоссе, 28.

2 р. 50 к.

О. Г. Герасимов известен читателям по книгам «От гор Синджара до пустыни Руб-эль-Хали» и «На ближневосточных перекрестках». Книга Пятое время года написана по итогам многочисленных поездок автора по Египту, Ливии и Тунису. Детали быта, зарисовки природы, интересные исторические факты — все эти характерные черты творческого метода автора находим и в его новой книге.